



Р. Г. Скрынников

На спраже московских рубежей



Рецензенты:

В. В. МАВРОДИН —

заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор исторических наук, профессор

В. И. БУГАНОВ —

доктор исторических наук, профессор

Иллюстрации художника

Н. УСАЧЕВА

Оформление художника

А. ДАНИЛИНА

Скрынников Р. Г.

С 45 На страже московских рубежей. — М.: Моск.
рабочий, 1986. — 335 с., ил.

Книга известного исследователя отечественной истории профессора Р. Г. Скрынникова посвящена освободительной борьбе русского народа XIV—XVII вв., в которой самое активное участие принимали москвичи. В центре повествования два наиболее ярких эпизода этой борьбы — Куликовская битва и освобождение Москвы от иноземных захватчиков в 1612 году.

Использованы материалы многолетних исследований и архивных изысканий автора.

С $\frac{1905040000-211}{M172(03)-86}$ 138—86

ББК 63.3(2)45
9 (с) 13

© Издательство «Московский рабочий», 1986 г.

ВВЕДЕНИЕ

Киевская Русь была одним из крупнейших государств средневековой Европы. С наступлением феодальной раздробленности в XII—XIII веках древнерусское государство распалось на множество земель и княжеств. Пока страна сохраняла единство, она успешно отражала нападения степных кочевников. Подвергшись дроблению, Русь не смогла противостоять вторжению монголо-татарских орд в XIII веке.

Во времени Батыева нашествия в стольном городе Владимире княжил Юрий Всеволодович, потомок князя Владимира Мономаха. Москва тогда была одним из «пригородов» Владимира, пограничной крепостью на окраине Владимирской земли. С самого начала Москва стала боевым рубежом земли Русской. Она оказалась первым из всех владимирских городов, принявших на себя удар монгольских полчищ. Узнав о появлении Батыея в пределах Рязанского княжества, князь Юрий Всеволодович спешно направил в Москву для обороны границ двух своих сыновей с дружинами. Немногие уцелевшие рязанские князья бежали в рязанский «пригород» Коломну. Старший из двух сыновей владимирского князя поспешил к ним на помощь. Сеча под Коломной была кровавой. Не много дружинников вернулось с поля боя. Но и монголы понесли тяжкие потери. За все время похода монголов в Европу из шести монгольских царевичей, возглавлявших армию завоевателей, погиб только один. Его кровь пролилась на подступах к Москве.

Младший сын владимирского князя Владимир остался во время битвы в Москве с приставленным к нему воеводой Филиппом Нянкoй. Пограничная крепость,

стоявшая на вершине холма в излучине Москвы-реки, обладала превосходными естественными укреплениями. Ее защитники были мужественными людьми и сражались до конца. По словам арабского историка, пятеро Чингизидов лишь «сообща в пять дней» смогли овладеть городом.

Княжич Владимир попал в плен к неприятелю, воевода был убит, горожане подверглись поголовному истреблению. Москва была сожжена дотла. Полчища Батыея нанесли Руси страшный удар. Почти на два с половиной века страна подпала под власть иноземных завоевателей. Многие старые города так и не оправились от погрома. Зато быстро набирали силу молодые города, среди которых все большую роль играла Москва.

Из скромного пограничного городка Москва превратилась в столицу удельного княжества. Александр Невский отдал Москву в удел самому младшему из своих сыновей Даниилу. Владения Даниила были крохотными.

Александр Невский был последним государем «всей Руси», которому удавалось сохранять единство Северо-Восточной Руси. После его смерти Владимирское великое княжество подверглось многократному дроблению. Молодым городам Москве, Твери, Нижнему Новгороду приходилось начинать с малого. Но они играли все более значительную роль по мере упадка старых центров. Сыновья Даниила, превратившись в независимых владетелей, стали гордо именовать себя великими князьями. Москва была не одинока. Великокняжеский титул присвоили себе владетели Твери, Суздаля и Нижнего Новгорода, Ростова и Ярославля.

В Великом Новгороде образовалась республика. Благодаря этому Новгородская земля почти избежала дробления. От «брата старейшего» Новгорода отделился «брат младший» Псков, но его власть простиралась лишь на узкую полосу земли. Северные республики не были разорены монголами. И все же не они стали центрами объединения русских земель.

XIV век стал временем расцвета Москвы. Чем больше разрастался и богател город, тем больше средств получали в свое распоряжение московские князья. После длительной борьбы сыновья Даниила Юрий и Иван (по прозвищу Калита) значительно расширили границы Московского княжества и, одержав с помощью Орды победу над Тверью, стали великими князьями владимирскими.

Москва возглавила процесс объединения русских земель. Ее князья пытались возродить сильную великокняжескую власть. Но достигнуть этого в условиях монгольского ига было трудно.

Кровавые распри великих и удельных князей Владимирской земли держали Русь в состоянии феодальной анархии, грозившей увековечить власть иноземных завоевателей. Золотая Орда то разжигала междоусобицы, то мирила своих «подручников» — русских князей, чтобы не лишиться дани с их разоренных земель.

Народ не желал мириться с властью Орды и не восставал с оружием в руках. Борьба с поработителями носила народный характер. Но великие монгольские ханы были властителями едва ли не половины известного тогда мира, и русские князья далеко не сразу решились начать борьбу с одной из самых могущественных империй, какие когда-либо существовали в истории. Великий князь Ярослав пытался купить мир у монголов ценою дани. Его политику продолжали Александр Невский и Иван Калита. Мир был настоящей необходимостью для страны, подвергшейся неслыханному погрому. Прошли десятилетия, прежде чем Русь возродилась из руин и пепла.

Мирная передышка способствовала экономическому подъему Северо-Восточной Руси. Быстро росло население края. Тысячи крестьян и ремесленников покидали разоренные ордынцами пограничные земли и находили прибежище в Московском княжестве.

Москва располагалась на перекрестке важных торговых путей, что благоприятствовало ее превращению в крупный центр торговли и ремесла. Московские ремесленники известны были своим искусством. Их руками изготовлены первые русские пушки.

В деревне крестьяне упорным трудом отвоевывали пашню у лесов и болот, основывали новые поселения (починки). Множилось число вотчин, принадлежавших феодалам. XIV век согласно летописям был «золотым веком бояр». Бояре «думали» с князем, то есть правили вместе с ним. Они сохраняли право отъезда из княжества.

Княжеская и боярская крамола была неизбежным спутником феодальной раздробленности. Но в Московской земле крамола быстро пресекалась и не приводила к большим политическим потрясениям. Бояре и

слуги вольные покидали неудачливых князей и собирались вокруг сильных. Служба при московском дворе ценилась высоко, потому что московские государи добились больших успехов. Связав свою судьбу с Москвой, бояре помогали князю добиваться объединения земель и бороться с внешними врагами.

В середине XIV века первенство на Руси оспаривал кроме Москвы и Твери еще и Нижний Новгород. Как только в Москве умер великий князь Иван Красный и трон занял его девятилетний сын Дмитрий, нижегородский князь заполучил от Орды ярлык на великое княжество Владимирское. Но успех сопутствовал ему всего лишь два года. Благодаря стараниям митрополита Алексия и бояр Дмитрий Иванович вернул себе великокняжеский титул.

При Дмитрие Донском Москва настолько усилилась, что смогла бросить открытый вызов Золотой Орде. В знаменитой битве на Куликовом поле русские разгромили армию правителя Орды Мамаю. Чтобы оценить роль москвичей в этой победе, надо подробно рассмотреть события, предшествовавшие Мамаеву побоищу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Борьба
со степными
ордами



НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ



конце XIV века Московское княжество, добившись крупных успехов в объединении русских земель, начало борьбу за освобождение страны от власти иноземных завоевателей. Едва в Орде возникли феодальные усобицы, ослабившие ее военную мощь, московский князь Дмитрий Иванович прекратил платить «выход» (так называли тяжкую татарскую дань) правителю Орды Мамаю. Тогда Орда прибегла к испытанному средству: попыталась столкнуть между собой русских князей. Мамай объявил, что старшим князем на Руси — владимирским великим князем — будет не московский, а тверской князь, которому он и пожаловал ханский ярлык.

Тверь давно пыталась сокрушить Москву, опираясь на внешние силы. Тверские князья трижды наводили на Русь литовскую рать, а затем вступили в союз с Мамаем. Их действия вызвали возмущение всех русских князей. В 1375 году князь Дмитрий Иванович возглавил поход общерусского войска на Тверь. Под его стягами сражались полки из всех крупных княжеств и земель: Москвы и Нижнего Новгорода, Ростова, Ярославля и Смоленска, из Великого Новгорода и десятка мелких княжеств и уделов. Общее дело поддержал рязанский князь, взявший на себя охрану южной границы. Тверской князь признал свое поражение и подписал мир с Москвой. Он навсегда отказался от ярлыка на Владимирское великое княжество и принял на себя обязательство выступить против Орды в союзе с Москвой.

Мир между соперничавшими русскими столицами — Москвой, Рязанью и Тверью, во-первых, положил конец

внутренним феодальным усобицам, во-вторых, создал возможность для решительной борьбы с Ордой и уничтожения ига. Опираясь на созданную коалицию, князь Дмитрий Иванович повел наступление на татар. Лучший из его воевод Дмитрий Боброк Волынский отправился в пределы Орды и принудил к сдаче крепость Булгар. То был один из крупнейших городов Среднего Поволжья и наиболее близкий к русским границам пункт сосредоточения монгольских войск.

Процесс феодальной раздробленности затронул не только Русь, но и Орду. Во второй половине XIV века Орда распалась на две половины, границей между которыми служила Волга. Появление русских данщиков в городе Булгаре привело к тому, что Москва оказалась в состоянии войны разом с обеими половинами Орды. Обладая хорошей разведкой, князь Дмитрий Иванович своевременно узнал, что правитель восточной половины Орды Араб-шах готовится напасть на Нижний Новгород. Князь спешно собрал полки и выступил на восток, чтобы защитить своего союзника. Но татары не появились, и Дмитрий вернулся в Москву, оставив на степной границе легкие силы. Разбив свои станы на реке Пьяне, воеводы стали внимательно следить за передвижениями Араб-шаха, но не позаботились о том, чтобы послать разъезды в сторону Мамаевой орды — на юго-запад. Воспользовавшись их беспечностью, войска Мамаея скрытно окружили русский лагерь и разгромили воевод, после чего сожгли Нижний Новгород дотла. Араб-шах довершил дело. Позже ордынцы вторично сожгли столицу Нижегородского княжества.

В 1378 году Мамай послал на Русь мурзу Бегича с большим войском. Бегич прошел в глубь Рязанской земли, чтобы разъединить силы Москвы и Рязани. Князь Дмитрий Иванович бросился на выручку рязанцам и остановил татар на реке Воже. На помощь к нему прибыли рязанские отряды с князем Даниилом Пронским во главе. Бегич не решился на переправу, столкнувшись с объединенной русской ратью. Тогда князь Дмитрий прибегнул к хитрости. Он отвел свой полк, очистив берег. Но при этом расположил засаду с двух сторон от переправы. Как только татары «переехаша» реку, москвичи и рязанцы нанесли им удар с трех сторон. Войско Бегича понесло огромные потери. Ордынцы бежали с поля боя в полной панике.





Мстя за поражение на Воже, Мамай несколько месяцев спустя внезапно напал на Рязань и сжег город.

Пограничные княжества — Нижний Новгород и Рязань — деятельно участвовали в антитатарской коалиции, но они первыми подверглись удару со стороны Орды и оказались полностью обескровлены ко времени Куликовской битвы. Нижегородский великий князь не осмелился послать свои войска против Мамаю, а рязанский великий князь затеял переговоры с Ордой, пытаясь спасти свою землю от нового нападения.

После битвы на Воже в Орде поняли, что без большой войны Русь не покорить. Хитрый и изощренный политик, Мамай выжидал два года. Он сделал все, чтобы ослабить союз русских князей и противопоставить ему антирусскую коалицию. Многие зависело от того, на чьей стороне выступит Литва.

Литовское великое княжество, подчинившее себе Киев, Чернигов, Полоцк и многие другие древнерусские города, располагало большими силами. Князь Ольгерд передал трон младшему сыну Ягайле. Недовольный этим старший сын Андрей бежал на Русь и просил помощи у Дмитрия Ивановича. В исходе 1379 года князь Андрей вместе с полками Боброка Волынского вступил в пределы Литвы. На его сторону перешел Дмитрий Ольгердович с дружиной. Наступление не достигло цели. Братья Андрей и Дмитрий ушли в Москву и вскоре приняли участие в Куликовской битве вместе со своими литовско-русскими дружинами. Ягайло сохранил трон и заключил военный союз с Мамаем.

События развивались крайне неблагоприятно для Руси. Летом 1380 года орды, кочевавшие на огромном пространстве от Волги до Днестра, от верховьев Дона до Северного Кавказа и Крыма, пришли в движение. Вся неисчислимая рать Мамаю собралась близ русской границы. Кочевники ждали прибытия союзников — Ягайлы и Олега Рязанского, чтобы всей массой обрушиться на Русь.

Над странюю сгустились тучи войны. Настроение было смутным и тревожным. Традиции раздробленности были слишком сильны. Те из князей, кто утратил веру в победу, спешили уклониться от борьбы. Тверской великий князь нарушил союзный договор и отказался послать полки против татар. Боярское правительство Новгорода и князь Нижегородского великого княжества

ни последовали его примеру. Рязанский князь окончательно отказал Москве в помощи.

Самые крупные княжества и земли остались в стороне от борьбы. На призыв Москвы откликнулись лишь два великих князя — ярославский и ростовский. Они располагали значительно меньшими силами, чем все прочие великие князья. В Ярославле сидели двоюродные братья Дмитрия Ивановича. В XIV веке Ярославское княжество подверглось дроблению и находилось во владении трех князей — Василия, Романа и Глеба Васильевичей. Один из них и привел дружину в Москву.

Ростовские князья попали в зависимость от Москвы после того, как в руки московского князя перешла половина их стольного города Ростова. Князь Андрей Федорович владел небольшим уделом, но Москва помогла ему занять ростовский стол. Вскоре князь Андрей принял участие в войне с татарами.

В сферу влияния Москвы издавна попало Белоозеро. Дмитрий Донской называл Белоозеро «куплей деда своего» Ивана Калиты. Однако, получив дальний край, Москва сохранила там местную династию. Накануне войны Белоозеро было поделено между князем Федором Белозерским и его младшим братом. Князь Федор сыграл видную роль в Куликовской битве.

В поход против татар выступили удельный князь Владимир Андреевич (он владел небольшими городами Боровском и Серпуховом, так что его полки не могли быть многочисленными), союзные князья из городов Новосили и Стародуба, удельные князья из Кашина и из-под Смоленска. В войне с Мамаем участвовали также вспомогательные отряды литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, бежавших из Литвы после столкновения с Ягайлой.

Дмитрий Донской не смог собрать под свои знамена многочисленные тверские, рязанские, нижегородские и повгородские полки, на помощь которых он рассчитывал, затеявая войну с Ордой. Тогда-то неоценимую помощь ему оказали москвичи.

С давних лет московское население в критических обстоятельствах снаряжало городское ополчение — «тысячу». Значение «тысячи» было исключительно велико, потому командовать ею мог лишь главный боярин великого князя, носивший титул тысяцкого. Влияние главного боярина на московские дела настолько усили-

лось к середине XIV века, что Дмитрий Иванович в конце концов упразднил должность тысяцкого, а городское ополчение подчинил назначаемым воеводам.

Городские ополчения были собраны не только в Москве, но и в других городах — Владимире, Суздале, Костроме, Можайске. Однако надо иметь в виду, что все эти города по численности своего населения далеко уступали Москве.

В критических обстоятельствах дело не ограничилось сбором традиционной городской «тысячи». Предания сохранили имена простых «молодых» и «черных» людей, отличившихся в битве с татарами. В числе их были Юрка Сапожник, Васюк Сухоборец, Сенька Быков, Гридя Хрулев. Многие из москвичей, отправившихся на войну, впервые держали в руках оружие. Летописцы называли их «небывальцами» — новобранцами.

Московский посад насчитывал несколько тысяч дворов. Соответственно в городском ополчении числилось, как видно, несколько тысяч человек. Его ряды были затем пополнены за счет сельских жителей со всей московской округи.

Власти понимали, что малочисленное войско не имеет шансов на победу в столкновении с огромными конными массами ордынцев. Чтобы восполнить недостаток в людях, принимали в полки всех, без разбора чина и возраста. История сохранила имена двух московских монахов — Пересвета и Осляби, взявшихся за оружие. Отмеченный факт показывает, что патриотический порыв охватил самые разные слои и группы московского общества. Даже люди немолодого возраста, искавшие успокоения от мирских тревог в монастыре, отправились защищать страну, невзирая на то, что монастырские уставы строжайше воспрещали им кровопролитие.

Самые разнообразные источники подтверждают вывод о том, что основную тяжесть борьбы с Ордой вынесли на своих плечах московские лучники и воины московского ополчения.

Сразу после сражения Дмитрий Иванович велел поминать в церкви тех, кто пал на поле битвы. Вечную память пели «князю Федору Белозерскому и сыну его Ивану, и в той же братии избиенным Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу (Вельяминову), Тимофею

Насильевичу (Волюю), Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу (Акинфову), Михаилу Ивановичу (Вренку), Льву Ивановичу (Морозову), Семену Мелику».

Из десятка союзных князей один Федор Белозерский сложил голову на поле Куликовом. Прочие погибшие повсюду были командирами московских полков и московского ополчения.

Война с могущественной Ордой грозила Руси неисчислимыми бедами. Никто не мог предвидеть ее исхода. Это порождало неуверенность. Но среди тревоги и неуверенности росла отчаянная решимость довести борьбу до конца. Народ не желал дальше жить на коленях, требовал отказа от осторожной политики покорности Орде, которую князья проводили со времен Ивана Калиты.

Каким было соотношение сил Москвы и Орды? Многие считают, что на поле Куликовом столкнулись примерно равные по численности армии, насчитывавшие по 100—150 тысяч человек. Однако тезис о примерном равновесии сил кажется сомнительным.

Князь Дмитрий, повествует поздний летописец, собрал сто тысяч и сто воинов, «а всей силы было с полтораста тысяч или со двести тысущи». Совершенно очевидно, что у летописца не было точных данных о численности полков, и своими образными цифрами (сто тысяч и сто) он лишь хотел сказать, что войска было видимо-невидимо. Даже после объединения всех русских земель в XVI веке Россия могла выставить в поле 60—80 тысяч воинов. Дмитрий Донской едва ли мог собрать столь многочисленное войско, не располагая поддержкой всех земель и княжеств.

В период феодальной раздробленности ядро вооруженных сил составляли княжеские дружины. Война была профессией феодалов, что и позволяло малочисленному феодальному сословию господствовать над массой зависимого крестьянства. В чрезвычайных случаях власти собирали вооруженное ополчение горожан и отчасти крестьян. Однако о поголовном вооружении крестьян (на их долю приходилось 97% всего населения) не могло быть и речи.

Совсем иной была структура вооруженных сил в Золотой Орде. Там все взрослое мужское население было вооружено и обязано было участвовать в войне

под страхом смертной казни. По этой причине Орда с ее редким кочевым населением могла выставить более многочисленную армию, чем Русь с ее развитым земледельческим обществом. В XVI веке в набегах крымцев на Русь участвовало до 40—60 тысяч всадников, а ведь Крым был лишь осколком Мамаевой орды. После гибели Мамай хан Тохтамыш, объединивший все ордынские владения, противопоставил среднеазиатскому завоевателю Тимуру 200-тысячное войско. Мамай владел лучшей половиной Орды. Отсюда следует, что он мог собрать до 100 тысяч воинов. Факты опровергают тезис о равновесии сил. По самым осторожным подсчетам, Мамаева рать в полтора-два раза превосходила русское воинство. В конце XIV века Золотая Орда еще не подвергалась многократному дроблению, а потому она могла выставить более многочисленное войско, чем раздробленная на десятки земель и княжеств Русь. Следовательно, еще продолжали действовать те долговременные факторы, которые позволили монголо-татарам разгромить Русь и установить свое господство над ней в XIII веке. Именно это и объясняет нам, почему ордынское иго продержалось сто лет после сокрушительного разгрома Орды на Куликовом поле.

В Золотой Орде монголо-татары составляли господствующий слой, которому подчинялись более многочисленные поработанные народы и племена. Будучи завоеваны монголами, половцы, основное население степи, со временем ассимилировали своих завоевателей, усвоивших их язык и культуру. Половцы составляли главную массу войска Мамай. В состав Орды входили Прикубанье и Северный Кавказ. Следуя грозному ханскому приказу, к войску Мамай присоединились набранные там отряды черкесов и осетин. Из Таны (Азова) прибыл наемный отряд итальянцев, из Поволжья — отряды «бусурман», живших в Булгаре, и буртасы — мордва.

Москва своевременно получила сведения о приближении Орды к русской границе. Знали в Москве и о численном превосходстве противника. Но никто не помышлял об отступлении. Война была связана со страшным риском, но выбора не было: лишь сокрушив врагов, можно было освободить отчизну от порабощения. Настала пора бросить на чашу весов всю мощь матушки-Руси.

Князь Дмитрий не стал ждать, когда татары опусто-

шил Русскую землю огнем и мечом. Он решил нанести им упреждающий удар. Для этого русским войскам пришлось покинуть свои пределы и углубиться в ордынские степи. Дмитрий Донской принял единственно правильное решение. Он разгромил Мамаю до того, как тот успел соединиться с войском Ягайлы и до подхода рязанцев. Ягайле не хватило всего лишь одного дня, чтобы соединиться с татарами. Появление русских войск на Дону застигло врасплох Мамаю. Решительные действия Дмитрия Донского свели на нет все его многолетние дипломатические ухищрения. Войска союзников были рядом, но Мамай так и не смог воспользоваться их помощью. Ордынская коалиция не могла использовать свое огромное численное превосходство в силах, чтобы поставить на колени русский народ.

Проделав путь в 200 километров от Коломны до Дона, войско Дмитрия Ивановича на рассвете 8 сентября 1380 г. переправилось за Дон и выстроилось в боевом порядке на поле между Доном и его притоком, речкой Цепрядвой. Надо самому побывать на поле Куликовом, чтобы воочию представить это огромное пространство, уходящее за горизонт. Человек, стоящий посреди поля, издали кажется былинкой. В старину все поле было покрыто буйными дикими травами, теперь же это ровная распаханная равнина. Ее плоскость заметно повышается к югу, где расположен Красный холм, господствующий над местностью.

Разбив свою ставку на вершине Красного холма, Мамай около полудня бросил свою конницу в атаку на русские полки. Но Дмитрий Иванович и воевода Боброк умело использовали особенности местности, располагая русские полки. Татары не смогли применить свою любимую тактику и охватить фланги русской армии. Справа они наткнулись на глубокий овраг, по дну которого протекала крошечная речушка Смолка. Слева дорогу им преградила речка Нижний Дубяк, берега которой поросли лесом.

Русские воеводы понимали, что сеча будет кровавой и победит тот, кто сохранит силы. Великий князь пошел на риск. Подчинив Боброку значительные силы, он велел им укрыться в зеленой дубраве в засаде за левым флангом армии. Соотношение сил в первой линии стало еще более неблагоприятным для русских.

Считается, что битва началась с традиционного бо-



гатырского поединка. Автор древнего «Сказания» придал этому эпизоду эпическую форму. Из русских рядов выехал инок Пересвет, из татарских — пятисаженный «злой печенег». Богатыри ударили друг друга копьями, и оба пали замертво. Инок Пересвет — историческая личность. В старину любая битва после сближения армий распадалась на множество поединков. В одном из таких поединков и сложил голову Пересвет, обороняя родную землю.

В Древней Руси случалось, что бою небольших сил предшествовал поединок. Когда храбрый князь Мстислав победил князя Редедю Касожского, касоги очистили поле боя, не вступая в сражение. Поединок терял смысл в битвах с участием больших масс войск. Состязание между богатырями уступало место столкновению сторожевых отрядов.

Героем первой схватки с татарами был не Пересвет, а великий князь Дмитрий Иванович, выехавший навстречу татарам во главе сторожевого полка. Что могло побудить главнокомандующего русским войском к такому безрассудному риску? Известно, что при виде надвигающихся ордынских полчищ бояре настойчиво советовали Дмитрию поскорее покинуть передовую линию. Двадцатидевятилетний князь отверг их совет.

Замечание, мимоходом оброненное летописцем, вполне объясняет его поведение. Когда Мамаевы полчища облегли поле и стали надвигаться на русские полки подобно грозовой туче, многих новобранцев охватили неуверенность и страх, а некоторые из них стали пятиться и «на беги обратися». Тогда-то Дмитрий Иванович и возглавил атаку. Чутье полководца подсказало ему, что исход битвы будет зависеть от того, удастся ли ему воодушевить дрогнувших «небывальцев» и одновременно сбить первый наступательный порыв врага.

Обычно татары высылали вперед легковооруженных конных лучников, осыпавших неприятельский строй тучей стрел. Князь Дмитрий атаковал лучников во главе отряда отборной конницы, закованной в броню. Был бой кровопролитным. Когда князь выбрался из сечи, на его шлеме и доспехах было множество вмятин. Дружина надежно прикрыла князя, но многие воины заплатили за это своими головами.

Автор поэмы «Задонщина» прославил двух главных героев Куликовской битвы — князя Дмитрия Ивановича



и его двоюродного брата Владимира Андреевича. Смысл его похвал был близок и понятен современникам. Перед лицом грозного врага великий и удельный князь явили пример подлинного «одиначества». Только единство могло спасти Русь, тогда как распри и несогласия губили страну. В идеальном изображении русских князей заключен был горячий призыв к единению.

В более позднем сочинении — «Сказании о Мамаевом побоище» — эта идея приобрела искаженный характер. Фигура удельного князя все больше заслоняла собой фигуру Дмитрия Донского, и подле двух героев битвы возник третий — Сергей Радонежский.

Согласно «Сказанию» князь Дмитрий был ранен при первой схватке с татарами и пролежал в бесспамятстве под срубленной березой до самого конца битвы. Лишившись предводителя, армия обрела нового вождя в лице Владимира Андреевича. Он возглавил атаку засадного полка, разгромил татар, после чего отыскал едва живого Дмитрия Донского в перелеске. Великий князь еще до своего ранения якобы готовился к тому, чтобы сложить с себя обязанности командующего. Предчувствуя худшее, он снял великокняжеский доспех и передал его вместе с любимым конем боярину Михаилу Андреевичу Бренку. С этого момента великокняжеский стяг возили за Бренком, а не за Дмитрием Донским. У кого был стяг, тот и командовал боем.

Легенда о переодевании Донского поражает своей несообразностью. Как мог князь отказаться от любимого коня за считанные минуты до сечи? Боевой конь значил для воина очень много: он мог либо погубить всадника, либо спасти в минуту смертельной опасности, вынести с поля боя. Великокняжеский доспех отличался особой прочностью и был хорошо пригнан к фигуре. Как же мог князь поменяться доспехами со своим боярином? Большому знатоку генеалогии академику Веселовскому вообще не удалось обнаружить Бренка в кругу бояр Дмитрия Ивановича, и академик высказал предположение, что Михаил Андреевич Бренк был худородным любимцем великого князя.

Сразу после битвы Дмитрий Донской велел помянуть своих убитых воевод, и в его синодике Бренк записан одним из последних. Значит, он принадлежал к числу самых младших воевод. Синодик позволил обнаружить одну поразительную деталь: оказывается,

Михаил Бренк имел отчество Иванович. «Сказание» же именуется его Андреевичем. Отсюда можно сделать совершенно четкий вывод: автор «Сказания» мало что знал о личности Бренка и его делах. Его рассказ — всего лишь легенда.

Впервые удалось объяснить, зачем понадобилось автору позднего «Сказания» сочинять несообразную легенду о переодевании Дмитрия Донского, о его ранении в начале битвы, зачем надо было приписывать все лавры победы удельному князю Владимиру. Оказывается, что «Сказание» было составлено в недавно основанном Троице-Сергиевом монастыре, располагавшемся в то время в пределах удельного княжества Владимира Андреевича и его потомков. Никак не следует подозревать монастырского книжника в том, что он сознательно искажал истину. Минуло пятьдесят лет после битвы, и немногие оставшиеся в живых ветераны, служившие некогда в полку Владимира Андреевича, нашли последнее прибежище в монастыре. От них автор «Сказания», по его собственным словам, и получил сведения о ходе битвы. Воины князя Владимира целый день простояли в засаде, а затем участвовали в решающей атаке из засады. Понятно, что эта атака, возглавленная князем Владимиром, казалась им не только кульминацией, но и главной причиной победы русских. Оставаясь в засаде, воины удельного полка жадно ловили любые известия о ходе битвы. Известия были самыми тревожными. Передавали, что полки понесли ужасающие потери (это соответствовало истине), что великий князь тяжело ранен, что великокняжеский стяг подрублен и прочее.

Наиболее достоверные и ранние источники сообщают, что Дмитрий Иванович счастливо уцелел после первой схватки и до конца битвы оставался в большом полку, руководя сражением. Народ оценил его подвиг, наименовав его Донским, то есть героем Донской битвы. На князя пал отблеск славы Александра Невского.

Большой полк занимал центральную позицию. Развернувшийся тут бой имел решающее влияние на исход всего сражения в целом. Среди убитых воевод первым в синодике Дмитрия Донского записан Семен Михайлович. По-видимому, этот московский боярин и был главным помощником великого князя. Источники не сохранили фамильного прозвища воеводы. Его род пресекся после битвы. Московский воевода Семен Михайлович

нился одним из подлинных героев битвы. Когда татарам удалось глубже вклиниться в расположение русских полков, московские ратные люди остановили натиск.

Авторы «Сказания о Мамаевом побоище» — книжники Троицкого монастыря — старались прославить как своего патрона, удельного князя Владимира Андреевича, так и основателя своей обители Сергия Радонежского, который решительно поддержал общее дело, когда весь народ поднялся на борьбу с иноземными поработителями. Анализ источников обнаруживает полную легендарность рассказа о том, что Дмитрий Донской перед битвой посетил Троицу и получил от Сергия благословение и наставление вместе с двумя «чудными иноками» — Пересветом и Ослябей. Удалось установить, что Пересвет ушел на битву не из Троицы, а из Симонова монастыря¹ в Москве. После боя его тело привезли для погребения не в Троицу (что было бы обязательным, если бы он был инок Троицы), а в московский Симонов монастырь.

Когда началась война с Ордой, тревогой повеяло над русскими городами и селами. Матери и жены, прощаясь с воинами, давали им «конечное целование». Так издавна прощались с теми, кто шел на верную гибель. Походу Донского в степь Блок посвятил такие строки:

...Пусть ночь. Домчимся, озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

В битве на поле Куликовом победили не те, кто обладал внушительным численным превосходством, а те, кто был сильнее духом, кто защищал справедливое дело. Русские воины стояли насмерть.

Мамай умело использовал свои силы. Легкая половецкая конница в течение трех часов упорно, раз за разом устремлялась в атаку на русские полки. Сражение протекало в неслыханной тесноте. Потери были огромны с обеих сторон. Наконец, Мамай ввел в сражение свой последний резерв — тяжеловооруженную монгольскую конницу, полагая, что русским нечего противопоставить ее сокрушительному удару. Монголы смяли полк левой руки. В этот самый миг воевода Боброк с московской дружиной и удельным полком неожиданно атаковал монголов с фланга из засады. В ордынском

войске вспыхнула паника. Уставшие полки воспрянули духом и перешли в наступление по всему фронту.

Куликовская битва стала крупнейшей вехой в истории русского народа, хотя и не привела к немедленному избавлению страны от татарского ига. На то были свои причины.

Русские полки проявили беспримерный героизм и одолели многочисленного и коварного врага. Но победа была куплена большой кровью. Павших было больше, чем уцелевших. Домой вернулась едва половина москвичей, участвовавших в сече. Никогда в столице не было такого множества вдов и сирот. Страна обезлюдела.

В Орде события развивались своим чередом. Разгромленный русскими Мамай не мог противостоять хану восточной Синеи Орды Тохтамышу. Он бежал в Крым, где был убит итальянцами. Тохтамыш объединил обе половины Орды. Раздробленная Русь не могла противостоять объединенным силам Золотой Орды.

Немногие из ордынских феодалов избежали потерь в войне с Москвой. У многих монгольских мурз битва унесла родственников. В Орде царило враждебное возбуждение против Москвы. Почти два года Тохтамыш в глубокой тайне готовился нанести Руси сокрушительный удар, чтобы вновь поставить ее народ на колени.

Используя рознь между русскими, хан привлек на свою сторону рязанского и нижегородского великих князей. Нашествие татар было подобно потопу. Конница хлынула в русские пределы, все сметая на своем пути. Пограничные князья пытались спасти свои земли от погрома и перекинулись в стан врага.

Московский князь Дмитрий Иванович был застигнут врасплох. Он не успел вызвать к себе на помощь ни брата Владимира Андреевича, ни других союзных князей с их дружинами. Даже московские полки и ополчения из городов не могли быть собраны в столицу к сроку.

Дмитрий Донской не предпринимал ничего без совета своих бояр. Но в критических условиях в боярском совете возникли разногласия и «распри». Осторожные одержали верх.

Великий князь покинул Москву и уехал в Кострому, назначенную местом сбора войска. Антитатарская коалиция окрепла после Куликовской битвы, и Дмитрий Иванович рассчитывал дожидаться в Костроме союзников и собрать ополчения замосковных городов.

Отъезд князя и бояр вызвал возмущение москвичей. По всему городу зазвонили колокола. Созвав вече на главной площади, горожане решили обороняться от татар до последней крайности.

Московская «тысяча» понесла огромные потери на поле Куликовом. Тем не менее городское ополчение вновь было готово померяться силами с Ордой. Москвичи вооружились — кто мечами и копьями, кто рогатинами — и заняли места на стенах и подле ворот Кремля.

Всех, кто пытался в трудный час покинуть столицу, вече поставило вне закона. Москвичи хватали их в воротах и «грабяху их». Исключение было сделано лишь для митрополита, которому позволили покинуть Москву и укрыться в безопасном месте. Готовя город к обороне, москвичи избрали себе военного вождя в лице литовского князя Остея, внука Ольгерда, по своим делам прибывшего в Москву.

23 августа 1382 г. татарские дозоры появились у стен Москвы, на другой день татары облегли Кремль² «силою великой».

Три дня москвичи мужественно отражали все приступы воинов Тохтамыша. Три дня они осыпали врага стрелами, сбрасывали камни, лили кипяток на голову тех, кто по лестницам лез на кремлевские стены. Едва знатный ордынский мурза, придворный Тохтамыша, слишком близко подскакал к Фроловским воротам белокаменного Кремля, московский ополченец суконщик Адам натянул тетиву и выпустил в него «стрелу самострельную». Мурза упал на землю замертво, что вызвало замешательство в ханском войске.

В отсутствие князя горожане впервые применили новое, неизвестное раньше оружие — огнедышащие «тюфяки» — пушки.

При Дмитрии Донском московский «град» был впервые обнесен каменными укреплениями. Однако стены были невысоки, и осажденные несли огромные потери от татарских стрел, сыпавшихся на них тысячами. Москвичи не помышляли о сдаче. Но им недоставало опыта, и они плохо знали своих врагов.

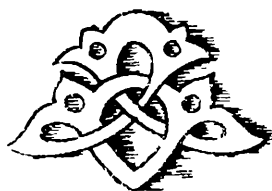
Тохтамыш прибегнул к посредничеству нижегородских князей. Последние убедили московских жителей, что хан готов их помиловать и в случае добровольной сдачи готов ограничиться взысканием «легких» помин-

ков. Осмотрев город (заверяли князя), «царь татарский» даст москвичам мир и удалится прочь.

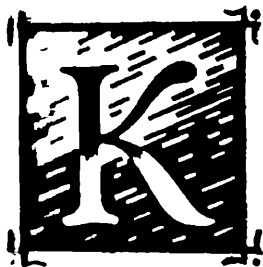
Власти Москвы поверили обману. Железные ворота Кремля растворились, и князь Остей с «лучшими» людьми и духовенством вышли навстречу татарам. По знаку Тохтамыша его воины убили Остея, ворвались в Кремль и учинили там резню. Избежавшие смерти были уведены в плен и проданы в рабство. Напоследок Тохтамыш сжег город и ушел в степи, оставив пепелище на месте цветущего города. Рязанский князь был наказан за свое отступничество. На обратном пути татары прошли по его владениям огнем и мечом.

Трагичной была судьба москвичей, выдержавших первую, смертельную схватку с Ордой. Московское ополчение понесло огромные потери на поле Куликовом. Вернувшиеся к домашним очагам ратники в большинстве погибли на стенах и площадях Москвы, сожженной Тохтамышем. Но русские воины недаром пролили кровь.

Куликовская битва нанесла Орде страшный удар и приблизила час возрождения независимого Русского государства.



ПАДЕНИЕ ТАТАРСКОГО ИГА



концу XV века московские князья завершили объединение русских земель. Бывшие княжеские столицы — Нижний Новгород, Суздаль, Ярославль, Ростов, Стародуб, Белоозеро — склонили голову перед Москвой. В 1478 г. наступила очередь Новгородской феодальной республики, чьи владения не уступали по территории московским. Иван III подчинил боярскую республику, упразднил вече и посадил в Новгороде Великом своих наместников.

В то время как Россия мужала и крепла, Золотая Орда уже распалась. На ее территории подле Большой орды возникли Ногайская, Крымская, Казанская, Астраханская и Сибирская орды. Древний трон золотоордынских ханов находился в руках Ахмат-хана, властителя Большой орды. Ему принадлежали обширные пространства от Волги до Днепра. Но ему пришлось вести длительную и кровавую борьбу с Крымом, и он столкнулся с неповиновением знати в собственном ханстве. С трудом Ахмат-хан положил конец смуте в Большой орде и возродил сильную власть.

После Мамаева побоища татарское иго стало напоминать дырявый мешок. Великие князья московские, пользуясь междоусобиями в Орде, не раз выходили из под власти ханов, отказывались платить им дань или же посылали «царю» легкие поминки, определяя их размеры по собственному усмотрению. Ахмат-хан дважды снаряжал войска, чтобы добиться покорности от Ивана III. В 1472 г. он напал на Русь, собрав «всю силу великую ордынскую». Русские ждали неприятеля на

главных переправах через Оку под Коломной и у Серпухова. Но против обыкновения ордынцы не пошли к Коломне, а отклонились на запад, поближе к литовской границе. Король Казимир обещал Ахмат-хану военную помощь. Миновав Дон, татары подошли к Алексину, стоявшему неподалеку от литовского замка Любутска. Спалив Алексин, Ахмат-хан попытался переправиться через Оку, но натолкнулся на сопротивление московских ратников. Воевода Семен Беклемишев «с малыми зело людьми» успел занять брод. На помощь ему поспешил Петр Челяднин с отрядом. Целый день воины сдерживали натиск Орды, но к вечеру израсходовали все стрелы и «бежати помышляху». Тут на помощь к ним подоспели удельные полки князей Василия Верейского и Юрия Серпуховского, стоявшие неподалеку от Алексина в Серпухове. Не дождавшись помощи из Литвы, Ахмат-хан не отважился на сражение с «московской силой» и стал «по малу» отводить рать от переправ. Ночью началось отступление Орды, завершившееся к утру беспорядочным бегством.

Хан выжидал долгих девять лет, прежде чем решился на новое вторжение. Он выбрал подходящий момент. Казалось, против России ополчились все ее соседи. С запада ей грозил войной король Казимир. Псков подвергся нападению войск Ливонского ордена. С юга направились татары. В довершение бед в стране началась смута. Новгородские бояре, не смирившиеся с утратой вольностей, организовали тайный заговор, уповав на помощь Казимира. В заговоре участвовал местный архиепископ Феофил, недавний глава Совета господ в Великом Новгороде. По приказу Ивана III Феофил был взят под стражу. Тем временем в Москве произошли другие события, усугубившие и без того тяжелое положение. Удельные князья Андрей Большой и Борис, братья Ивана III, подняли мятеж и ушли со своими полками к Новгороду, а оттуда на литовскую границу. Король обещал им свое покровительство, и мятежники отослали свои семьи в королевский замок Витебск.

Оценив момент, Казимир спешно направил послов в Орду, чтобы подтолкнуть Ахмат-хана к войне с Москвой. Властитель Большой орды недолго колебался.

Весной 1480 г. Ахмат-хан провел первую разведку. Высланный им летучий отряд конницы разорил волость Беспуту к югу от Оки. Вслед за тем татары развернули

коней и исчезли в степи. Московские полки тотчас приняли оборону на Оке, но тревога оказалась ложной.

Летом Ахмат-хан завершил приготовления к войне и сам двинулся к русским границам. С ним шла «вся Орда, и братанич его царь Каисым, да шесть сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними».

Не медля ни дня, Иван III направил наследника, сына Ивана Ивановича, с полками в Серпухов. Основанный братом Дмитрия Донского Серпухов располагал превосходными укреплениями и надежно прикрывал подступы к Москве с юга. Последним владельцем Серпухова был удельный князь Юрий, наводивший страх на ордынцев. Но его уже не было в живых.

Едва Орда вышла в верховья Дона, Иван III отправился из Москвы в Коломну и занял переправы через Оку на торной дороге из Орды на Русь. По летописям, произошло это то ли 23 июня «в неделю» (в воскресенье), то ли 23 июля. В 1480 г. 23 июня приходилось на пятницу, тогда как 23 июля соответствовало воскресенью. Отсюда можно заключить, что из двух летописных дат более достоверна вторая.

Некогда Орда могла выставить в поле до 100 тысяч всадников. После отделения Крыма, Казани, Сибири, ногайцев численность войск Большой орды заметно уменьшилась. Ахмат-хан едва ли мог собрать более 30—40 тысяч воинов. Располагая такими силами, хан не решился идти к Коломне, чтобы померяться силами с русскими один на один. В Орде не изгладилась память о недавнем бегстве из-под Алексина. Пока Орда маячила в степи поблизости от Дона, Иван III успел собрать немало сил. Независимость от Москвы сохраняли лишь Тверь, Рязань и Псков. Но и они подчинялись приказам из Москвы. Тверской князь прислал войско в помощь Ивану III. Псков должен был позаботиться о своей обороне от «немцев». Хуже было другое. Великий князь вынужден был держать крупные силы в Новгороде, опасаясь боярского мятежа. В условиях начавшейся феодалной смуты любой из московских городов мог подвергнуться нападению со стороны мятежных удельных войск. С весны города готовились к защите: «...все людие быша в страхе велице от братии его (Ивана III), все грады быша во осадех». Пока не минула смута, великий князь мог лишь частично использовать городские ополчения для обороны южных границ.

Более двух месяцев Иван III ждал татар на Оке. Все это время Ахмат-хан провел в полном бездействии вблизи московских границ. Наконец татары, обойдя памятное для них поле Куликово, вступили в пределы Литвы. По словам осведомленного летописца, хан пробыл в Литве шесть недель. Отсюда следует, что Орда пересекла литовский рубеж не позднее 23 сентября. Ахмат-хан не желал повторять алексинскую ошибку, когда он ввязался в бой с русскими, не дождавшись помощи от Казимира. Теперь он стоял на территории союзника, и ничто не мешало объединению их сил.

Узнав о движении Орды на северо-запад, Иван III велел сыну и воеводам перейти из Серпухова в Калугу, чтобы прикрыть подступы к столице со стороны Угры. 30 сентября великий князь вернулся в Москву для совета и думы с боярами и высшим духовенством.

Как повествуют церковные писатели, москвичи обступили Ивана III «на посаде у града» и стали пенять ему на то, что он разгневал хана, не платя ему дани, а ныне сам «нас выдаешь царю и татарам». Испуганный Иван побоялся остановиться на своем дворе в Кремле и провел целых две недели в пригородном Красном сельце, видя у народа мысль злую «поимания князя».

Как всегда, москвичи были исполнены патриотизма и требовали решительных действий против Орды. Только такие действия могли обеспечить безопасность столицы и всего государства. В этом пункте книжник не отступил от истины. В остальном его рассказ был сплошным вымыслом. Татары не посмели идти на Москву прямым путем и ушли в Литву, так что ни горожане, ни духовные лица не могли упрекнуть Ивана III в том, что он бежал от ордынцев и выдал им столицу.

Усугубляя ложь, летописец сочинил еще несколько басен. Великий князь будто бы приказал сыну покинуть армию и прибыть ко двору в Москву. Узнав об отказе сына подчиниться его указу, Иван III якобы велел главному воеводе Д. Холмскому насильно доставить наследника в Москву. Но и в этот раз Иван Молодой «мужество показа» и отклонил домогательства отца, произнеся гордые слова: «...летьми zde (на Оке) умрети, нежели ко отцу ехати». Никаких боев на Оке, угрожавших жизни наследника, не происходило. Мнимый раздор между отцом и сыном попросту не имел под собой почвы.

Среди церковников едва ли не самым влиятельным человеком был ростовский архиепископ Вассиан Рыло. На совете с боярами Вассиан будто бы назвал Ивана III «Обегуном» и обрушился на него с резкими упреками: «...на кровь на тебе паде христианская, что ты, выдав их, бежишь прочь, а бою не поставя с татары и не бився с ними».

Нетрудно установить, в каком кругу были составлены обвинения против Ивана III. То были церковники, не помнившие о временах войны с Ахматом в тот момент, когда отношения между великим князем и высшим духовенством были близки к разрыву. Иван III отобрал у самой богатой и древней епархии — Новгородского Софийского дома — большую часть земельных богатств, поставил в митрополиты еретика Зосиму и, следуя советам «нестяжателей» — противников безмерного обогащения монастырей, готовился наложить руку на богатства московского духовенства. Обратившись к минувшим дням, церковники постарались очернить фигуру Ивана III и доказать, что не он, а Вассиан Рыло был подлинным вдохновителем победы над Ордой.

Опасность угрожала Москве с трех сторон. От Миценска к Калуге двигался Ахмат-хан с татарами. Удельные князья могли в любой момент подойти из Великих Лук. Королю Казимиру принадлежала Вязьма, и его войска могли достичь Москвы за несколько дней. Между тем Москва была плохо подготовлена к длительной осаде. Белокаменные стены Кремля за сто лет обветшали и требовали починки. Иван III делал все, чтобы остановить неприятеля на дальних подступах к городу. Он не слишком надеялся на прочность столичных укреплений и не желал подвергать испытаниям молодую жену Софью и двух сыновей, старшему из которых (будущему отцу Грозного) не было и года, а младшему едва исполнилось пять месяцев. Иван III поступил так же, как поступал в минуты опасности его отец Василий II. Он отослал Софью на Белоозеро со всей великокняжеской казной. На Белоозере располагались владения удельного князя Михаила Верейского. Находившаяся поблизости Вологда была столицей удельного княжества Андрея Меньшого Васильевича. Иван III доверял дяде Михаилу и любимому младшему брату Андрею и надеялся, что те оборонят его семью в случае нападения мятежных братьев. Великий князь решил от-



привить на север также и свою мать, но та вернулась с дороги. По этому случаю «во граде бысть немала радость». Присутствие старой великой княгини в столице было воспринято как доброе предзнаменование — так того, что город не откроет ворота перед врагом.

Как и накануне Куликовской битвы, множество москвичей выступили против татар в составе княжеских полков. Оставшиеся жители деятельно готовились к обороне. Иван III назначил наместником Москвы одного из своих лучших воевод князя Ивана Патрикеева. А это говорило о том, что в Москве находились значительные воинские силы.

В момент вражеского нападения воеводы сжигали деревянные предместья города и «садились в осаду» с воинами и жителями. В Москве лишь Кремль был обнесен каменной стеной. Вокруг Великого посада (будущего Китай-города) высился земляной вал. Многие слободы и улицы оставались за пределами вала. Иван III приказал своему наместнику сжечь весь посад в случае необходимости. Его приказ вызвал тревогу и беспокойство столичных гостей и «черни московской». Если бы Орде удалось прорваться к Москве, Патрикееву пришлось бы спалить большую часть посадских построек и слобод. Москвичи не желали допустить такого исхода дела.

Мятеж старших удельных князей длился почти девять месяцев. Еще весной Иван III послал в Луки для переговоров с ними двух своих доверенных бояр и нескольких духовных лиц. Он обещал прибавить братьям земель, передав в их владение Калугу и Алексин. Предложение заключало в себе политический расчет. Надвигалась война с Ордой, и Иван III спешил покончить со смутой и использовать мятежные полки для обороны самых уязвимых пунктов на степной границе. Братья отвергли предложение великого князя.

Возвратившись из Коломны в Москву, Иван III после совещания с боярами и духовенством объявил, что он готов ради примирения с братьями принять все их требования. В Луки поскакали гонцы с грамотами. Весной послы Ивана III потратили месяц, чтобы добраться до Лук, потому что путь был «истомен». Осенью дороги вновь покрылись непролазной грязью, как и весной. В самом благоприятном случае великий князь мог по-

лучить помощь от братьев не ранее чем через месяц после обращения к ним.

Иван III оставался в Москве не две недели, а всего лишь три дня. 3 октября он выехал в армию и вскоре же получил новые вести с границы. Следуя от Мценска на север, Ахмат-хан переправился через Оку к югу от Калуги. Воеводы, не зная в точности, откуда последует удар, растянули свои полки «по Оке и по Угре на 60 верст». Броды, захваченные татарами, находились на территории Литвы, и московских войск там, естественно, не было.

Орда с ее бесчисленными повозками и стадами растянулась на десятки верст. Перейдя Оку вброд, кочевники устремились к Угре, по которой проходила граница между Литвой и Русью. По одному летописному известию, татары появились на Угре в пятницу 6 октября, по другому известию, «октября в 8 день в неделю в час дни». Оба известия определяют день недели с абсолютной точностью. Как видно, в разных местах Угры татары вошли в соприкосновение с русскими в разное время.

Начавшись во второй половине дня 8 октября, ожесточенные бои на переправах через Угру продолжались четыре дня.

В местах переправы глубина реки не превышала одного-полтора метров. Но броды были неширокими, что мешало хану ввести в бой большие массы конницы. Татары пытались «перелезть» Угру в разных местах и повсюду наталкивались на хорошо организованную оборону. Русские умело использовали рельеф, валили деревья и устраивали засеки на пути у неприятеля. Передовой край обороны держали пешие и конные лучники. Ордынцы стреляли из луков не хуже русских. Но превосходство в оружии было все же на стороне воевод. Среди лучников разместились пушкари и пищальники.

Прошло сто лет с тех пор, как на Руси появилось огнестрельное оружие. Пушки — «тюфяки» — не отличались совершенством и могли поражать неприятеля лишь с близкого расстояния. Число пищальников в полках было невелико. И все же их участие в бою дало свои результаты. На службу в пушкари и пищальники шли горожане, знакомые с кузнечным ремеслом. На берегах Угры московские пищальники исполнили свое дело наилучшим образом.

Вторую линию русской обороны занимали конные полки, задачей которых было уничтожение прорвавшихся на Угру ордынских отрядов.

Подступив к берегу, конные татарские лучники просались в Угру и, прищпорив лошадей, старались как можно быстрее преодолеть водный барьер. Всего 100—150 метров отделяли их от противоположного берега. Ордынцы осыпали русских стрелами, старались нанести рукопашную схватку. Потерпев неудачу, татары искали новых переправ. Вскоре боевые действия охватили большое пространство от Калуги вверх по течению Угры.

В умелых руках луки были надежным оружием. Лучник мог выпустить множество стрел, прежде чем пушкар успевал перезарядить свой громоздкий «тюфик». Но и ядра и пули наносили урон сгрудившимся на узких переправах ордынцам. От грохота орудий шаркались кони. Даже легкораненные имели мало шансов на спасение. Течение сносило их на глубокие места, и там они тонули.

Русские, повествует летописец, «сташа крепко» против безбожного Ахмат-хана и «начаша стрелы пущати и пищали и тюфяки и бишася четыре дни».

Известия об ожесточенных боях на Угре, по-видимому, застали Ивана III в пути. Вместо того чтобы поспешить к месту сражения, великий князь остановился лагерем «на Кременце с малыми людьми, а (ратных) людей всех (из находившегося при нем войска) отпусти на Угру». Поздние церковные писатели считали, что Иван III решил уклониться от личного участия в битве с татарами под влиянием советников — «злых человек, сребролюбцев богатых и брюхатых и предателей христьянских, а норовников бесерменских». В некоторых летописях можно найти имена «злых бояр» Ивана Ощеры и Григория Мамона. Они будто бы предложили Ивану III бежать от татар, говоря: «Не мози с ними стати на бой!». При ближайшем рассмотрении оказывается, что названные лица вовсе не были ни боярами, ни брюхатыми богатеями, ни предателями. Старый советник Ощера был мелким землевладельцем — сыном боярским и лишь в конце жизни получил низший думный чин околыничего. Сын боярский Мамон был пожалован тем же чином много позже «стояния на Угре».

Советники считали, что участие великого князя в

битве с татарами сопряжено с неоправданным риском. Ощера напомнил о несчастном сражении русских с Казанской ордой, во время которого Василий II попал в плен. «Те же бояре глаголаху великому князю, ужасы накладываючи и вспоминаючи, еже под Суздаем бои отца его (Василия II) с татарами, како его поимаша татарове и биша». Пленение Василия II послужило толчком к последнему страшному взрыву феодальной войны в стране. Удельный князь Шемяка захватил Василия на богомолье в Троице и ослепил его (отсюда прозвище Темный). Заняв Москву, Шемяка провозгласил себя великим князем, а слепого Василия отправил в заточение. Верные слуги, среди которых был и сам Ощера, пытались вызволить Василия из беды, но потерпели неудачу и чуть не лишились головы.

Иван III понимал, какую страшную угрозу для государства таит в себе затеянная его братьями смута. Внутренний раздор был страшнее татар. Великий князь остался в Кременце, чтобы разрешить политические трудности и довести до конца переговоры с удельными князьями-мятежниками.

Иван III не походил на своего славного прадеда Дмитрия Донского, атаковавшего татар во главе передового полка. Он полностью доверял своим воеводам, среди которых два-три человека обладали большим военным талантом. Творя легенду о героях Угры, книжники не удосужились назвать имена воевод, одержавших победу. В силу необъяснимого парадокса источники не сохранили ни официального летописного отчета о «стоянии на Угре», ни росписи полков, хотя от времени Ивана III и сохранилось немало разрядов.

Кому же вверил Иван III свои полки? Формально во главе армии стоял двадцатидвухлетний наследник Иван Молодой, при котором находился его дядя удельный князь Андрей Меньшой. Фактически же военными действиями руководили старые воеводы, имевшие большой опыт. Главным воеводой в полках был князь Данила Холмский. Прошло несколько лет, и русские войска под руководством Холмского взяли Казань, после чего Казанское ханство надолго стало вассалом России. Соратниками Холмского были князья Александр Оболенский, Семен Ряполовский, Данила Щеня. Позже Щеня прославился тем, что наголову разгромил всю литовскую армию и взял в плен ее предводителей.

()жесточенные бои на угорских переправах нельзя рассматривать ни как генеральное сражение, ни как мелкие стычки. Атаки татар были отражены повсеместно, на всех бродах. Русская армия остановила Орду на пограничных рубежах и не пропустила неприятеля в Москву.

Столкновения на Угре могли послужить прологом к генеральному сражению, которое привело бы к большим потерям. Но Иван III не искал такого сражения. Он желал добиться победы над Ордой малой кровью. Его принципами всегда были терпение и осторожность. Вместо того чтобы расширить боевые действия до масштабов подлинного сражения, Иван III попытался с помощью дипломатических средств остановить кровопролитие на границе. Находясь в Кременце, он отправил в стан к Ахмат-хану посла — сына боярского Ивана Товаркова. Посол повез дары («тешь великую») самому хану и его главному сановнику Темиру. Ахмат-хан отказался принять подарки и потребовал, чтобы Иван III сам явился к нему с повинной и был «у царева стремени».

Дипломатический демарш был не более чем уловкой со стороны Ивана III. Ему нужно было перемирие с татарами, хотя бы временное, и он достиг своей цели. Хан не принял его дары, но согласился вести переговоры, для чего отпустил в Кременец своего гонца. Гонец вернулся ни с чем. Иван III отклонил требования Ахмат-хана, равнозначные возрождению власти Орды над Русью. Тогда хан направил в Кременец новое предложение. Пусть великий князь пришлет к нему для переговоров своего советника Никифора Басенкова, не раз ездившего в Орду. Но даже и на это предложение Иван III не согласился.

Обмен гонцами привел к прекращению боевых действий на Угре. Едва начались переговоры, Ахмат-хан отошел от переправ и остановился в Лузе, в двух верстах от берега. Иван III мог торжествовать. Его дипломатический ход увенчался успехом. Хан стоял на Угре «десять ден», из них шесть он потратил на заведомо бесплодные и никчемные переговоры.

Весть о мирных переговорах с татарами вызвала тревогу в Москве. Общее настроение взялся выразить Вассиан Рыло, известный своей близостью к великокняжеской семье (Вассиан крестил новорожденных детей Ивана III). Среди прочих духовных особ Вассиан

выделялся красноречием, а также и своим неукротимым характером. Архиепископ был стар и одной ногой стоял в гробу. Жить ему осталось несколько месяцев, когда он решил выложить государю всю правду. Следуя примеру Сергия Радонежского, писавшего «укрепительную» грамоту Дмитрию Донскому, Вассиан Рыло направил послание Ивану III в Кременец. «Ныне слышим, — писал он, — яко Ахмат уже приблизился (к границе) и губит христиан, тебе же пред ним смиряющуся и о мире молящуся и к нему пославшу», он же твоего моления не послушал и хочет до конца разорить христиан; зато «прежние твои развратници» (намек на Ощеру и Мамона. — *Р. С.*) все шепчут во ухо твое, советуют «не противиться супостатам, но отступить; не слушай их злых советов, не будь бегуном и предателем христианским». Послание Вассиана было образцом церковного сочинительства. Оно заключало великое множество цитат из Священного писания. Его намеки послужили основой для всех позднейших легенд о «стоянии на Угре». Однако обличения престарелого епископа имели мало смысла. Послание Вассиана обнаружило полную неосведомленность его автора относительно событий, происходивших в те дни на Угре. При общем патриотическом настроении, царившем в народе, Иван III и его окружение вовсе не помышляли о бегстве от татар или подчинении требованиям Ахмат-хана. Дипломатия призвана была лишь подкрепить военный успех, достигнутый в ходе четырехдневных боев на Угре. Осведомленные летописцы сообщают, что Иван III решил начать переговоры с ханом после «думы» с Иваном Ивановичем и с главными воеводами. Они несли такую же ответственность за переговоры с Ордой, как и «злые советники», проклятые Вассианом.

Король Казимир спровоцировал нападение Орды на Русь к своей же беде. Татары оставались на Угре, пока не разграбили всю округу в поисках продовольствия и фуража. Не сумев преодолеть московский рубеж, они отхлынули от Угры и принялись разорять литовские земли. Царевичи и мурзы распустили «облавы» сначала в ближайших уездах (Воротынский, Серенск, Опаков, Перемышль, Козельск), а затем и в более отдаленных местах (Белев, Одоев, Мценск). Некоторые историки усматривают в действиях Ахмат-хана определенный политический смысл. Орда задалась целью

умирить «верховские княжества», где начались антиордынские выступления и назревал заговор князей, намеревавшихся перейти под руку московского князя. В действительности заговор князей имел место много лет спустя. Татары старались не ввязываться в войну с местными князьями. Они «не взя» ни одного из княжеских замков и городков, зато «волоости все плени и полон вывели». Ордынцы грабили исключительно деревни, забирали скот и хлеб, а жителей уводили с собой. По словам современников, хан велел отправить полон в Орду «за много дни» до отступления с Угры. Нападения на волости, принадлежавшие союзнику Орды Казимиру, были грабежом и ничем больше.

После начала мирных переговоров татары лишь однажды решились возобновить военные действия против московских воевод. Мурзы, грабившие окрестности Опакова, попытались захватить находившиеся поблизости броды и «перелести Угру, а не чая туто силы великого князя». Но воеводы выставили заставы на всех угорских переправах, что и решило исход дела. Вой под Опаковым имел место до наступления морозов и ледостава, ибо позже борьба за броды утратила смысл. В этом бою с обеих сторон участвовали, видимо, небольшие силы.

Описывая конец «стояния на Угре», книжник-летописец озаглавил свой рассказ: «Чюдо святой богородицы». Когда ударили сильные морозы, русские бросились от Угры к Кременцу. Вассиан недаром называл Ивана III бегуном и предателем христианским. Его пророчество начинало сбываться. Следуя совету «злых людей», Иван III побежал из Кременца еще дальше на север, к Боровску. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы в дело не «вмешалась богородица». Русские отступили на север, считая, что татары гонятся за ними, татары, «страхом одержими», бросились в противоположную сторону, «и бе дивно тогда совершися пречистыя чюдо: едини от других бежаху и никто же не женияше» (никто не преследовал). Все это не более чем исторический миф.

Русские полки обороняли Угру, пока в том была необходимость. С дмитриева дня (с 26 октября) зима вступила в свои права, «и реки все стали, и мразы великы, яко же не мощи зрети». Угра покрылась ледяным панцирем. Теперь татары могли перейти реку в любом

месте и одну за другой уничтожить заставы, прикрывавшие броды на обширном пространстве от Калуги до Опакова. Орда без труда могла прорвать боевые порядки русской армии, растянувшиеся на десятки верст. Воеводы отвели полки к Кременцу в силу необходимости. Теперь вся русская армия была собрана в один кулак.

С наступлением морозов и началом ледостава в Кременце стало известно о приближении удельных князей с полками. Иван III давно утратил доверие к своим мятежным братьям, поднявшим против него оружие в самое трудное для него время. Великокняжескую семью раздирало родственное озлобление. Иван знал, что братья не пощадят его, если сила будет на их стороне. Братья имели при себе сильные полки, тогда как великий князь стоял в Кременце «с малыми людьми». Ивану III нельзя было медлить, и он вызвал с Угры сына Ивана и Андрея Меньшого с верными полками. Возникла возможность завершить переговоры о прекращении внутренней войны в стране. Иван III уступил домогательствам братьев. Но и сам он добился при этом очевидных политических выгод. В придачу к своему старому уделу Андрей Большой получил город Можайск с уездом и должен был позаботиться об обороне западных границ. Можайск был ключевой крепостью на западных подступах к Москве. За верную службу Андрей Меньшой получил Серпухов с волостями на татарской границе. Князю Борису пришлось удовольствоваться городком Суходолом. Соглашение в Кременце явилось бесспорным дипломатическим успехом Ивана III. Феодалная смута, подтачивавшая силы России изнутри в течение девяти месяцев, завершилась без кровопролития.

Летописи дают разноречивые сведения о времени отступления Ахмат-хана. По одним данным, он побегал с Угры то ли в ночь на 6 ноября, то ли на следующий день, «в канун Михайлову дни». По другим сведениям, татары отступили 10 ноября «в пяток» (день недели тут определен наиболее точно) или же через день. Хан боялся затевать сражение с русскими, не имея помощи от короля. Но уже в октябре стало ясно, что Казимир не намерен выполнять своих союзнических обязательств. Жестокость и вероломство Ахмат-хана, разграбившего литовскую «украину», означали полное

крушение их союза. Орда была утомлена длительной войной. Наступление морозов заставило ордынцев спешить с возвращением в свои зимние кочевья. «Бяху бо татары, поясняет летописец, — нагы и босы, ободрания».

Самым энергичным среди сыновей Ахмата был Муртоза, через несколько лет занявший его трон. Неразграбленные московские земли сулили богатую добычу, и царевич решил «за рекою имать (московскую. — Р. С.) украину за Окою». Другая летопись сообщает об этом набеге еще более подробно. Неприятель, как повествует современник, «московские земли ни мало не занял, равнее прочь идучи, приходил царев сын Амуртоза на Конин да на Нюхово». Где же находились эти пункты, подвергшиеся нападению татар? Долгое время их никак не удавалось найти. Первые подробные карты сельской местности были составлены несколько столетий спустя. Разрешить вопрос помогла духовная грамота Ивана III. Как оказалось, великий князь пожаловал одному из сыновей городок Алексин с «тянувшими» к нему волостями «Конин и Нюховое». Итак, свидетельство летописи находит точное документальное подтверждение. Алексин располагался к югу от Оки, и татары сожгли его уже при первом нападении Ахматхана на Русь в 1472 г. Отступая от Угры, царевич Муртоза решил вновь наведаться в район Алексина.

Вторжение татар в московские пределы встревожило Ивана III. Река Ока замерзла, и ничто не препятствовало им идти от Алексина к Москве. Границу перешли небольшие силы, но за ними могла двинуться вся Орда. Не мешкая ни часа, Иван III приказал воеводам и удельным князьям выступить из Кременца к Алексиному.

Русская конница спешила изо всех сил. Муртоза занял Конин «ввечеру», а ночью в район Алексина прибыли русские конные разъезды. Захватив нескольких пленников, татары подвергли их пытке и узнали о том, что великий князь направил против них «дву Андреев» (удельных князей) и воевод с полками. Не дожидаясь русских, Муртоза «на ранней зори» бежал в степь. В тот же день «в обед» московские конные дружины прибыли в Конин и Нюхов и заняли брошенные татарские станы.

Приведенные факты напрочь опровергают церковный миф о бегстве русских от татар и прочих чудесах,

будто бы происшедших на Угре. Не бегством, а стремительным наступлением русской армии завершилось знаменитое «стояние на Угре». В ходе этого наступления русские переправились за Оку в районе Алексина и принудили к отступлению ордынцев, занявших Конин и Нюхов. Московские полки были готовы дать бой всей Орде, но Ахмат-хан не осмелился вторгнуться в московские пределы вслед за Муртозой.

Согласно летописным данным, из Кременца Иван III со всей армией перешел в Боровск. Некоторые историки считают, что Иван III совершил искусный военный маневр, надежно прикрыв подступы к Москве. Однако такая оценка едва ли основательна. К моменту перехода Ивана III в Боровск отпала надобность в каких бы то ни было маневрах. Король Казимир так и не собрался на войну, а Орда исчезла в степях. Ахмат-хан после отступления распустил свои войска на зимовку, за что и поплатился головой. Его соперники ногайские князья воспользовались оплошностью, исподтишка напали на ханскую «вежу» и убили Ахмат-хана.

Одержав победу на Угре, русский народ покончил с ненавистным иноземным игом. Знаменитое «стояние на Угре» явилось важнейшим рубежом в истории России.



РАЗГРОМ КРЫМСКОЙ ОРДЫ



XVI веке Русское государство пережило расцвет. Прекращение феодальных усобиц и объединение земель ускорили его экономическое развитие. Реформы, проведенные Иваном Грозным, создали новую систему государственного управления (приказы), укрепили вооруженные силы страны. Благодаря своему возросшему военному авторитету Россия смогла решить крупные внешнеполитические задачи. Ее армии сокрушили последние осколки Золотой Орды на Волге — Казанское и Астраханское ханства. Русские прочно утвердились в Нижнем Поволжье. Но страна все еще не располагала удобными морскими гаванями, через которые она могла бы установить тесные экономические связи с развитыми странами Запада. Ливонская война, предпринятая в целях выхода на Балтику, не принесла успеха стране.

В конце шестидесятих годов XVI века Россия пережила большой неурожай. Народ умирал от голода. Следом за голодом страну стала опустошать чума.

Раздор с боярами побудил Ивана IV разделить государство на две половины — земщину и опричнину. В опричнине было образовано войско, призванное охранять особу царя. Столица государства — Москва оказалась также разделена на две половины, что ослабляло оборонительную мощь города. В 1535—1538 гг. под руководством итальянца Петрока Малого вокруг посада, примыкавшего к Кремлю, возвели кирпичную китайгородскую стену толщиной около 6 метров с 14 башнями. За Неглинной против Кремля царь воздвиг опричный

замок³. Позже он решил перенести свою опричную резиденцию из Москвы в Вологду. Несколько сот пушек, отлитых в столице на Пушечном дворе⁴, были увезены в Вологду и сложены внутри недостроенной вологодской крепости.

Рознь между привилегированной гвардией и земскими людьми, опричные казни ослабили военные силы государства в тот момент, когда над Россией сгустились тучи новой опасности.

В XV веке в Европу вторглись турки-османы. На развалинах тысячелетней Византии они основали собственную империю. Крымский хан признал себя вассалом Порты. Османы претендовали на все мусульманские «юрты», некогда принадлежавшие Золотой Орде. Восточной Европе грозили новые завоеватели.

Опасность объединения татарских орд под властью Турецкой империи приобрела реальные контуры в разгар Ливонской войны. К весне 1569 г. Турция сосредоточила в Азове 17-тысячную армию при 100 орудиях. Эти силы предназначены были для захвата Астрахани и изгнания русских из Нижнего Поволжья. Летом турецкая армия двинулась из Азова к Астрахани и по пути соединилась с 40-тысячной Крымской ордой и восставшими ногайцами. На переволоке между Доном и Волгой турки задержались на две недели, предприняв тщетные попытки прорыть канал. Затея оказалась неисполнимой. Турки не смогли переправить галеры с тяжелой артиллерией на Волгу и вернули их по Дону на Черное море. От переволоки турки и татары вышли к Астрахани, но не осмелились штурмовать Заячий остров, на котором располагалась крепость. Взбунтовавшиеся янычары отказались зимовать в Поволжье, и после десятидневной стоянки турецкая армия отступила к Азову. Во время перехода по безводным степям Северного Кавказа «кабардинской дорогой» турки понесли большие потери от голода и недостатка воды. До Азова добрались лишь жалкие остатки сильной и многочисленной турецкой армии. Гибель турецкой армии не привела к прекращению турецко-татарской экспансии, направленной против России. В 1570 г. крымцы подвергли страшному опустошению Рязанские земли.

В следующем году 40-тысячная Крымская орда, Большая и Малая ногайские орды и отряды черкесов напали на Москву. Застигнутое врасплох русское командование

успело собрать на Оке не более 6 тысяч человек. Земская армия надежно прикрыла серпуховские переправы. Следом за земскими полками на границу выступил царь с опричниной. Однако татары обошли приокские укрепления с запада и, переправившись вброд через Угру, вышли во фланг царской армии. Грозный остался в полной уверенности, что татары еще за Окой, как вдруг опричный сторожевой отряд был атакован и разгромлен превосходящими силами татар. В критической ситуации царь покинул армию и умчался в Ростов. Между тем подвижная татарская конница устремилась к русской столице, угрожая отрезать пути отступления на север малочисленным русским войскам. Не имея сил остановить татар, воеводы отступили к Москве. Столицу окружило тройное кольцо крепостных стен: Кремль, укрепления Китай-города и Белого города.

Хан вышел к Москве одновременно с воеводами и разбил лагерь под Коломенским. Татары разграбили незащищенные слободы, а затем подожгли в нескольких местах предместья Москвы. С утра стояла ясная тихая погода, без ветра. Но затем налетела буря, и пламя охватило весь город. При начале пожара зазвонили все городские колокола. Затем колокольный звон стих. Огонь уничтожал звонницы одну за другой. Вскоре сильные взрывы потрясли город до основания. Взлетели на воздух пороховые погреба, устроенные в пороховых башнях Кремля и Китай-города.

При появлении татар окрестное население сбегало в столицу под защиту крепостных стен. Гонимые пожаром горожане и беженцы бросились к северным воротам столицы. В воротах и на прилежащих к ним узких улочках образовался затор, люди «в три ряда шли по головам один другого, и верхние давили тех, которые были под ними». Кому удавалось спастись от огня, погибали в ужасающей давке. Затворившаяся в Москве армия также понесла тяжелые потери. Расположившись на тесных улицах, полки утратили порядок и смешались с населением, бежавшим из горящих кварталов. Главный воевода «затхнулся от пожарного зною». В течение трех часов столица выгорела дотла. Татары, пытавшиеся грабить горящий город, гибли в огне. На другой день после пожара татары ушли по Рязанской дороге в степи.

Правительство сознавало, что разоренная страна не в силах вести борьбу с такими сильными противниками, как Турция и Крым. Царь уведомил Крым о том, что готов «поступиться» Астраханью в пользу хана, если тот согласится заключить с Россией военный союз. Но в Крыму уступки царя посчитали недостаточными и предложения о союзе отклонили. После сожжения Москвы крымцы, поддержанные турками, выдвинули план полного военного разгрома и подчинения Русского государства.

Россию опустошала чума. Ее армии понесли большие потери в Ливонии. Внутренние раздоры усугубляли тяжесть положения. Опричники казнили несколько сотен дворян по ложному обвинению в измене.

Русская столица казалась татарам легкой добычей. Ее старые укрепления, как они считали, были уничтожены пожаром, а новые, наспех возведенные, не могли полностью их заменить. Военные неудачи поколебали русское владычество в Поволжье и Прикаспии. Ногайская орда окончательно порвала вассальные отношения с Москвой и примкнула к антирусской коалиции. Покоренные народы Поволжья пришли в движение и попытались сбросить власть царя. Союзниками Крыма выступили многие адыгейские князья с Северного Кавказа. За спиной крымцев стояла крупнейшая в Европе военная держава — Османская империя. В такой ситуации хан надеялся не только отторгнуть от России Среднее и Нижнее Поволжье, но и захватить Москву и тем самым восстановить давнюю зависимость Руси от татар. Накануне вторжения Девлет-Гирей приказал расписать между мурзами уезды и города России. Султан направил в Крым специальную миссию для участия в завоевательном походе на Русь.

В ожидании нового нашествия русские к маю 1572 г. собрали на южной границе около 12 тысяч дворян, 2035 стрельцов и 3800 казаков. Вместе с ополчениями северных городов армия насчитывала немногим более 20 тысяч. На стороне татар был численный перевес. Во вторжении участвовало от 40 до 60 тысяч всадников из состава Крымской, Большой и Малой ногайских орд. Хан имел в своем распоряжении турецкую артиллерию.

Русское командование расположило основные силы под Коломной, надежно прикрыв подходы к Москве со стороны Рязани. Но оно учло также возможность по-

второго вторжения татар с юго-запада, из района Угры. На этот случай командование выдвинуло на крайний правый фланг в Калугу воеводу князя Д. И. Хворостинина с передовым полком. Вопреки традиции передовой полк по численности превосходил полки правой и левой руки. Хворостинину был придан подвижный речной отряд для обороны переправ через Оку.

Татары вторглись на Русь 23 июля 1572 г. Их подвижная конница устремилась к Туле и на третий день попыталась перейти Оку выше Серпухова, но была отбита от переправ русским сторожевым полком. Тем временем хан со всей ордой вышел к главным серпуховским переправам через Оку. Русские воеводы ждали противника за Окой на сильно укрепленных позициях.

Натолкнувшись на прочную оборону русских, хан возобновил атаку в районе Сенькина брода выше Серпухова. В ночь на 28 июля ногайская конница разогнала две сотни дворян, охранявших брод, и захватила переправы. Развивая наступление, ногайцы за ночь ушли далеко на север. Под утро к месту переправы татар подоспел Хворостинин с передовым полком. Но, столкнувшись с главными силами татар, он уклонился от боя. Вскоре полк правой руки попытался перехватить татар в верхнем течении реки Нары, но был отброшен прочь. Хан Девлет-Гирей вышел в тыл русской армии и по Серпуховской дороге стал беспрепятственно продвигаться к Москве. Татарскими арьергардами командовали сыновья хана с многочисленной отборной конницей. Передовой полк следовал за царевичами, выжидая благоприятного момента. Когда такой момент наступил, воевода Хворостинин обрушился на татар. Бой произошел в районе деревни Молоди, в 45 верстах от Москвы. Татары не выдержали удара и бежали. Хворостинин «домчал» сторожевой полк татар до ханской ставки. Чтобы поправить положение, Девлет-Гирей вынужден был бросить на помощь сыновьям 12 тысяч крымских и ногайских всадников. Сражение разрасталось, и главный воевода Вортынский в ожидании татар приказал установить подвижную крепость — гуляй-город — близ Молодей. Большой полк укрылся за стенами крепости, изготавившись к бою.

Трехкратное превосходство сил противника вынудило Хворостинина отступить. Но при этом он осуществил блестящий маневр. Его полк, отступая, увлек татар к стенам гуляй-города. Залпы русских пушек, стрелявших

в упор, внесли опустошение в ряды татарской конницы и заставили ее повернуть вспять.

Поражение при Молодях вынудило Девлет-Гирея приостановить наступление на Москву. В течение дня татары простояли за Пахрой, ожидая подхода русских. Но те не возобновили атак. Тогда татары повернули вспять от Пахры к Молодям. Воеводы добились бесспорного успеха, вынудив хана отойти от Москвы и принять бой на избранной ими позиции.

Центром русских оборонительных позиций служил холм, на вершине которого стоял гуляй-город, окруженный наспех вырытыми рвами. За стенами города укрылся большой полк. Остальные полки прикрывали его тыл и фланги, оставаясь вне укреплений. У подножья холма за речкой Рожай стояли 3 тысячи стрельцов, чтобы поддержать воевод «на пищалях».

Татары быстро преодолели расстояние от Пахры до Рожая и всей массой обрушились на русские позиции. Стрельцы полегли на поле боя все до единого, но засевшие в гуляй-городе воины отбили атаки конницы сильной пушечной и ружейной пальбой. Обеспокоенный неудачей, главный татарский воевода Дивей-мурза выехал на рекогносцировку и приблизился вплотную к русским позициям. Здесь его захватили в плен «резвые» дети боярские.

Кровопролитное сражение продолжалось до самого вечера 30 июля. Потери татар были исключительно велики. Погибли предводитель ногайской конницы Тербердей-мурза и трое знатных крымских мурз. Не добившись успеха, хан прекратил атаки и в течение двух дней приводил в порядок свою расстроенную армию.

В сражении русские одержали победу, но успех грозил обернуться неудачей. Когда поредевшие полки укрылись в гуляй-городе, запасы продовольствия у них быстро иссякли и в армии «учал быти голод людем и лошадем великой».

После двухдневного затишья Девлет-Гирей 2 августа возобновил штурм гуляй-города, направив к нему все свои конные и пешие полки. Атакой руководили ханские сыновья, получившие приказ во что бы то ни стало «выбить» у русских Дивей-мурзу. Невзирая на потери, татары упорно пытались опрокинуть неустойчивые стены гуляй-города, «изымались у города за стену руками, и тут многих татар побили и руки пообсекли бесчислен-

но много». К концу дня, когда натиск татар начал ослабевать, русские предприняли смелый маневр, который и решил исход сражения. Воевода М. И. Воротынский с полками покинул гуляй-город и, продвигаясь по дну лощины позади укреплений, скрытно вышел в тыл татарам. Оборона гуляй-города была поручена князю Д. И. Хворостинину, в распоряжение которого поступили вся артиллерия и немногочисленный отряд немецких наемников. По условленному сигналу Хворостинин дал залп из всех орудий, затем «вылез» из крепости и напал на врага. В тот же самый момент с тыла на татар обрушились полки Воротынского. Татары не выдержали внезапного удара и бросились бежать. Множество их было перебито и взято в плен. В числе убитых были сын хана Девлет-Гирея и его внук. В руки воевод попало много знатных крымских и ногайских мурз.

На другой день после победы русские продолжали преследование неприятеля и разгромили арьергарды, оставленные ханом на Оке и насчитывавшие до 5 тысяч всадников.

Согласно укоренившейся традиции славу победы над татарами приписывают обычно главному воеводе князю М. И. Воротынскому. Подобное мнение кажется неверным. Назначение Воротынского главнокомандующим объясняется отнюдь не особыми военными дарованиями или заслугами удельного князя, а в первую очередь его знатностью. Подлинным героем сражения при Молодях был не он, а молодой опричный воевода князь Д. И. Хворостинин, формально занимавший пост второго воеводы передового полка. На его исключительные заслуги в войнах с татарами указывал осведомленный современник Д. Флетчер. За два года до битвы при Молодях Хворостинин нанес сильное поражение крымцам под Рязанью. Но в полной мере его военный талант раскрылся во время войны с татарами в 1572 г. Именно Хворостинин разгромил татарские арьергарды 28 июля, а затем принял на себя командование гуляй-городом во время решающего сражения 2 августа.

Сражение при Молодях в 1572 г. относится к числу значительнейших событий военной истории XVI века. Разгромив в открытом поле татарскую орду, Русь нанесла сокрушительный удар по военному могуществу Крыма. Гибель отборной турецкой армии под Астраханью в 1569 г. и разгром Крымской орды под Москвой в 1572 г.

положили предел турецко-татарской экспансии в Восточной Европе.

В последний раз Москва видела татар у своих стен в 1591 г. Крымский хан много лет готовился к реваншу. Он заключил союз со Швецией, обязавшейся напасть на Русь одновременно с татарами. Помимо крымцев в нападении участвовали Малая ногайская орда, отряды из турецких крепостей Очакова и Белгорода, янычары и турецкая артиллерия. По русским сведениям, армия вторжения насчитывала много десятков тысяч всадников.

Крымский хан Казы-Гирей рассчитывал нанести Москве молниеносный удар.

Русское командование, получив сведения о численности неприятельской армии, отказалось от намерения остановить ее на Оке и отвело полки с пограничных укреплений к столице. Ранним утром 4 июля 1591 г. татары по Серпуховской дороге вышли к Москве и заняли Котлы⁵. Русские полки расположились под Даниловым монастырем⁶ в подвижном укреплении — гуляй-городе. Днем произошёл бой, а ночью татары отступили.

Причины поражения татар получили неодинаковое освещение в источниках. «Государев разряд 1598 года» передает официальную версию событий. Когда хан с ордой подступил к гуляй-городу, русские воеводы, сойдясь с ним, «бились весь день с утра и до вечера». С наступлением ночи Борис Годунов вывел из гуляй-города полки и артиллерию, подошел вплотную к станам хана Казы-Гирея и внезапно обстрелял их, чем и принудил татар к бегству.

Эта версия, однако, не совпадает с показаниями очевидцев. Дьяк Иван Тимофеев, служивший в то время в Пушкарском приказе и, вероятно, участвовавший в отражении врага, утверждает, что никакой ночной атаки не было. Татар посреди ночи испугнула сильная артиллерийская канонада. То же говорят и московские летописи.

Имеется и еще один источник, который позволяет воссоздать картину с наибольшей полнотой и достоверностью. Этот источник — ранние записи Разрядного приказа, не прошедшие редактирования в царской канцелярии. Из них следует, что дневной бой ничем не напоминал генерального сражения. Хан не спешил пустить

и ход главные силы. Он направил к «государеву обозу» сивой, сам же «на прямое дело не пошел и полков своих не объявил». Воеводы выслали из гуляй-города конные сотни, чтобы «травиться» с татарами. День минул в ожесточенных стычках. Вечером хан отступил к Коломенскому. Там крымцы разбили лагерь по обе стороны Москвы-реки. Царские же воеводы «стояли в обозе готовым, а из обозу в то время вон не выходили». Едва ли у них были основания покидать укрепления посреди ночи. Управлять полками и перевозить артиллерию в темноте было трудно, практически невозможно.

Далеко за полночь в гуляй-городе внезапно поднялся «великий всполох». Спавшие подле орудий пушкари по тревоге заняли свои места и открыли огонь. Вслед за легкими орудиями начали палить тяжелые пушки, установленные на стенах Москвы. Клубы дыма окутали город, ужасающий грохот сотрясал землю, вспышки выстрелов осветили всю округу. Чтобы уточнить обстановку, воеводы спешно выслали к Коломенскому дворянские сотни.

Грозная канонада и появление русских неподалеку от ханской ставки вызвали смятение в татарском лагере. Никто не мог определить численность приближающегося неприятеля. В памяти у крымцев еще не изгладились воспоминания о жуткой сече под Москвой в 1572 г. Страх перед ночным нападением погнал их прочь из лагеря. Прекратить ночную панику хану не удалось. Татары в полном беспорядке бежали из Коломенского к Оке. Воеводы могли использовать их задержку на приокских бродах и организовать энергичное преследование, но ограничились лишь тем, что послали вдогонку несколько дворянских «голов» с сотнями. «Головы» разгромили татарские арьергарды и взяли в плен, по одним данным, четыреста, по другим (официальным) — тысячу человек. Немало крымцев утонуло в Оке при переправе. На дно ушел возок, в котором хан ускакал из своей ставки. Пути отступления Орды были усеяны брошенной «рухлядью». Хан вернулся в Бахчисарай ночью в телеге, с подвязанной рукой. Он не участвовал в стычках с русскими, а, значит, получил рану то ли во время ночной суматохи, то ли во время поспешного бегства.

Московские служилые люди, воины московского ополчения — лучники, отряды горожан-«пищальников»,

позже стрельцов, пушкари, казаки и другие ратные люди Москвы сыграли выдающуюся роль в отпоре завоевателям. Россия не только сбросила кровавое татарское иго, но и сокрушила военную мощь наследников империи завоевателей — Золотой Орды.

Москве никогда более не грозили огонь и меч кочевых орд. Тысячелетняя борьба со степными завоевателями, начавшаяся еще в Киевской Руси, подошла к своему естественному концу.





ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Москва
в 1612 году

Пережив расцвет в XVI веке, Русское государство в начале следующего столетия вступило в полосу экономического упадка, внутренних раздоров и внешнеполитических неудач. Настало Смутное время, ввергшее народ в пучину бедствий. Истоки Смуты коренились в самой природе самодержавно-крепостнической системы, основы которой народились в годы опричнины и торжества крепостного права.

От времен феодальной раздробленности Россия унаследовала господство могущественной боярской аристократии. Высшим органом власти была Боярская дума, в которой заседали представители знатнейших фамилий государства. Московские государи принуждены были делить власть со своими влиятельными вассалами. Иван IV ввел опричнину. Опираясь на дворян-опричников, он попытался избавиться от опеки Боярской думы и ввести самодержавную систему правления. Могущество знати было поколеблено, но не сломлено. Боярская аристократия ждала своего часа. Этот час пришел, когда настало Смутное время.

В XVI столетии значительно усилилось российское дворянство. Развилась поместная система землевладения, открывшая дворянам доступ к земельным богатствам. В отличие от вотчин дворянин владел поместьем условно, пока нес государеву службу. С образованием новой системы управления — приказов — зародилась влиятельная российская бюрократия, дворянская по своему происхождению и укладу жизни.

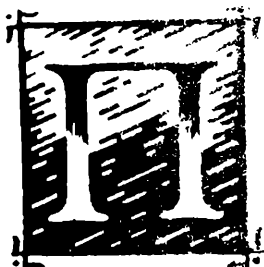
В правление Бориса Годунова дворянство добилось

отмены юрьева дня. Испокон веку русский крестьянин мог покинуть своего землевладельца в последние дни осени и по первому санному пути отправиться на новые земли, в поисках лучшей доли. Осенний юрьев день был для земледельца светом в окошке. В конце XVI века на крестьянские переходы был наложен запрет, или, как тогда говорили, «заповедь». (Отсюда — «заповедные годы».) Поначалу ни помещики, ни крестьяне не предвидели, к каким последствиям приведет отмена выхода в юрьев день. Все думали, что заповедные годы — мера временная и преходящая. Крестьян тешили надеждой, что им надо подождать совсем недолго — до «государевых выходных лет» — и их жизнь потечет по старому руслу. Но шли годы, и крестьяне начинали понимать, что их жестоко обманули. Тогда-то в русских деревнях и родилась полная горечи поговорка: «Вот тебе, бабушка, и юрьев день!» Восстания низов переросли в гражданскую войну. Началось Смутное время. Подлинными виновниками Смуты были не крестьяне, холопы и казаки, стремившиеся избавиться от неволи и угнетения, а феодальное дворянство, разрушившее традиционный порядок и положившее основание крепостничеству.

Бедствия Смутного времени потрясли ум и душу русских людей. Современники винили во всем проклятых самозванцев, посыпавшихся на страну как из мешка. В самозванцах видели польских ставленников, орудие иностранного вмешательства. Но то была лишь полуправда. Почву для самозванства подготовили не соседи России, а глубокий социальный недуг, поразивший русское общество. Внутренний конфликт подорвал изнутри силы огромного государства. Чуждые народу правители оказались бессильны защитить границы от вражеских вторжений. Разоренная дотла страна стала легкой добычей иностранных завоевателей. Боярское правительство поставило страну на край пропасти. Бедствия привели к росту национального самосознания. В лихую годину проявились лучшие черты русского народа — его стойкость, мужество, беззаветная преданность Родине, готовность ради нее жертвовать жизнью. В час смертельной опасности народные массы встали на защиту Родины и отстаивали ее независимость.

В событиях начала XVII века участвовали все сословия, и каждое из них выдвинуло своих вождей. Из бояр-

ства вышли такие яркие фигуры, как Федор — Филарет Романов и Михаил Скопин-Шуйский; дворянство дало стране Дмитрия Пожарского и Прокопия Ляпунова; вольные казаки — Ивана Болотникова и Ивана Заруцкого; посадские люди — Кузьму Минина. Духовенство выдвинуло из своей среды патриарха Гермогена и самозванцев; крестьяне — Ивана Сусанина и многих других неизвестных героев.



ервые годы нового, XVII столетия принесли России неслыханные стихийные бедствия. Два года подряд крестьяне не собирали урожая на всей территории страны. Летом холодные ливни не прекращались ни днем ни ночью. Разверзлись хляби небесные, писали современники, и земля была залита водой, как при потопе. Бедствие довершили лютые морозы и снегопады. Недозрелую рожь пришлось откапывать из-под снежных сугробов. На другой год зяблые семена дали редкие всходы. Но и их погубили заморозки, грянувшие среди весны. Запасы хлеба иссякли, и начался страшный голод. Чтобы утолить муки, люди ели траву, лебеду, липовую кору. Смерть косила народ повсюду. В одной Москве умерло более 120 тысяч человек. Большинство их составляли неимущие москвичи, и в особенности беженцы, искавшие спасения в столице.

Беда дала выход давно зреющему в низах недовольству. Голодные холопы, которым господа отказывали в пропитании, составляли вооруженные отряды и разбивали обозы на дорогах. К ним присоединялись другие обездоленные и неимущие люди. Осенью 1603 г. правительственные войска разгромили большой отряд повстанцев, действовавший в окрестностях столицы. Их предводитель Хлопко был взят в плен и повешен. Движение Хлопка послужило прологом к гражданской войне в России. Повстанцы не сумели сформулировать лозунги, которые бы объединили всех недовольных, и не выдвинули из своей среды вождей общенационального масштаба. Положение переменилось, когда на истори-

ческой арене появился первый самозванец. Идея доброго царя-избавителя оказалась близка и понятна народу, подверженному всем предрассудкам своего времени. Лжедмитрий I, назвавшись сыном Ивана Грозного, объявил, что чудом спасся от лихих бояр. Он обещал благоденствие, и народ поверил его обещаниям.

Самозванец объявился в пределах Литвы в 1602 г. Прослышав о нем, московские власти нарядили следствие и вскоре установили, что под личиной царевича скрывается беглый монах Чудова монастыря⁷ Гришка Отрепьев. В Москве находились мать чернеца, его дед и родной дядя. Ничто не мешало следователям восстановить историю жизни молодого монаха. Гришка, в миру Юрий, родился около 1582 г. в семье стрелецкого сотника. Он рано остался «сиротой». В пьяной драке отца его зарезали в Немецкой слободе. Юрка был не без способностей. На что другие тратили полжизни, то он усваивал шутя. У сироты не было шансов преуспеть на государственной службе, и он поступил на двор к боярам Романовым. В 1600 г. Борис Годунов тяжело заболел. Все ждали его смерти. Романовы попытались использовать ситуацию, чтобы захватить трон. Однако Годунов остался жив и жестоко расправился с заговорщиками. Боярин Федор Романов — главный претендент на корону — был пострижен в монахи под именем Филарета и заточен в монастырь.

Отрепьеву грозила пытка и виселица. Спасаясь, он бежал в провинцию и постригся в монахи. Жизнь в глуши пришлась ему не по вкусу, и Гришка вскоре вернулся в Москву, в кремлевский Чудов монастырь. Ему понадобился год, чтобы сделать карьеру на духовном поприще. Его заметил и взял к себе в келью архимандрит. А затем смиренный чернец Григорий оказался на дворе у патриарха Иова и по его поручению взялся за сочинение канонов святым.

Духовная карьера не удовлетворяла юного честолюбца, и в начале 1602 г. он вместе с двумя другими монахами, Варлаамом и Мисаилом, сбежал за рубеж в Литву. После гибели самозванца Варлаам подробно описал его «исход» в Литву. «Извест» Варлаама следует сравнить с рассказом самозванца, старательно записанным в 1603 г. Адамом Вишневецким. Самозванец поведал покровителю наивную сказку о том, как его подменили в постельке в угличском дворце и даже мать не заметила того, что

царезан подменный младенец. В остальном самозванец рассказал историю, как две капли воды напомилавшую историю Отрепьева. Воспитывался он в дворянской семье, потом надел монашеский куколь.

Варлаам весьма точно описал путь, проделанный им с Отрепьевым в Литве. Маршрут напоминает изломанную линию: Печерский монастырь, Острог, Гоща, Брачин. В беседе с Вишневецким самозванец назвал те же самые пункты. Так он невольно выдал себя. Вишневецкий ничего не знал об «Извете» Варлаама, а Варлаам не догадывался о записях Вишневецкого. Сопоставление этих двух источников независимого происхождения полностью обличает самозванство Отрепьева. На строго очерченном отрезке пути от Киева до Брачина произошла метаморфоза — превращение бродячего монаха Григория в царевича Дмитрия. Множество строго установленных фактов подтверждают вывод о пребывании Григория-Дмитрия во всех указанных пунктах. К примеру, в Остроге владетель замка радушно принял трех бродячих монахов и даже подарил им богослужебную книгу, напечатанную в его собственной типографии. Царственная надпись на книге гласила, что 14 августа 1602 г. «эту книгу дал нам Григорию с братьею с Варлаамом да Мисаилом... пресветлый князь Острожский». Неизвестная рука приписала под словом «Григорию» пояснение — «царевичу Московскому».

В Литве самозванца признали далеко не сразу. Православные монахи Киево-Печерского монастыря выгнали его в шею, едва он заикнулся о своем царственном происхождении. Так же поступил и православный магнат Острожский. Неудачи могли обескуражить кого угодно, но только не Отрепьева. В конце концов он нашел покровителей в лице погрязшего в долгах вельможи Юрия Мнишека и короля Сигизмунда III.

После поражения в Ливонской войне Русское государство искало мира с соседями. Речь Посполитая нуждалась в мире не меньше России. В 1600 г. они заключили двадцатилетнее перемирие. Договор создал благоприятные условия для сближения русского и польского народов. Сторонником мирных отношений с Россией был знаменитый гетман Ян Замойский, пользовавшийся огромным авторитетом в Польше. Однако Сигизмунд III и его советники решили использовать самозванца для осуществления планов экспансии на восток. Король за-

ключил с самозванцем тайный договор. По этому договору Лжедмитрий I обязался отдать Сигизмунду III Чернигово-Северскую землю. Семье Мнишеков он пообещал Новгород и Псков. Чтобы получить помощь из Ватикана, самозванец тайно перешел в католическую веру.

Король готов был очертя голову ринуться в военную авантюру. Он предложил Замоискому возглавить поход коронной армии на восток. Но тот категорически отверг его предложение. Военственные замыслы не встретили поддержки в польском обществе. Коронная армия не участвовала в аванюре Лжедмитрия I.

Воспользовавшись помощью Сигизмунда III, а также Мнишека и других магнатов, самозванец набрал до двух тысяч наемников. Примерно столько же было у него и казаков.

Оказавшись в России, наемное войско Лжедмитрия I разбежалось при первом же крупном поражении. Лишь поддержка вольных казаков да восставшего населения Северщины спасла царька от неминуемого поражения.

Правительство жестоко наказывало тех, кто помогал самозванцу. Комарицкая волость, признавшая Лжедмитрия, подверглась дикому погрому. Но чем больше Борис лил кровь своих подданных, тем больше шатался его трон. Судьба его династии решилась под стенами крохотной крепости Кромы. Царские войска начали осаду городка еще при жизни Годунова. Вскоре после кончины Бориса кучка заговорщиков подняла восстание в армии.

Оставшись без армии, царь Федор Годунов не смог удержаться на троне. 1 июня 1605 г. в Москве произошло восстание. Народ разгромил дворец. Федор Годунов был взят под стражу. Под давлением восставших Боярская дума принуждена была выразить покорность самозванцу и открыла перед ним ворота Кремля. Лжедмитрий I велел тайно умертвить Федора Годунова и его мать и лишь после этого явился в столицу.

Лжедмитрий пришел к власти на гребне народных движений. Но он не был народным вождем. Правление Отрепьева не принесло народу перемен к лучшему. Подати оставались такими же обременительными, как и прежде. Тихий Дон на время успокоился, но замутились Терек и Волга. Обманутые в своих надеждах казаки и беглый люд объявили молодого казака Илейку из Муром царевичем Петром, сыном Федора Ивановича, и дви-

нулись с ним на Москву добывать правду. В Поволжье под знамена Петра собралось несколько тысяч восставших. В стране занималась заря нового возмущения.

Лжедмитрий не жалел казны, чтобы привлечь на свою сторону знать и служилых людей. Он понимал, что сможет удержаться на троне только при поддержке дворян. По приказу самозванца дьяки роздали служилым людям всю наличность — до двух миллионов рублей. Истощив казну, власти стали изымать денежные средства у церкви, чем вызвали негодование духовенства.

Отрепьев был редким лицедеем. Любая личина была ему впору. В Литве он играл роль царственного изгнанника, в Москве — государственного мужа и императора. Иезуитам он представился поборником западной культуры, среди наемников слыл удальцом.

Беглый чернец не принадлежал к числу таинственных авантюристов, унесших в могилу тайну своего происхождения. Слишком многим в Москве была знакома его характерная внешность. Бывший монах казался маленьким уродцем. Приземистый, гораздо ниже среднего роста, он был непропорционально широк в плечах, почти без талии, с короткой бычьей шеей. Руки его имели неодинаковую длину. В чертах лица сквозили грубость и сила. Облик самозванца вовсе лишен был царственного величия. Признаком мужества люди XVI века почитали бороду. Лжедмитрий был вроде скопца. На его круглом бабьем лице не росли ни борода, ни усы. Зато его украшали огромные бородавки. Угрюмый, тяжелый взгляд маленьких глаз дополнял гнетущее впечатление.

Низвергнув Годунова, самозванец исчерпал свою роль. Он стал ненужным для русского боярства, которое не желало терпеть безродного проходимца на троне. Духовенство поддерживало тайную боярскую агитацию. Столкнувшись с оппозицией, Лжедмитрий вспомнил об оставленной в Польше невесте Марине Мнишек. Нареченному тестю Юрию Мнишеку он велел наберовать наемное войско — лучшую опору против заговорщиков — и привести его в Москву. Прибытие иноземных наемников окончательно осложнило обстановку в столице. Насилия «рыцарства» вызвали брожение. В народе открыто говорили, что царь — «поганный», некрещеный иноземец, вступивший в брак «с языческой девкой».

17 мая 1606 г. бояре Шуйские и Голицыны при поддержке 200 вооруженных дворян произвели дворцовый

переворот. Вспыхнувшее в столице восстание помешало наемному воинству выручить попавшего в беду самозванца. Лжедмитрий был убит заговорщиками. Трон перешел к боярскому царю князю Василию Шуйскому. Но власть его оказалась непрочной. От нового царя никто не ждал добра. Глухо волновалась столица. Главным очагом брожения вновь стала южная окраина. Почин взяли на себя жители Путивля. Их немедленно поддержали вольные казаки с Дона, Волги и Днепра.

Движение приобрело новый размах с тех пор, как служилый человек Истома Пашков разгромил войска Шуйского под Ельцом, а вскоре после того с Украины в Путивль прибыл атаман Иван Исаевич Болотников с отрядом казаков.

Пашков и Болотников двинулись к Москве с разных сторон. Пашков шел через Рязанщину, где к нему присоединился Прокопий Ляпунов с отрядом дворян. Болотников двинулся на север через Комарицкую волость. Неподалеку от Москвы Пашков разгромил многочисленную рать царя Василия, после чего остановился лагерем в окрестностях столицы. Болотников привел на помощь к восставшим сермяжную рать.

Война была профессией дворян. Неудивительно, что они одерживали верх над болотниковцами. Но моральный перевес был на стороне восставших. Отвага и воинская доблесть вождя народного восстания произвели на современников глубокое впечатление. Болотникова называли рыцарем и удалцом, человеком, сведущим в военном деле. Будучи принужден отступить с поля боя, он не опускал рук, но действовал с удесятеренной энергией: приводил в порядок свое расстроенное войско, формировал новые отряды из казаков, горожан, крестьян и холопов, прибывавших к нему со всех сторон, внушал им веру в победу и вновь вел в бой.

Сила Болотникова состояла в том, что он опирался на восставший народ. Повстанцы смутно представляли себе Россию будущего. Вера в доброго царя Дмитрия, погубленного боярами, была иллюзией. Но восставшие хорошо знали, кто был их главным врагом. По пути к столице болотниковцы громили дворянские гнезда, делили имущество, а помещиков беспощадно истребляли.

Когда Болотников прибыл в окрестности Москвы, численность повстанческой армии возросла до 20 тысяч бойцов. Истома Пашков и Прокопий Ляпунов принуж-



дены были сдать командование тому, кого поддержал вооруженный народ. Выдающийся вождь дворян Ляпунов вскоре же понял, чем грозит победа низов его собственному сословию.

В разгар решающих боев под Москвой сначала Ляпунов, а затем Пашков перешли на сторону правительственных войск, повернув оружие против своих. Болотников бежал в Калугу. Движение получило новый толчок после того, как в Тулу из Путивля прибыл самозванный царевич Петр с казаками, беглыми холопами и крестьянами. Болотников поспешил на соединение с царевичем в Тулу.

В мае 1607 г. Шуйский, собрав огромную рать, направился к Туле и после четырехмесячной осады принудил повстанцев к сдаче. Царь Василий поклялся, что не причинит вреда пленным. Однако многие из повстанцев были удержаны в его лагере, а затем разосланы в заточение по городам. Царевича Петра увезли в Москву и там казнили, а Болотникова отправили в ссылку в Каргополь. В пути дворяне грозили пленнику тем, что закуют его в цепи и затравят. Народный вождь гордо отвечал: «Я скоро вас самих буду заковывать и в медвежью шкуру зашивать». Дух Болотникова не был сломлен.

Царю Болотников внушал страх даже в заточении. В итоге власти приказали сначала ослепить его, а несколько позже «посадить в воду». Так закончил свою жизнь самый выдающийся из вождей первой Крестьянской войны.

Падение Тулы не привело к прекращению гражданской войны в стране. Северская земля упорно отказывалась признать власть царя Василия Шуйского. Восставшее население Северщины верило, что истинный царь скрывается в Польше, и более года ждало его «исхода». Путивль, Стародуб и другие города не раз посылали за кордон людей на поиски Дмитрия. Нужен был царь, и он явился.

В мае 1607 г. жители Стародуба могли видеть на улице трех пришельцев. Тот, кто был одет побогаче, именовал себя Андреем Нагим, родственником московского государя. Его сопровождали двое русских людей — некий Григорий Кашинец и Алешка Рукин, московский подьячий. Прибывшие сообщили стародубцам захватывающую новость. Они будто бы пришли с рубежа от самого Дмитрия, и государя следует ждать со дня на день. Время

шло, а обещанный царь все не появлялся. Из осажденной Тулы Болотников прислал в Стародуб расторопного казачьего атамана Ивана Заруцкого. Скоро повстанцам надоело ждать, и они взяли к пытке Алешку Рукина. На пытке подьячий повинился в обмане и объявил о том, что истинный царь давно уже находится в Стародубе и, опасаясь происков своих врагов, именуется себя Нагим. Пьеса была разыграна как по нотам, и голоса сомневавшихся потонули в общем энтузиазме. 12 июня Стародуб присягнул на верность Лжедмитрию II.

Со всех сторон под знаменами самозванца стали собираться стрельцы, казаки, посадский люд. Повстанцы искали помощь за кордоном. На их призывы откликнулись белорусы и украинцы. В Белоруссии пан Меховецкий успел на вербовать в «царское» войско несколько тысяч человек. Большой отряд запорожских казаков присоединился к Лжедмитрию II уже после выступления его в поход поблизости от Карачева. Города, к которым подходило войско, приветствовали долгожданного Дмитрия. Самозванец повсюду раструбил о том, что идет на выручку Болотникову к осажденной Туле. До Тулы было рукой подать. Передовые повстанческие отряды заняли Епифань на ближних подступах к осажденной крепости. Но гарнизон Тулы, оказавшись в отчаянном положении, не смог дожидаться подкреплений. Заняв Тулу, царь Василий без промедления отпраздновал окончание военной кампании и распустил уставшее войско по домам. Он недооценивал стойкость восставших. Царские воеводы ничего не могли поделать с Калугой, которую оборонял крупный отряд болотниковцев. Шуйский решил довершить разгром повстанцев руками повстанцев. Он велел выпустить из тюрем и вооружить казаков, взятых в плен под стенами Москвы. Командовать ими царь поручил атаману Юрию Беззубцеву, одному из главных сподвижников Болотникова. Беззубцев должен был не мешкая идти к Калуге и склонить гарнизон крепости к сдаче. Шуйский не мог быть спокоен, пока болотниковцы удерживали в своих руках Калугу. Но он слишком плохо рассчитал свои действия. Едва лишь приставы привели четырехтысячный казачий отряд под Калугу, в осадном лагере возникла смута. Бояре не могли добиться повиновения от вчерашних повстанцев. Дело дошло до вооруженных стычек между казаками и дворянами. Потеряв голову, воеводы бежали из осадного лагеря в Мо-

скву, бросив всю артиллерию, запасы ядер и пороха. Казаки передали захваченную амуницию защитникам Калуги, а сами ушли на запад на соединение с Дмитрием.

В трудный час неудач самозванец показал себя человеком малодушным, ничтожным. Весть о падении Тулы привела его к убеждению, что все пропало и надо поскорее уносить ноги из России. Из Болхова самозванец бежал к Путивлю. Отступление привело к быстрому распаду армии. Запорожские казаки ушли за кордон. В своем паническом бегстве Лжедмитрий II достиг Комарицкой волости, но тут его задержали «союзные» войска, прибывшие из-за рубежа.

На большой дороге в Комарицкой волости Лжедмитрий II встретил пана Тышкевича, а затем пана Валявского, набравших на «царскую службу» 1800 человек пехоты и конницы. Вскоре к самозванцу вернулись ушедшие было казаки. Ободренный царек вторично напал на Брянск, потерпел неудачу и отступил на зимовку в Орел. Правительство Шуйского не смогло выделить достаточных сил для разгрома «стародубского вора». В Москве не оценили своевременно угрозы, исходившей от нового самозванца.

В течение зимы силы Лжедмитрия II значительно возросли. Толпами и поодиночке к нему со всех концов страны пробирались повстанцы из разбитых армий Болотникова. Волны крестьянской войны, отхлынув от центра, вновь затопили юго-западные окраины государства. Местные служилые люди, помещики, поначалу поддерживавшие «вора», скоро уразумели, куда дует ветер: наспех пристроив семьи, тайком пробирались к царю Василию. Вскоре в Москве собралось более тысячи дворян из северских городов. Чтобы покончить с дворянской изменой, самозванец пустил в ход меры, подсказанные ему болотниковцами. Он объявил о конфискации поместий у дворян, бежавших в Москву, и обратился с особым воззванием к холопам и крепостным «изменников-дворян». Пусть они идут к истинному Дмитрию, пусть они присягнут на верность ему и служат с оружием в руках, тогда, вещал самозванец, он пожалует им поместья их господ, а если в поместьях остались помещицы или их дочери, холопы могут жениться на них.

Призывы Лжедмитрия II возымели действие. В селах «рабы» стали чинить насилие над ненавистными дворянами, побивали и гнали их приказчиков, делили иму-

щество. Дьяки самозванца выдали грамоты на владение конфискованными поместьями некоторым рыльским и курским крестьянам.

Крестьянская война находила отклик в народных низах на русских, украинских и белорусских землях. Многие белорусские мужики и мещане отправились в Стародуб с войском Меховецкого. Шляхта отзывалась о них с величайшим презрением. Под стать белорусам были и запорожцы с Украины.

Некоторое время казалось, что предстоит новый взрыв крестьянской войны. На самом деле ничего подобного не произошло. Перерождение началось в тот момент, когда руководителем движения стал самозванец с царским титулом и когда в его лагере появились отряды польской шляхты и русских дворян.

Никто не знал, кем был новый самозванец. Правительство Шуйского именовало его «стародубским вором». Люди, принадлежавшие к окружению Лжедмитрия II, считали, что по происхождению своему он был «москвитом», но долго жил в Белоруссии. Самозванец умел читать и писать по-русски и по-польски. Современников поражала его редкая осведомленность в делах Лжедмитрия I. Иезуиты объясняли ее тем, что он служил писцом при особе первого самозванца, а после его гибели бежал в Литву. По словам иезуитов, писца звали Богданом и в его жилах текла иудейская кровь. Русские власти со временем официально подтвердили версию о еврейском происхождении Лжедмитрия II. Любопытные подробности сообщили о «воре» его советники. Князь Дмитрий Мосальский под пыткой показал: «...который де вор называется царем Дмитрием, и тот де вор с Москвы с Арбату от Знамения Пречистыя из-за конюшен попов сын Митка, а отпускал де его с Москвы князь Василей Мосальской за пят ден до растригина убийства». Мосальские принадлежали к ближайшему окружению нового самозванца. Но им не довелось наблюдать начало его карьеры. Советники подозревали, что, подобно чернецу Григорию, новый самозванец происходил из духовного чина. Московские летописцы придерживались того же мнения. Они называли вора поповским сыном на том основании, что он «круг церковной весь знал». Самое удачное следствие о самозванце произвел неизвестный белорусский священник, живший в окрестностях Могилева и наблюдавший его первые шаги. Вкратце его рас-

сказ сводился к следующему: «Дмитрий» наперед учил грамоте детей в доме у попа в Шклове, затем перешел под Могилев в село к попу Федору. И летом и зимой учитель носил одну и ту же баранью шапку и плохонький потрепанный кожушок. Чтобы заработать на жизнь, он ходил к никольскому попу в Могилев и за грошовую плату колот ему дрова и носил воду. Шкловский грамотей не отличался благонаравием. Однажды поп Федор застал его со своей женой. В бешенстве священник высек учителя розгами и выгнал его вон из своего дома.

Учитель дошел до крайней нужды. Ему пришлось ночевать под забором на могилевских улицах. Там его и заприметили несколько предприимчивых шляхтичей, прежде служивших Лжедмитрию I. Пан Зертинский высказал мысль, что мелкорослый бродяга может сойти за убитого московского царя. Пан Меховецкий подхватил эту мысль и перевел дело на практическую почву. В душе грамотея боролись трусость и угодливость. Участь первого самозванца пугала его, и он бежал из Могилева в Пропойск. Там его вскоре обнаружили и посадили под стражу. Могилевские покровители вызволили его из тюрьмы, и на этот раз бродяга оказался более сговорчивым. Слуги пропойского коменданта проводили новоиспеченного царька до Поповой горы, откуда было рукой подать до московского рубежа. Перед тем как пустить самозванца гулять по свету, покровители постарались связать его обязательствами. «От своего царского пресветлого имени» Дмитрий дал обширную запись «пану Зертинскому и товарищам его».

Лжедмитрий II появился в пределах Речи Посполитой. Но в его подготовке польское правительство не участвовало. Поглощенный борьбой с мятежниками, король не желал умножать свои трудности.

Мятеж усилил элементы анархии в Речи Посполитой. Наемные солдаты, сражавшиеся в королевских войсках и в отрядах мятежных магнатов, остались без работы после окончания «рокоша». Они искали, кому бы продать оружие, а тем временем не прочь были пограбить население польских, литовских и белорусских деревень. Те из солдат, которые не получили полный расчет из казны, становились на постой в королевских имениях и опустошали их не хуже саранчи.

Когда на Руси объявился новый царек, падкие до грабежа наемники хлынули в русские пределы в надежде на

щедрое вознаграждение. Пан Меховецкий набрал немало этих «доблестных» солдат на службу в «царское» войско. С тех пор как Лжедмитрия II признали многие русские города и его дело стало на твердую почву, повышенный интерес к самозванческой интриге стали проявлять некоторые влиятельные лица, некогда поддерживавшие Отрепьева.

Обедневший украинский магнат князь Роман Ружинский взял в долг деньги и нанял большой отряд гусар. Лжедмитрий II и его покровитель Меховецкий испытали неприятные минуты, когда узнали о появлении Ружинского в окрестностях Орла. Самозванец не желал принимать его к себе на службу. Но Ружинского это несколько не интересовало. В апреле 1608 г. он прибыл в лагерь Лжедмитрия II и совершил там своего рода переворот. Войсковое собрание сместило Меховецкого и объявило его вне закона. Новым гетманом солдаты выкрикнули Ружинского. Собрание вызвало к себе самозванца и категорически потребовало выдачи противников нового гетмана. Когда Лжедмитрий II попытался перечить, поднялся страшный шум. Одни кричали ему в лицо: «Схватить его, негодяя!» Другие требовали немедленно предать его смерти.

Взбунтовавшееся наемное войско окружило двор Лжедмитрия II вооруженной стражей. Шкловский бродяга пытался заглушить страх водкой. Он пьянствовал всю ночь напролет. Тем временем его «конюший» Адам Вишневецкий хлопотал о примирении с Ружинским. Самозванцу пришлось испить чашу унижения до дна. Едва царек протрезвел, его немедленно повели в польское «коло» и там заставили принести извинение наемникам. Смена хозяев в Орловском лагере имела важные последствия. Болотниковцы, пользовавшиеся прежде большим влиянием в лагере самозванца, стали утрачивать одну позицию за другой. Следом за польскими магнатами и шляхтой в окружении Лжедмитрия II появились русские бояре. Движение быстро утрачивало социальный характер.

Весна близилась к концу, и армия самозванца возобновила наступление на Москву. Царь Василий послал навстречу «вору» брата Дмитрия с 30-тысячной ратью. Встреча произошла под Болховом. Двухдневное сражение закончилось поражением Шуйского. Князя Дмитрия погубила его собственная трусость. В разгар боя он при-

казал отвезти пушки в тыл. Его приказ повел к общему отступлению, а затем к паническому бегству. Отряды Лжедмитрия захватили множество пушек и большой обоз с провиантом.

Чтобы удержать при себе польские отряды, самозванец после битвы заключил с ними новое соглашение. Он обязался поделить с ними все сокровища, которые достанутся ему при вступлении на царский трон. Народ, приветствовавший нового, «истинного» Дмитрия, понятия не имел о договоре, заключенном за его спиной.

Царь Василий отозвал из полков брата Дмитрия и назначил вместо него племянника князя Михаила Скопина. Князь Михаил рассчитывал разгромить «вора» на ближних подступах к Москве. Но он не смог осуществить свой замысел. В его войске открылась измена. Несколько знатных князей составили заговор в пользу Лжедмитрия II. Скопин отступил в Москву и арестовал там заговорщиков.

В июне 1608 г. армия самозванца разбила лагерь в Тушине. Скопин расположился на Ходынке против Тушина. Царь Василий с двором занял позиции на Пресне. Появление польских отрядов в армии самозванца вызвало тревогу в Кремле. Русские власти развили лихорадочную деятельность, стремясь предотвратить военный конфликт с Речью Посполитой. Царь Василий поспешил закончить мирные переговоры с польскими послами и обещал им немедленно отпустить на родину Мнишек и других поляков, задержанных в Москве после убийства Отрепьева. Послы в принципе согласились на то, чтобы немедленно отозвать из России все военные силы, сражавшиеся на стороне самозванца. На радостях Шуйский известил Ружинского о близком мире и пообещал заплатить его наемникам «заслуженные» у «вора» деньги, как только те покинут Тушинский лагерь.

Царь Василий оказался близоруким дипломатом. В течение двух недель его воеводы стояли на месте, не предпринимая никаких действий. В полках распространилась уверенность в том, что война вот-вот кончится. Гетман Ружинский использовал беспечность воевод и на рассвете 25 июня нанес внезапный удар войску Скопина. Царские полки в беспорядке отступили. Тушинцы пытались ворваться на их плечах в Москву, но были отброшены стрельцами. Ружинский намеревался отдать приказ

об общем отходе. Но воеводы не решились преследовать его отступавшие отряды. Три дня спустя царские воеводы наголову разгромили войско пана Лисовского, пытавшееся ворваться в столицу с юга.

Тщетно Ажедмитрий II домогался заключения «союзного» договора с королем и высказывал готовность идти на любые уступки. Наиболее дальновидные политики Польши решительно возражали против вмешательства во внутренние дела Русского государства. Сигизмунд III следовал их советам, ибо он не успел еще забыть о своей неудаче с Отрепьевым и не покончил с выступлением оппозиции внутри страны. Легкие победы Ажедмитрия II, однако, лишили его благоразумия. Король отдал приказ готовить войска для немедленного занятия русских крепостей Чернигова и Новгорода Северского. Завоевательные планы Сигизмунда III не встретили поддержки в польских правящих кругах. Коронный гетман Станислав Жолкевский указывал на неподготовленность королевской армии к большой войне. Сигизмунду пришлось отложить осуществление своих намерений. Но он выискивал повод, чтобы вмешаться в русские дела. С его ведома крупный литовский магнат Ян Петр Сапега набрал войско в несколько тысяч воинов и вторгся в пределы России.

В Москве царь Василий продиктовал польским послам условия мира. Послы, томившиеся в России в течение двух лет, подписали документ, чтобы получить разрешение вернуться на родину. Мирный договор оказался не более чем клочком бумаги. Вторжение Сапеги разом перечеркнуло его. Но Василий Шуйский упивался своей мнимой дипломатической победой и во исполнение договора освободил семью Мнишек. По приезде из ярославской ссылки в Москву старый Мнишек дал клятву Шуйскому, что никогда не признает своим зятем нового самозванца, и обещал всячески содействовать прекращению войны. Но он лгал, лгал беззастенчиво. В секретных письмах старый интриган убеждал короля, что истинный царь Дмитрий спасся, и заклинал оказать ему вооруженную помощь. Мнишеки делали все, чтобы раздуть пожар новой войны.

Многие люди, хорошо знавшие Ажедмитрия I, спешили предостеречь Марину Мнишек, говоря, что тушинский царек вовсе не похож на ее мужа. Подобные предупреждения нисколько не смущали «московскую

царицу». Через верных людей она уведомила «тушинского вора», что собирается приехать к нему в качестве законной жены.

Мнишеки дали слово, что покинут пределы Московии. Власти снарядили отряд, чтобы проводить их до рубежа. Почти месяц путешествовала Марина по глухим проселкам, прежде чем ее карета достигла границы. Все это время Мнишеки тайно сносились с самозванцем. Подле самой границы пан Юрий с дочерью по условному сигналу покинули расположение конвоя. В тот же миг тушинский отряд напал на конвойных и обратил их в бегство.

В начале сентября «царица» в сопровождении польских отрядов прибыла в окрестности Тушина. В пути один молодой польский дворянин из рыцарских побуждений пытался в последний раз предупредить Марину о ждавшем ее обмане. Он был немедленно выдан Лжедмитрию II и по его приказу посажен живым на кол посреди лагеря.

Самозванца тревожила близкая встреча с «женой», и он сказался больным. Вместо него к Мнишекам выехал Ружинский. Он увез Юрия Мнишека в Тушино, чтобы возможно скорее договориться с ним об условиях признания нового самозванца. Прожженный интриган и глазом не моргнул при виде обманщика, вовсе не похожего на Отрепьева. Он готов был стать гетманом нового царька и распорядителем всех его дел и доходов. Ружинский грубо покончил с его честолюбивыми мечтами. Он сразу указал царскому «тестю» его истинное место. Три дня гетманы и самозванец препирались между собой. Наконец они сумели столковаться. Старый Мнишек согласился отдать дочь безымянному проходимцу за круглую сумму. Сделка облечена была в форму жалованной грамоты. Лжедмитрий II обязался выплатить Мнишеку миллион злотых. Юрий пытался оградить честь дочери, а заодно и собственный кошелек. Лжедмитрий мог стать фактическим супругом Марины лишь после занятия трона, а соответственно и после выплаты денег. На другой день после завершения трудных переговоров самозванец тайком навестил Марину в лагере Яна Сапеги. Вульгарная внешность претендента произвела на Марину отталкивающее впечатление. Но ради короны она готова была на все. Не прошло и недели, как Марина торжественно въехала в Тушино и блестя-

ще разыграла роль любящей жены, обретшей чудесно спасшегося супруга. Ее взор изображал нежность и восхищение, она лила слезы и клонилась к ногам проходимца.

Мнишек настаивал на точном исполнении пунктов заключенного им соглашения. Но Марина ослушалась отца. Палатка Лжедмитрия II стояла на виду у всего лагеря, и «супруга» понимала, что ее отдельная жизнь с мужем сразу вызовет нежелательные толки в лагере и разоблачит самозванство царька. К великому негодованию отца и братьев, Марина стала невенчанной сожительницей Лжедмитрия II. Обманутый в своих ожиданиях, Юрий Мнишек покинул лагерь. Прошло полгода, и Марине пришлось выдержать объяснение с братом, случайно встреченным ею. Юный Мнишек упрекал сестру в распутстве. Чтобы смягчить его гнев, «царица» не моргнув глазом заявила, будто один из ксендзов тайно обвенчал ее с новым супругом. Марина могла скрыть венчание от посторонних, но совершенно невероятно, чтобы церемония осталась тайной для отца и братьев, находившихся при ней в лагере. Собственный дворецкий Марины Мартин Стадницкий свидетельствовал, что его госпожа жила с самозванцем невенчанная, потому что жажда власти была у нее сильнее стыда и чести.

Комедия, разыгранная Лжедмитрием II и Мариной, не могла ввести в заблуждение дворян и наемников, хорошо знавших первого самозванца. Но она произвела впечатление на простой народ. Весть о встрече коронованной государыни с истинным Дмитрием разнеслась по всей стране.

Поражение армий Шуйского и осада Москвы привели к тому, что затухавшее пламя гражданской войны вспыхнуло с новой силой. В Пскове городская беднота свергла царскую администрацию и признала власть Лжедмитрия II. Его успехи с воодушевлением приветствовала Астрахань, ставшая очагом сопротивления Шуйскому с момента гибели Отрепьева. За оружие вновь взялись нерусские народности Поволжья. Отряды тушинцев не встретили сопротивления в замосковных городах. Власть Лжедмитрия II признали Переславль-Залесский и Ярославль, Кострома, Балахна и Вологда. При поддержке городских низов тушинские отряды заняли Ростов, Владимир, Суздаль, Муром и Арзамас. С разных концов страны в Тушино спешили отряды

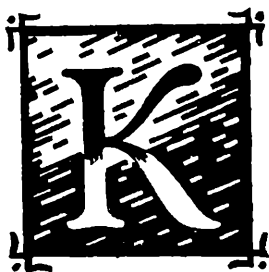
посадских людей, мужиков и казаков. Их волна неизбежно захлестнула бы собой подмосковный лагерь, если бы наемное воинство не диктовало тут своих законов.

Слухи о поразительных успехах самозванца облетели Литву и Польшу. Толпы искателей приключений и авантюристов спешили в стан воскресшего московского «царя» и пополняли его наемное войско. Опираясь на наемников, гетман Ружинский окончательно захватил власть в стане самозванца. Торжество чуждых иностранных сил стало полным, когда на службу к самозванцу явился Ян Сапега с отборным войском. Гетман Ружинский поспешил заключить с ним полюбовную сделку. Кондотьеры, смертельно ненавидевшие друг друга, встретились на пиру и за чашей вина поклялись не мешать друг другу. В знак дружбы они обменялись саблями и тут же разделили московские владения на сферы влияния. Ружинский сохранял власть в Тушине и южных городах. Сапега взялся добыть мечом Троице-Сергиев монастырь и завоевать земли к северу от Москвы.

Для жителей столицы настало трудное время.



МОСКВА И ТУШИНО



началу XVII века Москва по своим размерам превосходила многие европейские столицы. Город опоясывало тройное кольцо мощных крепостных сооружений. В центре города на холме высились башни и стены Кремля. Чтобы попасть с Красной площади внутрь Кремля, надо было пройти по подъемному мосту через ров, наполненный водой, и миновать двойные железные ворота. Усиленные стрелецкие караулы охраняли крепость днем и ночью.

В Кремле располагались царская резиденция, дворцовые терема и многочисленные службы. Три главных собора — Благовещенский, Успенский и Архангельский — с трех сторон окружали белокаменную Грановитую палату⁸. В тронном зале палаты, сидя на троне, царь «правил Московское царство». Благовещенский собор был его семейным храмом. В Успенском соборе патриарх короновал московских государей. Архангельский собор служил царской усыпальницей. За соборной площадью раскинулась Ивановская площадь, окруженная тесным кольцом приказных изб. Неподалеку высились Патриарший двор и Патриарший Чудов монастырь.

Если Кремль служил средоточием политической власти, то Китай-город считался главным торжищем столицы. В «Китае» располагались дворянские и купеческие дворы. Но главной его достопримечательностью были торговые ряды с каменными лавками и амбарами. По праздничным дням Красная площадь становилась огромным рынком. Приезжий купчина или крестьянин

торговал прямо с воза, московский торговый человек или стрелец — кто с прилавка, кто с лотка.

Бескрайний московский посад раскинулся за пределами Кремля и Китай-города. Подавляющая часть москвичей жила в Белом и Земляном городах. Белгородцы находились под защитой каменных стен, тянувшихся от устья Яузы до устья Неглинной. Внешнее кольцо укреплений, замыкавшееся в Замоскворечье, состояло из деревянных башен и стен, воздвигнутых на высоком земляном валу и защищенных рвами. За пределами Земляного города простирались поля, пригородные села и деревни.

Иностранцы с изумлением взирали на город, занимавший, по тогдашним представлениям, огромную территорию. «Москва — много более Лондона», — писал английский посол Джильс Флетчер, посетивший Россию в конце XVI века. Губительное нападение татар при Грозном привело к тому, что в пределах столицы появилось немало пустошей. Самый большой пустырь подле Кремля, возникший после сожжения столицы, носил наименование Пожар и не застраивался десятилетиями. К концу царствования Ивана IV население столицы сократилось до 20—30 тысяч человек. В пору возрождения при Борисе Годунове число московских жителей вновь превысило 50—80 тысяч человек.

Перед путником, вступившим в пределы столицы, высились громады крепостных башен, сияли золотом купола соборов. Вид сотен церквей дополнял панораму. Но, проезжая по узким кривым улицам, путешественник неизменно видел перед собой низкие, маленькие бревенчатые избы, теснившиеся одна подле другой. В избах жили «меньшие» посадские люди — масса трудового населения Москвы. Среди посадских изб кое-где, как островки в море, разбросаны были боярские и монастырские подворья с высокими каменными палатами.

В годы бедствий столичные «черные люди» разбежались с посада, спасаясь от голода и тяжелых государевых податей. Правительство пыталось вернуть их, но не всегда добивалось успеха. Пополнение же военно-служилого населения столицы проходило куда успешнее. Уже Борис Годунов довел численность московских стрельцов до 10 тысяч человек. Большинство стрельцов имели семьи и жили отдельными слободами. Многие занимались торгом и промыслом наравне с «черными людьми».

В глазах русских людей Москва олицетворяла могущество России. Гражданская война подорвала престиж и экономическое благополучие «царствующего града». В течение полутора лет у страны было два царя и две столицы. Под боком у старой столицы, где сидел царь Василий, образовалась «воровская столица» в Тушине. Засевший в Тушине Лжедмитрий II был силен не польскою подмогой. Его лагерь не имел башен и стен, которые хотя бы отдаленно походили на мощные укрепления Москвы.

Царь ничего не мог поделать со своим грозным двойником в Тушине, потому что в стране бушевал пожар народных восстаний. По временам «воровскую столицу» поддерживала добрая половина городов и уездов: Вологда — на севере, Астрахань — на юге, Ярославль, Владимир и Суздаль — в центре, Псков — на северо-западе.

Обездоленные низы ждали начала «счастливого царства». Второй самозванец обещал народу то же, что и первый, — тишину и благоденствие. Но население не получило ни того, ни другого. Призрак социального переворота, пугавший власть имущих в дни восстания Болотникова, потерял прежние очертания. В Тушинском лагере появились знатные дворяне, порвавшие с царем Василием и искавшие милостей при дворе царька. Сначала их было немного, но затем число «тушинских перелетов» увеличилось. В «воровской столице» первенствовали Салтыковы, Романовы и их родня. Боярскую думу «вора» возглавлял Михаил Салтыков и князь Дмитрий Трубецкой. Филарет Романов попал в плен к тушинцам и быстро прижился в их лагере. Лжедмитрий II пожаловал его в патриархи. «Воровская столица» была наводнена иноземными наемными отрядами.

Тушино являло взору необычное зрелище. Основанная на холме близ впадения речки Сходни в Москву-реку, тушинская столица имела диковинный вид. Вершина холма была усеяна шатрами польских гусар. Среди них стояла просторная рубленая изба, служившая «дворцом» для самозванца. За «дворцом» располагались жилища русской знати. На холме жили господа и те, кто желал казаться господами. Простонародье занимало обширные предместья, раскинувшиеся у подножья холма. Наспех сколоченные, покрытые соломой будки стояли тут в великой тесноте, одна к одной. Жилища были

битком набиты казаками, стрельцами, холопами и прочим «подлым» народом. В пору дождей столица тонула в грязи. Кругом стояла невыносимая вонь.

На окраинах восставшие низы снаряжали повстанческие отряды и посылали их на помощь к Лжедмитрию II. Многие отряды являлись в Тушино со своими мужицкими «царевичами». Поначалу царек принимал свою мнимую родню с почетом. Приведенные ими ратники были нужны ему позарез. Но затем по настоянию своих новоиспеченных бояр и придворных Лжедмитрий велел повесить «царевичей» среди лагеря. Расправой с мелкими самозванцами руководил, по всей видимости, атаман Иван Заруцкий, едва ли не самая колоритная фигура Тушинского лагеря.

Сын украинского мещанина, Ивашка Заруцкий, подобно Болотникову, побывал в татарском плену в Крыму, откуда бежал в вольные казачьи станицы. При Болотникове Заруцкий стал одним из вождей повстанческой армии. Будучи отброшен от Москвы и осажден в Туле, Болотников послал Заруцкого в Польшу, поручив ему непременно разыскать «доброго Дмитрия» и вызвать на помощь гибнущим повстанцам. Объявившийся в Стародубе шкловский бродяга нимало не походил на Отрепьева. Но Заруцкий «вызнал» в нем истинного сына Грозного и с тех пор стал одним из его главных помощников. Заруцкий не противился перевороту, произведенному наемными солдатами в лагере под Орлом, а затем помог Лжедмитрию II и вождям наемного войска подавить элементы социального недовольства в Тушинском лагере. Остатки повстанческих армий Болотникова должны были подчиниться. Самозванец оценил заслуги Заруцкого и произвел его в бояре. Бывший сподвижник Болотникова стал крупным землевладельцем. Немалую роль в перерождении Тушинского лагеря и его вождей сыграл внешний фактор.

Лжедмитрий II многократно просил Сигизмунда III о покровительстве и помощи. Тот упорно не желал связывать себя договором. Но по мере того как гражданская война ослабляла Россию, военная партия в Речи Посполитой подымала голову.

В Тушине собралось множество польских и русских дворян, пользовавшихся милостями первого самозванца. Все они откровенно презирали царька как явного мошенника, но не могли обойтись без него. Творя насилия

и грабежи, наемное «рыцарство» повсюду трубило, что его единственная цель восстановление на троне законного государя, свергнутого московскими боярами.

Личность Лжедмитрия II мало что значила сама по себе. Каким бы ничтожным и безликим ни казался «тушинский вор», важен был не он сам, а его имя. В глазах простых людей он оставался тем самым добрым государем Дмитрием, с именем которого Болотников сражался против боярского царя.

Однако успехи нового самозванца оказались призрачными. Тушино недолго соперничало с белокаменной Москвой. Воровская столица клонилась к закату, когда настал новый акт великой московской трагедии.



ИНОЗЕМНОЕ ВТОРЖЕНИЕ



Лжедмитрий старался любыми средствами привлечь на свою сторону столичную знать. Тушинские бояре тайно переписывались со своей родней в Москве. До Тушина было рукой подать, и многие русские дворяне бежали туда в поисках богатства и чести. Лжедмитрий жаловал перебежчиков и выдавал им грамоты на владение землей. Щедрый на бумаге, царек не имел денег, чтобы хорошо платить столичным дворянам. Обманутые в своих надеждах, беглецы возвращались в Москву. Случалось, что «тушинские перелеты» по несколько раз переходили от царя к царьку и обратно.

Царь Василий Шуйский охотно слушал доносчиков, но старался не раздражать сильных людей и не казнил «перелетов», а использовал их покаяния для обличения самозванца. С изменниками помельче царь не церемонился. Их топили в прорубях по ночам, чтобы не вызывать лишних толков.

25 февраля 1609 г. противники Шуйского предприняли попытку дворцового переворота. Заговор возглавили московские дворяне князь Роман Гагарин и Тимофей Грязной, рязанец Григорий Сумбулов, тайно вернувшийся в Москву Михаил Молчанов и другие лица. С толпой вооруженных сообщников они проникли в Кремль и ворвались в зал заседания Боярской думы. Заговорщики кричали на бояр и требовали низложения глупого, непотребного и нечестивого царя. Опасаясь насилия, члены думы не слишком спорили с мятежниками. Когда толпа двинулась из дворца на площадь, они воспользовались суматохой и разбежались по своим дво-

рам. Лишь один Василий Голицын не последовал их примеру и отправился на площадь. По пути толпа захватила патриарха Гермогена и поволокла его на Лобное место. Патриарх пытался сопротивляться насилию, но его толкали в спину, швыряли в него грязью и громко поносили. Оказавшись на Лобном месте, заговорщики призвали народ восстать против Шуйского. «Его избрали без согласия земли!» — кричали одни. «Царь уже побил две тысячи дворян, их жен и детей!» — выкрикивали другие. Заговорщики звали толпу встать на защиту тех «наших братьев» дворян, которых с утра царская стража повела топить в реке.

Возбуждение толпы нарастало, и тогда полным голосом заговорили тушинские эмиссары Михаил Молчанов и князь Федор Мещерский. Они зачитали обращение царя Дмитрия и тушинских бояр к москвичам.

Несмотря на старания, заговорщикам не удалось спровоцировать восстание столичного посада. Пока мятежники шумели на площади, царь успел вызвать отряды верных ему войск из лагеря на Ходынке. Когда заговорщики бросились к царской резиденции, чтобы арестовать Шуйского, момент был упущен. Василий затворился во дворце и велел передать, что по своей воле ни за что не покинет царство. Толпа стала расходиться, и участникам неудавшегося переворота пришлось спешно покинуть Москву.

Василий Голицын и Михаил Татищев помогли Шуйскому свергнуть первого самозванца. Теперь недавние соратники отворачивались от него один за другим. Голицын вел себя самым двусмысленным образом. Он не пытался вступить за Шуйских и готов был поддержать мятежников при благоприятном исходе дела. Татищева благоговременно удалили в Новгород. Ходили слухи, будто он замышлял идти в Москву с отрядом воинских людей, чтобы низложить царя Василия. Когда в Новгород прибыл Скопин, он тотчас арестовал Татищева и выдал его на расправу уличной толпе.

Наступила весна 1609 г. Она принесла новые испытания столичному люду. Тушинцы осадили Коломну и полностью блокировали Москву. Голодная смерть косила несимущее городское население. Каждый день с улиц убирали сотни трупов. Голодающие не раз собирались под окнами дворца и требовали царя к себе для объяснений.

Недовольные пытались использовать кризис, чтобы организовать новый заговор против Шуйского. Заговорщики задумали убить царя на пасху во время торжественного шествия с «ослятем». Они рассчитывали на поддержку многих столичных дворян и торговых людей. Но один из участников заговора Василий Бутурлин выдал Шуйскому их замыслы.

Царя более всего поразило участие в заговоре его давнего сторонника и личного друга Ивана Федоровича Крюка-Колычева. При Борисе Годунове Крюк поплатился ссылкой за преданность Шуйским. Царь Василий произвел Крюка в бояре и поручил ему в чине дворецкого управлять владениями царской фамилии.

Крюк имел много единомышленников в Боярской думе. Но Василий Шуйский предпочел не распутывать клубок измены до конца. Он велел взять к допросу лишь одного дворецкого. После жестоких пыток Крюка вывели на площадь и обезглавили. Испуганные кровавой казнью противники царя в думе на время приутихли.

Успехи самозванца достигли высшей точки, а затем наступил неизбежный спад. «Тушинский вор» контролировал огромную территорию. Но его режим преобретал все более жестокий характер и утрачивал привлекательность в глазах народа.

Гетман Ружинский и его ротмистры отбросили всякие церемонии и распорядились во владениях царька, как в завоеванной стране. Они не домогались ни думных чинов, ни вотчин. Им довольно было реальной власти. Как и повсюду, наемников всерьез интересовала только звонкая монета. Самозванец не мог оплатить им «заслуженных» денег и выдавал грамоты на кормление и сбор налогов. Рос долг самозванца, росли его траты. Обеспокоенные этим шляхтичи избрали комиссию из десяти человек. Децемвиры установили жесткий контроль за финансами тушинского царька. Без их ведома ни Лжедмитрий, ни Марина не могли более тратить денежных средств. Распоряжения гетмана и децемвиров были обязательными для всех, включая тушинских бояр.

Без поддержки низов самозванец никогда бы не добился успеха. Но настроения масс стали меняться, когда выяснилось, что за спиной царька стоят захватчики. Вера в «доброего Дмитрия» заколебалась. На собственном опыте народ убеждался в том, что литовские люди и тушинские воеводы несут им еще худшие

притеснения, чем старая власть. Ружинский и Сапега расквартировали свои войска по всему Замосковью. Военские люди забирали у крестьян лошадей, подчислкую вывозили из деревень хлеб и фураж. Любое сопротивление грабежу жестоко подавлялось.

Насилия вызывали отпор в народной среде. Массы поднимались на борьбу против захватчиков. В Вологде тушинское владычество продержалось несколько недель. Вологжан поддержали жители Галича и Костромы, Двины и Поморья. Ян Сапега нанес поражение полкам князя Ивана Шуйского, но надолго застрял под стенами Троице-Сергиева монастыря. Обеспокоенный событиями на Севере, Сапега поручил Лисовскому усмирить восставшие местности. «Лисовчики» заняли Кострому и Галич, но успех их был недолговечным. Получив поддержку от царских воевод, городские ополчения очистили Поволжье и в апреле — мае 1609 г. отбросили отряд Лисовского прочь от Ярославля.

Царь Шуйский, запертый в Москве, как в клетке, не мог использовать волну народного подъема. Его правительство глубоко скомпрометировало себя кровавой борьбой против восставшего народа. Пассивная и бездеятельная власть не внушала никому ни страха, ни уважения. Не доверяя собственному народу и утратив опору в ближайшем окружении, царь Василий все больше уповал на поддержку иноземных сил.

Три года шведский король Карл IX слал в Москву гонцов с предложениями о военной помощи. На самом деле он лишь искал повод для вмешательства во внутренние дела Русского государства. Старания шведского правительства наконец увенчались успехом. Василий Шуйский направил в Новгород племянника Михаила Скопина и поручил ему заключить союзный договор со Швецией. 28 февраля 1609 г. Скопин подписал текст соглашения. Король обязался поставить России наемное войско. Взамен он потребовал от русских территориальных уступок. Скопин пошел на уступки и обязался передать шведам крепость Корелу с уездом. Соглашение нанесло ущерб территориальной целостности и национальному достоинству России. Оно вызвало возмущение жителей Карельского уезда. Договор носил неравноправный характер. Царь Василий рассчитывал на помощь обученной и закаленной в боях шведской армии. Однако Карл IX не желал бросать в огонь войны свои полки.

Он рассчитывал разгромить поляков в России, не затрачивая больших средств. Его вербовщики обшарили задворки всей Европы. Они нанимали немцев, французов, англичан, шотландцев и как можно скорее переправляли их на русскую границу, где они переходили на полное содержание царской казны. Шуйский платил наемникам баснословные суммы.

10 мая 1609 г. Скопин покинул Новгород. С ним было до 3 тысяч русских воинов и 15-тысячный шведский корпус. Под Тверью Скопин разгромил выступивших навстречу ему тушинцев. Наемники тотчас потребовали у него вознаграждения. Последствия нетрудно было предвидеть. Воевода давно истратил предоставленную ему казну и не смог удовлетворить солдат. Наемный сброд немедленно взбунтовался и повернул к границе. По пути ландскнехты творили насилия и грабежи. В армии Скопина осталось триста шведов. Позже число их возросло до тысячи.

Не шведская помощь, а народное движение привело к успеху наступление Скопина. Отряды воинских людей стекались к нему со всех сторон. В Торжке воеводу ждала трехтысячная смоленская рать. Вслед за тем в его армию влились отряды из Ярославля, Костромы и поморских городов. Численность полков Скопина возросла до 15 тысяч человек.

К северу от Москвы главным центром сопротивления интервентам оставался Троице-Сергиев монастырь. Гетман Ян Сапега тщетно осаждал лавру в течение шестнадцати месяцев. Монастырь имел высокие башни и мощные стены. Стрельцы, монахи и крестьяне мужественно отразили все приступы врага. Окрестное население постоянно помогало защитникам крепости людьми и продовольствием. Приближение армии Скопина вызвало тревогу в стане под Троицей. Сапега попытался разгромить воеводу в районе Калязина, но потерпел поражение в ходе двухдневного сражения 18—19 августа 1609 г.

Успех Скопина не привел к решительному перелому в ходе военных действий из-за того, что международное положение России катастрофически ухудшилось. Страна подверглась нападению со стороны крымских татар, а потом интервенции со стороны Речи Посполитой.

После смерти Алексея Михайловича Шуйский направил в Крым посла с тем, чтобы возобновить мирные отношения с ханом. Но посол был захвачен повстанцами и каз-

нен в Путивле. Восстание в южных городах надолго прервало русско-крымские дипломатические сношения. С весны 1609 г. Крымская орда пришла в движение. В июле наследник хана Джанибек с многотысячным войском вторгся в русские пределы. Прежде татары, проведя грабительский набег, быстро уходили в степи. На этот раз они продвигались к Москве не спеша, сжигая по пути села и забирая в полон русское население. Разгромив Тарусу, крымцы перешли Оку. Их отряды появились в окрестностях Серпухова, Коломны и Боровска.

Положение в Москве было неустойчивым, и старый хитрец Шуйский попытался скрыть от народа правду о крымском вторжении. В грамотах к городам он объявил, будто татары прибыли на Русь как союзники, чтобы помочь против короля. Ложь не принесла ожидаемых выгод. Население Коломны и прочих разоренных мест громко проклинали царя, призвавшего «поганных» и тем погубившего собственную землю.

Ружинский окопался в Тушине у самых стен столицы. Ян Сапега удерживал позиции под Троице-Сергиевым монастырем. Крымские татары подбирались к Москве с юга. Положение России было незавидным. В такой ситуации Сигизмунд III и его окружение решили перейти к открытой интервенции против Русского государства. Найти внешний повод к войне не составляло труда. Король использовал в качестве предлога русско-шведское сближение. Царь Василий рассчитывал с помощью шведов разгромить Тушинский лагерь и изгнать с русских земель иностранных солдат. Однако русско-шведский союз задел личные интересы короля.

Сигизмунд III занял польский трон, будучи наследником шведской короны. После смерти отца, шведского короля Юхана III, он наследовал его титул. Но личная уния между Речью Посполитой и Швецией продержалась недолго. Карл IX совершил переворот. Началась польско-шведская война из-за Ливонии. Сигизмунд считал дядю узурпатором и надеялся вернуть себе шведский трон. Союз между Карлом IX и московским царем нанес удар династическим претензиям Сигизмунда, и он не колеблясь принес государственные интересы Польши в угоду навязчивой идее. Увязнув в войне с Россией, Речь Посполитая в конце концов не смогла противостоять шведам в Ливонии. Господство Швеции на Бал-

тике нанесло огромный ущерб интересам и России и Речи Посполитой. Такими были отдаленные последствия политики Сигизмунда III.

Швед по рождению и воспитанию, Сигизмунд плохо понимал дух польского народа и государства. Фанатик по натуре, он ревностно преследовал православие на Украине и в Белоруссии. Завоевательные планы Сигизмунда и его стремление к неограниченной власти вызвали, однако, сопротивление в польских кругах. Чтобы убедить общественное мнение в необходимости московской войны, королю пришлось прибегнуть к услугам публицистов. Некто Павел Пальчовский напечатал сочинение с призывом к немедленному завоеванию Русского государства. Шляхта, утверждал он, освоит плодородные русские земли с такой же легкостью, с какой испанские конкистадоры колонизовали Новый Свет. В завоеванной стране будут созданы военные колонии «наподобие римских». Шляхта, жаждущая земель, приобретет в России обширные владения. Русским дворянам останутся небольшие поместья. Русские — христиане лишь по названию, а потому на них надо идти «крестовым походом».

Король и его окружение лелеяли планы грандиозных завоеваний, но у них не доставало средств к их осуществлению. Польская шляхта отнеслась к планам крестового похода без всякого восторга. Сигизмунд не решился вынести вопрос о войне с Россией на обсуждение государственного сейма. Подготовку к войне вели в тайне. Никто не выражал так много сомнений и опасений по поводу затеянной авантюры, как коронный гетман Жолкевский. По всей Речи Посполитой — в народе и даже среди сенаторов, — предупреждал гетман Сигизмунда, многие не одобряют этой войны и считают, что он (король) стремится извлечь выгоду лично для себя, а не для Речи Посполитой. Жолкевский не разделял сумасбродных идей насчет колонизации России и высказывался за соглашение с русской знатью и за унию двух государств. Польские послы, вернувшиеся из Москвы, уверяли короля, будто знатные бояре готовы передать ему царский трон и заключить династическую унию. Сведения аналогичного характера поступали из самых разных источников.

Литовский канцлер Лев Сапега советовал королю начать с завоевания Смоленска. Он утверждал, что кре-

ность сама откроет ворота, стоит постучать в них. В сентябре 1609 г. отряды Льва Сапеги подошли к Смоленску. Несколько дней спустя к нему присоединился Сигизмунд III. Королевская рать под Смоленском насчитывала немногим более 12 тысяч человек. В ней было больше кавалерии, чем пехоты. Артиллерийский парк насчитывал не более полутора десятка орудий. Сигизмунд III готовился к легкой военной прогулке, но никак не к осаде первоклассной крепости.

Один из самых древних русских городов, Смоленск в течение столетия находился под властью литовских великих князей. Смоленск и Рязань явились последними великорусскими территориями, вошедшими в состав единого Русского государства в начале XVI века. Крупный торговый и ремесленный центр, Смоленск служил средоточием торговли России с Западом. Сюда приезжали многочисленные купцы из Литвы, Польши, Чехии, Германии и других европейских стран. Из всех русских городов лишь Москва да Псков платили в казну большую сумму торговых пошлин, чем Смоленск. На его посадах располагалось, по словам современников, до 6 тысяч дворов. Население города, возможно, превышало 20 тысяч человек.

Смоленск служил ключевым пунктом всей русской обороны на западе. В правление Бориса Годунова город был обнесен новыми мощными каменными стенами. Строительством их руководил замечательный русский архитектор Федор Конь. Годунов сравнивал новую крепость с драгоценным ожерельем, которое будет охранять землю Русскую. Смоленские стены имели протяженность почти в шесть верст, а их толщина превышала пять метров. В состав смоленского гарнизона входило не менее 1500 стрельцов. С начала военных действий повсюду призвал к оружию посадских людей. Днем и ночью караулы на стенах крепости несли 1862 человека горожан, вооруженных ружьями или саблями. В Смоленске было без малого 1200 дворян. Таким образом, гарнизон русской крепости был весьма значительным. Со времен войны с первым самозванцем московское командование сосредоточило в Смоленске огромные запасы продовольствия и пороха.

Затевя поход на Смоленск, Сигизмунд III особым универсалом объявил, что он сжалился над гибнущим Русским государством и только потому идет оборонять

русских людей. Король повелевал смолянам отворить крепость и встретить его хлебом-солью. Жители Смоленска отвечали, что скорее сложат свои головы, чем поклонятся ему. Началась беспремерная двадцатимесячная оборона города.

12 октября королевская армия устремилась на штурм Смоленска. Солдаты бросились на приступ с двух сторон. Им удалось разрушить Авраимиевские ворота, но все попытки ворваться внутрь крепости были отбиты. Неприятелю пришлось перейти к длительной осаде. Наемники подвели мины под крепостную стену. Смоляне сделали контрподкопы и отвели угрозу. Осажденные тревожили неприятельский лагерь частыми вылазками. Среди бела дня кучка храбрецов переправилась из Смоленска за Днепр, захватила вражеский штандарт и благополучно вернулась назад.

Тем временем армия Скопина продолжала медленно продвигаться к Москве, очищая от тушинцев и польских людей замосковные волости и города. Соперничавшие гетманы Ружинский и Ян Сапега осознали опасность и решили объединить силы, чтобы положить конец успехам Скопина. Они предприняли наступление на Александровскую слободу, занятую воеводой, но потерпели неудачу.

Король Сигизмунд надеялся одним ударом пробить брешь в русской обороне и закончить войну в короткий срок. Но его планы потерпели неудачу. Ослабленная гражданской войной Россия нашла в себе силы, чтобы отразить первый натиск иноземных захватчиков.



ПРЕВРАТНОСТИ ВОЙНЫ



ладения Лжедмитрия II стремительно сокращались. Его люди сдавали город за городом. Неудачи посеяли раздор в Тушинском лагере. Боярская дума «вора» раскололась. Одни ее члены затеяли тайные переговоры с Шуйским, другие искали спасения в лагере интервентов под Смоленском.

Ландскнехты не прочь были вернуться на королевскую службу. Помехой им была лишь их алчность. По их расчетам, Лжедмитрий II задолжал им от 4 до 7 миллионов рублей, невообразимо большую сумму. Наемное воинство и слышать не желало об отказе от «заслуженных» миллионов. В конце 1609 г. самозванец вместе с Мариной уныло наблюдал из окошка своей избы за своим «рыцарством», торжественно встречавшим послов Сигизмунда III. Послы не удостоили царька даже визитом вежливости. Тушинские ротмистры и шляхта утверждали, будто они, служа «Дмитрию», служили Сигизмунду, отстаивали его интересы в войне с Россией. Поэтому они требовали, чтобы королевская казна оплатила их «труды», и тогда они немедленно отправятся в лагерь под Смоленск. Сигизмунд не имел лишних миллионов в казне, и переговоры зашли в тупик. Если что-нибудь и спасло на время царька, так это его долги.

Лжедмитрий не знал, на что решиться. Среди общей измены он вспомнил о своем давнем покровителе пане Меховецком. Пана тайно вызвали во дворец, и он долго беседовал с глазу на глаз с самозванцем. Узнав об этом, Ружинский пришел в бешенство. Он ворвался в царские покои и зарубил Меховецкого на глазах у перепуганно-

го «государя». На другой день Лжедмитрий пытался обжаловать действия гетмана перед войском. Но Ружинский пригрозил, что велит обезглавить и самого царька. Тогда Лжедмитрий призвал к себе другого благодетеля — Адама Вишневецкого. Друзья заперлись в избе и запили горькую. Но Ружинский положил конец затянувшейся попойке. Он выставил дверь и стал бить палкой пьяного пана Адама, пока палка не сломалась в его руке. Мигом протрезвевший самозванец спрятался в клетки подле дворца.

Дела в Тушинском лагере шли вкривь и вкось. Ружинский не в силах был держать свое воинство в повиновении. Чувствуя приближение конца, он что ни день напивался допьяна. Гетман и прежде не церемонился с царьком. Теперь он обращался с ним как с ненужным хламом. Лжедмитрию перестали давать лошадей и воспретили прогулки. Однако ему удалось обмануть бдительность стражи.

Население предместий тушинской столицы продолжало верить в справедливое дело «Дмитрия». Оно укрывало царька, когда тому удалось покинуть дворец. Наемники несли усиленные караулы на заставах, окружавших лагерь со всех сторон. Вечером к южной заставе подъехали казаки с телегой, груженной тесом. Не усмотрев ничего подозрительного, солдаты пропустили их. Они не знали, что на дне повозки лежал, съездившись в комок, московский «самодержец». Он был завален дранкой, поверх которой сидел дюжий казак.

Едва по лагерю распространилась весть об исчезновении «Дмитрия», как наемники бросились грабить «дворец», растащили имущество и регалии самозванца. Королевские послы держали своих солдат под ружьем. Их обоз подвергся обыску. Подозревали, что труп Лжедмитрия спрятан в посольских повозках. Пан Тышкевич обвинил Ружинского в том, что тот либо пленил, либо умертвил царька. Его отряд открыл огонь по палаткам Ружинского и попытался захватить войсковой обоз. Люди гетмана отстреливаясь отступили.

Вскоре в Тушине узнали, что царек жив и находится в Калуге. Гонцы привезли его воззвание к войску. Лжедмитрий II извещал наемников о том, что Ружинский вместе с боярином Салтыковым явно покушались на его жизнь, и требовал отстранения гетмана.

В минуту опасности Лжедмитрий II поступил с Мари-

ной совершенно так же, как и Отрепьев. Брошенная мужем на произвол судьбы, Мнишек тщетно хлопотала о спасении своего призрачного трона. Гордая «царица» обходила шатры и старалась тронуть одних солдат слезами, других — своими женскими прелестями. Она «распутно проводила ночи с солдатами в их палатках, забыв стыд и добродетель». Так писал в своем дневнике ее собственный дворецкий. Старания Мнишек не привели к успеху, и она бежала в Калугу.

Разнородные силы, с трудом уживавшиеся в одном стане, пришли в открытое столкновение после исчезновения Лжедмитрия. Низы инстинктивно чувствовали, какую угрозу для страны таит в себе соглашение с завоевателями, осадившими Смоленск. Иноземные наемники готовились перейти на службу к Сигизмунду. Казаки не желали следовать их примеру и намеревались последовать за «добрым государем» в Калугу. Тщетно Заруцкий звал их в королевский лагерь. Рядовые казаки отказывались повиноваться ему. Атаман давно спелся с гетманом Ружинским и тушинскими боярами. И теперь он продолжал преданно служить им. Столкнувшись с неповиновением, он попытался силой удержать казаков в лагере. Стычки закончились не в пользу Заруцкого. Более двух тысяч донцов миновали тушинские заставы и с развернутыми знаменами двинулись по направлению к Калуге. Заруцкий привык добиваться своего, какой бы крови это ни стоило. Он бросился в палатку к Ружинскому. Гетман вывел в поле конницу и вероломно напал на отходивших пеших казаков. Дорого заплатили повстанцы за свои ошибки. Они устлали своими трупами дорогу от Тушина до Калуги. Однако наемникам вскоре же пришлось пожать плоды учиненной ими бойни. Кровопролитие ускорило размежевание сил внутри Тушинского лагеря. Патриотические силы решительно рвали с теми, кто открыто перешел в лагерь интервентов. Сопrotивление врагу возглавил ближайший соратник Болотникова атаман Юрий Беззубцев. Пану Млоцкому, стоявшему в Серпухове, пришлось первому оплатить счет. Жители Серпухова подняли восстание. Казаки Беззубцева, не желавшие переходить на королевскую службу, поддержали их. Отряд Млоцкого подвергся поголовному истреблению. Народные восстания произошли и в нескольких других городах, оставшихся верными Лжедмитрию II.



В хаосе гражданской войны давно спутались привычные пути-дороги. Зброшенные судьбой в Тушинский лагерь борцы за социальную справедливость оказались поистине в трагическом положении. Им не было места в стане тех, кто свирепо усмирил восстание Болотникова. У них не было иного пути, кроме как идти за «добрым царьком» в Калугу. Но «вор» менее всего подходил к роли народного вождя. Опыт с Ружинским ничему не научил его. Самозванец более всего боялся остаться без своих иноземных ландскнехтов. В Калуге он окружил свой двор немецкими наемниками. Порвав с Ружинским, царек обратился за помощью к Яну Сапеге и добился его поддержки.

К великому своему неудовольствию, многие казаки увидели, что их «добрый государь» усердно возрождает старый Тушинский лагерь. Пресытившись войной, многие из донцов теряли веру в благополучный исход восстания. Они толпами покидали Калугу и возвращались в свои станицы.

В Тушине события развивались своим чередом. Королевские послы попытались заручиться поддержкой тушинской знати. Они убеждали патриарха Филарета и бояр, что король пришел в Россию с единственной целью взять русских под свою защиту и освободить их от власти тиранов.

Неслыханное лицемерие послов нимало не смутило русских тушинцев. Ставка на самозванца была бита. Авантюра близилась к бесславному концу. «Воровские» бояре готовы были пуститься во все тяжкие, лишь бы продлить проигранную игру. Патриарх Филарет и Салтыков плакали, целуя королевские грамоты. Они заявили, что готовы передать русский трон королевичу Владиславу.

Некогда Василий Шуйский, стремясь избавиться от первого самозванца, предложил московский трон сыну Сигизмунда. Тушинцы возродили его проект, чтобы избавиться от самого Шуйского. Идея унии России и Речи Посполитой, имевшая ряд преимуществ в мирных условиях, приобрела зловещий оттенок в обстановке интервенции. Тысячи вражеских солдат осаждали Смоленск, вооруженной рукой захватывали русские города и села. Надеяться на то, что избрание польского королевича на московский трон положит конец иноземному вторжению, было чистым безумием.

Тушинский лагерь распался на глазах. Но патриарх и бояре по-прежнему пытались изображать правительство. В течение двух недель тушинские послы — боярин Салтыков, Михаил Молчанов и другие — вели переговоры с королем в его лагере под Смоленском. Итогом переговоров явилось соглашение, определившее порядок передачи трона польскому претенденту. Русские статьи соглашения 4 февраля 1610 г. предусматривали, что Владислав Жигимонтович «произволит» принять греческую веру и будет коронован московским патриархом по православному обряду. Ответ короля на этот пункт боярских «статей и просьб» носил двусмысленный характер. Сигизмунд не принял никаких обязательств по поводу отказа сына от католичества.

Тушинские бояре отстаивали незыблемость крепостнических порядков. Договор настойчиво рекомендовал Владиславу «крестьянам на Руси выхода не давать», «холопам боярским воли не давать, а служить им по крепостям». Вопрос о будущем вольных казаков оставался открытым.

По тушинскому проекту Владислав должен был править Россией вместе с Боярской думой и священным собором. Потрясения Смутного времени раздвинули рамки земской соборной практики. Русским людям казалось теперь невозможным решать дела без соборов. Королевичу вменялось в обязанность совещаться по самым важным вопросам с патриархом, высшим духовенством, с боярами «и со всей землей». Под всей землей тушинцы понимали прежде всего дворянство и торговые верхи.

Тушинцы проявляли заботу о разоренных дворянах и осторожно отстаивали принцип жалования «меньших станов» по заслугам, а не по «породе». Договор разрешал дворянам ездить для науки в другие государства и гарантировал им сохранность их поместий и «животов». Какими бы ни были позитивные моменты смоленского договора, сам договор оставался не более чем клочком бумаги. Король Сигизмунд не представил тушинцам никаких реальных гарантий его выполнения. Впрочем, надобности в таких гарантиях не было: правительство Филарета Романова и Салтыкова распалось на другой день после подписания соглашения. Салтыков и прочие «послы» остались в королевском обозе под Смоленском и превратились в прислужников иноземных завоевате-



лей. Король использовал договор, чтобы завуалировать истинные цели затеянной им войны и облегчить себе завоевание пограничных земель.

Смоленский договор окончательно осложнил и без того запутанную обстановку в России. Рядом с двумя царями — законным в Москве и «воровским» в Калуге — появилась, подобно миражу в пустыне, фигура третьего царя — Владислава Жигимонтовича. Действуя от его имени, Сигизмунд щедро жаловал тушинцев русскими землями, не принадлежавшими ему. В смоленском договоре король усматривал верное средство к «полному овладению Московским царством». Однако даже он отдавал себе отчет в том, что военная обстановка не слишком благоприятствует осуществлению его блистательных замыслов. Осада Смоленска длилась уже более полугода. Королевская армия несла потери, но не могла принудить русский гарнизон к сдаче. Отряды Ружинского и Яна Сапеги не сумели удержаться в сердце России. После кровопролитных боев Ян Сапега отступил из-под стен Троице-Сергиева монастыря к литовскому рубежу. Ружинский сжег Тушинский лагерь и ушел к Волоку-Ламскому.

В марте 1610 г. столичное население устроило торжественную встречу Михаилу Скопину и его армии. Осадное время осталось позади. Освободитель Москвы князь Скопин приобрел исключительную популярность. Дворяне не верили в неудачливого князя Василия и все больше уповали на энергию и авторитет его племянника. Прокопий Ляпунов первым вслух выразил мысль, которая у многих была на уме. В письме к Скопину он писал о царе Василии со многими укоризнами, зато молодого воеводу здравствовал на царство.

Скопин не одобрял планов дворцового переворота и велел арестовать посланцев Ляпунова, но затем отпустил их. Соглядатаи царя, однако, пронюхали обо всем. Донос пал на подготовленную почву. Столица оказалась поистине царский прием Скопину, что усилило подозрения Шуйского. Оставшись наедине, царь Василий попытался объяснить с племянником начистоту. В пылу семейной ссоры Скопин будто бы посоветовал дяде оставить трон, чтобы земля избрала другого царя, способного объединить истерзанную междоусобицей страну. Братья царя подлили масла в огонь. Они не скрывали ненависти к освободителю Москвы. Спесивый и высо-

комерный Дмитрий Шуйский надеялся занять трон после смерти бездетного царя Василия. Успехи Скопина грозили расстроить его планы. Стоя на городском валу и наблюдая торжественный въезд Скопина, Дмитрий не удержался и воскликнул: «Вот идет мой соперник!»

Боярская Москва усердно чествовала героя. Что ни день его звали на новый пир. Скопин никому не отказывал, и его покладистость обернулась для него большой бедой. В доме Воротынского вино лилось рекой. Гости пили полные кубки во здравие воеводы. Неожиданно виновник торжества почувствовал себя дурно. Из носа у него хлынула кровь. Слуги поспешно унесли боярина домой. Две недели больной метался в жару и бредил. Затем он скончался. В то время ему было немногим более двадцати лет.

Необъяснимая смерть молодого воеводы посеяла в народе сомнения. По всей столице шептали, будто Скопина отравила его тетка Екатерина Скуратова-Шуйская, бросившая яд в его чашу. Однако никто не знал в точности, умер ли воевода от яда или «на перепитии». Царь Василий публично лил слезы над гробом племянника, но мало кто верил в его искренность.

Смерть Скопина роковым образом сказалась на положении дел в армии и стране. Его место тотчас занял Дмитрий Шуйский, рожденный, как говорили современники, не для доблести, а к позору русской армии. Назначение Дмитрия вызвало негодование как высших офицеров, так и рядовых ратников. Царь Василий не забыл о фатальных неудачах Дмитрия, но у него не было выбора. Одни только братья не вызывали у него подозрений в измене. Прочие бояре давно лишились его доверия.

Вместе со Скопиным в Москву прибыл шведский полководец Яков Делагарди. Дело близилось к решающему столкновению. Швеция слала в Россию новые подкрепления. В Москве к Делагарди прибыл отряд в 1500 человек. С севера на помощь спешил генерал Горн с 2 тысячами солдат. Карл IX отправил в Россию двух своих лучших полководцев. При них находилось до 10 тысяч солдат — значительная часть военных сил Швеции.

С наступлением летних дней московское командование после многих хлопот собрало дворянское ополчение и довело численность армии до 30 тысяч человек. Подвижник Скопина Валуев с шеститысячным войском освободил Можайск и прошел по Большой Смоленской

дороге до Царева Займища. Тут он выстроил острог и стал ждать подхода главных сил.

Польский гетман Жолкевский воспользовался разделением сил противника и решил упредить наступление союзных войск к Смоленску. После упорного боя он потеснил Валуева и окружил его в острожке. Дмитрий Шуйский и Делагарди выступили на помощь Валуеву. К вечеру 23 июня их войска расположились на ночлег у села Клушина. На другой день союзники решили атаковать поляков и освободить из осады острожек Валуева, находившийся в 12 верстах.

Русская и шведская армии далеко превосходили по численности войско польское. Но Жолкевскому удалось пополнить свои силы за счет тушинцев. К нему присоединился Заруцкий с донцами и Иван Салтыков с ратниками. Гетман решил нанести союзникам неожиданный удар. Оставив пехоту у валуевского острожка, он сделал с конницей переход и 24 июня перед рассветом вышел к Клушину. Валуев мог в любой момент обрушиться на поляков с тыла. Но гетман не боялся риска.

Союзники знали о малочисленности противника и проявляли редкую беспечность. Они не позаботились даже выслать сторожевое охранение на Смоленскую дорогу. Шведский главнокомандующий Яков Делагарди весь вечер допоздна пировал в шатре у Дмитрия Шуйского и хвастливо обещал ему пленить гетмана.

Русские и шведы расположились на ночлег несколько поодаль друг от друга. В предрассветные часы, когда их лагерь еще были объяты сном, вдруг показались польские разъезды. Гетман застал союзников врасплох. Но атаковать их с ходу ему все же не удалось. В ночной тьме армия Жолкевского растянулась на узких лесных дорогах, пушки увязли в болоте. Прошло более часа, прежде чем польская конница подтянулась к месту боя.

Разбуженный лагерь союзников огласился криками и конским ржанием. Русские и шведы успели вооружиться. Оба войска выдвинулись вперед и заняли оборону, каждый впереди своего лагеря. Единственным прикрытием для пехоты служили длинные плетни, перегородившие крестьянское поле. Они мешали неприятельской кавалерии развернуться для атаки до тех пор, пока полякам не удалось проделать в них большие проходы.

На полях под Клушином, казалось, сошлись «двунаде-

сять языцей». Слова команды, брань и проклятия звучали едва не на всех европейских языках — на русском, польском, шведском, немецком, литовском, татарском, английском, французском, финском, шотландском. Бой длился более четырех часов. Солнце поднялось над кромкой леса, и его лучи ярко осветили пригорок перед Клушином.

Эскадроны тяжеловооруженных польских гусар несколько раз атаковали русских. Уже был ранен передовой воевода Василий Бутурлин, дрогнул полк Андрея Голицына. Настало время ввести в дело главные силы. Но Дмитрий Шуйский предпочел укрыться в своем лагере. Не получив помощи, ратники Голицына бросились бежать и рассыпались в ближнем лесу.

На правом фланге шведская пехота вела беглый огонь, отстреливаясь из-за плетня от наседавшей конницы противника. В разгар боя поляки подвезли две пушки и обстреляли пехоту. Наемники поспешно покинули ненадежное укрытие и отступили к своему лагерю. Часть солдат бежали к лесу. Боевые порядки союзников оказались расчлененными. Что еще хуже, шведские командиры Делагарди и Горн покинули свою пехоту и с конным отрядом отступили в лагерь Шуйского.

Натиск польской кавалерии стал ослабевать, и союзники попытались перехватить инициативу. Отряд конных мушкетеров — англичан и французов — поскакал через клушинские поля навстречу врагу. Мушкетеры дали залп и повернули коней, чтобы пропустить вперед вторую шеренгу. Но поляки не дали им закончить перестроевание и ударили на них с палашами. Мушкетеры смешались и бросились назад. На их плечах гусары ворвались в лагерь Шуйского. Пушкари и стрельцы не решились открыть огонь, опасаясь задеть своих. Промчавшись во весь опор через лагерь, гусары продолжали преследование, пока не устали их кони. На обратном пути лагерь встретил их выстрелами, и им пришлось пробираться окольной дорогой.

Князь Шуйский «устоял» в обозе. К нему присоединился Андрей Голицын с ратными людьми, которых удалось собрать в лесу. Более 5 тысяч стрельцов и ратных людей готовились к последнему бою. При них находилось 18 полевых орудий. Дмитрий Шуйский сохранил достаточные силы для атаки, но он медлил и выжидал.



В сражении настала долгая пауза. Исход боя не определился окончательно. Польская конница понесла большие потери, и ей нужен был отдых. Гусары переломали свои копья и, спешившись, расположились за пригорком. Без пехоты гетман не мог атаковать русский лагерь, оцетинившийся жерлами орудий. Он подумал о том, что его коннице трудно будет добраться и до шведской пехоты, как вдруг ему доложили о появлении перебежчиков.

Наемные войска всегда отличались ненадежностью. Делагарди с трудом удерживал в повиновении свое разноязычное воинство. Накануне битвы солдаты едва не взбунтовались, требуя денег. Швед получил от царя огромную казну, но откладывал расчет, ожидая, что в бою его армия сильно поредеет. Жадность шведского главнокомандующего обернулась против него самого. В отсутствие Делагарди и Горна наемная армия подняла бунт. Оценив ситуацию, Жолкевский послал в шведский лагерь племянника для заключения договора. Первыми на сторону врага перешли французские наемники. Затем заколебался отряд немецких ландскнехтов, стоявший в резерве. Узнав о переговорах, Дмитрий Шуйский прислал к немцам Гаврилу Пушкина с обещанием неслыханного вознаграждения.

Спохватились наконец и шведские военачальники. Вернувшись в свой лагерь, они попытались прекратить мятеж. Но дело зашло слишком далеко. Пытаясь спасти шведскую армию от полного распада, Делагарди предал русских союзников. Посреди клушинского поля он съехался с Жолкевским, чтобы заключить с ним перемирие отдельно от русских. Тем временем половина его рот прошла мимо своего главнокомандующего и присоединилась к полякам. Делагарди бросился в свой обоз и стал раздавать шведам деньги, присланные ему накануне царем. Английские и французские наемники потребовали своей доли и едва не перебили шведских командиров. Не получив денег, они разграбили повозки Делагарди, а затем бросились к русскому обозу и учинили там грабеж.

Шведская армия перестала существовать. Король Карл IX рвал на себе волосы, узнав о катастрофе. Распад союзной шведской армии роковым образом сказался на судьбе русских войск. Дмитрий Шуйский отдал приказ об отходе. Отступление превратилось в беспорядочное бегство. Ратники спешили укрыться в окрест-

ных лесах. В полной панике князь Дмитрий гнал коня, пока не увяз в болоте. Бросив коня, трусливый воевода едва выбрался из трясины. В Можайск он явился без армии. С недоумением разглядывали встречные богато одетого всадника, который голыми пятками ударял в бока тощую крестьянскую клячу, пытаясь заставить ее прибавить ходу. Некоторые узнавали в нем царского брата и торопливо кланялись.

Не получив вестей от Дмитрия Шуйского, Валуев на третий день после сражения произвел сильную вылазку из острога. Весть о гибели русской армии поколебала стойкость осажденных. Гетман прислал к Валуеву Ивана Салтыкова. Этот тушинец клятвенно обещал, что король снимет осаду со Смоленска и вернет русским все порубежные города, едва страна признает Владислава своим царем. Валуев поддался на уговоры и заявил о признании смоленского соглашения.

Гетман Жолкевский имел теперь под своими знаменами казаков Заруцкого и воинов Валуева — многотысячную русскую рать. Он рассчитывал склонить на свою сторону Яна Сапегу. Но наемники Сапеги, не получив от короля денег, ушли в Калугу к самозванцу.

Военное положение России ухудшалось со дня на день. Получив поддержку от Сапеги, Лжедмитрий возобновил наступление на Москву и занял Серпухов. Армия Жолкевского вступила в Вязьму и приближалась к русской столице с запада.

Царь Василий пытался найти помощь в Крыму. По его призыву на Русь прибыл Кантемир-мурза с 10 тысячами всадников. Крымцы прошли мимо Тулы и устремились к Оке. Шуйский выслал навстречу Кантемир-мурзе гонца с богатыми дарами. Князю Пожарскому он поручил сопровождать казну до самых татарских станов. Следом за Пожарским на Оку прибыл князь Лыков с четырьмя сотнями стрельцов. Кантемир-мурза, по прозвищу Кровавый Меч, благосклонно выслушал царские «речи» и принял великие дары. Но он успел оценить ситуацию, сложившуюся в Подмосковье. Не желая ввязываться в борьбу с тушинцами и поляками, вероломные союзники повернули оружие против войск Шуйского и разогнали отряд Лыкова. Сапега довершил дело, а Кантемир-мурза с Оки ушел в степи.

Поражения сыпались на Шуйского одно за другим. После Клушина он остался без армии. Царь приказал

готовить столицу к осаде. Но дни династии были уже сочтены.

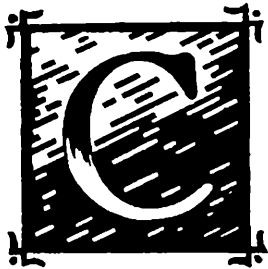
Напрасно самодержец посылал гонцов в провинцию, требуя от воевод подкрепления. Рязанские дворяне, помогавшие царю высидеть в осаде против Лжедмитрия II, ответили дерзким отказом на все его обращения. Мятеж возглавил думный дворянин Прокопий Ляпунов. Стремясь как можно скорее покончить с властью Шуйского, он тайно снесся с боярином Василием Голицыным и другими противниками Шуйского в Москве. На всякий случай он завел сношения также и с «калужским вором».

Известие о наступлении Лжедмитрия вызвало восстание в Коломне и Кашире. Меньшие люди и казаки заявили о поддержке «законного» царя. Коломничи увлекли за собой жителей Зарайска. Но воеводой в Зарайске был тогда князь Дмитрий Пожарский, а с ним шутки были плохи. Пожарский укрылся в каменной крепости и отказался подчиниться «миру». В крепости хранились все запасы продовольствия, и там же зажиточные горожане держали свои ценности. Непреклонность воеводы внесла в их ряды разброд. Пожарский выждал, когда волнения улеглись, и заключил соглашение с представителями посада. Суть договора весьма точно выражала политическое кредо Пожарского: «...будет на Московском царстве по старому царь Василий, ему и служить, а будет кто иной, и тому также служить» — служение не лицу, а государству Российскому.

Зарайский воевода действовал смело и энергично, чтобы спасти столицу от надвигавшейся опасности. Он послал воинских людей в Коломну и добился того, что коломничи, одумавшись, отложились от «вора». Военное положение столицы несколько улучшилось. Но Шуйского могло спасти разве чудо. Крушение надвигалось неотвратимо.



БОЯРСКИЕ ПРАВИТЕЛИ



современники недаром называли Москву «царствующим градом». Судьба царя Василия была решена с того момента, как московское население отвернулось от него. Царь боялся выйти из своего дворца. Собираясь большой толпой под окнами дворца, москвичи кричали Шуйскому: «Ты нам больше не царь!»

Филарет Романов выехал из Тушина с последними польскими отрядами, чтобы найти пристанище в королевских обозах под Смоленском. Но он не успел добраться до места назначения. Царские воеводы пленили его и отправили в Москву. Василий Шуйский не осмелился судить «воровского» патриарха и опрометчиво разрешил ему остаться в столице. В лице Филарета Шуйские приобрели опаснейшего врага.

Тушинские бояре не могли договориться с московскими, пока они поддерживали самозванца. Все переменялось с тех пор, как тушинцы заключили договор о передаче трона Владиславу. Кандидатура королевича оказалась одинаково приемлемой как для Филарета Романова, так и для вождей московской думы, недовольных Василием Шуйским. К пропольской партии в Москве примкнул глава думы удельный князь Федор Мстиславский, дед которого был выходцем из Литвы. Однако сторонники Владислава до поры до времени остерегались открыто провозглашать свои цели. Во-первых, они боялись прослыть пособниками вторгшихся в страну врагов. Во-вторых, бояре отдавали себе отчет в том, что народ не желает видеть на троне иноземного принца-католика.

Инициативу свержения династии взяли на себя сторонники Василия Голицына. Князь Василий давно протягивал руки к короне. Он казнил царя Федора Годунова, затем руководил расправой с Лжедмитрием. Теперь настала очередь Шуйского. Голицын отбросил прежнюю осторожность, когда убедился в поддержке провинции. Прокопий Ляпунов, подняв против Шуйского весь Рязанский край, вступил в сговор с ним. В осадные годы в Москве жило много рязанских дворян. Они охотно поддержали заговорщиков.

Положение столицы ухудшалось со дня на день. По Смоленской дороге к городу двигались польские войска. Из Калуги в окрестности Москвы прибыл Лжедмитрий II вместе с боярином Дмитрием Трубецким и другими тушинцами, сохранившими верность царьку. Располагая тремя тысячами казаков, Трубецкой не решился штурмовать неприступные московские укрепления и прибегнул к хитрости, чтобы проложить себе путь в столицу. Пусть москвичи ссадят несчастливого царя Василия, предлагали тушинцы, а они, князь Трубецкой с товарищами, покончат с царьком, после чего Московское царство выберет себе нового государя, который положит конец братоубийственной войне.

Агитацию Трубецкого поддержал не только вчерашний тушинский патриарх Филарет, но и Василий Голицын, тайно готовивший переворот. Противники Шуйского решили действовать без промедления.

17 июля 1610 г. Иван Никитич Салтыков, Захарий Ляпунов и другие заговорщики собрали на Красной площади внушительную толпу и обратились к посадку с призывом свергнуть царя, принесшего стране бесконечные беды. Опасаясь противодействия Гермогена, мятежники ворвались в патриаршие палаты и захватили его. Заложниками в руках толпы стали бояре, которых искали повсюду и тащили на Лобное место. Помня о прежних неудачах, заговорщики не стали штурмовать царский дворец, а все внимание обратили на армию. Последнее слово принадлежало вооруженной силе. Для отражения самозванца командование сосредоточило полки в Замоскворечье. Туда-то и повели толпу Салтыков и Ляпунов. Престарелого патриарха волокли, не давая ему отдышаться. С бояр не спускали глаз.

В военном лагере за Серпуховскими воротами открылся своего рода Земский собор с участием думы, высшего духовенства и восставшего народа. За низложение Василия Шуйского высказались Голицыны, Мстиславский, Филарет Романов. Патриарх Гермоген пытался защищать Шуйских, но его не стали слушать.

Для переговоров с Шуйским собор направил в Кремль бояр Воротынского и Федора Шереметева, а также патриарха со всем священным собором. Посланцы постарались добром уговорить царя покинуть трон. Свояк князь Воротынский обещал промыслить ему особое удельное княжество со столицей в Нижнем Новгороде. Василий не слушал увещаний и не желал расставаться с царским посохом. Тогда его силой свели из дворца на Старый двор.

Низложив царя, собор направил своих представителей в лагерь Лжедмитрия подле Данилова монастыря. Многие члены собора полагали, что «воровские» бояре тут же свергнут своего царька и вместе со всей землей приступят к выборам общего государя. Их ждало жестокое разочарование. Князь Дмитрий Трубецкой и прочие тушинцы предложили москвичам открыть столичные ворота перед истинным государем.

Иллюзии рассеялись. Наступила минута общего замешательства. Партия Шуйских преодолела растерянность и попыталась восстановить утраченные позиции. Патриарх обратился к народу с воззванием, моля вернуть на престол прежнего царя. Начальник Стрелецкого приказа Иван Шуйский через верных людей пытался склонить кремлевских стрельцов к тому, чтобы совершить новый переворот.

Тогда заговорщики решили довести дело до конца. Вместе с Захарием Ляпуновым в их «совете» участвовали думный дворянин Гаврила Пушкин и множество уездных дворян. На этот раз заговорщики обошлись без обращения к Земскому собору. Они не постеснялись нарушить только что принятые соборные решения. Собрав немногих стрельцов и толпу москвичей, они явились на двор Шуйского, прихватив с собой некоего чудовского чернеца. Дворяне держали бившегося в их руках самодержца, пока монах совершал обряд пострижения. «Инока Варлаама» тут же вытащили из хо-

ром и в крытой повозке отвезли в Чудов монастырь*.

В самый день переворота Захарий Ляпунов с рязанцами стали «в голос говорить, чтобы князя Василия Голицына на государстве поставити». Но заговорщики просчитались. Боярская дума во главе с Федором Мстиславским категорически воспротивилась избранию Голицына. Пропольская партия в думе имела возможность выдвинуть кандидатуру Владислава, но она не осмелилась сделать этого. Переворот внес в ее ряды шатания и разброд. Филарет уловил настроения столичного населения и, «забыв» о соглашении с Сигизмундом III, предпринял попытку усадить на трон своего четырнадцатилетнего сына Михаила.

Однако ни Голицыны, ни Романовы не добились поддержки большинства в Боярской думе и на Земском соборе. Члены собора постановили отменить выборы царя до времени, когда в столицу съедутся предста-

* Из России Василий Шуйский и двое его братьев были привезены в Варшаву. В глубокой тайне их доставили в Гостынский замок. Содержали под крепкими караулами. Люди, видевшие в то время Василия, так описали его внешность: пленник был приземист и смугловат. Он носил бороду лопаткой, наполовину седую. Небольшие воспаленные глаза царя уныло глядели из-под густо заросших бровей. Нос с горбинкой казался излишне длинным, а рот чересчур широким на круглом лице.

Василия держали в тесной каменной камере над воротами замка. К нему не допускали ни его родственников, ни русскую прислугу. Князь Дмитрий Шуйский жил в каменном нижнем помещении. Братья имели неодинаковый возраст и обладали неодинаковым здоровьем. Но умерли они почти одновременно. Царь встретил свой смертный час 12 сентября 1612 г. Никто из близких не присутствовал при этом. Дмитрий скончался пять дней спустя. Тюремщики разрешили его жене и слугам наблюдать за агонией князя.

Страже запрещено было произносить имя узников. В акте о смерти Василия чиновник записал: «Покойник, как об этом носится слух, был великим царем московским». Стремясь рассеять подозрения насчет насильственной смерти, составители акта записали: «Покойный жил около семидесяти лет». На самом деле Василию едва исполнилось шестьдесят. Его брат Дмитрий был на несколько лет моложе. Трупы умерших тайно предали земле, чтобы никто не догадался о местонахождении могил. Младшего из трех братьев, Ивана Шуйского, палачи пощадили. «Мне, — говорил князь Иван позже, — вместо смерти наивнейший король жизнь дал». Помилованному Шуйскому уготована была судьба таинственного узника. Он должен был забыть свое подлинное имя и происхождение. Отныне он фигурировал под именем Ивана Левина. Расходы на его содержание урезали до трех рублей в месяц. Оставшиеся у него дорогие вещи были отобраны в королевскую казну.

Как ни старался Сигизмунд III спрятать концы в воду, слух о тайном преступлении достиг России. Московские летописцы нисколько не сомневались в том, что братья Шуйские погибли в Литве «нужной» (насильственной) смертью.

вители всей земли. В провинцию помчались гонцы с наказом выбирать из всех чинов по человеку для участия в избирательном соборе.

По давней традиции Боярская дума выделяла в период междоусобицы особую комиссию из своего состава для управления страной. Следуя обычаю, Земский собор поручил дела — впредь до съезда представителей провинции — семи избранным боярам. Так образовалась знаменитая московская семибоярщина. В нее входили Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков.

Дворяне, приказные люди, стрельцы, казаки, гости и «черные люди» принесли присягу на верность временному боярскому правительству. Со своей стороны, бояре обязались «стоять» за Московское государство и подготовить избрание нового царя «всей землей».

Обстоятельства не благоприятствовали семибоярщине. Вслед за войсками Лжедмитрия II к Москве подошел гетман Станислав Жолкевский с огромной армией. При нем находился Заруцкий с казаками и воевода Валуев с войском, присоединившийся к договору об избрании Владислава на московский престол.

Жолкевский предложил Лжедмитрию II совместно штурмовать Москву. Одновременно он предложил мир боярскому правительству при условии, что царем на Москве станет Владислав.

Семибоярщина пыталась использовать переговоры, чтобы протянуть время и помешать объединению двух неприятельских армий. Но бояре тщетно пытались перехитрить гетмана. Нетерпеливый Лжедмитрий II занял столичные предместья и попытался овладеть Замоскворечьем. Находившийся при нем Ян Сапега с литовскими людьми штурмовал Серпуховские ворота. Поляки из войска Жолкевского не спешили на помощь к Сапеге. Зато русские союзники гетмана — Валуев с отрядом — снялись с места и бросились на помощь москвичам. Не спросив Жолкевского, Валуев атаковал Сапегу и погнал его прочь от Серпуховских ворот.

По случайному совпадению бой у Серпуховских ворот произошел в то самое время, когда Мстиславский собственной персоной прибыл в ставку Жолкевского для переговоров. Глава думы тут же приписал успех дня своим дипломатическим стараниям. Ощувив почву

под ногами, пропольская партия навязала думе решение не избирать на царство никого из московских бояр. Путь к избранию Владислава и миру с поляками оказался теперь расчищен.

Предложения насчет унии между Россией и Речью Посполитой обсуждались Боярской думой еще при царе Борисе Годунове. Дума поначалу отвергла их. Но под влиянием крестьянской войны отношение к унии стало меняться. Шуйский обнаружил неспособность справиться с народными движениями, и знать искала выход в союзе с феодальными верхами Речи Посполитой. С избранием Владислава на трон бояре рассчитывали использовать королевскую армию для наведения порядка в стране. Мстиславский и многие другие влиятельные бояре мечтали получить такие же привилегии, которыми пользовались польские магнаты.

Сторонники унии добились поддержки Земского собора главным образом потому, что выступали в роли миротворцев. Дворянам бесконечно надоела война, и они верили, что с помощью росчерка пера можно положить конец и иноземному вторжению, и междоусобиям.

В своих манифестах Сигизмунд обещал прибавить русским дворянам вольностей и избавить их от тиранических порядков. Подобные посулы нисколько не прельщали московитов. Куда больше феодалов волновал вопрос о землях и крестьянах. Дворянские представители имели численное преобладание на Земском соборе. Им предстояло принять окончательное решение. Не желая передоверять дело семибоярщине, дворяне постановили взять переговоры с Жолкевским в свои руки. В польский лагерь явилось, как прикинул гетман, около пятисот человек дворян, стольников и детей боярских. Соборные представители отправились на переговоры едва ли не в полном составе. От имени дворян речь держал князь Черкасский. Жолкевский ответил на все его вопросы.

Гетман вел рискованную игру. Он обещал московитам все что угодно. Посреди переговоров в его ставку прибыл королевский гонец. Жолкевский получил новые инструкции: московиты должны были присягнуть разом Сигизмунду и его сыну Владиславу. Победы вскружили голову королю. Он домогался царской короны по праву завоевателя.

Жолкевский возражал против нарушения соглашения

с русскими. Одержав блистательную победу, он рассчитывал на то, что ему удастся осуществить планы унии. Гетман скрыл от бояр содержание королевских инструкций и постарался довести переговоры до конца. Обстоятельства властно заставляли его спешить.

Московские бояре и не догадывались о затруднениях в польском лагере. Война опустошила казну Сигизмунда III, и гетману нечем было платить солдатам. Наемное воинство во все времена не отличалось надежностью. Наемники сражались, пока им исправно платили. Под Москвой солдаты заявили, что не могут довольствоваться одними обещаниями. В войске Жолкевского назревал мятеж. Сама того не ведая, семибоярщина спасла гетмана, приняв обязательство оплатить его военные издержки. Бояре выдвинули единственное условие. Поляки должны были получить деньги после подписания договора.

Предотвратив мятеж, Жолкевский все же не смог удержать в повиновении свое разношерстное воинство.

В свое время «боярин» Иван Заруцкий увел несколько тысяч казаков из Тушина под Смоленск. Казаки помогли Жолкевскому разгромить армию Дмитрия Шуйского и прибыли с ним в окрестности Москвы. Заруцкий ждал наград, но его постигло жестокое разочарование. Патриарх Гермоген и Мстиславский легко отпустили грехи своей заблудшей братии, Романову и прочим тушинцам. Но они категорически отказались допустить в свою среду «казачьего боярина», помощника Ивана Болотникова. В их глазах он оставался подлинным исчадием ада, живым напоминанием о временах крестьянского восстания. Бывшие тушинские царедворцы, еще недавно заискивавшие перед атаманом, поспешно отвернулись от него. Иван Михайлович Салтыков жестоко осмеял казака, когда тот в качестве боярина заикнулся о своих местнических правах. Атаман пытался найти поддержку у Жолкевского. Но гетман не желал раздражать боярское правительство.

Казаки выказывали недовольство сговором с поляками уже в лагере под Смоленском. Но Заруцкий умело сдерживал недовольных. Теперь он сам возглавил мятеж. Казачье войско вышло из повиновения гетману, покинуло его лагерь и перешло в стан Лжедмитрия II. Сторонники самозванца встретили казаков с ликованием, как братьев.

Московские бояре вздохнули с облегчением, едва лишь узнали о том, что страшный Заруцкий и его казаки покинули польский лагерь. Последние преграды к соглашению с Жолкевским пали.

16 августа 1610 г. Мстиславский, Романов, Голицын и члены Земского собора привезли гетману текст соглашения об избрании Владислава на царский трон. На другой день посланцы Жолкевского Валуев и Салтыков явились в Кремль и зачитали народу текст московского договора. Бояре прошли в Успенский собор и принесли присягу. Из Кремля начальные люди и население направились на Новодевичье поле, где их ждал Жолкевский с поляками. По замечанию гетмана, на поле собралось более 10 тысяч русских. В присутствии народа русские и польские вожди торжественно утвердили договор.

Среди членов московского собора и столичного населения единодушия не было и в помине. Вследствие того боярское правительство не решилось передать договор на подпись выборным земским членам. Мстиславский, Голицын да Шереметев запечатали документ своими печатями, двое думных дьяков поставили на них подписи. Тем дело и ограничилось.

Московский договор был плодом компромисса, который не мог удовлетворить ни одну из сторон. Боярская дума и патриарх не допускали и мысли о том, что на православном царстве утвердится католический государь. Жолкевский считал абсурдной перспективу крещения королевича, но согласился на коронацию Владислава по православному обряду.

Предпринимая поход в Россию, король обещал папе римскому распространить истинную веру на эту варварскую страну. Гермоген не уступал Сигизмунду в фанатизме. Чтобы предотвратить распространение католичества в России после воцарения Владислава, патриарх потребовал смертной казни для тех русских, которые «похотят малоумием своим» принять «папешскую веру». Для короля и его католического окружения требования Гермогена были так же неприемлемы, как и пожелания насчет перехода Владислава в православие.

Московское соглашение подтвердило незыблемость традиционных русско-польских границ. Именем Сигизмунда Жолкевский обязался очистить после воцарения Владислава все порубежные русские города, занятые королевскими войсками. Однако в вопросе о прекраще-

нии военных действий стороны не достигли ясности. С начала интервенции главным пунктом борьбы стал Смоленск. Соглашение о передаче трона Владиславу и нерушимости границ, казалось бы, автоматически влекло за собой прекращение осады крепости. Однако Жолкевский категорически отверг представления бояр на этот счет. Гетман знал, что Сигизмунд задался целью присоединить Смоленск к коронным владениям и никогда не отступит от поставленной цели. Поэтому он лишь обещал, что будет просить короля прекратить бомбардировку и осадные работы под Смоленском. Бояре удовлетворились неопределенными словесными обещаниями и согласились на компромисс, отдававший предательством. Гарнизон и население Смоленска изнемогали в неравной борьбе. Боярское правительство, подписав договор, фактически бросило их на произвол судьбы.

Семибоярщина не заручилась окончательным согласием претендента и его отца. Тем не менее она отдала приказ о немедленной присяге царю Владиславу. Текст присяги заключал в себе два пункта. Первый из них предусматривал посылку послов к Сигизмунду с просьбой отпустить сына на царство. К этому пункту был прибавлен второй с клятвой верности царю Владиславу «всея Руси». В спешке боярские правители утратили не только осторожность, но и здравый смысл. В их действиях была логика, но то была логика отчаянно трусивших людей.

Каким бы непопулярным ни был царь, олицетворением зла в глазах народа всегда были лихие бояре. Когда бояре свергли Шуйского и потребовали присяги себе, возникло подозрение, что страна и вовсе может остаться без «надежи государя». Столичный гарнизон насчитывал до 15 тысяч человек, у самозванца было не более трех — пяти тысяч воинов. Но бояре слишком хорошо помнили триумфальное вступление Отрепьева в столицу. С законным царем они обороняли Москву от второго самозванца в течение полутора лет. Без царя на троне бороться с «добрым Дмитрием» было куда труднее. Поэтому семибоярщина и решила не медлить ни дня с провозглашением Владислава царем всея Руси. Не сумев управиться с доставшейся им властью, бояре надеялись утихомирить народ именем законного государя Владислава Жигимонтовича. Семибоярщина не учла того,

что ее кандидат не обладал необходимой популярностью ни в русской столице, ни в провинции.

Московский договор поставил людей перед трудным выбором: покориться ли лихим боярам с их чужезранным принцем, либо предпочесть истинного православного Дмитрия! Миф о добром сыне Грозного вновь стал овладевать воображением народа. Боярские правители напоминали человека, увязшего в трясине. Чем судорожнее они цеплялись за власть, тем глубже погружались в пучину. Объявив об избрании Владислава, верхи окончательно оттолкнули от себя народ. Свидетели московских событий единодушно утверждали, что москвичи — «черный люд» — всячески противились намерению возвести на трон королевича. В обычных условиях дума, опираясь на волю Земского собора, без больших затруднений решила бы вопрос о престолонаследии. Низы не имели представителей в думе и на соборах. Но в обстановке Смуты влияние народа неизмеримо возросло.

Большая часть столичного населения не приняла участия в шествии на Новодевичье поле, устроенном боярами. На другой день после присяги монахи Симонова монастыря послали гонцов-монахов к царьку с поклоном. Прошло еще два дня, и множество московского народа, не желая присягать католическому государю, покинуло столицу и перебралось в лагерь самозванца.

Провинция имела еще больше оснований негодовать на семибоярщину, чем столица. Правители попрали приговор Земского собора и не стали ждать съезда выборных от всей земли. Они избрали государя без участия страны. Последствия не заставили себя ждать. В августе произошли волнения в Твери и Владимире, Ростове, Суздале и Галиче. «Черный люд» в этих городах объявил о поддержке Лжедмитрия II.

Избрание Владислава благоприятствовало сплочению феодальных верхов. Целой толпой явились в Москву бывшие тушинцы, давно перешедшие на королевскую службу. Настороженно встречало их столичное население, не забывшее голодных «осадных» лет. Все ждали, что скажет глава церкви, ярый противник Тушинского лагеря. Настал день, когда Михаилу Салтыкову пришлось отправиться в Успенский собор за патриаршим благословением. Гермоген для вида учинил ему строгий допрос и тут же простил, снисходя к его слезному и умильному покаянию.

Примеру Салтыкова последовали многие дворяне, до последнего момента державшиеся за Лжедмитрия II. Они также вернулись в Москву и принесли присягу Владиславу. Но чем больше дворян покидало Калужский лагерь, тем вернее приобретал Лжедмитрий себе сторонников среди московской городской бедноты, крестьян и холопов.

Пожар гражданской войны разгорался с новой силой. Дух Болотникова вновь витал над страной. Народ готов был начать все сначала. Именно страх перед назревающим восстанием низов погнал бояр в стан интервентов. С помощью иноземного войска они надеялись навсегда покончить с крестьянско-казацкими таборами. Московский договор заключал пункт, который в глазах бояр был едва ли не самым важным. По их настоянию Жолкевский принял на себя обязательство «промышлять» над воровскими таборами до тех пор, пока «вор» не будет убит или взят в плен, а его лагерь перестанет существовать, после чего земля «в тишине станет». После воцарения Владислава предстояло решить вопрос о самом существовании вольных казаков.

На рассвете 27 августа Жолкевский окружил лагерь самозванца в селе Коломенском. Мстиславский с полками поддержал его наступление. Гетман предъявил ультиматум Яну Сапеге, но тот отказался покинуть царька. Не желая проливать кровь соотечественников, Жолкевский вместо атаки вступил в переговоры с «вором». Именем Сигизмунда он обещал передать ему во владение Самбор, если он не будет мешать королевским делам в России. Самозванец отклонил предложение и, выскользнув из Коломенского, укрылся в близлежащем Никольском монастыре.

Бояре сосредоточили в поле у Коломенской заставы 15 тысяч воинов. Не надеясь на свои силы, они вновь призвали на помощь Жолкевского. Гетман потребовал, чтобы ему разрешили провести войска кратчайшим путем через Москву. Едва наступила ночь, стража распахнула крепостные ворота. Пройдя по пустынным улицам Москвы, войска Жолкевского соединились с ратью Мстиславского и направились к Никольскому монастырю. Кто-то заблаговременно предупредил «вора», и он до рассвета бежал в Калугу. Польские войска вернулись в свой лагерь, пройдя через крепость вторично.

Жолкевский информировал бояр о том, что войско

Ина Сапеги окончательно покинет царька, если ему будут заплачены деньги. Мстиславский с готовностью откликнулся на обращение. Получив 3 тысячи рублей, сапежинцы покинули окрестности Москвы. Гетман вел ловкую дипломатическую игру. Польские части отличались значительно большей надежностью, нежели немецкие, французские и английские наемники, переброшенные в Москву из Швеции на помощь Василию Шуйскому и поднявшие мятеж в разгар решающей битвы под Клушином.

Боярские правители с тревогой взирали на тех, кто еще недавно предал их. Гетман дал понять боярам, что охотно распустит «немецкий» сброд, едва лишь сможет расплатиться с ним. Мстиславский с товарищами вновь клюнули на удочку и представили ему крупные субсидии. Жолкевский преодолел кризис, угрожавший развалом его армии, и расплатился с наемниками. Отобрав 800 самых боеспособных солдат, он отправил прочь 2500 наемников немцев, англичан, французков. Численность его армии сократилась до 6—7 тысяч человек.

После принесения присяги Владиславу Москва снарядила великих послов к королю, чтобы в его лагере под Смоленском завершить мирные переговоры. Посредством долгих уговоров и лести Жолкевский убедил Голицина и Романова взять на себя исполнение почетной мирной миссии. Впоследствии гетман откровенно признался, что сознательно удалил из Москвы этих лиц. Филарет Романов продолжал выступать рьяным защитником своего детища — смоленского соглашения. Но после низложения Шуйского его не покидала надежда видеть на троне сына Михаила, и он вел хитрую игру. Жолкевский подумывал о том, чтобы отослать к королю Михаила Романова, но тот был слишком мал, чтобы можно было включить его в посольство. Потому гетман и решил послать к королю Филарета, чтобы иметь в своих руках заложника. Голицын был для Владислава еще более опасным соперником, чем малолетний Михаил. Понятно, почему Жолкевский не желал оставлять его в Москве.

С послами под Смоленск выехало около пятидесяти человек. Они представляли все чины, или палаты, Земского собора. От православного духовенства к королю отправились кроме Филарета несколько столичных игуменов и старцев. Москву представляли вместе с Голицыным окольниковый Мезецкий, московские дворяне и

стольники. В Смоленск отправились также выборные дворяне из Смоленска, Новгорода, Рязани, Ярославля, Костромы и двух десятков более мелких городов. Стрелецкий гарнизон Москвы представлял голова Иван Козлов и семеро стрельцов, столичный посад — богатый гость Иван Кошурин, портной мастер, ювелир и трое других торговых людей. Москву покинул весь цвет Земского собора, все те, кто сыграл активную роль в недавнем перевороте.

Москвичи целовали крест иноверному королевичу в надежде на немедленное прекращение войны. Но мир все не приходил на исстрадавшуюся землю. Московские послы слали с дороги неутешительные вести. Королевские войска продолжают грабить и жечь русские села и деревни, как будто московского договора вовсе и не было. Козельск подвергся дикому погрому. В пепел обратился Калязин монастырь. В народе все настойчивее толковали, что Сигизмунд готовится сам занять русский трон. Король не пользовался популярностью даже у своих подданных в Речи Посполитой. Москвичам было ненавистно самое его имя.

Боярское правительство не смогло дать стране ни мира, ни популярной династии. И народ отвернулся от него окончательно. Всяк, кто побывал в Москве в те тревожные дни, мог наблюдать это своими глазами.

Знать пиროвала в кремлевском дворце с королевскими ротмистрами, а за окнами дворца чернь волновалась и грозила боярам расправой. Королевские приспешники слали под Смоленск донос за доносом. Москвичи, утверждали они, замышляют одни поддаться «вору» со столицей, другие сами желают стать господами, и мало их, кто бы не был бунтовщиком. Жолкевский целиком разделял опасения доносчиков. Склонная к возмущению московская чернь, писал он, в любой момент может призвать обманщика Лжедмитрия. Находившийся в Москве монах Авраамий Палицын вспоминал, что в столице многие стали «прямить» «калужскому вору» и тайно ссылаться с его людьми.

По иронии судьбы, вчерашние тушинцы — Михаил Салтыков с товарищами — громче всех кричали об опасности переворота в пользу Лжедмитрия II. Они сознательно пугали столичную знать тем, что чернь того и гляди перебьет власть имущих и отдаст Москву «вору». Ссылаясь на опасность народного возмущения, Салты-

ков требовал немедленного введения в Москву иноземцев наемников.

Вожди семибоярщины обладали достаточным политическим опытом и не закрывали глаза на опасность внешнего вмешательства. Заключая договор с Жолкевским, они старались не допустить вступления королевских войск в столицу. Солдаты Жолкевского согласно договору могли посещать Москву по особому разрешению, и притом группами не более двадцати человек. Бояре сами же нарушили подписанный ими договор, когда призрак переворота вселил ужас в их души.

Инициативу приглашения наемных войск в Кремль взяли на себя Мстиславский, Иван Романов и двое других бояр. Все вместе они располагали непрочным большинством в семибоярщине. Жолкевский прекрасно разбирался в мотивах, которыми руководствовались его новые союзники. Боярские правители, говорил он, страшлись своего народа и желали под защитой его войск обезопасить себя от ярости низов.

Мстиславскому и его сообщникам не сразу удалось осуществить свои замыслы. Когда по их приглашению в Кремль явился полковник Гонсевский и русские приставы повели его осматривать места расквартирования рот, москвичи заподозрили неладное и ударили в набат. Вооружившись чем попало, народ бросился в Кремль. Попытка ввести в крепость иностранные войска была сорвана.

Королевская партия в Москве рано праздновала победу. Она не могла считать свой успех полным, пока в столице продолжал функционировать собор, низложивший Шуйского. Жолкевский понимал значение Земского собора и постарался ослабить его, отослав самых влиятельных его членов с посольством под Смоленск.

Народное выступление на мгновение оживило силы угасавшего земского представительного учреждения. Члены собора попытались стряхнуть оцепенение и оказать противодействие планам Мстиславского.

Патриарх Гермоген пригласил к себе двух членов семибоярщины, Андрея Голицына и Ивана Воротынского, и при их содействии созвал на своем подворье чиновных людей — дворян и приказных. Патриарх дважды посылал за Мстиславским и прочими начальными боярами, но те отговаривались занятостью. Выведенный из терпения, он пригрозил, что вместе с толпой сам

явится в думу. Лишь тогда Мстиславский с товарищами прибыли на собор.

По словам Жолкевского, у Гермогена собралось великое множество людей, не столько из простого народа, сколько из дворян и служилых людей. Атмосфера в зале заседаний накалилась. Дворяне, забыв о дипломатическом этикете, бранили гетмана за многочисленные нарушения заключенного договора. Вопреки соглашению, говорили они с возмущением, Жолкевский раздаст поместья по своему произволу, не считаясь с правами собственности. Он желает царствовать на Москве! Он намерен ввести в город свои войска! — заявляли ораторы.

Мстиславский лишний раз обнаружил перед всеми свою никчемность. Подвергшись нападкам со всех сторон, он заботился лишь о том, чтобы спасти свое лицо. С миной оскорбленной добродетели он вновь и вновь твердил, что никогда еще в жизни не нарушал присяги и теперь готов умереть за царя Владислава.

Гермоген более всего негодовал на то, что польское командование не выполнило обязательств относительно истребления таборов и пленения Лжедмитрия II. Дворянское большинство всецело разделяло его чувства. Жолкевский не оправдал их ожиданий. Однако на соборе у него нашлись защитники. Более всех других усердствовал Иван Никитич Романов. Если гетман отойдет от столицы, говорил он, то боярам придется идти за ним, чтобы спастись от черни.

Доброжелатели успели уведомить о соборе пана Гонсевского. Главный помощник гетмана через своего агента князя Василия Черкасского клятвенно заверил членов собора, что польское командование завтра же пошлет свои роты против «калужского вора», если только московские воеводы поддержат польское наступление. Заверения Гонсевского были лживыми от первого до последнего слова. Вместо похода на Калугу он завершал последние приготовления к занятию Москвы. Мстиславский громко повторил ложь Гонсевского и заставил замолчать Гермогена.

Воспользовавшись паузой, бояре объявили об окончании прений и сделали суровое внушение инициаторам собора. Патриарху, говорили они, следует смотреть за церковью и не вмешиваться в мирские дела, ибо никогда не было, чтобы попы вершили дела государства.

Попытка возобновить деятельность Земского собора имела неудачный исход. Сказалось то обстоятельство, что влиятельная верхушка собора была только что удалена из столицы. Немногие из оставшихся осознавали всю меру опасности, угрожавшей государству. Гермоген и его окружение были всецело поглощены планами разгрома Калужского лагеря. Они пытались предотвратить штурм Кремля королевскими войсками, но не желали прибегнуть к помощи той единственной силы, которая могла спасти положение. Глава церкви слишком боялся московского «черного народа», чтобы апеллировать к нему. Страх перед надвигающимся народным восстанием парализовал все усилия Земского собора.

После собора Мстиславский и Салтыков провели совещание с Гонсевским и тотчас же отдали приказ об аресте четырех патриотов, наиболее решительно отвергавших предательские планы. Спустя день бояре вызвали инициаторов Земского собора в ставку Жолкевского. Гетман был верен себе и старался успокоить обеспокоенных земских представителей. Он оправдывался перед ними и уверял, что у него и в мыслях не было забрать из их рук дела управления. Жолкевский расточал медовые речи, предоставив «черную работу» Салтыкову. Вчерашний тушинец осыпал членов собора угрозами и бранью. Он обвинял их в мятеже против законного царя Владислава.

Многие участники собора отказались явиться к гетману. Боярские правители не оставили их в покое. Вместе с Федором Шереметевым Михаил Салтыков по возвращении в Кремль принялся объезжать дворы «мятежников» и вразумлять их. В знатных домах он бранился, соблюдая некоторую меру. С мелкой сошкой он не церемонился. Земским представителям грозили всевозможными карами. Боярин Андрей Голицын и Гермоген пошли на попятную. Они не противились более Мстиславскому. Голицын разъезжал по улицам вместе с Салтыковым и старался успокоить народ, чтобы предотвратить волнения и кровопролитие. Покончив с сопротивлением Земского собора, бояре убрали последние препоны к вступлению иноземных войск в Москву.

Наемные роты вошли в столицу без барабанного боя, со свернутыми знаменами. Жолкевский разместился в Кремле, но при нем находилась лишь небольшая свита. Один из полков занял казармы в Китай-городе, дру-

гой — в Белом городе. Прочие силы остались в Новодевичьем монастыре.

Московское великое посольство тем временем добралось до королевского лагеря под Смоленском. Оно привезло с собой богатые дары для Владислава и его отца.

Сторонники унии между Россией и Речью Посполитой указывали на политические выгоды союза и настаивали на выполнении обязательств, взятых на себя Жолкевским. Но их голоса вскоре смолкли. Из Москвы шли вести, от которых голова шла кругом. Бояре склонились к ногам Владислава. Продолжавшиеся междоусобия окончательно подорвали мощь Русского государства. С боярским правительством можно было больше не считаться. В королевском окружении взяла верх партия войны, хотя ее вожди не одержали никаких побед. Встревоженный Жолкевский поспешил в лагерь под Смоленск. Прощаясь с солдатами, он произнес: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск!» Возвращение Жолкевского, однако, не поправило дела.

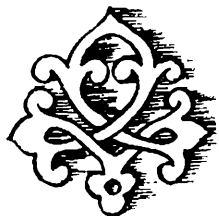
Сигизмунд III не собирался отпускать в Москву Владислава. Пока же он был всецело поглощен достижением ближайшей цели. Король и слышать не желал об очищении захваченных Северских земель, а овладение Смоленском стало для него вопросом личного престижа. Королевские сановники ультимативно потребовали от русских послов немедленной сдачи Смоленска и присяги смолян на имя Сигизмунда III. Сенаторы рисовали перед москвитями мрачную перспективу конечной гибели Русского государства. Жолкевский давал боярам новые обещания. «Не упрямитесь, — говорил он, — как Смоленск сдастся, тогда о выводе королем войск из России договор напишем».

Послы пытались толковать о принятии Владиславом их веры. Канцлер Лев Сапега смеялся им в глаза. «Королевич крещен, — заявил он, — а другого крещения нигде не писано».

18 ноября Голицын вызвал к себе всех земских представителей — дворян, духовных лиц, приказных, стрельцов, посадских людей — и сообщил им о полной неудаче переговоров. В вооруженном королевском лагере послы фактически стали заложниками. Но они не пали духом. После совещания члены собора постановили отстаивать почетные условия мира, чего бы им это ни стоило.

Московский договор, утвержденный Жолкевским, провозгласил личную унию между Русским государством и Речью Посполитой. Сигизмунд отбросил соглашение прочь, как ненужную бумагу. Пока Смоленск сопротивлялся интервентам, королевская армия была прикована к границе. Чтобы окончательно поставить Россию на колени, Сигизмунду III надо было сокрушить Смоленск. 21 ноября 1610 г. поляки возобновили штурм русской крепости. Едва забрезжил рассвет, взрыв огромной силы потряс окрестности. Осела одна из башен, рухнула часть стены. Трижды неприятель врывался в город и трижды принужден был отступить. Гром пушек под Смоленском подтвердил решимость короля продолжать завоевательную войну.

Впустив врага в Москву, семибоярщина совершила акт национального предательства. Потоками крови заплатил за это предательство русский народ.



Глава 6

ПОД ПЯТОЙ ИНОЗЕМНЫХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ



ожь и обман обнаружались не сразу. Мирные иллюзии, порожденные московским договором, широко распространились по всей России. Провинциальные воеводы один за другим приводили население к присяге на имя царя Владислава.

Бояре ждали, что королевич Владислав прибудет в Россию без промедления, и хлопотали о том, чтобы просветить его насчет московских порядков. Дьяки составили для юного государя записку, с тем чтобы познакомить его с московскими порядками. Не жалея красок, они расписывали сказочные богатства царской казны, которую Владислав получал вместе с престолом. С казной ему переходили венцы и одежды царские, золотая и серебряная посуда, бархат, атлас и золототканая камка, бесчисленные соболя и чернобурки и, наконец, деньги. Записка определяла значение Боярской думы при особе самодержца. «Повинность боярам и окольниковым и дьякам думным, — писали дьяки, — быти всегда на Москве при государе безотступно, и заседать в палате, думать о всяких делах, о чем государь расскажет и что царьству Московскому надлежать будет». Авторы записки старались дать юному Владиславу представление о дворянской службе и устройстве полков, финансовой системе государства, главных русских городах.

Несколькими штрихами дьяки обрисовали церемониал двора и порядок угощения государя. Прежде чем кушанье или напиток попадали на царский стол, их должны были отведать последовательно ключники, дворецкий, кравчий и чашник.

Иностранцы любили поворчать на московскую кухню. Вседневная пища русских в самом деле была неприхотливой. Люди насыщались хлебом и всевозможными кашами. Из овощей в ходу были репа и капуста, любимым напитком служил квас. Пища была достаточно однообразной и пресной, и московские кулинары обильно приправляли любое блюдо луком и чесноком. Перец был большой редкостью.

Сторонники королевича опасались, как бы неблагоприятные толки о русской кухне не задержали его приезд, и не поленились составить подробнейшие описания царского меню. Владиславу Жигимонтовичу предстояло всласть поесть русских пирогов. На дворцовых поварнях пекли ежедневно пироги подовые и столовые — одни с сахаром, другие с пшеном и вязигой, с бараниной, рыбой, яйцами или сыром. Московские кулинары выпекали на редкость вкусные калачи, крупитчатые и ржаные, караваи с грибами, блины красные и блины тонкие с икрой. Прямо с огня на царский стол подавали утей «верченых», зайца в репе, жареных лебедей, куру в лапше и потроха гусиные. Государев стол украшали такие диковинки, как «порося живое рассольное под чесноком». Подле порося ставили кострец лосиный подо взваром, желудки с луком, поставец сморчков. Предметом особой гордости царской кухни были разнообразные рыбные блюда: осетринка свежепросоленная, белорыбица свежая, теша белужья, спинка лосося карельской, голова щучья «живая» под чесноком, сельдь паровая переяславская, уха карасевая, «а в ней карась жив», уха раковая. Поскольку королевич был мал, хвалители московской кухни деликатно умалчивали о крепких напитках и ограничивались упоминанием о киселе белом, горшочке молока вареного, ведре меду обварного, которое подавали вместе с полуведром огурчиков. Описание царского меню могло воспламенить воображение любого знатока и ценителя кулинарии.

По всей Европе подлинной страстью коронованных особ была охота. Составители записки для Владислава расхваливали на все лады достоинства царской охоты. К услугам королевича были лучшие охотничьи угодья России, находившиеся в ведении особого чиновника — ловчего. «Где зверинцы лосиные и олени, — писали дьяки, — (где) серны и где медведи и волки, везде то ловчего путь». Некогда охота была подлинной школой

мужества и ловкости. Единоборство с вепрем готовило князя к грядущим военным походам. Шло время, и охота все больше напоминала легкую забаву. Отловленных зверей держали в клетке про государеву потеху, а потом выпускали на пути коронованного охотника. В Ловчем приказе держали медведей и волков, лисиц и зайцев. Триста псарей служили на царской псарне — «у дву собак пеший псарь». Каких только собак не было в царском дворце! Их приобретали для дворца в разных концах Европы. Когда государь выезжал на охоту, двор заполняли борзые, гончие и волкодавы, потешные и меделянские собаки (большеголовые псы наподобие бульдога).

Благожелатели Сигизмунда III напрасно старались прельстить его сына сокровищами московской казны, дворцовой кухней и псарней. Король не собирался отпустить наследника в далекую Московию.

Сигизмунд даже издали не видел Москвы. Но он уже чувствовал себя ее хозяином и не считая раздавал своим русским приспешникам земли, насаждал в приказах своих людей, брал деньги из московской казны. Еще до заключения московского договора Сигизмунд III обещал пожаловать Мстиславского за его «прежнее к нам (королю) раденье»: учинить «выше всей братии твоей бояр». После того как Мстиславский помог Жолкевскому занять Москву, король вспомнил о своих обещаниях и 16 октября особым универсалом пожаловал ему высший чин слуги и конюшего. Такой титул до него носил лишь правитель Борис Годунов при царе Федоре. Вместе с новыми чинами удельный князь получил новые доходы и земли.

Король раздавал думные чины направо и налево, благо это ему ничего не стоило. Он пожаловал в околице Михаила Молчанова, бывшего любимца Отрепьева, и нескольких других худородных дворян. Тушинского дьяка Ивана Грамотина он сделал печатником — хранителем государственной печати.

Сигизмунд III щедро оплатил предательство Михаила Салтыкова. Королевская канцелярия выдала ему жалованную грамоту на богатую и обширную Важскую землю, некогда принадлежавшую правителю Борису Годунову. Михаил Салтыков получил богатства, которые прежде и не снились ему. И все же он был не вполне доволен. Боярину казалось, что он близок к заветной цели.

Стоило сделать последнее усилие, и кормило управления царством оказалось бы в его руках.

Смута внесла немалые перемены в московскую иерархию чинов. Начальник Стрелецкого приказа, стоявший прежде на ее низших ступенях, теперь стал ключевой фигурой в правительстве. Отборные стрелецкие войска, насчитывавшие много тысяч человек, несли охрану Кремля и внешних стен города. Кто командовал стрелецким гарнизоном, тот чувствовал себя подлинным хозяином положения. Король заготовил указ о назначении сына Салтыкова начальником Стрелецкого приказа. Но в Москве Жолкевский распорядился по-своему. С согласия Мстиславского и нескольких других членов семибоярщины он передал этот пост полковнику Александру Гонсевскому. Полковник получил при этом чин боярина и занял место в думе подле прирожденной русской знати.

Еще во времена Отрепьева Гонсевский вел тайные переговоры с боярами, предложившими тогда русский трон Владиславу. Прибыв в Москву в качестве королевского посла, он способствовал свержению Лжедмитрия I. Вмешательство в московские дела дорого обошлось тогда полковнику. Сообщник по заговору Шуйский два года не выпускал его из России. Посол имел возможность близко познакомиться с правящим боярским кругом и сойтись с некоторыми из его членов. Вернувшись в Польшу, Гонсевский торопил короля с нападением. Вторично оказавшись в Москве, он не скупился на внешние знаки дружелюбия, но в душе продолжал считать русских заклятыми врагами. Встав во главе Стрелецкого приказа, он повел дело к тому, чтобы ослабить и расформировать вверенный ему гарнизон. Он рассылал по городам стрелецкие приказы один за другим. «Этим способом, — откровенно писал в своем дневнике один из польских офицеров, — мы ослабили силы неприятеля».

Без поддержки семибоярщины малочисленный польский гарнизон не удержался бы в Москве и нескольких недель. Но время шло, и соотношение сил все больше менялось не в пользу русских. Приближение зимы благоприятствовало осуществлению планов Гонсевского. Дворяне привыкли зимовать в своих поместных усадьбах. Неизирая на тревожное положение в столице, они толпами разъезжались по домам.

Сторонник унии Жолкевский ждал прибытия в Москву Владислава, а тем временем старался любыми средствами предотвратить столкновения между королевскими отрядами и мирным населением. Хорошо зная нравы наемных солдат, он составил детально расписанный устав, грозивший суровым наказанием за мародерство и насилия. На первых порах командование строго следило за его выполнением. Однажды пьяный гайдук, стоявший на карауле у ворот, на глазах у толпы выпалил в икону богоматери, висевшую над воротами. В считанные часы об этом случае знала вся Москва. Город гудел, как потревоженный улей. Поляки поспешили созвать войско и приговорили виновного к смерти. Гайдуку отрубили руки. Затем его бросили живым в костер. Руки прибили к стене под расстрелянной иконой. Военный суд приговорил к смерти еще несколько мародеров. Лишь по ходатайству Гермогена их помиловали.

Благие намерения Жолкевского не дали желаемых результатов. Да и сам он недолго пробыл в Москве. Сторонники завоевания России аннулировали мирные соглашения. Нежданные союзники, пущенные боярами в Москву, все больше превращались в оккупантов.

Столкновения между наемными солдатами и населением оказались неизбежными. Источником постоянных трений служили прежде всего военные реквизиции и поборы.

Присягнув Владиславу, семибоярщина принуждена была взять на себя содержание королевских войск в Москве. Имея в казне немного звонкой монеты, бояре решили возложить расходы по оплате наемников на провинцию. Они выделили на каждую роту по несколько крупных городов. Например, одна из рот получила «в кормление» Суздаль и Кострому. Солдаты посылали в города собственных сборщиков и фуражиров. Один из польских офицеров весьма красочно описал поведение наемников в отведенных им городах. Солдаты, писал он, ни в чем не знали меры и, не довольствуясь миролюбием москвитян, самовольно брали у них все, что кому нравилось, силой отнимали жен и дочерей у русских, не исключая знатные семьи.

Население громко роптало, и семибоярщине пришлось отозвать ротных фуражиров из провинции. Основательно обогатившись, наемники заявили, что согласны отказаться от корма и получать плату звонкой монетой.

За несколько месяцев московская казна, как свидетельствовал Жолкевский, выдала его солдатам сто тысяч только на харчи. Траты на содержание иноземных войск легли тяжким грузом на плечи «черных людей» — податного населения.

Штурм Смоленска ошеломил москвичей, только что присягнувших Владиславу. Бояре по-разному отнеслись к тому, что король грубо попрадал московское соглашение. Прощаясь с Жолкевским, глава думы Мстиславский объявил о готовности пойти на новые уступки. «Пусть король приезжает в Москву вместе с сыном, — сказал он, — пусть он управляет Московским царством, пока Владислав не возмужает». Однако даже среди бояр далеко не все разделяли подобную точку зрения. Первым нарушил молчание боярин Андрей Голицын. Однажды в думу явился заурядный дворянин Иван Ржевский с объявлением о пожаловании его в окошничие. Голицын не мог сдержать гнев и обратился к Гонсевскому с упреками: «Большая кривда нам от вас, паны поляки, делается! Мы приняли Владислава государем, а он не приезжает. Листы к нам пишет король за своим именем, и под его титулом пожалования раздаются: люди худые с нами, великими людьми, равняются». Голицын требовал, чтобы Сигизмунд перестал вмешиваться в московские дела и скорее прислал в Москву сына. «В противном случае, — заявил он, — Москва будет считать себя свободной от присяги Владиславу, и тогда мы будем промышлять о себе сами». Выступление Голицына поддержал князь Иван Воротынский.

Однако Боярская дума пошла за Мстиславским, а не за Голицыным. Под нажимом главы думы семибоярщина решила во всем положиться на волю Сигизмунда. Смоленский гарнизон получил из Москвы приказ немедленно сложить оружие. Капитуляция вызвала возмущение патриотов. Патриарх Гермоген не захотел поставить подпись на боярском приговоре. Михаил Салтыков грозил упрямому старику расправой. Но тот не испугался угроз.

В королевском лагере под Смоленском послы наотрез отказались следовать чудовищному приказу насчет сдачи Смоленска. «Отправлены мы от патриарха, всего священного собора, от бояр, от всех чинов и от всей земли, а эти грамоты писаны без согласия патриарха и без ведома всей земли: как же нам и слушать?» — заявляли они королевским сановникам.

Посол Василий Голицын тайно уведомил Гермогена, что Сигизмунд сам намерен занять русский трон и ни в коем случае нельзя верить его обещаниям прислать в Россию сына. Разоблачения посла накалили обстановку в Москве. Приспешники короля забеспокоились и стали искать повод к расправе с патриотами. При поддержке Салтыкова Гонсевский инспирировал громкий судебный процесс.

В руки властей попал некий казак из войска самозванца. Под пытками пленник оговорил московского попа Иллариона. Поп будто бы отвез к Лжедмитрию письмо от всех сословий православной столицы. Столица якобы звала Дмитрия в Москву, где все готовы немедленно присягнуть ему. Власти нарядили следствие. Им немало помог донос, поступивший от холопа боярина Мстиславского. Холоп сообщил господину, что сам видел заподозренного попа в день отъезда его из Москвы в Серпухов. Показания свидетелей плохо увязывались между собой. Казак толковал о попе Илларионе, а холоп — о попе Харитоне. Но подобная мелочь несколько не смутила следователей. При аресте у Харитона в самом деле нашли «воровские листы». Правда, они не заключали в себе никакого обращения москвичей к Лжедмитрию. При Харитоне были грамоты, каких в то время было очень много в Москве. Самозванец писал престестные листы без счета, обещая всем подряд свои милости. Хотя обнаруженные грамоты были адресованы Гермогену, они не доказывали вину патриарха. Но судьи нашли выход из положения. Они приобщили к делу показания лица, некогда служившего Юрию Мнишеку. Слуга показал, что он «делал измену» Владиславу в компании с Лжедмитрием и Гермогеном.

Попа Харитона несколько раз брали к пытке, пока он не сознался в преступлениях, ранее приписываемых Иллариону. Священник покорно повторял слова, которые подсказывали ему палачи. Боярин Иван Воротынский и князь Засекин, утверждал Харитон, не раз поручали ему носить изменные письма в Калугу. Василий Голицын, продолжал поп, писал Лжедмитрию, едучи под Смоленск. В заговор с «вором» вступил не только Василий, но и Андрей Голицын.

Власти обнародовали официальную версию, «раскрывавшую» планы заговора во всех деталях. Москвичи будто бы намеревались совершить переворот 19 октября

за три часа до рассвета. Они вступили в сговор с серпуховским воеводой Федором Плещеевым, державшим сторону самозванца. Плещеев с казаками должен был ждать на Пахре условного сигнала. С первыми ударами колоколов мятежники должны были проникнуть через тайный подземный ход в Кремль и овладеть Водяными воротами и затем впустить в крепость «воровские» войска. Поляков предполагалось перебить, кроме самых богатых, а князя Мстиславского «огрбить и в одной рубашке привести к вору».

Инициаторы процесса постарались убедить Мстиславского, что заговор был направлен против него лично, а не только и против всех «лучших» столичных людей. Они объявили, что бунтовщики замыслили побить бояр, родовитых дворян и всех благонамеренных москвичей, не участвовавших в «воровском» совете, а жен и сестер убитых вместе со всем имуществом отдать холопам и казакам.

Обвинения по адресу заговорщиков носили обычный характер. Верхи неизменно предъявляли подобные обвинения всем повстанцам, начиная с Болотникова. Правдой в них было лишь то, что восстание в Москве могло вспыхнуть со дня на день. Эмиссары Лжедмитрия II открыто агитировали народ против Владислава. На рыночных площадях стражники и дворяне не раз хватали таких агитаторов, но толпа отбивала их силой. Гонсевскому нетрудно было заполучить сколько угодно доказательств подготовки восстания в столице. Однако ни патриарх, ни Голицыны с Воротынским не имели никакого отношения к назревавшему выступлению низов. Своих казаков эти люди боялись больше, чем иноземных солдат.

Дело о заговоре патриарха и бояр едва не рухнуло, когда разбирательство этого дела перенесли с пыточного двора в помещение суда. Бояре, полковники и ротмистры собрались во дворце, чтобы выслушать важные признания. Как только началось заседание суда, главный свидетель обвинения поп Харитон отказался от своих показаний и заявил, что со страху ложно оговорил бояр Голицыных. Покаяние Харитона испортило спектакль, но не заставило инициаторов процесса отказаться от своих намерений.

Раскрытие мнимого заговора дало Гонсевскому удобный предлог к тому, чтобы ввести наемных солдат в Кремль. Отныне на карауле у кремлевских ворот вместе

со стрельцами стояли немцы-наемники. Ключи от ворот были переданы смешанной комиссии из представителей семибоярщины и польского командования.

Иван Воротынский не очистился от обвинений. Но он проявил покладистость, и после недолгого ареста его вернули в думу. Андрей Голицын доказал на суде свою невиновность. Однако он был решительным противником передачи трона Сигизмунду, и потому его изгнали из думы и заключили под стражу. Патриарха обвинили в тайной переписке с «вором», хотя они всегда были заклятыми врагами. Суд постановил распустить весь штат патриарших слуг — дьяков, подьячих и дворовых людей. В итоге у Гермогена и «писать стало некому». Отныне главу церкви окружали одни соглядатаи Гонсевского.

Гонения на патриарха породили слухи о его открытом сопротивлении супостату — литовскому королю. В провинции толковали, будто Михаил Салтыков требовал от Гермогена благословения на присягу Сигизмунду и грозил зарезать его, но «добрый пастырь» не испугался. Он будто бы созвал в Успенский собор представителей столичных сотен, гостей и торговых людей и с ними вместе приговорил отказать королю в присяге. Литовские роты собрались против собора во всеоружии на лошадях, но Гермоген объявил им о своем решении прямо в лицо.

На самом деле патриарх не имел повода к публичному выступлению. Даже Салтыков не осмелился открыто требовать присяги королю, так как опасался восстания народа. Предатель призывал Сигизмунда распустить слухи о своем походе на Калугу против «вора», а затем внезапно изгоном занять Москву крупными силами.

Подвергнув гонению подлинных и мнимых сторонников Лжедмитрия II в Москве, войска боярского правительства при поддержке королевских рот предприняли наступление на Калужский лагерь. Они изгнали казаков из Серпухова и Тулы и создали угрозу для Калуги. Самозванец потерял надежду удержаться в Калуге и стал готовиться к отступлению в Воронеж, поближе к казачьим окраинам. Он велел укрепить тамошний острог и снабдить его большими запасами продовольствия. Одновременно он послал гонцов в Астрахань на тот случай, если Воронеж окажется для него ненадежным убежищем.

Прошло четыре года с тех пор, как астраханские посадские люди вместе с казачьей вольницей признали власть «добротого Дмитрия» и отложились от Москвы. Социальная суть движения проявилась тут более отчетливо, чем во многих других городах. Астрахань прислала самые крупные подкрепления в армию Болотникова. В дальнейшем казацкие отряды из Астрахани постоянно пополняли войска Лжедмитрия II. По указке своих бояр и гетмана «тушинский вор» казнил нескольких самозваных царевичей из Астрахани. Но с тех пор утекло много воды, и лагерь самозванца вновь выглядел как подлинный казацкий табор. Лжедмитрий рассчитывал найти общий язык с руководителями астраханских повстанцев. Он сообщил им, что намерен вскоре выехать в Астрахань со всей своей семьей.

Боярское окружение, уцелевшее подле царька, становилось все более ненадежным. Некоторые из его придворных подверглись казни по подозрению в измене.

В былое время Лжедмитрий охотно жаловал земли немецким наемникам. Теперь он утратил к ним доверие. Будучи в Калуге, царек велел отобрать у немцев их поместья, а их самих перебить. Царица Марина пыталась спасти немцев, но самозванец приказал передать ей: «Поганые немцы сегодня же умрут, не будь я Дмитрий, а если она будет слишком досаждать мне из-за них, я прикажу и ее тоже бросить в воду вместе с немцами». Марине пришлось проглотить обиду. Царице и ее польским придворным давно не доверяли в казацких таборах.

Недалекий и бесхарактерный Лжедмитрий был лишь номинальным главой Калужского лагеря. Подлинным першителем дел в таборах был атаман Заруцкий. В отличие от своего государя он не предавался унынию, а развернул энергичную войну с интервентами.

Вступив в борьбу с недавними союзниками, Заруцкий шел ее решительно и беспощадно. Он ежедневно рассылал разъезды по всем направлениям от Калуги. Интервенты давно чувствовали себя хозяевами Подмосковья. Им пришлось поплатиться за свою самоуверенность и беспечность. Казаки захватывали королевских дворян и солдат на их зимних квартирах, везли их в Калугу и там топили.

Король Сигизмунд III всегда избегал связывать себя с самозванцем какими бы то ни было соглашениями. Но он охотно использовал его появление для вмешательства

в русские дела. После бегства «вора» из Тушина в Калугу один из его любимцев пан Яниковский дал знать королю, что он и его друзья готовы отрубить «вору» голову и удержать Калугу до подхода коронных войск. В то время Сигизмунд отклонил его предложение. Самозванец еще нужен был ему как противовес Шуйскому.

После избрания Владислава на русский трон самозванец стал помехой для осуществления королевских планов. В конце 1610 г. Сигизмунд особым универсалом повелел жителям Калуги схватить обманщика и прислать его под Смоленск.

Королевский универсал не достиг цели. Калужский лагерь все больше втягивался в войну с интервентами. Чтобы покончить с Лжедмитрием II, были пущены в ход тайные средства. С согласия Сигизмунда в Калугу выехал служилый касимовский царь Ураз-Мухамед. Хан служил в Тушине, откуда перебрался под Смоленск. Однако его сын и жена находились в Калуге при особе самозванца. Ураз-Мухамед штурмовал Смоленск и показал себя усердным слугой короля. Поговаривали, что он поехал в Калугу, скучая по жене и сыну. Ураз-Мухамед мог открыто явиться в Калугу и встретил бы там отменный прием. Но он прокрался в Калужский лагерь исподтишка, сохранив в тайне свое имя. Касимовские татары служили при «воре» телохранителями, и касимовский хан с их помощью мог легко захватить Лжедмитрия и тем самым исполнить приказ короля. Ураз-Мухамеду не повезло. Его опознали и после недолгого розыска казнили как вражеского лазутчика. Пятьдесят татар из охраны царька были взяты под стражу, но затем освобождены. Просчет стоил самозванцу головы.

Погожим зимним утром 11 декабря 1610 г. Лжедмитрий по обыкновению поехал на санях на прогулку за город. С ним был шут Петр Кошелев, двое слуг и человек двадцать татар охраны. Когда вся компания отъехала на приличное расстояние от Калуги, начальник охраны Петр Урусов подъехал вплотную к саням и разрядил в царька свое ружье, а затем для пущей верности отсек убитому голову.

Шут ускакал в Калугу и поднял тревогу. По всему городу зазвонили сполошные колокола. Посадские люди всем миром бросились в поле и за речкой Яченкой на пригорке у дорожного креста обнаружили нагое тело с отсеченной головой. Труп перевезли в Калужский

кремль. Казаки бросились избивать «лучших» татарских мурз, мстя за смерть государя.

Убийство Лжедмитрия явилось следствием заговора. Князь Петр Урусов и его сообщники подверглись аресту как сообщники Ураз-Мухамеда незадолго до покушения. Тогда им пришлось отведать кнута и вынести пытки. Не будучи родней касимовского царя, Урусов не имел причин мстить за его убийство. Зато у него были свои отношения с поляками. Любопытное замечание на этот счет обронил в своих записках Жолкевский. «Некоторые думали, — писал он, — что на сие (убийство. — Р. С.) швел Урусова гетман, подозревали же его в сем, вероятно, потому, что гетман после бегства самозванца из-под Москвы обращался с Урусовым обходительно и ласково».

В Калуге Лжедмитрий занимал с женой лучший дом, именовавшийся царским дворцом. Марина Мнишек была ни сносях. Когда роковая весть достигла дворца, простоволосая и брюхатая «царица» выскочила на улицу и в неистовстве стала рвать на себе волосы. Площадь огласилась воплями и рыданиями. Обнажив грудь, Мнишек требовала, чтобы ее убили вместе с любимым супругом. Поляки, находившиеся при «государыне», дрожали за свою жизнь.

Немногие оставшиеся в Калуге бояре намеревались, не медля ни минуты, ехать в Москву с повинной. Атаман Зируцкий пытался бежать из острога, чтобы укрыться в степях. Но калужане не выпустили его из города.

Ян Сапега, стянувший силы для борьбы с казаками, решил использовать момент, чтобы склонить калужан к сдаче. Он подступил к городу и попытался вступить в переговоры с царицей и боярами. Калужане воспротивились переговорам. Опасаясь измены, они заключили под стражу Марину Мнишек и усилили надзор за боярами.

Оказавшись под домашним арестом, Мнишек не оставляла надежды на помощь единоверцев. В литовский лагерь пробрался странник. В его корзине припрятана была восковая свеча. Свечу осторожно разломали, и оттуда выпала свернутая в трубку записка от Марины Мнишек. «Освободите, освободите, ради бога! — писала Мнишек. — Мне осталось жить всего две недели. Спасите меня, спасите! Бог будет вам вечной наградой!»

Сапега не посмел штурмовать Калугу и отступил прочь. Опасность миновала, и низы поуспокоились.

Никто не знал, что делать дальше. Самозванец никому не нужен был мертвым. Труп лежал в холодной церкви более месяца, и толпы окрестных жителей и приезжих ходили поглядеть на его голову, положенную отдельно от тела. После смерти Лжедмитрия II в его вещах нашли талмуд, письма и бумаги, писанные по-еврейски. Тотчас стали толковать насчет еврейского происхождения убитого «царика».

Задержанные в Калуге «воровские» бояре настойчиво искали соглашения с московскими. Семибоярщина направила в Калугу князя Юрия Трубецкого, чтобы привести тамошних жителей к присяге. Но восставший «мир» не послушал Трубецкого. Калужане выбрали из своей среды земских представителей «из дворян, и из атаманов, и из казаков, и из всяких людей». Выборные люди выехали в Москву, чтобы ознакомиться с общим положением дел в государстве. Депутация вернулась с неутешительными новостями. Казаки и горожане видели иноземные наемные войска, распорядившиеся в Кремле, и негодующий народ, готовый восстать против притеснителей.

Возвращение выборных из Москвы покончило с колебаниями калужан. Невзирая на убеждения бояр, «мир» приговорил не признавать власть Владислава до тех пор, пока тот не прибудет в Москву и все польские войска не будут выведены из России. Посланец семибоярщины Юрий Трубецкой едва спасся бегством. Восставшая Калуга вновь бросила вызов боярской Москве.

Тем временем Марина, со страхом ждавшая родов, благополучно разрешилась от бремени. В недобрый час явился на свет «воренок». Вдова Отрепьева жила с самозванцем невенчанной, так что сына ее многие считали «зазорным» младенцем. Марину честили на всех перекрестках. Как писали летописцы, она «воровала со многими». Поэтому современники лишь разводили руками, когда их спрашивали о подлинном отце ребенка. Даже после смерти мужа Мнишек не рассталась с мыслями об основании новой московской династии. «Царица» давно позабыла о преданности папскому престолу и превратилась в ревнительницу православия. После рождения ребенка она объявила казакам и всему населению Калуги, что отдает им своего сына, чтобы те крестили его в православную веру и воспитали по-своему. Обращение достигло цели.

Разрыв с Москвой и рождение «царевича» напомнили «миру» о непогребенном самозванце. Калужане торжественно похоронили тело в церкви. Затем они «честно» крестили наследника и нарекли его царевичем Иваном. Движение, казалось бы, обрело свое знамя. Так думали многие из тех, кто присутствовал на похоронах и крестинах. Но мечты вскоре рассеялись в прах. Сыну самозванца не суждено было сыграть в последующих событиях никакой роли. Народ остался равнодушным к поворожденному «царевичу».

Смерть Лжедмитрия II вызвала ликование в московских верхах. Но знать радовалась преждевременно. Возбуждение, царившее в столице, не только не улеглось, но усилилось. Для пресечения недовольства боярское правительство использовало королевские войска. Вмешательство чужеродной силы придало конфликту новый характер и направление. Социальное движение приобрело национальную окраску. Ненависть против лихих бояр не улеглась, но она все больше заслонялась чувством оскорбленного национального достоинства. Народу нестерпимо было видеть, как чужеземные завоеватели с благословения бояр распоряжаются в их родной стране.

Внешних поводов к раздору и конфликтам было больше чем достаточно. Москва давно забыла о дешевом черниговском хлебе. Волнения в Рязанщине довершили беду. Цены на продовольствие стремительно поползли вверх. Жителям пришлось затянуть пояса. Но наемники уже чувствовали себя хозяевами города и не желали мириться с дороговизной. Они либо навязывали московским торговцам свои цены, либо отбирали продукты силой. На рынках то и дело вспыхивали ссоры и драки, которые в любой момент могли перерасти в общее восстание. Не раз в городе раздавался призывный звон колоколов, и толпы возбужденных москвичей заполняли площадь.

Гонсевскому пришлось держать свои войска в постоянной боевой готовности. Гусары, как писал один поляк, по нескольку раз на день садились в седло и целыми днями не расседывали лошадей. Наемные роты в боевом строю несли стражу у кремлевских ворот.

С осадного времени много пушек было расставлено на стенах деревянного города и Белого города. Немало орудий осталось лежать под навесом у земского двора.

Власти распорядились перетащить их в Кремль и Китай-город. Туда же свезли все запасы пороха, изъятые из лавок и с селитряных дворов. Бояре боялись внутренних врагов больше, чем внешних. Отныне пушки, установленные в Кремле и Китай-городе, держали под прицелом весь обширный московский посад.

С согласия семибоярщины Гонсевский усилил строгости. Его гусары патрулировали улицы и площади столицы. Власти распорядились разобрать решетки, которыми на ночь перегораживали столичные улицы. Всем русским запрещено было выходить из домов с наступлением темноты и до рассвета. Случалось, что жители, отправляясь поутру на рынок, натыкались на улицах на трупы иссеченных стрельцов либо посадских людей. Москвичи не оставались в долгу. По словам Гонсевского, они заманивали «литву» в глухие и тесные места на посаде и там избивали их. Извозчики сажали пьяных наемников к себе в сани, отвозили на Москву-реку и топили в воде. В столице шла необъявленная война, беспощадная и жестокая.

Заклучив союз с интервентами и отдав Москву во власть наемного войска, боярское правительство потеряло гораздо больше, чем выиграло. Пропасть между верхами и низами расширилась. Московский договор не дал стране мира, но связал ее по рукам и ногам. Интервенция приобрела неслыханные масштабы. Перспектива утраты национальной независимости вызвала глубокую тревогу в патриотически настроенных кругах московского населения.

Патриотическое движение в столице возглавили Василий Бутурлин, Федор Погожий и некоторые другие лица, не принадлежавшие к знати. Осенью московский кружок установил контакты с Прокопием Ляпуновым в Рязани. Прокопий своевременно получил информацию о провале мирных переговоров в королевском лагере от своего брата Захария, участвовавшего в великом посольстве. Осознав опасность, Ляпунов тотчас обратился с личным письмом к московской семибоярщине. Послание было весьма длинным, со множеством цитат из Священного писания. Ляпунов запрашивал бояр, исполнит ли король условия договора и можно ли ждать приезда Владислава в Москву.

Вскоре Прокопий увиделся с Василием Бутурлиным, уехавшим осенью на отдых в свое рязанское поместье.

Через Бутурлина московские патриоты договорились с Ляпуновым насчет совместного выступления против интервентов.

Штурм Смоленска вызвал возмущение у русских людей. Прокопий Ляпунов прислал в Москву гневное послание к боярам. Вождь рязанских дворян обвинял короля в нарушении договора и призывал всех патриотов к войне против иноземных захватчиков. Ляпунов грозил боярам, что немедленно сам двинется походом на Москву ради освобождения православной столицы от иноверных латинян. Вскоре же Ляпунов прислал в столицу гонца со «смутными грамотами» к Бутурлину. Агенты семибоярщины арестовали гонца и обнаружили при нем письма. Неудачливый слуга попал на кол, а Бутурлина взяли к пытке. На пытке стольник признался, что замышлял поднять восстание в столице и звал рязанцев помочь москвичам в их борьбе против интервентов.

Гермоген сопротивлялся планам сдачи Смоленска и тем снискал симпатию патриотов. Кружок неизвестных московских патриотов пытался использовать имя патриарха как знамя освободительного движения. Члены кружка распространили по всей столице воззвание с длинным и витиеватым заглавием. Москвичи зачитывались «Новой повестью о славном Российском царстве, о страданиях святейшего Гермогена и новых изменниках». Прокламация воспринималась как обвинительный приговор семибоярщине. Из державцев земли, писали авторы повести, бояре стали ее губителями, променяли свое государское приращение на худое рабское служение коварному врагу. Совсем наши благородные оглупели и душами своими пали, а нас всех выдали. Если от боярских чинов и есть люди, желающие в сердце постоять за веру и за нас всех, то такие не смеют подняться. У них нет сил, чтобы сразиться за правое дело. Изменным боярам авторы прокламации старались противопоставить фигуру праведного пастыря Гермогена. Прокламация звала граждан к оружию. «Мужайтесь и вооружайтесь и совет между собой чините, как бы нам от всех врагов избыти. Время подвига пришло!» Свой призыв авторы «Повести» подкрепляли авторитетом Гермогена, но ссылка на него носила двусмысленный характер. «Что стали, что оплошали? — писали они. — Али того ждете, чтобы вам сам великий тот столп (патри-

арх. — Р. С.) своими устами повелел дерзнуть на врагов? Сами ведаете, его ли то дело, повелевать на кровь дерзнути».

Патриарший сан прочно привязывал Гермогена к боярскому лагерю. Напрасно поляки обвиняли его в сговоре с «вором». Груз социальных предрассудков мешал патриарху оценить происшедшие в жизни перемены. Даже после смерти Лжедмитрия II Гермоген отказывался иметь какие бы то ни было отношения с казаками из Калужского лагеря. А между тем казаки были единственной организованной силой, вступившей в борьбу с интервентами.

В Рязани знамя восстания поднял Ляпунов. Рязанцы казались Гермогену подозрительными и не заслуживающими доверия людьми. Некогда они отвергли Годунова в пользу Лжедмитрия I, затем поддержали Болотникова, еще позже ссадили с трона Шуйского.

Гермоген долго искал себе единомышленников и наконец нашел их в лице нижегородцев. Нижний Новгород ни разу не поддался уговорам самозванцев и избежал «прелести» Болотникова. Твердыня на Волге стояла, подобно утесу среди бушующего моря. Нижегородцы, по замыслу патриарха, и должны были спасти Россию. В глубокой тайне Гермоген составил яркое послание к населению Нижнего Новгорода. В нем глава церкви торжественно объявил, что отныне он освобождает всех русских людей от присяги Владиславу. Престарелый пастырь заклинал нижегородцев не жалеть ни жизни, ни имущества для изгнания из страны неприятеля и защиты своей веры. «Латинский царь, — писал Гермоген, — навязан нам силой, он несет гибель стране, надо избрать себе царя свободно от рода русского!»

Бояре имели соглядатаев при патриаршем дворе и своевременно узнали об опрометчивом шаге владыки. Получив донос от бояр, Гонсевский велел устроить засаду на дорогах, связывавших столицу с поволжскими городами. Дворянин Василий Чертов, взявшийся доставить патриаршую грамоту нижегородцам, был захвачен польскими разъездами неподалеку от заставы.

Нижегородцы так и не получили патриаршую грамоту. Кружок московских патриотов действовал куда успешнее. В конце января 1611 г. их гонцы доставили в Нижний Новгород грамоты от имени смолян и от всего народа Московского государства. Москвичи призывали

народ не верить предателю Салтыкову и поднять знамя священной борьбы против захватчиков.

Боярское правительство, опираясь на верные части и наемников, ввело в столице осадное положение. Кружкам московских патриотов пришлось свернуть свои действия. В итоге им не удалось объединить ропщущий народ для решительного выступления против предавшего его правительства.

Центр земского освободительного движения переместился в провинцию. Рязанцы с недоверием обратили свои взоры в сторону Калуги. Однако с гибелью продажного комедианта Лжедмитрия II пали препоны на пути к объединению сил, боровшихся против иноземных захватчиков.

Застигнутая врасплох семибоярщина запросила военной помощи у Сигизмунда III. Король направил в тульские и рязанские места запорожских казаков. 26 декабря 1610 г. атаман Андрей Наливайко сжег Алексин и создал угрозу Туле. Прочие запорожцы соединились в пределах Рязанщины с отрядом Исака Сумбулова, присланным боярами из Москвы.

Широковещательные послания Ляпунова произвели сильное впечатление на столицу. Но, объявляя войну боярскому правительству, думный дворянин замешкался со сбором войска. Часть первостатейных рязанских дворян сохраняла верность семибоярщине. Служилая мелкота, преобладавшая в уезде, готова была поддержать патриотический призыв Ляпунова. Но собрать помещиков из их усадеб среди зимы оказалось делом трудным. Ляпунов владел вотчиной на реке Проне. Кажется, там и застало его начало военных действий. Вождь рязанских дворян успел укрыться в Пронске. Вместе с ним в крепости собралось две сотни воинских людей. Сумбулов и казаки окружили Пронск со всех сторон и попытались захватить Ляпунова.

Крепость Пронск была окружена деревянными стенами. К крепости примыкал острог, опоясанный рвом и надолбами. Пронские дворяне держали в крепости несколько десятков осадных дворов. Подле города раскинулись стрелецкие и казачьи слободы. Будучи заперт в крохотном городке и оказавшись в «великой тесноте», Ляпунов разослал повсюду призывы о помощи. К счастью для него, на воеводстве в соседнем рязанском городке Зарайске оказался князь Дмитрий Пожарский.

Будучи патриотом, Пожарский лишь ждал сигнала к выступлению против иноземных завоевателей. Призвав ратных людей из Коломны и Рязани, Пожарский внезапно для неприятеля показался в окрестностях Пронска.

Внезапное появление в тылу крупных сил испугало Сумбулова, и он вместе с казаками отступил.

Пожарский и Ляпунов с земской ратью торжественно вступили в Рязань. Восставший народ восторженно приветствовал их. Жители Зарайска просили Пожарского вернуться, не мешкая, в город. Князь Дмитрий простился с Ляпуновым и с невеликими людьми вернулся на воеводство.

Между тем Сумбулов, вытесненный из Рязанщины, направился в Москву, решив внезапным ударом захватить Зарайск. В ночной мгле его ратники ворвались на посад. Пожарскому нетрудно было отсидеться за высокими соснами Зарайского кремля. Но он всегда предпочитал наступление. Едва забрезжил рассвет, его воины атаковали врагов и при поддержке горожан изгнали их с посада. Сумбулов бежал в Москву.

Пожарский не посылал обличительных посланий боярскому правительству, но именно его распорядительность и энергия спасли дело. Победы Пожарского под Пронском и Зарайском окрылили восставших.

Король приказал запорожцам следить за всеми движениями Ляпунова и Заруцкого и быть готовыми уничтожить их. Но его приказ не был выполнен. Заруцкий вытеснил запорожцев из-под Тулы, Пожарский изгнал их из-под Пронска и Зарайска. Патриотическое движение быстро набирало силу.

Борьба против общего врага объединила силы двух главных центров восстания. Преодолев недоверие, рязанские дворяне заключили союз с казаками из Калужского лагеря.



«МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНИЕ»



Открытое восстание в Рязани подействовало на страну, как искра, зароненная в пороховой погреб. Почва для взрыва была давно готова. На огромном пространстве от северных городов до Казани на востоке и Вологды на севере города один за другим заявляли о поддержке освободительного движения. Земский лагерь сложился в мгновение ока. Население проявляло невиданную до того активность. Посадские «миры» собирали сходки и выносили постановление не признавать более власть боярского правительства, сотрудничавшего с интервентами. Казанский посад еще в декабре 1610 г. послал в Москву дьяка Евдокимова, но ему не удалось установить связи ни с Гермогеном, ни с подпольными кружками патриотов. Неудача имела важные последствия. Казанцы стали ориентироваться на Калужский лагерь как единственную организованную силу, противостоявшую захватчикам. Рассказы дьяка о бедствиях столицы произвели на казанцев ошеломляющее впечатление и явились сигналом к восстанию. С оружием в руках казанцы поднялись против бояр и иноземных завоевателей. Не ведая о калужских событиях, казанские жители по требованию стрельцов и меньших людей принесли присягу на верность Лжедмитрию II. «Мир» поклялся биться с литовскими людьми до смерти. Местные воеводы оказались бессильны противиться народу. Их попытка подчинить стихию имела печальный исход. Знаменитый боярин Богдан Бельский, сидевший в Казани на воеводстве, был убит толпой.

В Муроме, Нижнем Новгороде, Ярославле, Владими-

ре переворот произошел мирным путем, без кровопролития. 24 января 1611 г. нижегородцы известили Ляпунова, что они решили по совету всей земли и благословению Гермогена тотчас идти освобождать Москву от богоотступников бояр и литовских людей. На помощь нижегородцам прибыл из Мурома отряд дворян и казаков. Ляпунов поспешил прислать в Нижний целую миссию во главе со своей родней стряпчим Иваном Биркиным, чтобы выработать единый план действий.

В Ярославле местное дворянство преодолело колебания после того, как в город прибыл атаман Андрей Просоветский с казаками. Сторонники ополчения окончательно взяли верх и поклялись стоять «заодно» за Московское государство. Восставшие города выработали текст присяги на верность России. Ярославские дворяне принесли присягу с существенной оговоркой: «А буде король не даст нам сына своего на Московское государство... и воинских людей (из России. — *Р. С.*) не ответит, — объявили они, — и нам битися до смерти». Ярославцы не изжили мирных иллюзий и допускали возможность соглашения с семибоярщиной и Владиславом.

Невзирая на иллюзии, ярославцы вели энергичные военные приготовления. Местный воевода собрал под свои знамена уездных дворян. К ним присоединилось три сотни старых казаков. В отряды ополчения шли записываться жители городов и деревень. Искусные ярославские оружейники выковали для них две тысячи железных копий. Нашлись и пушки. Одни были сняты с крепостных стен, другие извлечены со старых складов и починены мастерами. Пан Гонсевский сослал из Москвы на север пятьсот столичных стрельцов. Оказавшись в Ярославле, стрельцы объявили о разрыве с боярским правительством и вступили в ярославское ополчение.

Боярское правительство располагало внушительными силами до того, как Гонсевский начал рассылать части столичного гарнизона по городам. Когда же города восстали, у бояр не оказалось сил, чтобы покарать их. На исходе зимы бояре собрали несколько полков и направили их к Владимиру. Наступление имело двойную задачу: помешать сбору отрядов ополчения на ближних подступах к Москве и обеспечить подвоз хлеба в столицу из суздальских деревень.

Владимирский воевода Артемий Измайлов успел

известить об опасности Прокопия Ляпунова, и тот послал отряд в тыл наступавшему из Москвы боярину Куракину.

11 февраля Куракин попытался разгромить отряды Измайлова и Просовецкого неподалеку от Владимира. Но войска боярского правительства бились без одушевления и бросились бежать после первой же неудачи. В пути они узнали о том, что рязанцы перерезали Большой Владимирский тракт и устроили засаду в районе Ундола. Беглецам пришлось спешно свернуть на север и пробираться проселками к Юрьевцу Польскому.

Ляпунов не раз оповещал города о своем решении выступить к Москве, но каждый раз откладывал поход. Боярское правительство сумело удержать Коломну, направив туда воеводу с верными войсками. Превосходно укрепленный город, Коломна преградила восставшим путь к столице. Руководители Калужского лагеря еще 13—14 февраля 1611 г. пригласили к себе рязанцев для выработки общих планов наступления на Москву. Последствия калужского совещания тотчас дали себя знать. В окрестности Коломны прибыл бывший «воровской» боярин Иван Плещеев с казаками. При поддержке местного населения казаки овладели Коломной. Узнав о падении Коломны, Ляпунов приказал отправить туда пушки и перевезти на повозках разборную деревянную крепость — гуляй-город.

Совместные действия калужских и рязанских отрядов обеспечили ополчению еще один крупный успех. Боярское правительство удерживало Серпухов, пока там находились польские роты. Едва наемники покинули город, население поднялось на восстание. Заруцкий прислал в помощь восставшим своих казаков, Ляпунов направил пятьсот рязанских и вологодских стрельцов.

Закрепившись на ближних подступах к столице, Ляпунов обратился к городам с грамотами, в которых излагал план общего наступления в целях освобождения Москвы. Ополченцы из Владимира, Нижнего и Казани должны были идти в Коломну для соединения с рязанцами. Отрядам из Тулы, Калуги и северских городов предстояло начать наступление из Серпухова.

Ляпунову не удалось осуществить свой замысел. Замосковские воеводы отклонили его план: они опасались оставить свои города без защиты и не преодолели давнего недоверия к казакам.

Отказавшись от намерения объединить силы в Коломне, земские воеводы повели наступление на Москву каждый своим путем. Ляпунов выступил в поход 3 марта. Владимирский воевода Измайлов вместе с атаманом Просовецким, с нижегородцами и муромцами выступили в поход лишь неделю спустя. Ярославское и костромское ополчения задержались в Ростове до середины марта.

В столице события развивались куда быстрее, чем того ждали руководители ополчения. Кризис надвигался неумолимо.

Салтыков и Гонсевский изгнали из семибоярщины князя Андрея Голицына, сочувствовавшего освободительному движению. Место князя Андрея в думе занял его брат князь Иван, подчинившийся большинству. Сокрушение оппозиции в Москве произвело сильное впечатление на великих послов. Лишившись поддержки единомышленников в Москве, Василий Голицын и Филарет стали усиленно искать соглашения с Сигизмундом. В начале февраля 1611 г. они договорились насчет размещения в Смоленске двухсот польских солдат и попытались убедить смоленский гарнизон принять соглашение. Воевода Шеин и смоляне, однако, не приняли их посредничества, слишком хорошо понимая, что речь идет о сдаче крепости неприятелю. Уступки послов не приблизили долгожданный мир.

Гетман Жолкевский, убедившись в провале унии, пытался убедить короля и сенаторов в необходимости нормальных дипломатических переговоров с боярским правительством в Москве для заключения выгодного мира. Но Сигизмунд, не одержав ни одной победы, уже мнил себя завоевателем России и отказывался следовать советам лучшего из своих полководцев.

Подобно Гермогену, послы решительно отмежевались от восстания земских людей в городах. Невзирая на уступку послов в вопросе о Смоленске, король в середине марта вызвал их в свою ставку и подверг аресту. Позже стража ограбила посольские пожитки и перебила челядь. Сами послы были увезены в Литву пленниками. Не одобряя подобного образа действий, Жолкевский покинул королевский лагерь под Смоленском и уехал на родину. Его отъезд развязал руки тем, кто требовал окончательного разгрома и расчленения России. Все это немедленно сказалось на положении дел в Москве. Гонсевский отбросил прежние цере-

монии и говорил теперь с боярскими правителями языком диктата. Созвав в Кремле членов думы, он обратился к ним с речью, полной угроз. Если бояре не умирят немедленно всех бунтовщиков, заявил он, прольются потоки крови. Припугнув правителей, полковник обрушился с упреками на главу церкви. Он предъявил думе «смутные грамоты», перехваченные его солдатами.

Вина патриарха представлялась очевидной и доказанной. Одержимый старческой немощью, Гермоген имел смущенный вид, но ни на минуту не отказывался от попыток оправдаться. Сидевший подле него архиепископ Арсений слышал, как старец вновь и вновь упрямо твердил, что абсолютно непричастен к восстанию народа. Патриарх был по-своему прав. Он не поддерживал никаких связей с главными центрами движения в Калуге и Рязани и решительно отказывался отвечать за действия земского ополчения. Власти могли предать суду и низложить Гермогена. Но они приняли к сведению его оправдания и сохранили за ним пост главы церкви. Двуличная политика владыки помогла ему выжить.

В конце февраля 1611 г. Гонсевский потребовал от московской казны выдачи крупных сумм на все наемные роты и предоставления съестных припасов ввиду дороговизны в городе. Патриоты узнали об этом и подняли на ноги народ. Пока полковники торговались с боярами в палатах, на площади собралось около трех тысяч посадских людей. Толпа шумела и требовала выдать им на расправу изменника Салтыкова. Бояре не осмелились выйти к народу.

Из-за восстания в провинции Москва осталась без продовольствия. Цены на московских рынках стали повышаться быстрее, чем прежде. Наемники все чаще пускали в ход силу, чтобы заставить продуктами. В феврале на торгу произошла драка между москвичами и «литвой». Иноземная стража налетела на рыночную толпу с палашами. Пятнадцать москвичей были убиты на месте. Многие отделались ранами.

Приближалась пасха — самый большой церковный праздник, неизменно собиравший в столице множество народа. Гонсевский пытался запретить пасхальные шествия. Но семибоярщина отклонила его требование. Правители боялись усугубить возмущение народа и прослыть слугами безбожных еретиков. Они рассчитывали

убедить массы в том, что мнимый мученик Гермоген — столп православия — как и прежде, стоит заодно с ними.

17 марта наступил день пасхи. Под праздничный перезвон сотни больших и малых колоколов Гермоген выехал из ворот Кремля во главе праздничной процессии. Обычно сам царь шел пешком и вел под уздцы осла, на котором гордо восседал владыка. Вместо государя осла под Гермогеном вел дворянин, которому бояре поручили исполнять обязанности отсутствовавшего Владислава.

Красочная процессия напомнила москвичам старое, безмятежное время. Ничто, казалось бы, не изменилось. Двадцать нарядных дворян шли перед патриархом и устилали его путь дорогой тканью. За ослятью везли сани с деревом, обвешанным яблоками. Сидевшие в санях певчие мальчики распевали псалмы. Следом шло духовенство с крестами и иконами, бояре и весь народ. Москвичи по привычке поздравляли друг друга и в знак взаимного прощения и примирения христосовались. На их лицах, однако, не было и тени радостного умиления. Не мир, а вражда и ненависть витали над столицей.

В Кремле и Китай-городе конные и пешие роты наемников стояли в полной боевой готовности с оружием в руках. Бояре и столичная знать взирали на них с надеждой. Лишившись поддержки населения и растеряв войска, они видели в наемном воинстве последнее прибежище и надежду. Глубокая граница незримо разделила город. Власть имущие уверенно чувствовали себя лишь в Кремле да в Китай-городе. На обширном посаде, в Белом городе и в предместьях их окружала стена ненависти. Народ не скрывал своих подлинных чувств к безбожной «литве» и ее пособникам-боярам. В день пасхи в Кремле дело обошлось без инцидентов, но в Белом городе произошли стычки.

Толпа празднично одетых горожан запрудила узкие улочки на Кулишках. Как вдруг из городских ворот на улицу выехал обоз. Вооруженная прислуга принялась расталкивать москвичей, расчищая путь для саней. Посадские мужики не стали чиниться с иноземными гостями и пустили в ход колья. Обозная прислуга побросала повозки и бросилась бежать. К месту происшествия прибыли посланцы бояр. Их встретили бранью и презрением, и они поспешили ретироваться.

К марту 1611 г. недовольный столичный люд не

сомневался более в том, что боярское правительство доживает свои последние дни. Со всех сторон к Москве двигались отряды земского ополчения. Патриоты деятельно готовили восстание в самой столице. Они незаметно стягивали в город воинские силы, доставляли оружие. Глухими переулками по ночам возвращались в Москву стрельцы. Горожане охотно прятали их в безопасных местах. Переодевшись в городское платье, ратные люди терялись в уличной толпе и беспрепятственно проникали внутрь крепостных укреплений.

Боярское правительство сознавало, что восстание на посаде может вспыхнуть в любой момент. Поэтому оно издало приказ об изъятии у москвичей оружия. Польские солдаты и боярская стража отбирали у посадских не только пищали и сабли, но и топоры и ножи. Тех, кто нарушал запрет, ждала смертная казнь. На городских заставах стража тщательно обыскивала обозы. Нередко она находила в телегах под мешками хлеба длинноствольные пищали и сабли. Оружие забирали и свозили в Кремль, а возниц топили в реке. Казни, однако, не помогали.

С утра 19 марта Мстиславский, Салтыков и Гонсевский стали готовить внутренние крепости к боевым действиям. Солдаты свозили отовсюду орудия и устанавливали их на стенах Кремля и Китай-города. Меньшой люд не скупился на брань и насмешки по адресу солдат. Один из ротмистров, руководивший установкой пушек возле Водяных ворот, распорядился привлечь к работам извозчиков, наблюдавших за солдатами издали. Извозчики понимали, на кого обрушат огонь пушки, и отказались помочь солдатам. Наемники ухватили несколько мужиков за шиворот. Началась потасовка. Извозчики ловко орудовали оглоблями, но не могли оборониться от сабель и мушкетов. Много русских было убито на месте.

Кремлевские часовые дали знать о происшествии Гонсевскому. Не дослушав обедни, тот выскочил из Фроловских ворот на площадь и попытался положить конец драке. Но, увидев множество убитых москвичей, он махнул рукой и, по словам польского очевидца, предоставил наемникам «докончить начатое дело». Стычка вскоре превратилась в общее побоище. В Кремле запели трубы. Роты строились вокруг знамен и в боевом порядке атаковали безоружную толпу. Наемники коло-

ли и рубили всех, кто попадался им на пути. Они завалили трупами площадь и прилегающие рыночные улочки.

Солдаты быстро покончили с сопротивлением в Китай-городе. Но основная масса столичного населения проживала не в Китай-городе, а в Белом городе и Замоскворечье⁹.

Обширный посад, раскинувшийся за пределами Кремля и Китай-города, был заселен весьма неравномерно. С запада к Кремлю примыкало изрезанное оврагами пространство, носившее название Чертолье. Там располагались государевы конюшни. Чертолье, а также кварталы между Арбатом и Дмитровкой и царские сады вдоль берега Москвы-реки в Замоскворечье относились к числу наименее заселенных районов столицы. Зато там, где находились центры ремесленного производства, плотность населения была весьма высока. Многочисленные оружейники жили на Большой и Малой Бронных улицах, подле Пушечного двора за Лубянской, кузнецы и котельщики — в Земляном городе за Яузой, ткачи — в Кадашевской слободе в Замоскворечье. Преимущественно в пределах Белого города размещались стрелецкие слободы. Кварталы, густо заселенные городской беднотой — меньшими людьми, стали главными очагами восстания в столице. Военские слободы не отставали от них. Стрельцы промышляли мелким торгом и промыслом. Рассылка стрелецких приказов по городам привела к тому, что много семей осталось без кормильцев.

Столица давно превратилась в настоящий пороховой погреб. Народное недовольство достигло крайних пределов. Резня в Китай-городе оказалась искрой, брошенной в порох. В Белом и Земляном городе, по всему Замоскворечью тысячи москвичей взялись за оружие. Стрельцы поддержали восстание посада.

Наемные роты, разделавшись с толпой в Китай-городе, получили приказ занять Белый город. Однако тут они с первых шагов натолкнулись на организованное сопротивление. Стоило вражеским солдатам показаться на улице, как москвичи в мгновение ока стали воздвигать на их пути баррикады. От мала до велика — все брались за работу. Со дворов тащили вязанки с дровами, выбрасывали бочки, столы, лавки. Конница наталкивалась на завалы и останавливалась. Улочки были узкие, и пока одни старались достать всадников шестами из-за

изгороди и осыпали градом камней, другие стреляли по ним с крыш и из окон. В нескольких местах жители раздобыли пушки и установили их посредине улиц. Конные роты были вынуждены отступить в Кремль. Их место заняли отряды немцев наемников, чья жестокость не знала предела. Когда мушкетеры Якова Маржарета вернулись после побоища в Кремль, они похожи были на мясников. Их с ног до головы покрывала кровь иссеченных москвичей.

Действия королевских наемников вписали самую трагическую и кровавую страницу в историю московской смуты. Ответственность за трагедию несли в равной мере как Гонсевский, так и бояре. Не одни изменники вроде Михаила Салтыкова, а вся Боярская дума, многие дворяне и гости оказались в решающий момент в стане врага. Мстиславский и Воротынский, Романов и Шереметев, Лыков и Головины деятельно помогали Гонсевскому справиться с выступлением низов. Народ и правящие верхи с первых дней восстания оказались по разные стороны баррикад.

Московское восстание явилось прежде всего крупнейшей вспышкой гражданской войны. Несмотря на то что бояре давно ждали выступлений и готовились их подавить, события застали их врасплох. В высших кремлевских кругах поначалу царила растерянность. Прошло совсем немного времени, и бояре, преодолев замешательство, полностью присоединились к полякам и стали деятельно помогать им. На совещании у Гонсевского члены думы громко бранили людей без роду и племени, решившихся на бунт. Высшее духовенство разделяло их негодование. Епископ Арсений, ставший одним из главных руководителей церкви после опалы Гермогена, усердно убеждал полковника, что посадские мужики «ударили в набат без воли бояр и священнослужителей».

Столичные дворяне боялись черни куда больше, чем иноземных солдат. Они живо представляли картину народной расправы: смерть боярина Петра Шереметева в Пскове, боярина Богдана Бельского в Казани. Торжество низов, считали они, приведет к окончательному крушению порядка в государстве.

В Москве находились сотни видных дворян. Лишь немногие из них — считанные единицы — стали в ряды сражающегося народа. В эту плеяду входили князь

Дмитрий Пожарский, Иван Матвеевич Бутурлин и Иван Колтовской. Трудно решить, как оказался в Москве Пожарский. После выступления на стороне Ляпунова он, естественно, не мог рассчитывать на снисхождение Салтыкова и Гонсевского. Воевода мог переждать трудные времена в безопасном месте — крепости Зарайске. Но его тянуло туда, где назревали решающие военные события. Сомнительно, чтобы такой трезвый человек, каким был Пожарский, стал бы рисковать головой, чтобы повидать в Москве своих близких. В столице было голодно, и дворянские семьи предпочитали провести зиму в сельских усадьбах. Так что к семье князь Дмитрий поехал бы в Мугреево, а не в столицу. Остается предположить, что зарайский воевода, будучи одним из вождей земского ополчения, прибыл в Москву для подготовки восстания. Если бы атака ополчения была поддержана восстанием внутри города, судьба боярского правительства была бы решена. Спровоцированное наемниками выступление спутало все планы патриотов.

19 марта с утра Пожарский был на Сретенке подле Лубянки в своих хоромах. Когда в Китай-городе позвонили в колокола, он бросился со своими людьми на улицу. Мгновенно оценив обстановку, воевода отправился в стрелецкую слободу, стоявшую неподалеку. Собрав стрельцов и посадских людей, Пожарский дал бой наемникам, показавшимся на Сретенке возле Введенской церкви. Вслед за тем он послал своих людей к Неглинной, где располагался Пушкарский двор. Пушкари тотчас пришли на подмогу и привезли с собой несколько легких пушек. Встреченные орудийными выстрелами, наемники отступили по Сретенке к Китай-городу.

В разных концах посада главными узлами сопротивления стали стрелецкие слободы. В слободе против Ильинских ворот стрельцы нашли руководителя в лице Ивана Бутурлина. Попытки Гонсевского прорваться в восточные кварталы Белого города провалились. Бутурлин дал отпор врагу на Кулишках и не пропустил его к Яузским воротам. Стрелецкие слободы на Тверской улице встали несокрушимой преградой на пути рот, пытавшихся пробиться в западные кварталы. Наемники не дошли до Тверских ворот и, неся потери, повернули вспять.

В Замоскворечье сопротивление возглавил Иван Колтовской. Повстанцы воздвигли высокие баррикады

подле самого наплавного моста и с них обстреляли Водяные ворота Кремля.

За оружие взялись тысячи москвичей. Их гнев и ярость грозили смести с пути все преграды. Наемники потерпели решительную неудачу в Белом городе. Теснимые со всех сторон, они отступили в Китай-город. «Видя, что исход битвы сомнителен,— доносил Гонсевский королю,— я велел поджечь Замоскворечье и Белый город в нескольких пунктах». Русские летописцы уточняют, что решение поджечь Москву подсказали Гонсевскому Салтыков и его товарищи.

Предатели бояре помогали врагу советом и делом. Михаил Салтыков руководил боем с повстанцами в том месте, где располагалось его подворье. Когда патриоты стали одолевать, боярин велел холопам сжечь дом, чтобы нажитое им богатство не досталось никому. Начался пожар. Повстанцы были принуждены отступить. Оценив «успех» Салтыкова, Гонсевский велел запалить весь посад. Солдатам не сразу удалось выполнить его приказ.

В тот год казалось, что зима никогда не кончится. Сильные морозы продержались до конца марта. Москва-река была покрыта ледяным панцирем, повсюду лежал снег. Холодное солнце не прогрело промерзшие бревна изгородей и построек. Солдаты Гонсевского с факелами в руках пытались поджечь срубы, но у них ничего не выходило. Как писал в дневнике один из факельщиков, каждую постройку они зажигали по многу раз, но все тщетно, дома не загорались. Автор дневника выражал наивную уверенность в том, что «огонь был заколдован». В конце концов усилия поджигателей дали результат. В нескольких местах над посадом показались столбы дыма. Вскоре огонь охватил целые кварталы. Москвичи прекратили бой и все усилия сосредоточили на том, чтобы потушить разгоревшийся огонь. Из домов сразу высыпало столько людей, что по улицам едва можно было протиснуться. Пронзительно кричали женщины, потерявшие в толчее детей. Кто пытался выгнать скотину из сарая, кто тащил пожитки из огня.

Пожар помог Гонсевскому сломить сопротивление москвичей на Кулишках и подле Тверских ворот. Ветер гнал пламя в глубь Белого города. Следом за огненным валом по сгоревшим кварталам шли вражеские солдаты. Лишь на Лубянке врагу не удалось осуществить свой дьявольский замысел. Верный себе, Пожарский непре-

рывно атаковал неприятеля, пока не «втоптал» его в Китай-город. Наемники не смели высунуть нос из-за крепостной стены. Прилегавшие к Сретенке кварталы были спасены от огня.

Всю ночь в городе, не замолкая ни на минуту, гудели колокола и слышен был боевой клич москвичей. Патриоты послали в Коломну и Серпухов за помощью. Земские воеводы немедленно откликнулись на призыв. Иван Плещеев наспех отправился к Москве из Коломны с казаками, коломичами и рязанцами. По пути к нему присоединился Федор Смердов Плещеев. Федор служил окольниковым у самозванца. Бояре подозревали его в заговоре с москвичами еще в то время, когда он сидел воеводой в Серпухове.

Отряды ополчения вступили в Замоскворечье, когда на город опустилась ночная мгла. Весть об их прибытии мгновенно облетела столицу и вызвала взрыв энтузиазма. Всю ночь восставшие готовились к тому, чтобы с рассветом возобновить бой. Отряды ратников стягивались на Сретенку и в Чертолье. Под самыми стенами Кремля у Чертольских ворот собралось около тысячи стрельцов. Жители помогли им перегородить площадь баррикадами. Над баррикадами взвились хоругви.

Далеко за полночь Гонсевский созвал в Кремле военный совет. На нем присутствовали многие знатные московские дворяне. Члены боярского правительства получали вести из разных концов города и были лучше осведомлены насчет истинного положения дел, нежели польское командование. На военном совете они настойчиво советовали Гонсевскому бросить все силы в Замоскворечье, чтобы прорвать кольцо восставших предместий и очистить путь для королевских войск, подходивших из района Можайска.

Ночь прошла без сна. Едва забрезжил день, польская стража распахнула ворота Китай-города. Из ворот выехали бояре в окружении слуг. Защитники баррикад приготовились стрелять, но потом опустили пищади, увидев, что с боярами не было ни «литвы», ни немцев. Приблизившись к завалам, Мстиславский с товарищами принялись упрашивать москвичей прекратить сопротивление и немедленно сложить оружие. Их слова потонули в негодующих криках толпы. Посадские отпускали такие выражения по адресу изменников, что те предпочли поскорее убраться. Вдогонку им полетели пули.



Боярам была отведена незавидная роль. Они должны были отвлечь внимание патриотов. Пока Мстиславский вел переговоры с народом, отряды немцев-наемников, продвигаясь по льду Москвы-реки, зашли в тыл стрельцам, оборонявшим Чертолье, и зажгли кварталы, примыкавшие к баррикадам. Отрезанные от своих стеной огня, стрельцы бились с немцами до последней крайности. Однако удержать позиции им не удалось.

Следуя совету бояр, Гонсевский послал солдат за Москву-реку с приказом спалить Замоскворечье. Близился полдень, когда с колокольни Ивана Великого дозорные заметили конницу, подходившую к городу с запада. Полк Струся, вызванный Гонсевским из Можайска, не смог пробиться в Москву: москвичи захлопнули ворота деревянного города перед самым носом у гусар. На выручку Струсю пришли факельщики Гонсевского. С помощью изменников они скрытно пробрались к стенам деревянного города и зажгли их изнутри. Бревенчатый частокол запылал в нескольких местах. Со стен огонь перекинулся на прилегавшие кварталы Земляного города. Солдаты Струся получили возможность прорваться в центр города и соединиться с силами Гонсевского.

В первый день восстания пожар испепелил лишь небольшую часть посада. На другой день погода выдалась ветреная, что облегчило поджигателям их дело. Никому из нас, писал в дневнике один поручик, не удалось в тот день подрасть с неприятелем; пламя пожирало дома один за другим; раздуваемое жестоким ветром, оно гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в Кремль.

Отступая перед огненной стихией, отряды ополчения вместе с населением ушли из Замоскворечья. Не опасаясь более удара с юга, Гонсевский бросил все силы на борьбу с повстанцами в Белом городе. На Кулишках его солдаты быстро продвинулись вперед. Но на Сретенке москвичи преподали интервентам жестокий урок.

С утра русские успели выстроить на Сретенке подле Введенской церкви укрепленный острожек. Пожарский искусно руководил его обороной в течение дня. Наличие очага сопротивления на Сретенке обеспокоило польское командование, и оно направило сюда подкрепления из

других кварталов города. Силы оказались неравными. Наемники ворвались внутрь острожка. Большинство его защитников погибло. Под ударами вражеских сабель упал на землю князь Пожарский. Его тяжело ранили в голову. Кровь залила ему глаза. Патриоты не бросили своего командира. Едва живого, его вынесли с поля боя, уложили на дно возка и увезли в безопасное место. Оттуда князя Дмитрия переправили в Троице-Сергиев монастырь под защиту крепких монастырских стен.

Москва горела несколько дней. Ночью в Кремле было светло как днем. Посад пылал на огромном пространстве. Вид гибнущего города напоминал современникам геенну огненную. С треском валялись наземь здания, и к небу вздымались огненные смерчи. На четвертый день невредимой осталась примерно треть города. Гонсевский получил известие о подходе сил ополчения с востока по Владимирской дороге. Опасаясь, что сопротивление москвичей возобновится, он выслал из Кремля новые команды поджигателей. Интервенты принялись жечь восточные кварталы города, чтобы помешать ополчению утвердиться там.

Земская армия вступила в предместья столицы после полудня 21 марта. Впереди следовал атаман Просовецкий с казаками. За ним шли полки Измайлова, Мосальского и Репнина. Ожидая подхода главных сил ополчения с юга, Измайлов с товарищами решили закрепитесь в семи верстах от столицы. Ополченцы стали поспешно строить здесь укрепления. Но не успели довершить начатое дело.

Ляпунову не удалось организовать одновременное наступление на Москву, и Гонсевский умело использовал разобщенность русских. Он направил против Измайлова почти все наличные силы. Отряды владимирцев, нижегородцев и муромцев отличались немногочисленностью. Предоставленные самим себе, они не смогли противостоять превосходящим силам противника.

При поддержке полка Струся иноземные роты обратили в бегство дворянскую конницу и захватили недостроенный острожек. Ополченцы с боем отступили к церкви, одиноко стоявшей в поле за острожком. На помощь им спешили повстанцы — «пешая Москва». Бой разгорелся с новой силой. Затворившись в церкви, ополченцы и москвичи отбивались от врага, пока не были истреблены все до одного.



Земское ополчение понесло небольшие потери в живой силе. Но в руки врага попали все его знамена, пушки и обоз. Гонсевский сетовал на то, что ночь помешала его ротам довершить разгром русских. Кавалеристы ссылались на глубокий снег. На самом деле наемники постарались возможно скорее закончить бой и вернуться под защиту крепостных стен, потому что восстание в Москве могло возобновиться в любой момент.

Жестокость завоевателей принесла гибель многим тысячам мирных жителей. Судьба сыграла скверную шутку с состоятельными горожанами, оставшимися в стороне от освободительной борьбы. Многие из них лишились имущества, а некоторые и жизни. Наемники врывались в богатые дома и забирали все, что попадалось под руку. Сопротивлявшихся побивали на месте.

Гонсевский использовал случай, чтобы отделаться от неугодных ему лиц. Боярин Андрей Голицын, находившийся под домашним арестом, был жестоко убит. В дни «московского разорения» на столичных улицах нашли смерть думный дворянин Иван Михайлов Пушкин и немало других дворян.

Восстание спасло жизнь многим мирным жителям Москвы. Резня, учиненная в Китай-городе, прекратилась, как только наемники получили отпор в Белом городе. Московский летописец засвидетельствовал, что иноземцы «всех людей (русских. — Р. С.) побиша в Кремле да в Китае», а «в Белом городе мало людей побиша».

Солдаты жадно взирали на богатства «царствующего града», который они рассматривали как свою законную добычу. Они лишь ждали случая, чтобы заняться грабежом. В первый же день восстания они разгромили сотни лавок и мастерских в Китай-городе. Ландскнехт Конрад Буссов, находившийся в Москве, не без хвастовства заметил, что солдаты захватили в тот вечер «огромную и превосходную добычу золотом, серебром, драгоценными камнями».

Обширный город за два-три дня превратился в груды развалин и пепла. Бесконечный ряд обгорелых печных труб обозначал места, где еще вчера располагались человеческие жилища. Тысячи москвичей, лишившись крова и имущества, разошлись во все стороны. От множества черных фигур не видно было снега на бескрайних подмосковных полях. Некоторые жители, едва спасшиеся от огня, остались в одних рубахах, босые.

В открытом поле на ветру многие из них замерзли в первую же ночь.

Прошло несколько дней, и в обширном городе, покинутом населением, началась подлинная вакханалия грабежей. Никакая сила не могла удержать наемников в их казармах. С утра они отправлялись за добычей и к вечеру возвращались с мешками награбленного. На пожарище они разрывали подвалы в поисках спрятанного добра и винных погребов. Захваченное имущество распродалось в полковых манежах. В храме Василия Блаженного и других церквях мародеры забрали всю золотую и серебряную утварь, сорвали оклады с икон, разломали раки. Не довольствуясь Белым городом, шайки мародеров в ночное время принялись грабить Кремль. Караулам пришлось применить оружие, чтобы унять их.

Наемники удержали Москву, но бесславной была их победа. Не в честном открытом бою взяли они верх. Грабежи окончательно деморализовали наемное воинство. Среди дымящихся развалин и неубранных трупов творили победители свой чудовищный пир. Вино лилось рекой. За картами солдаты проигрывали не только золото, но и русских женщин, силой захваченных на городских улицах. Бахвалясь богатством, пьяные наемники закладывали в ружья мелкие жемчужины и палили из окон в случайных прохожих.

Сожжение Москвы потрясло ум и душу народа. Тысячи беженцев разошлись в разные концы страны с нищенской сумой. Из их уст люди узнавали подробности неслыханной трагедии. Поруганная честь отчизны звала массы к борьбе и мщению.



НАД ПРОПАСТЬЮ



арт был на исходе, ярко светило солнце, но повсюду лежал снег. По дорогам Подмосковья крестьяне продолжали ездить на санях.

По последнему зимнему пути шли к Москве земские отряды. На страстной неделе — не позднее 23 марта — в предместья Москвы прибыл Прокопий Ляпунов с отрядами рязанцев. Заруцкий и Трубецкой с калужским войском запоздали, но ненадолго. Они подошли на святой неделе, начавшейся 24 марта. Казаки Заруцкого сражались по большей части пешими. Дворянская конница Ляпунова обладала большей подвижностью, нежели пехота. Но не только пути-дороги задерживали казаков. На недалеком расстоянии от Калуги стоял Ян Сапега. Его войско хорошо отдохнуло на зимних квартирах и завершило приготовления к летней кампании. Сандежинцы предлагали союз ополчению, но требовали непомерное вознаграждение. Заруцкий достаточно хорошо знал истинную цену этим союзникам. Сапега мог в любой момент нанести удар по Калужскому лагерю с тыла.

Подготавливая наступление на занятую интервентами Москву, города старались подбодрить друг друга и повсюду распространяли преувеличенные сведения о своих силах. Ляпунов широко оповестил страну о том, что на помощь ему идет 40-тысячная рать. Поляки отчасти поверили его воззваниям. Они полагали, что Ляпунов привел под Москву 80 тысяч воинов, тогда как Заруцкому удалось собрать 50 тысяч человек, а Измайлову и Просовецкому — 15 тысяч. В целом, по их

подсчетах, в ополчении было будто более 100 тысяч воинов. Приведенная цифра отличалась недостоверностью. Засевшим в Кремле наемникам казалось, что их осадили несметные полчища. Шведы располагали более точной информацией. Посланец Ляпунова достоверно сообщил им, что состав ополчения под Москвой не превышает 6 тысяч человек.

Число воинских людей в ополчении было совсем не велико. Но едва они подошли к городу, в их лагерь стали стекаться со всех сторон москвичи, оставшиеся на пожарище и в уцелевших слободах. Население искало спасения в земском ополчении. Благодаря притоку жителей лагерь осаждавших казался необозримым.

Гонсевскому удалось замирить Москву лишь на несколько дней. Его приставы отправились в разные концы столицы и стали приводить к присяге москвичей, сложивших оружие. Едва население узнало о приближении земских воевод, оно вновь поднялось на борьбу. Приставам едва удалось унести ноги.

В южных предместьях столицы боярскому правительству не удалось восстановить свою власть даже на время. Отряды повстанцев вместе с воеводой Федором Плещеевым прочно удерживали в своих руках Симонов монастырь. Измайлов и Просовецкий после неудачного боя ушли к Андроникову монастырю¹⁰ и заняли его, после чего соединились с Плещеевым у Симонова монастыря. Отряды Заруцкого разбили лагерь поблизости от Никольского Угрешского монастыря, там, где река Угреша впадает в Москву-реку. Монастырь служил прибежищем Лжедмитрию II в дни его последнего похода на Москву. Четырнадцать километров отделяли монастырь от крепостных стен.

27 марта Гонсевский вывел свои войска из Яузских ворот и попытался разгромить силы ополчения и повстанцев в окрестностях Симонова монастыря. Его наступление не имело успеха. Ожесточенные бои в юго-восточных предместьях столицы продолжались несколько дней. Обе стороны избегали риска, сопряженного с генеральным сражением. Скорее, то была проба сил. Противники как бы примерялись друг к другу.

Последняя стычка принесла ощутимый успех русским. Их энергичный и дружный натиск привел к тому,

что наемники понесли потери и бросились бежать с поля боя. Смущенный неудачей, Гонсевский не только отказался от новых наступательных действий, но и не посмел оборонять внешние крепостные стены. В ночь на 1 апреля ратники ополчения, не встречая сопротивления противника, перешли реку Яузу и освободили почти всю территорию Белого города. Гонсевский удержал в своих руках лишь небольшую часть белгородской стены от Никитских до Чертольских ворот с прилегающими улицами.

Наступила весна, и вместе с ней долгая и томительная пауза в военных действиях. Ополчение потеряло более двух месяцев, прежде чем смогло возобновить наступление. Уже в первых боях солдаты Гонсевского заметили, что земские люди не слишком доверяют друг другу. По словам московских летописцев, земская рать попусту потеряла много дней из-за великой розни вождей. Когда воеводы сошлись под Москвой, им в самом деле не сразу удалось преодолеть взаимное недоверие и уладить местные счеты. И все же не распри были причиной непонятной бездеятельности.

Московский «черный люд» оказал ополчению огромную помощь. Когда ополчение несло потери, место выбывших ратников немедленно занимали добровольцы из числа столичных жителей. Не получая постоянных пополнений за счет населения столицы, ополчение не продержалось бы под Москвой и нескольких месяцев. Поступая в казачьи сотни, вчерашние кузнецы, ткачи, плотники, холопы или торговые люди становились казаками. Казачьи отряды превратились в закаленную пехоту, которая стойкостью превзошла дворянское ополчение. Но на первых порах повстанцы были плохо вооружены и не обладали никакими военными навыками.

Собственные силы ополчения были столь невелики, что рассчитывать на немедленный успех не приходилось. Чтобы организовать правильную осаду Москвы, надо было располагать многократным перевесом в силах. Ляпунов и его сподвижники не имели ни многочисленного войска, ни тяжелой артиллерии. При таких условиях штурм Кремля мог принести лишь неудачу. Мало того, Кремль и Китай-город располагали беспримерной по мощности системой укреплений. В руки интервентов попала лучшая русская артиллерия. Никогда еще на

столичных стенах не было установлено столько пушек, сколько их видели теперь на кремлевских укреплениях. Осаждавшим нечего было противопоставить их огневой мощи.

Ополчение сделало все, что могло. Ляпунов с отрядами рязанцев занял Яузские ворота. Заруцкий и Трубецкой помогли ему закрепиться в этом решающем пункте, а затем облегли Белый город до Покровских ворот. Прочие земские отряды заняли стены Белого города от Покровских ворот до нынешней Трубной площади на Неглинной. Северная часть стены находилась на некотором удалении от пушек Китай-города, и ее оборону взяли на себя воеводы, только что потерпевшие неудачу на Владимирской дороге — Измайлов, Мосальский и Репнин. Их подкрепили вновь прибывшие воеводы — Иван Волинский с ярославцами, Федор Волконский с костромичами, Федор Погожий с угличанами.

Отряды Ляпунова прикрывали важную в военном отношении Коломенскую дорогу, связывавшую Москву с Рязанским краем. Под контроль замосковных воевод перешли дороги, шедшие из столицы к Ростову и Ярославлю.

Позиции Ляпунова стали ключевым пунктом земского лагеря. С первых дней тут не прекращалась яростная перестрелка. На голову рязанцев сыпались ядра. Враг пытался вернуть Яузские ворота и не дать ратникам укрепиться на близком расстоянии от Китай-города и Кремля. Земским воеводам пришлось устанавливать батареи под убийственным огнем. Не обращая внимания на выстрелы, москвичи помогли ратникам вырыть траншеи и установить туры (плетеные корзины с землей) на пригорке у Петровской церкви. Вторую батарею земские люди установили ближе к Яузе. Когда земские батареи смогли наконец открыть огонь по неприятелю, стены Китай-города и Кремля окутались пороховым дымом. Гул крепостной артиллерии заглушил редкие выстрелы осадных батарей. Ядра отскакивали от стен Китай-города, как горох. Без тяжелой осадной артиллерии нечего было и думать о разрушении мощных башен. Однако выстрелы с батареями причинили потери врагу и вызвали пожары в Китай-городе и Кремле.

Большие надежды руководители ополчения возлага-

ли на своевременную помощь из городов. С нетерпением ждали прибытия казанской рати. Но выступление казанцев задержали как внутренние распри, так и наступившая распутица. Проливные дожди вконец испортили дороги и затруднили подвоз продовольствия. Надвинулся голод.

Трудное время пережили те, кто, повинувшись долгу, отправился освобождать Москву. Еще более тяжкие испытания выпали на долю героических защитников Смоленска. Силы их подходили к концу. Почти два года город жил в условиях вражеской осады. Запасы продовольствия оказались полностью израсходованными. Горожане умирали в муках голодной смерти. Эпидемия довершила дело. К концу смоленской обороны в городе осталось не более 300—400 здоровых людей, способных носить оружие. С неслыханной стойкостью они продолжали борьбу.

В королевском лагере знали о потерях смоленского гарнизона и готовились нанести последний удар агонизирующему городу.

На рассвете 3 июня 1611 г. Смоленск был разбужен мощным взрывом. Крепостные стены подле Крылошевской башни рухнули. К пролому спешно двинулись польские штурмовые колонны. Наемники произвели приступ разом с нескольких направлений: в районе западного пролома, у Богословской и Крылошевской башен и против Аврамиева монастыря. Обескровленный гарнизон не мог противостоять их натиску. Большая часть защитников Смоленска погибла с оружием в руках на улицах города. Немногие уцелевшие жители затворились в каменном соборе в центре Смоленска. Взрыв пороха в соборном подземелье положил конец их сопротивлению.

Так кончилась героическая оборона Смоленска, длившаяся почти два года. То был великий подвиг народа, защищавшего Родину. Приняв на себя главный удар армии вторжения, Смоленск сковывал силы Сигизмунда и стал неодолимой преградой на его пути к Москве.

Вести о гибели Смоленска облетели страну, сея тревогу и отчаяние в сердцах русских людей. Ждали, что из-под Смоленска вся коронная армия двинется в Москву. Но король не желал рисковать с трудом добытой победой и спешил отпраздновать триумф. Его казна

была обременена огромными долгами, армия понесла большие потери и практически не могла возобновить наступление.

Предательство и обман открыли перед врагом ворота древней русской столицы. Но непокоренная Москва не помышляла о прекращении борьбы, сколь бы неблагоприятным ни был ход войны. Трудности, с которыми сталкивались прибывшие из провинции ратники и восставшие москвичи, были исключительно велики. Столица раскинулась на огромном пространстве, и земскому ополчению не достало сил на то, чтобы замкнуть кольцо окружения. Тем не менее почти все нити, связывавшие боярское правительство с провинцией, оказались порваны. Снабжение Кремля продовольствием было дезорганизовано. В мае наемники уведомили Сигизмунда о том, что они продержатся в Москве не более трех недель, если им не будет оказана немедленная помощь и если они не получат фураж для лошадей.

Вражеский гарнизон удерживал Арбат ¹¹ и Новодевичий монастырь ¹², откуда начиналась Большая Смоленская дорога. Сама эта дорога была, впрочем, небезопасна. Она пролегла среди уездов, охваченных восстанием. Шиши (так называли партизан) вооружались вилами, топорами, дубинками, объединялись в отряды и вели войну с интервентами на свой страх и риск. В мае они разгромили дворянский конвой и отобрали казну, которую боярское правительство выделило для найма войска Яна Сапеги.

Сапега вел торг и с боярами и с Ляпуновым. В конце концов он получил от Мстиславского три тысячи рублей и выступил в поход. На марше к Москве сапежинцы обменялись с польским гарнизоном Кремля примечательными письмами. Они потребовали, чтобы гарнизон берег казну, не разбирая бы всех денег и сокровищ, а оставил бы им чем поживиться. Столичное рыцарство отвечало, что солдаты Сапеги не имеют права распоряжаться московской казной и могут брать из нее деньги лишь с разрешения короля. Наемников слепил блеск московского золота, и они готовы были вцепиться друг другу в горло из-за добычи.

Вожди ополчения старались любой ценой не допустить сапежинцев под Москву. Когда стало ясно, что предотвратить их выступление не удастся, Заруцкий решил дать им бой на переправах через Угру под

Калугой. Ляпунов предпочел путь мирных переговоров.

Торг с наемниками продолжался целый месяц. Земские люди обещали выплатить долги самозванца, но у них не было звонкой монеты. Бояре и Гонсевский пересилили. Они обязались передать сапежинцам в залог царские регалии ценою в полмиллиона золотых.

Заклучив соглашение с Гонсевским, Сапега тотчас объявил войну ополчению. 23 июня его отряды напали на ополченцев в районе Лужников. Неделю спустя Сапега переправился через Москву-реку и попытался овладеть Тверскими воротами. Битва была долгая. Ополченцы наголову разгромили немецкую пехоту Сапеги и захватили хоругвь. Два дня войска отдыхали, после чего стычки возобновились. В течение нескольких часов русское войско отражало натиск врага. Муромский воевода Мосальский стяжал славу храбреца. Позже он сложил голову на поле боя. Но пока военное счастье сопутствовало ему.

Положение с продовольствием в осажденной Москве ухудшилось, и Гонсевский предложил Сапеге возглавить поход за хлебом к Переславлю-Залесскому. В помощь Сапеге боярское правительство выделило воеводу Григория Ромодановского с дворянами и прислугой, а польское командование — несколько наемных рот с обозниками.

Воспользовавшись ослаблением вражеских сил, земские воеводы 5 июля 1611 г. предприняли генеральный штурм. Отряды Ляпунова направили главный удар на угловую башню Китай-города близ Яузских ворот. За три часа до рассвета ратники в полной темноте подкрались к китайгородской стене, приставили штурмовые лестницы и забрались наверх. Им удалось ворваться внутрь башни. Но неприступные снаружи, крепостные сооружения оказались легко уязвимыми изнутри. Гонсевский послал против Ляпунова отборные силы. Ополченцам пришлось отступить.

Кровопролитный бой завязался в западных кварталах Москвы. На Козьем болотце неподалеку от Неглинной немцы пытались удержать воздвигнутые ими укрепленные острожки. Русские ратники напали на них с такой яростью, с таким презрением к смерти, что те поспешно покинули острожки и в полном беспорядке отступили к кремлевским воротам.

Русские овладели Никольской башней¹³. Триста немцев, засевших там, сложили оружие. Бой перебрался в район Трехсвятских ворот. Ополченцам удалось поджечь пороховой погреб под угловой башней. Прогрел взрыв, и башню окутал густой дым. Мало кому из вражеских солдат удалось выбраться живьем из-под развалин.

Земская рать понесла большие потери при штурме. Но из провинции постоянно прибывали пополнения. В июле под Москву прибыла наконец казанская рать. Используя ее поддержку, Заруцкий после кровопролитного приступа занял Новодевичий монастырь.

Июльские бои значительно упрочили позиции подмосковного ополчения. Земские люди окончательно закрепились на башнях и стенах Белого города и полностью очистили от врага обширный московский посад. Отныне вражеский гарнизон оказался запертым в Кремле, как в мышеловке. Заруцкий занял Новодевичий монастырь, располагавший мощной крепостью. Кто владел монастырем, тот держал в своих руках ключ к дорогам, связывавшим Москву с западными рубежами.

В то время как земское ополчение, истекая кровью, вело бои за освобождение Москвы, ухудшилось военное положение на северо-западных рубежах в районе Новгорода Великого.

Новгород издавна был самым крупным после Москвы городом страны. На новгородском посаде жило многочисленное и богатое торгово-ремесленное население. Новгородское поместное ополчение насчитывало несколько тысяч дворян. Москва поневоле должна была считаться с тем, что происходило в самой обширной из русских земель.

Вольнолюбивый Новгород с крайним неодобрением отнесся к соглашению, заключенному боярским правительством с Жолкевским. Боярам пришлось направить Ивана Салтыкова с ратными людьми, чтобы добиться от строптивых новгородцев послушания. Новгород поначалу отказался открыть ворота перед приспешником Сигизмунда III. Лишь после долгих уговоров Салтыков упросил жителей впустить его в город. Патриоты взяли с боярина клятву, что он не «подведет» в Новгород литовских людей. Но Салтыков и не думал следовать взятым на себя обязательствам. В глубокой тайне он подготовлял почву для захвата крепости. Из-

менник прекрасно понимал, с какой стороны встретят отпор иноземные завоеватели, которым он служил. И он действовал с чудовищной жестокостью. Когда Шуйский разгромил войско Болотникова, в новгородские тюрьмы были заключены несколько сот пленных повстанцев. В тюрьме они пробыли более двух лет, пока в Новгород не явился Салтыков. Эмиссар боярского правительства отдал приказ о казни всех пленных. Их выводили большими группами, оглушали палицами и топили в Волхове.

В конце концов семибоярщина заставила Новгород подчиниться приказу. Жители Новгорода и Торопца принесли присягу Владиславу. Вскоре же отряды Сигизмунда III прибыли в окрестности Торопца. Солдаты жгли деревни, захватывали жителей и уводили их в плен. Завоевательная война шла полным ходом. Торопчане дали знать новгородцам о своих злоключениях. Тем временем двухтысячный литовский отряд занял Старую Руссу и в марте 1611 г. «изгоном» подступил к стенам Новгорода. Новгородцы отбили нападение. Боярину Салтыкову не удалось осуществить предательские планы, и он тайно бежал из города. По всей Новгородской земле нарастало возмущение против тех, кто верой и правдой служил захватчикам. Салтыков не смог добраться до Москвы. Его опознали и под конвоем вернули в Новгород. Патриоты требовали строгого расследования. Розыск не оставил сомнения в том, что эмиссар семибоярщины сам пригласил «литву» к Новгороду. Салтыкова сначала заключили в тюрьму, а затем посадили на кол вместе с его помощником дворянином Чеглоковым. Что удалось Салтыкову в Москве, не сошло с рук его сыну в Новгороде.

Весть о разрыве новгородцев с семибоярщиной произвела на страну сильное впечатление. Отныне Новгород открыто примкнул к освободительному движению. Его жители известили Ляпунова, что немедленно отправляют под Москву воевод с ратными людьми и артиллерией. Но им не суждено было осуществить свои планы. Шведское вмешательство разрасталось со дня на день.

Нетерпеливый Карл IX торопил своих полководцев с завоеванием Новгорода. Но те должны были сообразовать свои действия с наличными силами и поначалу ставили более скромные цели в необъявленной войне с Россией. Из-под Клушина Делагарди увел остатки

шведской армии к Новгороду. По пути солдаты грабили деревни, забирали в плен жителей. 15 августа 1610 г. наемники захватили и разграбили древнюю Ладогу.

Собрав силы, Делагарди напал на Орешек, а затем осадил Корелу. Воевода Иван Михайлович Пушкин был прислан в Корелу царем Василием. Он имел предписание передать город шведам, а население вывести во внутренние уезды. По пути он узнал о свержении Шуйского и принял решение оборонять Корелу до последней крайности.

Воздвигнутая на гранитной скале посреди быстрых вод Вуоксы крепость Корела располагала неприступными естественными укреплениями. Ее крепостные валы опускались почти отвесно в воду. Скрытый под водой частокол мешал вражеским судам приблизиться к острову. Порожистая река стремительно несла свои воды, плохо замерзавшие даже в сильный мороз.

Шведская армия на полгода застряла под стенами крохотной деревянной крепости. Героические защитники Корелы несли потери, болели цингой, страдали от голода, но никто не помышлял о сдаче. Большую помощь гарнизону оказывали отряды русских и карельских крестьян. Делагарди пришлось бросить часть сил на борьбу с партизанами. К февралю 1611 г. из двух тысяч человек, затворившихся в крепости, в живых осталось около ста человек. Оставшись без ратных людей, воевода Пушкин вступил в переговоры с неприятелем. Он дал знать Делагарди, что взорвет крепость на воздух, если шведы откажутся принять его условия. Шведское командование пошло на уступки. 2 марта 1611 г. горстка защитников Корелы покинула крепость. Местный епископ забрал с собой все церковное имущество. Пушкин вывез воеводский архив. Горожане несли имущество в руках.

Захватив Корелу, шведские войска напали на Орешек. Кровавый штурм закончился полным провалом. Трупы убитых шведских солдат были сложены на десять возов и увезены в Выборг для захоронения. Под знаменами Делагарди сражалось немало ландскнехтов из разных углов Европы. Тех из них, кто сложил голову под стенами Орешка, шведы побросали в кучу и спустили под лед.

Жестокая завоевательная война против России, развязанная Швецией, не принесла легкого успеха

захватчикам. Королю Карлу IX пришлось прибегнуть к дипломатическим средствам, чтобы облегчить задачу своим полководцам. Шведский король слал одно за другим «дружеские» послания московским и новгородским чинам. Прикрываясь личиной друга и союзника, он писал, будто шведские войска вступили в Россию с единственной целью помочь русским общими усилиями очистить страну от поляков. Заверения короля были лживыми от начала до конца. Секретной инструкцией Карл IX предписал Делагарди без промедления нанести удар по Новгороду и занять его. Последующие приказы носили еще более решительный характер. «Все наши действия, — писал король, — должны быть направлены единственно к тому, чтобы присоединить к шведской короне Ивангород, Орешек, Ям, Копорье и Колу».

Письма шведского короля внушили большие надежды Ляпунову, не искушенному в тайнах дипломатической игры. Руководитель ополчения слал в Новгород гонца за гонцом. Он просил новгородцев как можно скорее договориться с Делагарди об отправке в Москву шведского вспомогательного войска.

Новгородцы отбили нападение крупного литовского отряда. Но война лишь началась. Можно было ждать удара сразу с нескольких направлений: из Ливонии, где находились крупные силы, из Литвы и из-под Смоленска. Готовясь к длительной борьбе с Сигизмундом III, Новгород волей-неволей должен был позаботиться об обеспечении тыла. Мир и союз со Швецией казался лучшим выходом из положения.

В марте король Карл IX обратился к новгородцам с новым дружеским письмом. Наступившая распутица благоприятствовала обману. Делагарди не смог выполнить приказ о нападении на Новгород. Его пятитысячная рать застряла в Ижорском погосте и оставалась там всю весну. В поисках продовольствия и фуража солдаты разграбили всю округу.

Подталкиваемые с двух сторон, из Москвы и Стокгольма, новгородцы в конце апреля прислали в шведский лагерь послов «с полной формулой соглашения». Послы добивались подтверждения союзного договора между Россией и Швецией и возобновления совместных военных действий против Речи Посполитой. Они просили Делагарди очистить их владения и помочь изгнать бывших тушинцев из Ивангорода и некоторых

других крепостей. В качестве платы за союз и военную помощь новгородские власти — митрополит Исидор, воевода князь Одоевский, дворяне и всяких чинов люди — соглашались уступить Карлу IX «за почесть» несколько заневских погостов.

Едва кончилась весенняя распутица, Делагарди предпринял решительное наступление на Новгород. 2 июня 1611 г. его армия вплотную подошла к волховской крепости. Ляпунов не получил своевременной и точной информации о действиях шведов и не оценил угрозы, таившейся в их вторжении. Придерживаясь линии на союз со Швецией, совет земли направил в Новгород воеводу Василия Бутурлина. Выбор эмиссара не был случаен. Бутурлин не только хорошо знал Делагарди, но и поддерживал с ним дружбу в те времена, когда шведы помогали Скопину освободить Москву. Земский совет отводил Бутурлину роль нового Скопина. Воевода должен был вторично привести союзное войско Делагарди на выручку русской столицы.

Бутурлин успел снискать славу стойкого патриота. Он категорически отвергал соглашение с Сигизмундом III. С поляками у него были особые счеты. Будучи ранен в битве под Клушином, воевода перенес немалые испытания в плену. По возвращении в Москву он принял участие в патриотическом движении. За это Гонсевский арестовал его и вздернул на дыбу. С большим трудом Бутурлину удалось бежать из тюрьмы и присоединиться к ополчению Ляпунова.

Земский совет повторил ошибку Василия Шуйского. Уповая на то, что шведы помогут освободить Москву, вожди ополчения проявили готовность пойти на территориальные жертвы. Они предполагали расплатиться со Швецией пограничными новгородскими землями. Тем самым они немедленно восстали против себя новгородцев. Еще недавно Новгород собирал силы в помощь подмосковному ополчению. Теперь их отношения омрачались взаимным непониманием и недоверием. Новгородцы категорически отвергали попытки перекрыть их древние границы. Бутурлин так и не сумел договориться с ними об общей линии на предстоящих переговорах со шведами.

6 июня 1611 г. Делагарди принял Василия Бутурлина и новгородских послов в окрестностях Новгорода. Мимо выстроенных двумя шпалерами войск новгородские

воеводы, дворяне, купцы и посадские старосты проследовали в шатер шведского главнокомандующего. Первым держал речь Бутурлин. От имени всей земли он просил давнего друга Делагарди, чтобы тот, не мешкая, шел в Москву против поляков, потому что Сигизмунд III вскоре, без сомнения, приступит к столице с крупными силами. Новгородские послы поддержали просьбу московского посла. Они заверили шведа, что готовы заплатить наемникам часть денег и передать им на время в залог одну из пограничных крепостей. Нетерпеливый Бутурлин не дал новгородцам закончить речь. Он резко перебил их и спросил Делагарди, какие земли нужны его королю.

Воспользовавшись промахом Бутурлина, шведы тут же предъявили Новгороду заведомо неприемлемые условия. Помимо Корелы Делагарди потребовал уступки Ладоги, Орешка, Ивангорода, Яма, Копорья и Гдова. «Лучше умереть на родной земле, — с достоинством отвечали новгородские послы, — чем поступиться всеми пограничными землями».

Бутурлин вел рискованную игру. Он установил с Делагарди доверительные отношения и присвоил себе право говорить с ним от имени всех новгородцев. Оставшись наедине с прежним приятелем, московский посол под большим секретом сообщил ему о затаенном желании новгородцев призвать на московский трон шведского принца. «Нет сомнения, — добавил он, — что и все московские чины согласятся с этим, если Карл IX сохранит им православную веру». Посулы насчет избрания шведского принца должны были сделать «союзника» более сговорчивым. Опытный дипломат, Делагарди не верил своим ушам. Теперь он не скупился на знаки дружбы по отношению к посланцу ополчения, потчевал его на пирах как желанного гостя.

Переговоры в шведском лагере обернулись тяжелым дипломатическим поражением. Король Карл IX получил то, чего давно домогался. Неофициальное предложение насчет передачи царского трона шведскому принцу развязало ему руки. Делагарди использовал секретную информацию Бутурлина как главный козырь в дальнейших переговорах с Ляпуновым. Не теряя времени, шведские гонцы выехали в Москву. В личном послании Ляпунову Делагарди писал: «Что же касается вашей просьбы в отношении одного из сыновей его величества,

которого вы хотите иметь вашим великим князем, то его величество объявил, что отныне вы, русские, в еще большей мере будете пользоваться его великой милостью».

Ляпунов рассматривал шведский проект как средство обеспечить иностранную военную помощь. Он явно не спешил с обсуждением самого проекта. 16 июня 1611 г. Ляпунов отпустил шведских гонцов и направил Бутурлину новые инструкции. Вождь ополчения предложил своему эмиссару довести переговоры со шведами до конца и в случае крайней нужды предложить королю в виде залога Орешек и Ладогу. Насчет будущих династических переговоров Ляпунов мимоходом заметил: «Об условиях избрания шведского принца великим князем мы непосредственно договоримся с господином Яковом Делагарди здесь».

После отъезда гонцов вопрос о шведской кандидатуре на трон был передан на обсуждение Земского собора. К тому времени военное положение под Москвой ухудшилось. Войска Яна Сапеги завязали бои с отрядами ополчения в западных предместьях столицы. Члены собора опасались, что наступление Сапеги будет поддержано коронными войсками из Смоленска.

Дьяки представили на рассмотрение совета земли перевод писем Карла IX и Делагарди, а также отписки Бутурлина. Медоточивые заявления короля произвели на присутствовавших благоприятное впечатление. Однако многие патриоты решительно восстали против шведского проекта. Они резонно указывали на то, что слова шведского короля решительно расходятся с его делами, и высказывались против любых переговоров насчет шведского королевича. Однако Ляпунов все еще надеялся на шведскую военную помощь, и ему удалось настоять на своем. Соборные чины решили послать в Швецию послов для переговоров об избрании шведского королевича. Перед тем как разойтись, они скрепили подписями соборный приговор.

Постановление о том, что шведский королевич «достойн избрания» на царский трон, явилось крупной дипломатической ошибкой. Члены собора оказались жертвами представленной им ложной информации. Расчеты на союз со Швецией не имели под собой реальной почвы.

Делагарди тешил новгородцев разговорами о близ-

ком слиянии Швеции и России в неразрывный союз. Ляпунову он обещал военную помощь, а сам стягивал силы для захвата Новгорода.

Ситуация ухудшалась с минуты на минуту. Шведы разбили свои станы подле самого города. Каждый день в их лагерь прибывали подкрепления. Враждебные намерения иноземных войск становились все более очевидными. Шведские фуражиры рыскали в окрестностях Новгорода, забирая все, что попадалось под руку. Спасаясь от грабежа и насилий, жители массой бежали под защиту крепостных стен. Народ требовал отпора интервентам.

Бутурлин поспешил сообщить Делагарди насчет решения Земского собора в Москве. Он вновь и вновь просил назвать время выступления в московский поход. Наконец пелена упала с его глаз. Пока Делагарди действовал с помощью силы, он достиг немногого. Мирные переговоры позволили ему внести раскол в ряды русских и ослабить их волю к сопротивлению. Делагарди видел, что плод созрел, и сбросил маску миролюбия.

Когда Бутурлин убедился в том, что его жестоко провели, он ультимативно потребовал, чтобы Делагарди отвел свои войска от стен Новгорода. Шведы высокомерно отклонили его ультиматум. Осознав опасность, Бутурлин не побоялся нарушить инструкции Ляпунова и стал вооружаться для борьбы с захватчиками. Его стрельцы сожгли деревянные постройки на посаде, мешавшие орудийному огню с крепостных стен. Однако Бутурлин прозрел слишком поздно. Он так долго вел дело с Делагарди за спиной новгородцев, что те утратили к нему всякое доверие. Бутурлин не нашел поддержки ни у воеводы Одоевского, ни у горожан. Патриоты подозревали его в измене.

Многолетняя гражданская война подточила русское общество изнутри. В Новгороде находилось немало псковских дворян и купцов, изгнанных из своего города восставшим народом. Власть имущие опасались, как бы в обстановке войны в Новгороде не повторились псковские события.

Низы волновались и настаивали на решительной борьбе с захватчиками. Верхи считали более надежным путь соглашения. Новгородские купцы ездили в шведский лагерь с товарами почти что до того дня, как

заговорили пушки. Когда стрельцы сожгли предместья, это вызвало ропот — «молву великую» в среде состоятельных горожан.

Шведские солдаты рыскали в пригородных слободах. Патриоты решили проучить их. Они собрали добровольцев и произвели вылазку. Сил оказалось немного, да и руководство ими было не на высоте. Шведы одержали верх. Многие новгородские ратники замертво полегли на поле боя. Прочие отступили в крепость. Неудача усугубила разлад, царивший в городе.

Главный воевода боярин Одоевский созвал совет с участием дворян и церковных властей. Мнения на совете разделились. Одни требовали принятия энергичных военных мер и организации отпора врагу. Другие ссылались на приговор земского ополчения и предлагали продолжить переговоры со шведами и добиться соглашения с ними. Воеводы и митрополит склонялись в пользу умеренной партии. Совет разошелся, так и не приняв согласованного решения.

К середине июля 1611 г. Делагарди завершил последние приготовления к штурму. Он знал, чем воспламенить сердца своих ландскнехтов. Солдатам была обещана богатая добыча в Новгороде. За день до штурма Делагарди предпринял ложный маневр. На глазах у горожан шведские эскадроны проследовали к берегу Волхова по направлению к юго-восточной оконечности крепости. Туда же его солдаты пригнали лодки со всего Волхова. На рассвете 16 июля шведы провели ложную атаку. Привлеченные выстрелами и шумом, новгородцы собрали все свои силы подле юго-восточной стены. Тем временем Делагарди нанес удар с противоположной стороны. В утренней мгле немцы-наемники подобрались к воротам и пытались выбить их с помощью тарана. Шотландцы и англичане орудовали с петардой подле соседних ворот. Шведы карабкались на вал на всем пространстве между воротами. Новгородцы отбили их натиск и выстрелами отогнали немцев от ворот. Но шведам помогали предатели. Один из них привел врага к воротам, никем не охраняемым. Он ужом на брюхе пролез по разбитой колесами дороге под ворота и успел отпереть их изнутри. Шведская конница через распахнутые ворота вступила в город. Русские отступили по валу к башням и еще длительное время вели оттуда огонь. Но шведские войска уже проникли далеко в глубь

крепости. В ходе боя в восточной части города начался пожар. Население бросилось бежать и загрозило улицы. Воеводы не могли более руководить боем. Ратные люди смешались с мирным населением в огромном бегущем потоке.

С диким озлоблением наемники кололи и резали всех, кто попадался им по пути. Бой еще не затих, а они уже бросились грабить дома. Оказавшись разьединенными, части гарнизона в разных местах пытались остановить натиск. Летописи сохранили имена отважных командиров — стрелецких голов и казачьих атаманов, — которые предпочли смерть плену. Мирное население помогало воинам. На одном из городских перекрестков во дворе засел протопоп Амос с посадскими людьми. Наемникам долго не удавалось овладеть перекрестком. Тогда они вступили в переговоры с Амосом, обещали ему жизнь. Новгородцы отвечали выстрелами. Наемники сожгли двор вместе со всеми его защитниками.

При наличии единого военного командования защитники Новгорода могли бы собрать силы и остановить продвижение неприятеля. Но город был не подготовлен к обороне. Великородный князь Одоевский оказался плохим воеводой. Он не сделал ничего для его спасения. Василий Бутурлин пытался взять на себя руководство боем. Его ставка находилась на обширной площади подле Волхова. Шведы встретили тут наибольшее сопротивление. Казаки и ратные люди бились с неприятелем не щадя живота. Шведы пытались окружить отряд Бутурлина. Тогда Бутурлин прорвался через Волховский мост, на Торговую сторону. Следуя за ним по пятам, на мост вступили вражеские солдаты.

Шведы овладели внешними крепостными стенами, но до победы им было еще далеко. Русские боевые знамена реяли над стенами кремля, неприступной цитадели в центре города. Кремль обладал несравненно более мощной системой укреплений, нежели внешний город. Он был окружен глубоким рвом и подъемными мостами. Его высокие башни и стены были снабжены множеством пушек. Кремль господствовал над всем городом. Штурмовать его без осадной артиллерии было безумием. Однако новгородская цитадель оказалась совсем неподготовленной к обороне. Шведы были буквально ошеломлены, когда несколько позже они

обшарили весь кремль и не нашли там даже малых запасов провианта и пороха.

Новгородское руководство допустило роковой просчет в оценке сил противника. Оно помнило о клушинском поражении Делагарди, когда его армия была наголову разгромлена поляками. Оно не забыло о том, что Делагарди не смог добыть силой Корелу и топтался полгода под ее стенами. Оно знало о двукратной неудаче Делагарди под стенами Орешка. У шведского генерала не было ни достаточного количества пушек, ни достаточного числа солдат. Русское командование не сомневалось в том, что врагу не удастся прорваться через внешние городские укрепления. Поэтому оно и рассредоточило силы гарнизона по всей длине крепостного вала. Неоправданная самоуверенность сменилась паникой и растерянностью, когда шведы в течение дня овладели первым оборонительным поясом.

Воевода Одоевский созвал новый военный совет в осажденном кремле. Донесения дьяков, младших воевод и голов обнаружили неутешительную картину. После боя много ратников отступило в кремль. Еще больше тут собралось мирных жителей, спасавшихся от врага. Но кормить их было нечем: кремлевские житницы пустовали. Молчала артиллерия, оставшаяся без пороха.

Под влиянием панических настроений военный совет вынес решение о прекращении борьбы. После многократных совещаний с митрополитом Исидором, дворянами и «лучшими» торговыми людьми главный воевода князь Одоевский выслал к шведам парламентаря и объявил о сдаче кремля. Делагарди немедленно ввел в неприступную цитадель полк лейб-гвардии короля.

Новгородские верхи сначала порвали с боярским правительством в Москве, а затем пошли по его стопам. Московская история повторилась, претерпев небольшое видоизменение. Новгородская знать предала национальные интересы так же легко, как московская. Пройдет время, и она попытается возложить ответственность за свое предательство на вождей земского ополчения.

За две недели до штурма в Новгород прибыл гонец земского ополчения. По словам Одоевского и митрополита Исидора, гонец будто бы привез приговор подмосковного Земского собора об избрании на все государства великого Российского царства шведского прин-

ца, которого король Карл IX «пожалует даст». Следуя воле земли, новгородские власти и заключили соответствующий договор со Швецией.

Боярин Одоевский и его соратники кривили душой. Шведский перевод приговора московского Земского собора полностью опровергал выдвинутую ими версию. «Все чины Московского государства, — значилось в шведском документе, — признали старшего сына короля Карла IX достойным избрания великим князем и государем Московской земли». Признание шведского принца достойным кандидатом конечно же не было равнозначно его избранию. Совет земли народного ополчения имел перед глазами печальный опыт присяги Владиславу и потому не спешил с избранием на трон шведского королевича.

Новгородская знать старалась изобразить дело так, будто она следовала решению земского ополчения. На самом же деле она предала земское освободительное движение. Образованное под эгидой безымянного шведского принца «Новгородское государство» фактически отложилось от России. Номинальным главой «государства» стал потомок удельных князей боярин князь Иван Одоевский.

Предстояли решающие бои за Москву. Новгородские власти знали об этом, но не позаботились внести в договор пункт о посылке союзных войск на помощь Москве. Земское ополчение было предоставлено его собственной судьбе.

Новгородцы добились того, что Делагарди признал незыблемость древних рубежей Новгородской земли. Соглашение не распространялось лишь на Корелу с уездом, признанную шведским владением. Но для шведов весь договор был не более чем дипломатической уловкой. Престиж Делагарди был основательно подорван клушинским поражением, и теперь он был щедр на обещания, лишь бы довести до победного конца новгородскую войну.

Правительство Одоевского предало города, которые с оружием в руках продолжали борьбу с иноземными захватчиками. Договор предусматривал размещение шведских гарнизонов во всех пограничных замках. Новгородские верхи рассчитывали с помощью мирного договора положить конец состоянию войны. В действительности же они широко распахнули ворота перед завоевателями.

Оказавшись в критическом положении, Василий Бутурлин действовал не лучшим образом. Принужденный покинуть Торговую сторону, он дал волю давно копившемуся раздражению против новгородцев. Не желая оставлять шведам богатую добычу, воевода велел взломать лавки на торгу и забрать из них самые дорогие товары.

Отступив к Броннице, Бутурлин попытался возобновить борьбу со шведами. Со всех сторон в его лагерь стекались уездные дворяне и простые ратники. Но воззвания Одоевского свели на нет все его усилия.

Новгородское руководство пообещало дворянам, что под властью шведского претендента они сохранят в неприкосновенности свои владения и дома, что шведы не будут получать земель в Новгородщине. Соответствующий пункт был внесен в текст мирного договора. Один за другим помещики покинули Бутурлина и вместе с новгородцами принесли присягу безымянному шведскому претенденту.

Делагарди по-своему отблагодарил «старого друга» Бутурлина. Он велел разыскать и вернуть ему имущество, брошенное в Новгороде. Покинутый дворянами, Бутурлин ушел к Москве.

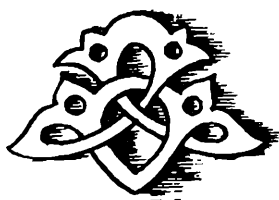
Карл IX отпраздновал победу торжественным богослужением. Он горячо благодарил бога за великие приобретения. Шведский король действовал совершенно так же, как и его племянник Сигизмунд III. Нетерпимость и упрямство были характерными чертами всех членов семейства Вазы. Карл IX считался с новгородским договором не больше, чем Сигизмунд с московским. Он дал распоряжение о немедленном присоединении новгородских пограничных замков к шведской короне.

Карлу IX не довелось насладиться плодами своего успеха. Он прожил три месяца после покорения Новгорода. Шведский трон перешел к его наследнику — семнадцатилетнему Густаву Адольфу. Сын продолжал двуличную политику отца в отношении России. Заявляя повсюду о своем миролюбии, Густав Адольф вел дело к расчленению России и закреплению за Швецией Новгорода и Пскова. Однажды, выступая в шведском сейме, новый король произнес следующие примечательные слова: «Гордые поляки не раз терпели от русских поражение и одерживали верх только во время внутренних смут в России, действуя подобно коварным и хитрым

лисицам; захватив раздираемую усобицами Россию, они вели себя там как хищные львы!» Густав Адольф не заметил того, что шведы сами терзали Русь, но не как лисы или львы, а как шакалы. Некогда Юхан III захватил Ивангород, Нарву, Ям и Копорье, воспользовавшись тем, что гарнизоны этих городов отправились защищать Псков от Батория. Карл IX и его сын прибрали к рукам всю Новгородскую землю после того, как войска Речи Посполитой водворились в Москве и заняли Смоленск.

Борьба с поляками из-за Ливонии временно отошла для Швеции на задний план. Вчерашние заклятые враги заключили перемирие в Ливонии и сосредоточили в России почти все свои армии.

Кровавая гражданская война подорвала мощь русских вооруженных сил. Страна пережила национальную катастрофу. Враги захватили Новгород и Смоленск — главные пункты обороны ее западных и северных границ. Они утвердились в Москве. Подорванное изнутри Русское государство, казалось, было на пороге крушения и распада.



МНОГОВАЛАСТИЕ



Московское восстание привело к большим переменам в положении боярских правителей. Баррикады провели глубокую разграничительную черту между боярами и народом. Семибоярщина напоминала голову, отделенную от туловища. Круг ее сторонников даже внутри осажденной Москвы резко сузился. Что ни день из Кремля в ополчение бежали дворяне, стрельцы, подьячие. Полностью утратив поддержку населения в столице и провинции, бояре оказались низведены на степень прислужников у иноземных наемников.

Прежде угодливый и льстивый, пан Гонсевский теперь вел себя надменно и заносчиво. Он присвоил себе титул «старосты московского», щедро жаловал казну и земли своим приспешникам. Вокруг него собралось немало отребья из числа предателей и тюремных сидельцев. Староста охотно пользовался их услугами. Мстиславский, Воротынский, Романов и прочие бояре съезжались во дворец и с важным видом обсуждали государственные дела. Но их попытки изображать суверенную власть вызывали невольную усмешку. Позже бояре жаловались, что они и слыхом не слыхивали, о чем говорил Гонсевский с Михаилом Салтыковым и Федькой Андроновым и какие решения они выносили от имени думы.

Самой колоритной фигурой среди помощников Гонсевского был «торговый мужик» Федор Андронов. Своими «воровскими проделками» он обратил на себя внимание еще при Шуйском. В дни недолгого царствования Отрепьева Андронов взял из казны под расписку

партию дорогих мехов. Едва на трон взошел царь Василий, купец сбежал в Тушино, присвоив казенный товар. Из Тушина Федька уехал под Смоленск, где Сигизмунд III даровал ему чин московского казначея. Члены семибоярщины гнушались общества проворовавшегося купца, но не посмели ослушаться королевского указа и передали новоявленному члену думы ключи от царской сокровищницы. Старый казначей Головин отныне исполнял службу вместе с Андроновым. Каждый день они вдвоем являлись в Казенный дворец и, уходя, опечатывали его двери двумя печатями. Однажды бояре, явившись в сокровищницу, нашли на ее дверях одну лишь андроновскую печать. Когда они принялись негодовать, Федька заставил их замолчать, сказавши, что открывал двери по приказу Гонсевского.

При виде несметных богатств московской казны у полковника голова шла кругом. Соблазн был слишком велик, и староста ни в чем себе не отказывал. Как значилось в приказных документах, казна отпустила «к пану старосте Гонсевскому на двор... бархатов, и атласа золотого, и камки, и конские сбруи, и иной рухляди на 698 рублей». В казенные книги попала лишь ничтожная часть того, что присвоил себе «московский староста». С помощью Андропова он брал из казны, что хотел, без всякой огласки.

Членов семибоярщины нельзя было упрекнуть в том, что они равнодушно взирали на расхищение царской сокровищницы. Каждый из них старался получить при дележе свою долю. В угоду им Казенный приказ произвел распродажу «царской рухляди» на Купеческом дворе. Бояре, окольниковые, дворяне и приказные получили вещи по льготным ценам «в долг». Им предоставили кредит на много тысяч рублей. Они так и не погасили свой долг «из-за того, что по грехом сталась на Москве разруха».

Со времени Калиты московские государи скопили много всякого добра. Сказочные богатства московской казны не давали покоя Сигизмунду. Своими донесениями Гонсевский разжег его алчность еще больше. Многие вещи из царской казны, писал полковник, могут доставить доход королевской казне, надо лишь прислать в Москву монетчика, перечеканить золотые и серебряные вещи в деньги, тогда можно будет уплатить казенные долги всем королевским наемникам.

Денежный двор в Москве приступил к изготовлению новой монеты. Немало драгоценной серебряной посуды с Казенного двора перешло в руки монетных мастеров. Серебра не хватало, и Гонсевский распорядился забрать золотую и серебряную утварь из церковных сокровищниц. Металлические вещи пускали в переплавку. Монету били с именем царя Владислава.

Прошел год после того, как Гонсевский появился в Кремле. И боярское правительство решило счесть казенные расходы. Итоги оказались удручающими. Отрепьев получил в наследство от Годуновых полную казну и за год успел пустить на ветер миллионную сумму. Василий Шуйский скупно жаловал деньги дворянам, и ему удалось пополнить казну. Боярское правительство получило от него в наследство около 112 тысяч рублей в звонкой монете.

На содержание русского гарнизона бояре истратили 20 тысяч рублей. В основном эти деньги разошлись осенью и зимой, потому что в марте стрельцы выступили против боярского правительства и поддержали восстание.

Иноземным наемникам казна заплатила много больше. Восемьсот немецких рейтар получили за год 35 тысяч рублей деньгами и драгоценностями. «Литовские люди» только на корм вытянули из казны 65 тысяч рублей деньгами и рухлядью. Наемное войско поглотило львиную долю наличности — более 90 тысяч рублей из 112 тысяч.

По осени бояре имели возможность пополнить казну за счет податных сборов. Но с началом осады Москвы земским ополчением денежные поступления прекратились. Боярам пришлось взяться за царскую сокровищницу.

Кремль стал свидетелем неслыханного торга. В Грановитую палату вваливались «депутаты» от наемного воинства и требовали полного расчета. Бояре предлагали им драгоценности. Те куражились и для вида отказывались принимать вещи. Лишь основательно сбив цену сокровищ, они «великодушно» забирали их, потом приносили назад и требовали дополнительной скидки.

В осажденном городе цены на продукты питания подскочили, золото подешевело. Казначеем пришлось ценить благородный металл «по нынешней по дешевой цене», которая была раза в два ниже обычной. Казна

предложила «литовским людям» золота и мехов на сумму в 160 тысяч рублей. Но депутатов не удовлетворяли «дешевые цены». Они взяли вещи по своей цене, за 120 тысяч рублей. Коронные драгоценности переходили в их руки за бесценок. В течение года казна выдала вещей на сумму в 232 тысячи рублей. Полная их цена простиралась до полумиллиона.

Как только в городах началось всеобщее восстание, боярское правительство объявило о конфискации земель у участников национально-освободительного движения. Перед знатью и приказной бюрократией, засевшей с «литвой» в Кремле, открылась перспектива неслыханного обогащения. Бояре подавали пример мелким изменникам. Их не удовлетворял традиционный «оклад» в тысячу четвертей поместной пашни. Бояре Федор Шереметев и Борис Лыков присвоили себе по 3 тысячи четвертей сверх «оклада». Гонсевский всячески поощрял земельные махинации.

В дни восстания в Москве власти заключили патриарха Гермогена в тюрьму. Позже узника перевели на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремль. Там его сторожили польские приставы. Вступление иноземцев в Москву не переменяло настроений Гермогена. С недоверием и страхом взирал он на казацкие таборы, сдавившие столицу железным кольцом. Князь Иван Хворостинин, сидевший с семибоярщиной в Кремле, виделся с патриархом в ту пору и записал его речи. Однажды старец обнял молодого дворянина и со слезами молвил: «Говорят на меня враждотворцы наши, будто я поднимаю ратных и вооружаю ополчение странного сего и неединоверного воинства, одна у меня ко всем речь: облакайтесь в пост и молитвы!» Вольные казаки на глухих окраинах не имели церквей и не слишком соблюдали обряды. Кроме казаков в ополчении было множество татар, чувашей, мордвы. Были там и украинцы, белорусы, поляки, литовцы, немцы. Их-то и имел в виду Гермоген, когда называл земских ратников странным и неединоверным воинством. Заключение под стражу патриарх опасался вслух говорить о бесчинствах иноземных захватчиков. Но с позволения бояр он охотно обличал грабежи, пьянство и блуд в подмосковных таборах.

Своим авторитетом глава церкви помог семибоярщине удержать в своем стане колеблющихся. Наступила

осень 1611 г., когда Гермоген вновь, в который раз, обратился к Сигизмунду с умильным выражением верноподданнических чувств. «Король,— писал он,— даруй нам сына своего, его же возлюби и избра бог во цари, в нашу православную веру...» Патриарх поддерживал иллюзии тех, кто вместе с семибоярщиной пытался покончить с народными движениями и посадить на трон «законного царя».

Несмотря на усилия Мстиславского с товарищами, в Кремле царили чувства уныния и обреченности. Приказы бездействовали. Немногие оставшиеся в Кремле подьячие слонялись без дела в опустевших приказных избах.

По мере упадка боярского правительства набирала силы новая власть, возникшая в повстанческом лагере.

В апреле 1611 г. Ляпунов, Заруцкий и прочие воеводы ополчения провели присягу в полках. Ратные люди произносили слова клятвы с особым чувством. Присяга освещала их борьбу высшим смыслом. Они принимали на себя торжественные обязательства:

стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними стакнулся;

очистить Московское государство от польских и литовских людей;

не подчиняться указам бояр с Москвы, а служить государю, который будет избран всей землей.

Без возрождения вооруженных сил невозможно было очистить страну от иноземных завоевателей, поэтому новая власть объявила об общей мобилизации дворянского ополчения. Она предписала всем дворянам прибыть в осадный лагерь под Москву не позднее мая 1611 г. Всем, кто уклонялся от земской службы, грозила немедленная конфискация земельных владений. Дворянское ополчение составляло ядро русской армии. Но события Смутного времени раскололи его. Многие помещики остались в стороне от освободительного движения и пытались отсидеться в своих гнездах. Победы земского ополчения прогремели, подобно весенней грозе, в разных концах страны. Под Москву потянулись служилые люди из отдаленных и глухих мест. Трезвые настроения стали распространяться даже среди столичных дворян, до последнего момента цеплявшихся за семибоярщину. В земских таборах появилось много перебежчиков.

В земском ополчении возник постоянно действующий Земский собор. Рать была снаряжена многими городами и уездами, а потому совет ополчения получил наименование совета всей земли. На прежних земских соборах безраздельно господствовала знать — бояре, князья церкви, столичные дворяне. Совет земли возник на гребне народного освободительного движения, а потому он не включал ни официальную Боярскую думу, ни священный собор.

Впервые за много десятилетий большинство в высшем представительном органе государства получили провинциальные дворяне и дети боярские, служилые и вольные казаки.

На протяжении апреля — мая совет земли принял много различных постановлений. Все они были объединены и торжественно утверждены советом 30 июня 1611 г. Общий приговор стал своего рода конституцией первого ополчения. Ее текст скрепили служилые люди из 25 городов, включая Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Переславль-Залесский, Ростов, Кострому, Вологду, Калугу, Муром. Вместе с дворянами документ подписали атаманы, сотники и рядовые казаки из разных полков.

Кто обладал большинством, тот и диктовал решения. Смута вынесла наверх тех, кто прежде скромно оставался в тени. Служилых людей не удовлетворяла более роль послушных статистов. Они без конца докучали Ляпунову и прочим воеводам своими челобитьями. Дворяне желали поправить свои дела. А для этого они видели один выход. Пусть земское правительство конфискует владения бояр и знати, сотрудничающих с врагом. Дворцовое ведомство будет ведать конфискованными землями, жаловать ими оскудевших служилых людей и «кормить» их. Всяк из начальников ополчения пусть возьмет «по достоянию — не через меру» вотчины одного «изменного боярина». При разделе боярских богатств должно учитывать и службу царю Василию в Москве и службу царьку в Тушине. Калужские прибавки к старым окладам пусть идут в общий раздел. Уравнение в землях было давней мечтой незнатного дворянства. Осуществление его было теперь не за горами.

Раздел о землях занимал центральное место в «конституции» 30 июня 1611 г. После трех месяцев боев

земские представители окончательно избавились от иллюзий насчет возможности примирения с семибоярщиной. Пункт об отобрании земель у «изменных бояр» звучал резко и бесповоротно: «А которые по ся места сидят на Москве с Литвою... а в полки не едут своим воровством, и тем поместий и вотчин не отдавать». Земли, отобранные у знати, должны были перейти в руки патриотов, участвовавших в освободительном движении.

Земское правительство считало, что прежде всего надо помочь разоренной служилой мелкоте. Закон предписывал «испоместити наперед дворян и детей боярских бедных, разоренных, беспоместных и малопоместных». Справедливость должна восторжествовать. Первыми получают землю жертвы «литовского разорения». Никто другой не вправе требовать своего, никто другой не будет наделен, «покаместа бедных и разоренных всех не поместят».

Приговор совета земли отвечал интересам мелкого дворянства и казачьих верхов. Мелкопоместные и беспоместные дети боярские издавна служили атаманами и сотниками в казачьих войсках. По своей житейской философии они мало чем отличались от прочей дворянской братии. «Конституция» 30 июня предоставляла атаманам и старым казакам право на поместный оклад по отечеству и службе. Кому не нужна была земля, тот получал хлебное и денежное жалованье. Недавних холопов, крепостных крестьян и прочих люд, пополнивший отряды ополчения ко времени осады Москвы, «конституция» именовала молодыми казаками. На них привилегии служилого сословия не распространялись.

Земские дворяне досаждали совету жалобами на своз их крестьян. В связи с этим появился приговор 1611 г. — запрет крестьянского выхода в юрьев день. Сыску и возврату помещикам подлежали крестьяне, свезенные из поместья в поместье, а также крестьяне и холопы, сбежавшие в город. Опасаясь негодования низов, дворяне не осмелились требовать возвращения в крепостное состояние крестьян и холопов, поступивших в великом множестве на службу в казачьи сотни ополчения.

Поток народного движения увлек Ляпунова и его соратников. Они все больше убеждались в том, что успех освободительного движения зависит от того, удастся

ли поднять на борьбу всю массу вольного казачества и удержать ее в земской армии рядом с дворянами.

Гражданская война оживила сепаратистские настроения на окраинах. От Москвы отложилось Новгородское государство. Зашатались люди в Казанском царстве. По всей земле пронесся слух, что Астраханское царство готово последовать примеру Новгородского. Пять лет Астрахань жила своей особой жизнью, не признавая власти Москвы. В ополчении толковали, будто астраханцы тайно уговаривают казанцев отделиться от России и отдаться под покровительство Персии.

Обеспокоенный всем этим Ляпунов обратился к казанцам с призывом поддержать дело освобождения Родины. Он попытался использовать Казань в качестве посредника в переговорах со всеми волжскими казаками. Пусть казанцы, наказывал Ляпунов, напишут от имени земского правительства атаманам и казакам, обитающим по берегам Волги и на «запольских реках». Надо призвать их всех, чтобы шли на помощь к Москве, где их ждет жалованье, порох и свинец. «А которые боярские люди крепостные и старинные, — писал Ляпунов, — и те б шли без всякого сомнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам. А бояре и воеводы и вся земля по общему приговору выдадут им грамоты».

В прокламациях к населению окраин земское правительство не проводило различия между старыми и молодыми казаками. Оно сулило волю всем казакам, будь то вчерашние холопы или крепостные крестьяне. Пламенные призывы находили отклик в душах людей, бежавших на Волгу и Дон от крепостного гнета.

Посадские миры, сыгравшие выдающуюся роль в организации земского движения, отступили в тень в дни похода ополчения к Москве. На подмосковном соборе военный элемент преобладал в ущерб горожанам. Никто из посадских людей не занял места подле Ляпунова и других руководителей собора.

Гражданская война расколола верхи общества. Члены одних и тех же родов нередко оказывались в разных станах. Из двух бояр Трубецких один играл видную роль в семибоярщине, а другой руководил ополчением. Бояре Иван Васильевич Голицын и Федор Шереметев были наодно с Гонсевским, а дворяне Иван Андреевич Голицын и Иван Шереметев несли службу в земском опол-

чении. Двое Плещеевых помогали восставшим москвичам, а третий верно служил «литве».

На Земском соборе первостатейной знати было немного, и ее голос звучал слабо и невразумительно. Младшие отпрыски боярских семей не прочь были бы наложить руку на наследственные родовые земли, принадлежавшие их старшим сородичам. Но от собора они добились немногого. Земское правительство разрешило им получать поместный оклад из поместных владений, конфискованных у родни — бояр и дворян, которые «воруют на Москве с литвою».

Не раз боярская знать и дворянство пытались разрешить свои затруднения, наложив руку на земельные богатства церкви. Совет всей земли избрал другой путь. Служилые люди рассчитывали поправить дела за счет колоссальных владений аристократии, а потому отказывались от каких бы то ни было посягательств на церковные вотчины. В головах русских людей борьба за независимость казалась неотделимой от борьбы за веру предков, хранителем которой была церковь. Собор подтвердил незыблемые права патриарха и прочего духовенства на их старые вотчины, но постановил собирать с церковных земель корм во Дворец «про ратных людей».

Находясь в плену традиционных представлений, ополчение придало земскому правительству форму боярской комиссии. Правительство решало дела «по боярскому и всей земли приговору». В действительности прирожденных бояр в ополчении было немного, а из всех членов думы наибольшим влиянием в земщине пользовался думный дворянин Прокопий Ляпунов. Встав во главе освободительного движения, Ляпунов приобрел большую популярность. Города и частные лица чаще всего обращались за решением неотложных дел именно к нему.

Поначалу провинция получала грамоты от имени «бояр и воевод и думного дворянина Прокопия Ляпунова». Совет не называл поименно бояр и воевод по той причине, что бояре поначалу не могли столкнуться между собой о распределении мест. Окольничие Измайлов и Мосальский, воеводы Репнин и Бахтеяров не желали признать превосходство людей, получивших боярские чины в Тушине. Со своей стороны, тушинские бояре с подозрением следили за бывшими воеводами царя Василия Шуйского.

Не позднее мая Земский собор приступил к реформе, призванной покончить с неразберихой в высшем руководстве. После долгих обсуждений совет земли решил сосредоточить власть в руках избранной троицы. Помимо Ляпунова в нее вошел Дмитрий Трубецкой. Князья Трубецкие давно растеряли наследственные вотчины и только служба в опричнине помогла им удержаться в боярах. Дмитрий Трубецкой получил чин от «вора». Среди всех вождей ополчения он был самым родовитым. Для Ляпунова он казался удобным соправителем, ибо не обладал ни умом, ни характером.

Выбор третьего правителя представлял наибольшие трудности. На этот пост могли претендовать вожди дворянских замосковных отрядов, получившие думные чины на московской службе. Но Ляпунов избрал в сотоварищи не их, а вождя казацких отрядов Заруцкого. Боярин из безродных казаков — такого еще не видывала Русь. Признав за Заруцким боярский чин, совет земли тем самым признал казаков равноправными участниками ополчения.

Образование триумvirата скрепило союз между земскими дворянами и верхушкой казачьих таборов.

Вождь таборов Заруцкий обладал большим боевым опытом, чем все другие земские воеводы. Ляпунов постарался установить с ним самые доверительные отношения. При подписании соборного приговора неграмотный атаман поручил расписаться за себя не своему тушинскому соратнику Трубецкому, а Ляпунову.

Члены триумvirата не получили от собора никаких привилегий. Им положен был боярский земельный оклад традиционного размера как при «прежних прирожденных государях». Излишние богатства, полученные от самозванца, шли в общий раздел.

Бояре не могли решать самые важные государственные дела, а также выносить смертные приговоры без согласия совета земли. Их полномочия носили временный характер. Собор имел право в любой момент заменить любого члена боярской комиссии другим лицом, «кто будет более к земскому делу пригодится».

В своей деятельности триумvirат опирался на приказы — Поместный, Разрядный и прочие. Укомплектовать их удалось сравнительно легко. В Кремле располагались старые благоустроенные здания приказов. Но, как доносили боярам дьяки, в их приказах «ныне стоят польские

и литовские люди, а подьячие все в воровских полках».

Новые земские приказы располагались сравнительно недалеко от старых, по другую сторону кремлевских стен. Земские приказные ютились кто в тесных жилых избах, кто в землянках. Они испытывали недостаток в самом необходимом — в столах и лавках, в бумаге и чернилах. Но трудности не смущали представителей новой власти. Подле их неудобных, убогих, нетопленных изб всегда толпился народ. Жизнь была тут ключом.

В земских приказах бок о бок с московскими чиновниками трудились дьяки из Калужского «воровского» лагеря. Одни тянулись к Ляпунову, другие — к Трубецкому и Заруцкому. Трое московских дьяков из окружения Ляпунова и сочинили под присмотром своего патрона текст приговора 30 июня.

Земский приговор при всех его положительных качествах заключал в себе серьезный порок. Он не определял порядка царского избрания. Когда города снаряжали ополчение в поход, считалось само собой разумеющимся, что шапку Мономаха следует отдать истинно православному русскому человеку. Общее настроение очень четко выразил игумен влиятельного Соловецкого монастыря. «Земля наша, — писал он в ответ на шведский запрос, — единомышленно хочет выбрать царя из прирожденных своих бояр, а из иных земель иноверцев никого не хотят». Однако осуществить на практике этот принцип оказалось трудно, почти невозможно. Все «великие» прирожденные бояре, из которых только и можно было выбрать подходящего кандидата на трон, сидели в осаде с «литвой» и не помышляли о переходе на сторону земского освободительного движения. Надежды на соглашение с боярами испарились окончательно. В голову невольно закрадывалось сомнение: неужто земские люди проливали свою кровь лишь для того, чтобы передать корону одному из пособников жестокого врага?

Царское избрание наталкивалось на множество препятствий. Едва члены собора принимались обсуждать конкретные кандидатуры, среди знати тотчас вспыхивало яростное сопротивление. Чтобы избежать раскола, совет земли одно время подумывал о шведском претенденте. Сподвижник Ляпунова Бутурлин четко объяснил шведам возникшую ситуацию. «Мы на опыте своем убедились, — сказал он, — что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови царю, который не в

силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана».

Руководители ополчения затеяли переговоры со шведами после резкого ухудшения военного положения. Смоленск пал, и Сигизмунд в любой момент мог двинуть свои силы к Москве. В окрестности русской столицы прибыли войска Яна Сапеги. Ляпунов опасался, что не сможет отразить Сигизмунда без помощи шведов. Его прогнозы оказались ошибочными во всех отношениях. Шведский король, на словах предлагавший земскому правительству союз, на деле развернул широкую захватническую войну против России.

Среди просчетов Ляпунова «шведская ошибка» была самой крупной. Вождь ополчения надеялся с помощью шведского кандидата положить конец внутренним распрям. В действительности он лишь подлил масла в огонь. Взаимоотношения между членами триумvirата резко осложнились.

После разрыва с Жолкевским и возвращения в Калугу Заруцкий стал открыто покровительствовать Марине Мнишек и ее сыну. Как утверждали современники, венчанная московская царица стала наложницей бравого казака.

Связав свою судьбу с судьбой Марины Мнишек, Заруцкий неизбежно должен был воспротивиться избранию шведского претендента на русский трон. Не согласившись с постановлением совета земли, он втайне стал настраивать казаков в пользу «царевича» Ивана Дмитриевича. Как видно, атаман никогда не расставался с мечтой о том, что трон в конце концов достанется «воренку». Любовник Марины вполне мог рассчитывать на пост правителя при младенце государе. Некогда молодой казак Ивашка Заруцкий женился на «девке», которая была ему ровней во всех отношениях. Получив боярский чин и высоко вознесшись, он стал подумывать о том, чтобы приискать себе знатную супругу. При первом же удобном случае Заруцкий порвал с опостылевшей женой и затворил ее в монастырь. Своего сына он вслед за тем пристроил ко двору Марины Мнишек в Коломне. Недоброжелатели атамана пустили слух, будто он хочет жениться на Мнишек и вместе с нею занять трон. Заруцкий был редким честолюбцем, но даже в мечтах он едва ли залетал так высоко.

Бояре и патриарх внимательно следили за всем, что происходило в недрах ополчения. Едва опальный Гермоген проведал об агитации Заруцкого в пользу «воренка», он немедленно разразился обличением. В грамоте к нижегородцам патриарх заклинал паству не желать на царство «проклятого паньина Маринкина сына» и отвергнуть его, если казаки выберут его на царство «своим произволом».

Постановление насчет возможного избрания шведского королевича основательно подорвало репутацию Ляпунова и навлекло на него негодование казаков и московского «черного люда». Страна не успела избавиться от одного иноверца, как ей навязывали другого. Простонародье не скрывало своего негодования. В ополчении начался разброд. Люди, много лет служившие под знаменем «доброего Дмитрия», теперь не прочь были противопоставить шведскому еретику православного «царевича», находившегося под рукой в Коломне.

Ляпунов первым осознал необходимость объединения всех патриотических сил. Его имя стало олицетворением национального единства. Но груз оказался ему не по плечу. Ляпунову не удалось преодолеть недоверие казаков. Он не сумел сплотить даже дворянский лагерь. Земская знать, не скрывая, выражала недовольство по поводу власти, доставшейся неродовитому думному дворянину. Как отметили летописцы, «Ляпунов не по своей мере вознесся и гордость взял: много отцовским детям позору и бесчестья делал, не только боярским детям, но и самим боярам». Человек гордый и крутой, Ляпунов в самом деле не выказывал почтения к знати. Спесивые дворяне, приходившие к нему на прием, простаивали по многу времени, ожидая своей очереди.

Знать могла простить Ляпунову грубость и зазнайство. Но она проявляла куда меньшую терпимость, коль скоро речь заходила о дележе власти и земли. Многие пункты «конституции» 30 июня ее решительно не удовлетворили. Не желая мириться с властью Ляпунова, аристократы лишь ждали случая, чтобы отделаться от него. По словам Дмитрия Пожарского, Ляпунов был убит «по Иванову заводу Шереметева». В сговор с Шереметевым якобы вступили князь Григорий Шаховской и Иван Засекин, а также воевода Иван Плещеев. Благодаря службе в Тушине и Калуге этих людей хорошо знали в казачьих таборах. Нападки знати подготовили почву

для казни Ляпунова. Но инициатива этой кровавой расправы все же принадлежала другим лицам.

С первых дней осады Москвы земские воеводы сбились с ног в поисках провианта. С окрестных крестьян нечего было взять. Подмосковье было разорено дотла. Каждый обеспечивал свой отряд, как мог. Ляпунов посылал дворян на воеводство в города и местечки. Заруцкий ставил казаков для прокорма («на приставства») в черные и дворцовые волости. Наконец, совет земли поручил триумвирам организовать регулярный сбор кормов. Казачьи атаманы получили приказ свести своих людей с кормлений. Сбор провианта в волостях возлагался на «добрых дворян». Казаки могли заготавливать продукты только под их присмотром.

Богатые помещики получали продовольствие из своих владений. Бедные служилые люди потуже затягивали пояса, когда происходила заминка с подвозом хлеба. Казаки оказались в наихудшем положении после того, как власти запретили им самостоятельно заготавливать корм. Нужда порождала эксцессы. В Подмосковье появились «разбой». Течение, увлекаая мощный водяной поток, поднимает со дна ил. Нечто подобное наблюдалось и в земском движении. Неустойчивые элементы, примкнувшие к восстанию, перерождались на глазах. Они начинали с заготовок. А потом, войдя во вкус, принимались грабить население. В деревнях зажиточных крестьян подвергали пыткам. «Разбой» наносил огромный ущерб земскому ополчению. Шедшие из провинции обозы не доходили до места назначения. Шайки разбойников захватывали их в пути. В неразберихе гражданской войны обедневший дворянин орудовал кистенем на большой дороге ничуть не хуже казака.

Воеводы пытались жестокими мерами пресечь грабежи. Тушинский боярин Матвей Плещеев, расположившийся с отрядом в Николо-Угрешском монастыре, приказал утопить 28 казаков, пойманных с поличным. Кто-то успел дать знать атаманам, и те отбили осужденных на казнь. Казаки собрали круг и опротестовали действия Плещеева. По их инициативе Земский собор строго-настрого запретил воеводам казнить кого бы то ни было смертью без приговора всей земли.

Ляпунов неоднократно призывал в Разрядную избу атаманов Заруцкого и Просовецкого и совещался с ними, как бы прекратить самочинные реквизиции. Ата-

маны много раз собирали войсковой круг и наконец заручились приговором насчет прекращения самовольных поездок в села. Земское руководство без труда навело бы порядок в полках, если бы ему удалось наладить правильное снабжение. Но эта задача так и не была решена. В отчаянии Ляпунов грозил местным властям, что отступится «от земского промысла», если не прекратится общая неразбериха. Но его слова мало на кого действовали. Вскоре земские воеводы официально известили провинцию о том, что служилые люди, стрельцы и казаки непрестанно бьют им челом о денежном жаловании и корме, «а дать им нечего». К июлю положение дел приобрело столь дурной оборот, что глава Троице-Сергиева монастыря по просьбе воевод обратился к городам с отчаянным призывом. Помогите ополчению людьми и казной, писали монахи, чтобы ныне собранное под Москвой православное воинство «скудости ради не разошлось».

Нехватка продовольствия и нужда усилили брожение в таборах. Казаки винили во всех своих бедах правителя, преследовавшего самочинные реквизиции, но не сумевшего наладить правильное снабжение армии. Враждебное отношение к Ляпунову получило новую пищу после того, как таборы ознакомились с его последней грамотой. Правитель предписал городам, чтобы унять разбой и воровство, хватать повсюду казаков-воров и побивать их на месте либо присылать в Москву. Когда грамоту прочли в таборах, там поднялась буря. К казакам пристали многие люди, желавшие свести счеты с Ляпуновым. Собрав великий круг, они призвали воеводу к ответу. В шатер Ляпунова прибыл атаман Сергей Карамышев. Но тот высокомерно отклонил приглашение казачьего войска. Тогда круг направил в ставку двух детей боярских — Сильвестра Толстого и Юрия Потемкина. Те поручились, что войско не причинит воеводе никакого вреда. Поверив им, Ляпунов отправился к казакам в сопровождении немногих дворян. При появлении воеводы круг гневно загудел. Атаманы в глаза обозвали его изменником. Правитель вспыл и принялся кричать на них.

Ляпунов не мог стряхнуть груз прошлого. Его измена Годуновым отошла в область далеких воспоминаний. Но болотниковцы не забыли, кто предал их в разгар осады Москвы. Шуйский щедро наградил перебежчика. Однако

Ляпунов изменил и ему. Немудрено, что казаки поверили наветам на Прокопия, когда за ним не было никакой вины.

Когда Ляпунов пытался прикрикнуть на членов круга, те предъявили грамоту, скрепленную его собственной рукой. Внимательно осмотрев подпись, воевода не слишком уверенно промолвил: «Походит на мою руку, только я не писывал». Его слова потонули в общем шуме. Казаки обнажили оружие и в ярости стали требовать смерти «изменника». Среди общего смятения атаман Карамышев бросился на Ляпунова и полоснул его саблей. Тот упал на землю, обливаясь кровью. Стоявшие подле дворяне подались прочь. Один Иван Ржевский проявил присутствие духа. Он был великим недругом правителя, но его возмутил самосуд. Ржевский закричал, что земского воеводу убивают без причины — «за посмех». Под горячую руку казаки зарубили и Ржевского, после чего бросились в ставку Ляпунова и разнесли в щепы Разрядную избу.

Три дня изрубленные трупы Ляпунова и Ржевского валялись в поле подле острожка. Тучи мух вились над ними. По ночам их терзали бездомные псы, стаями бродившие по пожарищу. На четвертый день тела бросили в телегу и отвезли в ближайшую церковь на Воронцовском поле. Оттуда убитых переправили в Троице-Сергиев монастырь и там предали земле без всяких почестей. Краткая надпись на простом каменном надгробии гласила: «Прокопий Ляпунов да Иван Ржевской, убиты 119 году июля в 22 день».

Монахи не нашли слов, чтобы почтить борцов за земское дело. Но память о них не умерла. Прошли долгие годы, и народ сложил о них песню. Песня была немудреной, но в ней четко звучала похвала Ляпунову и проклятие изменникам боярам:

Многие русские бояре нечестивцу отдались,
Нечестивцу отдались, от христовой веры отреклись.
Уж один-то боярин думный, воеводушка крепко веру защищал,
Крепко веру защищал, изменников отгонял.
...Как узнал то Гжмунд (Сигизмунд.. — Р. С.) от своих изменников
бояр,

Что разослал-то Ляпунов гонцов в города,
Гонцов в города просить воевод с войском сюда,—
Рассердился, распалился нечестивый Гжмунд,
Распалившись, велел воеводушку убить,
Того ль воеводу, Прокопия Ляпунова.
И убили злы изменники воеводушку.

Известие о казни Ляпунова посеяло тревогу и смятение в души русских людей. Многие высказывали мысль, что воеводу погубили начальники ополчения, составившие заговор с казаками и подделавшие злополучную ляпуновскую грамоту. Одни называли в качестве главы заговора Ивана Шереметева, другие — Заруцкого. Однако даже очевидцы гибели Ляпунова не знали всей правды.

Истина раскрылась лишь после того, как за перо взялись соратники Гонсевского. Один из них, некий Мархоцкий, откровенно поведал миру, как его полковник, не имея сил одолеть ополчение в открытом бою, решил погубить отважного мужа Ляпунова, натравив на него казаков. В распоряжении Гонсевского было много дьяков и писцов, и для них не представляло труда изготовить подложную грамоту, заключавшую мнимый приказ Ляпунова бить и топить донцов повсюду, чтобы вконец уничтожить этот злой народ и успокоить Московское государство. Подпись Ляпунова на документе была ловко подделана. Доставить грамоту в таборы взялся некий атаман Сидорка, побратима которого Гонсевский велел выпустить из плена.

Московский летописец ничего не знал об откровениях польского шляхтича. Но ему было известно, что на круг мнимые листы Ляпунова принес атаман Сидорка Заварзин. Совпадение имени удостоверяет подлинность польской версии.

Находившийся в Кремле Мархоцкий довольно точно описал поведение членов триумvirата в момент мятежа. Иван Заруцкий и окружавшие его есаулы так испугались разбушевавшихся казаков, что утекли прочь. Вопреки подозрениям русских современников ни Заруцкий, ни Шереметев ничего не знали о происхождении злополучной грамоты. Инициатива интриги всецело принадлежала Гонсевскому. Он не только залил кровью московские улицы. Его удар исподтишка едва не развалил неокрепшее земское правительство.

«Конституция» земской рати предусматривала, что смена правителей осуществляется лишь по решению совета всей земли. Она грозила суровым наказанием тем, кто составит «скоп» и кого-нибудь «убьет до смерти по недружбе». Убийцы Ляпунова нарушили постановление земли. Однако совет не осмелился расследовать обстоятельства дела и покарать виновных. Обнаружив

свое бессилие, земское правительство упустило власть из своих рук.

Со смертью Ляпунова ополчение лишилось самого авторитетного из своих вождей. Раненый Пожарский отказывался верить ушам, когда ему сообщили о трагических событиях в ополчении. То, что случилось, невозможно было объяснить. Вместе с Ляпуновым князь Дмитрий поднял знамя национальной борьбы. Вместе они преодолели трудное начало. Теперь его недавний соратник пал от руки своих же людей. Дело всей земли рушилось на глазах.



ПРОТИВОБОРСТВО



ахватив Смоленск, Сигизмунд уехал в Польшу. Завершение восточной кампании решено было поручить коронному гетману Жолкевскому. Но тот отверг сомнительное предложение. Тогда король вверил дело Яну Каролю Ходкевичу, гетману великого княжества Литовского.

Ходкевич стяжал славу одного из лучших полководцев Речи Посполитой. Имея под началом 5 тысяч солдат, он наголову разгромил 8-тысячное шведское войско в Ливонии. Командовавший армией Карл IX едва избежал плена. Летом 1611 г. во время свидания с Сигизмундом III Ходкевич внес последние уточнения в планы московской кампании. Помимо немногочисленной, но отборной ливонской армии король подчинил гетману более тысячи гусар из состава армии, осаждавшей Смоленск.

Семибоярщина торопила Ходкевича. С помощью свежих войск бояре надеялись подавить освободительное движение в стране. Но Ходкевич медлил, и Мстиславскому приходилось довольствоваться наличными силами. Опираясь на них, бояре пытались восстановить свою власть в замосковных городах. Прибытие войска Яна Сапеги под Москву благоприятствовало осуществлению их плана. В помощь Сапеге Мстиславский выслал из Кремля боярина Ромодановского с отрядом дворян, сохранивших верность боярскому правительству. Поддержанный силами семибоярщины, Сапега занял Суздаль и Ростов и направился к Переславлю-Залесскому, стремясь открыть себе путь на Ярославль.

Земские таборы постарались нейтрализовать усилия неприятеля. Атаман Просовецкий и воевода Бахтеяров спешно выступили на север. Просовецкий встретил Сапегу на подступах к Переславлю и помешал ему выйти на Ярославскую дорогу. Две недели продолжались стычки у древних переславских стен. Казаки изрядно потрепали сапежинцев, и Ян Сапега не решился штурмовать крепость. К началу августа Сапега и Ромодановский вернулись в окрестности Москвы в сопровождении огромного обоза с продовольствием. Обрадованный известием о смерти Ляпунова, Сапега решил нанести удар по казачьему острожку за Яузой и прорваться через Яузские ворота в Кремль. Он плохо рассчитал свои силы. Казаки без труда отбили атаку войск Сапеги и Ромодановского. Тогда сапежинцы, обойдя укрепления земской рати с запада, среди ночи внезапно напали на ополченцев в районе Арбата. Упорный бой кипел всю ночь и продолжался на другой день. В решающий момент роты Гонсевского нанесли русским удар с тыла. Оказавшись между двух огней, отряды ополчения отступили, оставив в руках противника Арбатские и Никитские ворота.

Сапега получил возможность доставить обозы с продовольствием в Кремль. Мстиславский встретил его с распростертыми объятиями. Но радость была непродолжительной. Наемное воинство, ставшее главной опорой семибоярщины, отказывалось слушать даже собственных командиров. Дисциплина в войске окончательно рухнула. Немцы-наемники чинили грабежи среди бела дня. Гонсевский принужден был расформировать отряд мушкетеров и рейтар. Покидая Москву, мушкетеры Якова Маржерета увезли с собой немало драгоценностей и целый обоз с награбленными вещами.

По всей России крепла уверенность, что иноземное владычество доживает последние дни. Боярское правительство начало разваливаться. Корабль шел ко дну. Крысы спешили покинуть его и перебраться в безопасные места. 11 сентября 1611 г. Михаил Салтыков и Федор Андронов покинули преданный ими город. Изменники надеялись укрыться от неминуемой расплаты за рубежом. Мстиславский облегчил им отъезд, наделив их полномочиями «великих послов». Салтыков взялся ускорить приезд в Россию «царя» Владислава.

За Можайском бояре встретили войско Ходкевича, направлявшееся в Москву. Гетман уже мнил себя вер-

шителем судеб Русского государства. Он задержал послов и потребовал, чтобы они от имени боярского правительства признали своим царем Сигизмунда III. Предвкушая близкую победу, Ходкевич мечтал о лаврах триумфатора. Царскую корону он надеялся сложить к ногам короля в качестве военного трофея. Гетман плохо знал страну, в которой ему пришлось воевать. Даже запуганная Гонсевским семибоярщина отказалась выполнить его требования. Со слезами на глазах Мстиславский убеждал «союзника» в том, что отказ от присяги избранному «царю» Владиславу оставит боярское правительство без подданных, что передача трона Сигизмунду окончательно погубит их общее дело.

Ходкевич вернул в Москву Федора Андропова, а прочим послам разрешил продолжать путь. Вслед за боярами в Польшу отбыл Игнатий, занимавший патриарший престол при Лжедмитрии I. Интервенты рассчитывали убрать Гермогена и передать патриарший сан своему старому приспешнику. Но Игнатий навлек на себя общее презрение, и захватчики не решились осуществить свои замыслы. Салтыков увез с собой множество добра, похищенного из казны. Смоленская дорога была во власти Ходкевича, и боярин благополучно добрался до рубежа. Бывшему патриарху повезло меньше. Едва воинские обозы скрылись вдали, на большую дорогу вышли шиши. Они подстерегли владыку и отняли у него все несправедливо нажитые богатства. Игнатий лишился не только скарба, но и одежды. В Литву престарелый византиец прибыл замерзшим и едва живым.

Вожди ополчения знали о приближении армии Ходкевича и пытались сломить сопротивление вражеского гарнизона до ее подхода. 15 сентября 1611 г. они придвинули к стенам десяток мортир и забросали Китай-город калеными ядрами. Одно из ядер угодило в сарай, набитый сеном. Гонсевский устроил огромный склад с сеном для гусарских лошадей. Над складом взметнулся столб огня. Сильный ветер разнес клочья горящего сена по всему Китай-городу. Не теряя времени, земские ратники бросились на штурм и овладели воротами. Спасаясь от огня, наемники бежали в Кремль. Долгожданная победа была близка, но огонь мешал не только «литве». Пробираясь по горящим улицам, русские воины пытались тушить пожар и оказывали помощь гибнущему населению. Интервенты использовали паузу, чтобы

вновь собраться с силами. Пушки с кремлевских стен открыли убийственный огонь по ополченцам. Когда пожар стих, роты сделали вылазку и вытеснили русских из Китай-города. Казачьи таборы не смогли вовремя прийти на помощь своим, потому что Ян Сапега напал на них с тыла.

Много ратных людей пало в битве за Китай-город. Но и неприятель понес ощутимые потери. Его моральный дух был окончательно поколеблен. Казаки Заруцкого сомкнули вокруг Москвы кольцо блокады. Лишь прибытие Ходкевича спасло режим оккупации от немедленного крушения. Литовский гетман нисколько не сомневался в том, что разношерстное и терзаемое внутренними противоречиями ополчение не сможет противостоять его закаленной в боях и превосходно вооруженной армии. Храбрости Ходкевичу было не занимать. Он жаждал генерального сражения. Польско-литовское командование рассчитывало решить исход войны одним ударом. Гетмана вдохновляли воспоминания о недавних блистательных победах его солдат над шведами. Но он не учел того, что теперь ему противостоял вооруженный народ. Русские ратники знали, что от их стойкости зависит будущее страны. И они совершили подвиг, которого от них ждала вся земля.

В конце сентября 1611 г. Ходкевич разбил лагерь к югу от Москвы. Его силы заметно увеличились после присоединения к нему войск Сапеги. Дав отдых своим солдатам, Ходкевич вслед за тем продвинулся к Яузе и бросил все силы на штурм казачьего острожка. Невзирая на потери, солдаты вновь и вновь взбирались на земляной вал. Гремели выстрелы. Пороховой дым клубами поднимался к небу. Казаки сражались с таким упорством, что ветераны Ходкевича дрогнули. Когда гетман уразумел, что рискует остаться без армии, он велел трубить отбой. Заруцкий оценил ситуацию и попытался вырвать инициативу из рук противника. Казаки отрезали от главных сил отряд гусарской конницы и загнали его в Яузу. Гусары пытались переплыть реку, но ее берега были топкими и заболоченными. Тяжеловооруженные всадники тонули в трясине вместе с лошадьми.

Ходкевич не достиг ни одной из поставленных целей. Он не смог разбить земское ополчение и отбросить его от стен Москвы. Захватнические планы Сигизмунда III

потерпели крушение. Русское освободительное движение одержало крупнейшую военную и моральную победу. Ее последствия давали о себе знать длительное время. Ходкевич оказался бессилем избавить кремлевский гарнизон от осады. Деморализованные поражением наемники угрожали, что немедленно покинут Москву. Граббжам и насилиям не было конца. Гетман пытался пресечь мародерство в гарнизонных частях. Он примерно наказал нескольких наемников-немцев. Его приказ едва не вызвал бунта. От намерения навести порядок в войсках пришлось отказаться. Ходкевич пополнил гарнизон своими солдатами и сапбжинцами и довел его численность до двух с половиной тысяч человек. Некоторые роты, отказавшиеся повиноваться командирам, покинули Москву и ушли на родину.

Осень давно вступила в свои права. Целыми днями лили холодные дожди. От земли поднимался туман. По ночам почву сковывали заморозки. Близилась зима. Ходкевич предполагал расположить армию в русской столице и предоставить солдатам долгожданный отдых. Но ему пришлось отказаться от своих планов. Пожар в Китай-городе уничтожил большую часть складов с продовольствием и фуражом. В огне погибли жилые помещения, служившие казармами для солдат. В холод и ненастье Ходкевич увел свою армию в район Рогачева, где решено было разбить зимний лагерь.

Едва гетман покинул Кремль, ополченцы вновь замкнули крепость в кольцо.

Разграбив десятки деревень, фуражиры Ходкевича направили в Москву огромный обоз. Но шиши и казаки подстерегли его и отбили несколько сот повозок. В Кремль прорвалась лишь небольшая часть обоза. Блокада обрекла вражеский гарнизон на голод. В Китай-городе на торгу цена на рожь поднялась до трех рублей за четверть. Над Кремлем с громким карканьем вились тучи воронья. Солдаты стреляли ворон и продавали по 15 грошей за штуку. За воробья брали по 10 грошей. Голодающие подбирали любую падаль и питались ею.

Казалось, русским воинам надо было сделать последнее усилие, чтобы изгнать врага с Московской земли. Но ополчение израсходовало все свои силы и ресурсы. Сентябрьские бои стали его лебединой песней. Ополченцы нанесли противнику ощутимое поражение, но они заплатили за свой успех слишком высокую цену. Их

потери были колоссальными. Людями овладела усталость. Поместное ополчение таяло на глазах. Вопреки легендам гибель Ляпунова не привела к повальному бегству дворян из-под Москвы. Даже сын Прокопия считал безопасным для себя остаться в таборах после гибели отца. На протяжении лета в осадный лагерь прибывали и одиночные служилые люди, и крупные отряды дворян. Осенью начался разъезд. Испокон веку дворяне сражались конно, людно и оружно. На добром коне и в надежной броне, окруженный боевыми слугами, дворянин на поле брани чувствовал себя господином положения. Холопы прикрывали его своей грудью, кольчуга защищала от вражеских ударов, верный конь спасал от погони. Разорение лишило помещиков былой уверенности. Многие растеряли холопов. Без слуг, на тощей кляче помещик чувствовал себя легко уязвимым и беспомощным.

«Конституция» 30 июня 1611 г. провозгласила льготы всем оскудевшим дворянам, принявшим участие в освободительной борьбе. Ляпунов обещал наделить их поместьями в первую очередь. Служилые люди завалили земские приказы своими челобитными. Совет земли боялся оттолкнуть дворян и старался удовлетворить их просьбы. Земский Поместный приказ что ни день выписывал им грамоты на поместья. Феодалы спешили в уезды, чтобы утвердиться в своих правах и пополнить монетой отощавший кошелек. В ноябре 1611 г. Разрядный приказ составил список дворян, служивших под начальством боярина Дмитрия Трубецкого. За короткое время список был испещрен пометами об отъезде дворян. Одни уезжали «для ран» на излечение, другие — «для поместного раздела». Иные помещики покинули ополчение самовольно, без разрешения своих командиров. Поместное ополчение еще раз обнаружило свои давние пороки.

Таяло ополчение, и вместе с тем рушился фундамент, на котором зиждилась власть земского дворянского правительства.

Изменилось само лицо совета земли. Погиб Ляпунов, который был душой его. Один за другим покинули сцену его сподвижники из дворянского лагеря. Одни погибли в кровопролитных боях, как окольный Василий Мосальский. Другие, как окольный Артемий Измайлов и Андрей Репнин, вернулись в свои города. Едва ли отъезд этих воевод объяснялся страхом перед казаками. Артемий Измайлов оставил в полках своего сына Василия.

Иван Шереметев получил назначение на воеводство в Кострому. Его место в полках тотчас занял его родной брат стольник Василий.

Поредевшие дворянские отряды держали оборону в западных и северных кварталах столицы. Воевода Мирон Вельяминов со своими ратниками занимал позиции у Тверских ворот. Стольник Исак Погожий с угличанами укрепился на Трубе около Петровки. Бок о бок с ним располагался отряд стольника Измайлова.

Главные позиции земского ополчения по-прежнему находились в восточных кварталах близ Яузских ворот. Казаки разбили тут обширный лагерь. По численности казацкие полки теперь далеко превосходили дворянские отряды. Преобладание казацких элементов в ополчении неизбежно сказалось на составе руководства.

Как самый знатный из земских бояр, князь Дмитрий Трубецкой числился главой ополчения, как и при Ляпунове. Но всеми делами при нем распоряжался вездесущий Заруцкий. Он стал подлинным главой земского правительства. Московские наблюдатели, пережившие земскую осаду, утверждали, будто второй по влиянию фигурой в ополчении стал популярный среди казаков атаман Просовецкий. Был ли он выбран войском или занял место подле Заруцкого в силу своих боевых заслуг, неизвестно. Два атамана во главе земской рати — это было слишком много в глазах дворян. Земский совет все больше приобретал черты казацкого круга.

Просовецкий требовал решительных действий, которые бы позволили немедленно покончить с врагом. В начале декабря он завершил подготовку к штурму. Его приготовления не остались незамеченными. Наемники заранее узнали о месте предполагаемого приступа.

Всяк въезжавший в Москву видел перед собой огромный пустырь. На месте старых слобод лежали груды обгорелых бревен да сиротливо торчали печные трубы. Среди пожарища одиноко возвышался Кремль. Бояре отдали врагу цитадель вместе с множеством пушек и «зельем». Теперь русские пушки вели убийственный огонь по русским полкам.

В начале декабря 1611 г. Просовецкий повел свои отряды на приступ. Взорвав ворота в Китай-городе, казаки и ратные люди ворвались в крепость, но были остановлены выстрелами. Будучи осведомлен о русских планах, враг разместил за воротами батарею из тридцати

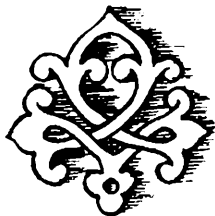
пушек. Орудия стояли полукругом ствол к стволу. Казаки шли на приступ, выказывая удаль и молодечество. Но губительный огонь косил их ряд за рядом. Приступ захлебнулся в крови.

Неудача повергла в уныние Просовецкого и его сторонников. Распространились слухи о его ссоре с Заруцким. Согласно польской информации Просовецкий будто бы покинул главный лагерь и с тысячей казаков заперся в Симонове монастыре, стоявшем на дороге в Коломенское. Заруцкий с войсками бросился догонять его и принудил к переговорам. В присутствии всей Москвы Просовецкий будто бы заявил, что Заруцкий недостойн того, чтобы командовать столь многочисленным войском, в рядах которого много людей из старых и заслуженных княжеских рядов. Раздор между атаманами вызвал волнение черни. Заруцкого будто бы убили, а Просовецкого выбрали на его место.

Поляки охотно поверили слухам о его гибели. Но слухи эти не соответствовали действительности.

Зима вступила в свои права. Поля Подмосковья покрылись глубокими сугробами. Морозы стали подлинной бедой для ополченцев и населения Москвы. Но москвичи проявили редкую привязанность к родным местам. Они терпели любые невзгоды, но не покидали город. Как повествовали очевидцы, москвичи — всякие «черные люди», и торговые, и промышленные — жили под Москвой в полках, и кормились, и держали всякие припасы.

К концу зимы харч в посадских земляных слободах подошел к концу. Не пресловутое казачье «воровство», а неслыханное разорение края явилось причиной того, что в освобожденных кварталах столицы начался голод. Вслед за дворянами потянулись в дальние волости на зимовье казаки. Боевые действия в Москве замерли до весны.



«ПСКОВСКИЙ ВОР»



Самозванцы появлялись на исторической арене подобно героям кукольной комедии. С начала Смуты число их превысило дюжину. Никто из них не сносил головы. Калужский царек нашел себе преемника в лице «псковского вора», впоследствии названного Лжедмитрием III.

История псковского авантюриста незамысловата. Едва калужане предали земле останки шкловского бродяги, как в Москве нашелся другой авантюрист, взявшийся докончить прерванную комедию. То был некий священнослужитель, дьякон Матюшка из-за Язузы. Монах Авраамий Палицын сообщил любопытные подробности насчет этого лжецаря. Матюшка Веревкин, по его словам, был поповским сыном из северских городов. Род «мелких детей боярских» Веревкиных издавна служил в Стародубе. Когда в этом городе объявился Лжедмитрий II, одним из предводителей «возмущения» там стал сын боярский Гаврила Веревкин. После распада Тушинского лагеря несколько Веревкиных перешли на службу к Сигизмунду III и получили от него земельные пожалования. Матюшка Веревкин происходил из духовного сословия. В неизвестное время он перебрался в Москву и служил там дьяконом в маленькой церквушке в Замоскворечье. Где он был в момент гибели Лжедмитрия II, никто не знает. Прошло немного времени, и дьякон сбежал из Москвы в Новгород. Опустошив свой тощий кошелек, Веревкин попытался заняться мелкой торговлей. Он раздобыл несколько ножей и еще кое-какую мелочь и задумал сбыть свой товар с выгодой для себя.

Предприятие быстро лопнуло, и Матюшке пришлось просить милостыню, чтобы не умереть с голода. В один прекрасный день он наконец собрался с духом и объявил новгородцам свое «царское имя». Толпа осыпала новоявленного царя бранью и насмешками. Многие узнали в нем бродячего торговца. Незадачливому самозванцу пришлось спешно убираться из Новгорода. Все же ему удалось увлечь за собой несколько десятков человек. С ними он бежал в Ивангород. Крепость эта находилась в руках бывших тушинцев, и самозванец рассчитывал на их любезный прием. Ивангородцы изнемогали в неравной борьбе. Несколько месяцев крепость осаждали шведы. Затем к городу подошел пан Лисовский с отрядом. Горожане не поверили его дружеским заявлениям и заперли перед ним ворота. Наконец их призывы о помощи были услышаны. В город прибыл собственной персоной воскресший «Дмитрий». Три дня ивангородцы палили из пушек в честь долгожданного спасителя. Простым людям царек казался своим человеком. Иноземцы находили его смелым по характеру и находчивым краснобаем. В самом деле, вор без устали повторял историю своего спасения всем желающим. Он был зарезан в Угличе, но избежал смерти. Его изрубили и сожгли в Москве, но и тогда он восстал из мертвых. Его обезглавили в Калуге, но вот он — жив и невредим стоит перед всеми.

Добившись признания в Ивангороде, самозванец тотчас завязал тайные переговоры с псковичами. Нигде социальная борьба не приводила к столь решительным результатам, как во Пскове. Подняв восстание против царя Василия Шуйского, меньшие люди изгнали из города воевод, дворян и лучших людей. После свержения Шуйского семибоярщина так и не могла добиться покорности от псковичей. Город отказался от присяги в пользу королевича Владислава. Весть о гибели Лжедмитрия II посеяла тревогу в псковских низах. Но сторонники калужского царька воспрянули духом, едва прослышали о появлении государя в Ивангороде. Псков не сразу освоился с невероятной новостью, и казаки, очертя голову бросившиеся в новую авантюру, принуждены были хитрить. Атаманы объявили о сборе в поход, и их сотни в боевом порядке покинули Псков. Едва за спиной у казаков захлопнулись крепостные ворота, отряд развернулся и помчался к Ивангороду. Прибыв в Иванго-

род, казаки уверили Матюшку в том, что Псков примет его с распростертыми объятиями. Царек поверил им и в начале июля разбил свои бивуаки в псковских предместьях. Его посланцы затребовали ключи от города. Псковичи долго советовались, как быть. В конце концов они решили, что проживут и без царька. Матюшка окончательно испортил дело после того, как велел захватить городское стадо и на славу угостил свое воинство. Шесть недель самозванец маячил у стен крепости, а затем внезапно исчез. Его спугнули шведы. По новгородской дороге к Пскову приближались шведские отряды и ополчение новгородских дворян. К ним присоединилось немало псковских помещиков. Меньшие люди Пскова знали, что их не пощадят в случае поражения, и решительно отвергли все предложения о сдаче. Новгородское государство тщетно убеждало псковичей последовать его собственному примеру и отдаться под покровительство Швеции. Псковский народ решительно отверг путь предательства. Не для того псковичи восстали против Владислава, чтобы признать над собой власть безымянного шведского королевича.

При поддержке новгородских и псковских дворян шведы попытались силой овладеть непокорным городом. 8 сентября 1611 г. они взорвали крепостные ворота и устремились на приступ со стороны реки Великой. Наемники помнили о «новгородском взятии» и предвкушали легкую победу. Они готовились разграбить древний город. Но псковичи давно изгнали из своего города всех, кто мог оказать помощь врагам. И потому шведские солдаты не добились тут успеха. Приступ был отбит. Пять недель неприятель осаждал крепость, а затем отступил к Новгороду.

Псков стоял подобно скале среди бушующего моря. С востока и севера в его пределы постоянно вторгались шведы, а с юга и запада — литовские отряды. Лисовский не давал покоя псковскому населению. Король Сигизмунд III направил против Пскова армию гетмана Ходкевича, стоявшую в Ливонии. Ходкевич осадил Псково-Печерский монастырь. В течение полутора месяцев тяжелые осадные пушки вели огонь по монастырским укреплениям. В нескольких местах стена крепости покрылась трещинами и осела. Но стрельцы, монахи и окрестные крестьяне, затворившиеся в монастыре, не теряли мужества. Отразив семь вражеских

приступов, они вынудили Ходкевича снять осаду и отступить в Ливонию.

В Пскове установилось народовластие. Город давно заявил о поддержке земского освободительного движения. Горожане готовы были послать силы, чтобы ускорить освобождение Москвы. Но им пришлось самим запросить помощи у земского ополчения, чтобы выстоять. «Многие напасти на нас сходятся отовсюду, — писал псковский мир вождям ополчения, — а помощи ниоткуда нет!» Совет земли откликнулся на это обращение. В Псков выступили воеводы Никита Вельяминов, а за ним Никита Хвостов с отрядом казаков.

Смерть Ляпунова развязала руки сторонникам самозванцев в подмосковном ополчении. Однако среди них не было единодушия. Шведы получили достоверную информацию о том, что Заруцкий старался убедить казаков избрать в цари Ивана Дмитриевича. Однако «царевич» был грудным младенцем, и все понимали, что править за него будет его мать Мнишек. Вдова двух самозванцев, однако, не пользовалась никакой популярностью в народе.

Весть о появлении Дмитрия вызвала минутное возбуждение среди ополченцев. Толки смолкли сами собой. Весть была слишком невероятной. В таборах было много ветеранов, своими глазами видевших мертвую голову государя, отделенную от туловища.

Шло время, а поток известий о деяниях Дмитрия не только не иссяк, но стал разрастаться. Время брало свое, и легковерные люди все больше свыкались с мыслью о новом спасении поистине бессмертного сына Грозного. На удочку попали те из казаков и московских повстанцев, которым не довелось видеть мертвого «вора». Новообращенные большой толпой присоединились к отряду, направленному в Псков вождями ополчения.

Прибытие в Псков сторонников Лжедмитрия мгновенно изменило ситуацию в городе. Под влиянием их агитации псковские низы потребовали признания истинного государя. Их посланцы выехали в Ивангород и передали ему приглашение псковского мира. Матюшка не стал ждать, чтобы его попросили дважды. Он тотчас собрался в путь. Царек и его свита выбирали глухие проселочные дороги. Им удалось миновать шведские заставы. 4 декабря 1611 г. кавалькада прибыла в Псков.

Жители успели простить «государю» забитых коров из городского стада. Они устроили ему радушную встречу. Воеводы не имели сил противиться взрыву людских страстей. Матюшка тотчас вознаградил их за покорность. Воеводы князь Иван Хованский и Никита Вельяминов сподобились боярского чина и заняли почетное место подле самозванца. Обосновавшись в псковском детинце, Матюшка сразу же отправил в подмосковные таборы атамана Герасима Попова с воззванием к тушинским ветеранам.

Обращение «государя» взбудоражило московское население и казаков. Надежда на чудо уже владела умами людей. Люди желали видеть на троне православного, русского человека. Решение собора насчет приглашения шведского принца глубоко задело национальное чувство народа. Симпатия к Дмитрию вспыхнула как реакция на попытку навязать стране второго иноземного и иноверного царя.

Казаки созвали круг и внимательно выслушали речи государева посланца атамана Попова. Некоторые из участников круга открыто выражали сомнения в чудесном спасении Дмитрия. Рьяные сторонники самозванца настаивали на немедленной присяге «законному» царю. Но большинство заняло выжидательную позицию. Под их влиянием круг решил послать в Псков особую делегацию для опознания «царя». Старые бояре Ажедмитрия II постарались отклонить сомнительную честь и поручили дело Казарину Бегичеву. Бывший стрелецкий голова Бегичев числился у тушинского царька думным человеком и исполнял его поручения в Пскове. Псковичи его хорошо знали. Вместе с Бегичевым в путь отправились тушинский думный дьяк и отряд казаков.

Ажедмитрий III устроил посланцам ополчения торжественную встречу. Допущенные к руке, старые казаки убедились, что перед ними самозванец, несколько не похожий на их прежнего царька. Но вооруженная стража Матюшки окружала трон толпой, и казакам поневоле пришлось прикусить язык. Никто из них не решился обличить «вора». Под нажимом псковичей послы направили ополчению грамоту с подтверждением истинности Дмитрия.

Грамота полномочных послов всей земли вызвала в ополчении бурю. Простой народ и казаки охотно ве-

рили тому, чему хотелось верить. Их «добрый царь» в который раз вновь спасся от злых бояр. Последующие события развивались под действием неудержимых стихийных сил. 2 марта 1612 г. казачий круг, на котором присутствовало также много москвичей, провозгласил государем псковского самозванца. Вожди ополчения Заруцкий, Трубецкой и другие, помня о судьбе Ляпунова, подчинились кругу. Они вместе с казаками принесли присягу на имя Лжедмитрия III и вернулись в свою ставку в сопровождении торжественной процессии и под грохот артиллерийского салюта. Народ приневолил целовать крест дворян из полка Трубецкого, попавшихся под руку.

В земских отрядах, стоявших поодаль от таборов, присяга не удалась. Воеводы Мирон Вельяминов, Исак Погожий и Измайлов, занимавшие позиции подле Тверских ворот и Трубы, бежали из ополчения прочь, опасаясь за свою жизнь.

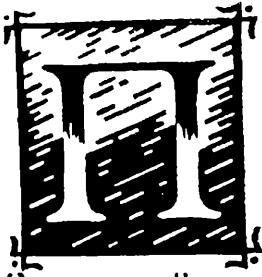
Некогда Ляпунову удалось сплотить разнородные силы и повести на освобождение Москвы. Присяга Лжедмитрию разрушила хрупкое единство. Раскол, которого так боялся Ляпунов, стал совершившимся фактом. переворот в Москве был осуществлен «черным людом» Москвы и казаками. С помощью наемников боярское правительство с трудом предотвратило выступление этих сил в пользу калужского самозванца в конце 1610 г. С тех пор прошло полтора года. Столичные жители пережили неслыханную трагедию. Их город превратился в груды развалин. Ненависть народа к захватчикам и их пособникам удесятилась. С помощью вновь воскресшего Дмитрия низы надеялись окончательно рассчитаться с лихими боярами.

Вождь ополчения Заруцкий оказался бессильным перед лицом стихии. Он подчинился восставшему народу, но попытался дать свое толкование акту присяги. Тотчас после переворота воеводы «холопы Митка (Трубецкой) и Ивашко Заруцкий» били челом государыне Марине Юрьевне и государю царевичу Ивану Дмитриевичу всея Руси. Заруцкий ориентировался не на Псков, а на Коломну, где находилась Марина Мнишек с сыном. Он исподволь готовил почву к тому, чтобы усадить на трон «воренка».

Переворот получил поддержку в южных и северских городах, прежде примыкавших к Калужскому лагерю.

Там находилось немало атаманов и казаков, сражавшихся в армии Болотникова. На востоке власть псковского самозванца поспешили признать небольшие города Арзамас и Алатырь. Зато население таких крупных городов, как Казань, Нижний Новгород, Ярославль, Кострома, Владимир, восприняло избрание Лжедмитрия III как незаконный акт, противоречащий воле земли. Борьба между сторонниками и противниками нового самозванца грозила взорвать национально-освободительное движение изнутри.





осадские люди стали утрачивать доверие к земскому правительству, после того как самый популярный лидер ополчения Ляпунов был убит, а сменивший его Заруцкий предложил посадить на трон сына самозванца. Первыми зашевелились казанцы. В августе 1611 г. они снеслись с нижегородцами и выработали соглашение. Приговор двух крупных городов послужил грозным предостережением для подмосковных властей. Посадские люди предупредили, что не потерпят смещения воевод, посланных ими для освобождения Москвы, и не признают назначений, произведенных Заруцким и казаками по своему произволу. Посады выразили сомнение по поводу способности ополчения довести до конца дело царского избрания и заявили, что отвергнут любого государя, посаженного на трон казаками без согласия на то земли. Недоверие к земскому руководству оказалось столь сильным, что посадские миры постановили не пускать к себе казачьи отряды из таборов.

Соглашение между двумя городами послужило прологом к организации второго ополчения. Казанцы, пошумев, отступили в тень. Нижегородцы же вскоре перешли от слов к делу. Им предстояло осуществить трудный почин.

Нижний Новгород не имел своего епископа и находился в непосредственном ведении патриаршего дома. По этой причине нижегородцы решили обратиться за духовным советом к своему патрону Гермогену. Они снарядили в Кремль посланца Мосеева с «советной челобитной». Посол не раз глядел смерти в глаза, прежде

чем проник в осажденный Кремль к опальному Гермогену. В скудости и печали доживал свои дни престарелый патриарх. Слуги Гонсевского совлекли с него святительские ризы и заточили в Чудов монастырь.

Гермоген внимательно выслушал Мосеева и заявил о поддержке нижегородского почина. Обращение низложенного владыки к Нижнему Новгороду стало его политическим завещанием. Гермоген не забыл о судьбе Андрея Голицына, и венец великомученика нисколько не прельщал его. В грамоте к нижегородцам он ни словом не обмолвился ни о предателях боярах, ни о наемниках и их бесчинствах, зато он не скупился на обличения казачьих таборов. Патриарх предлагал организовать выступление епископов, с тем чтобы оказать давление на подмосковное земское правительство. Он просил нижегородцев связаться с казанским митрополитом, рязанским владыкой и иерархами других городов. Когда князь церкви сочинят «учительные грамоты» к земским боярам, тогда их надо собрать воедино. Гермоген заклинал бесстрашного человека Мосеева доставить грамоты под Москву и огласить их, даже если казаки будут угрожать ему смертью. Таким путем глава церкви пытался повлиять на избирательную кампанию и помешать Заруцкому и казакам посадить на трон одного из самозванцев. Проклятый сын паньи Маринки, писал в сердцах Гермоген, «на царство не надобен: проклят от святого собору и от нас».

Мосеев спрятал патриаршую грамоту и благополучно доставил ее по адресу. Но земское освободительное движение пошло не по тому направлению, которое пытался придать ему Гермоген. Не князь церкви, а посадские люди, нижегородцы, стали его руководителями.

Нижний Новгород оставался в начале XVII века одним из крупных центров городской жизни в России. Путешественники, останавливавшиеся в городе, насчитывали в нем никак не меньше восьми тысяч человек. Жизнь в городе была ключом.

Нижний Новгород располагался возле места впадения Оки в Волгу на перекрестке больших торговых путей. Из Нижнего в Москву вел Большой Владимирский тракт — знаменитая Владимирка. Город связывал центр государства с Нижним Поволжьем, Пермским краем и Сибирью. По торговым оборотам Нижний уступал лишь пяти самым большим городам страны.



Бедствия Смутного времени причинили огромный ущерб городским центрам России. Нижнего Новгорода разорение коснулось в меньшей мере, чем других городов. В обстановке гражданской войны замерла торговля и промыслы, сократилось население Нижнего. Однако военные грабежи и погромы миновали город.

Нижний Новгород обладал превосходной системой обороны. Город располагался на всхолмленной местности между Окой и Волгой. На севере его защищали волжские обрывы. На западе территорию города прорезал овраг, образованный речкой Почайной. Лишь несколько русских городов имели каменные крепости, по мощности равные Нижегородскому кремлю. Его толстые стены, крытые тесом, то поднимались уступами в гору, то опускались к воде. В уязвимых пунктах оборонительной линии возвышались башни, числом более десятка. Главная магистраль кремля — Большая Мостовая улица — начиналась возле ворот четырехугольной Ивановской башни и, круто изгибаясь, уходила в гору на главную площадь. Посреди площади высился белокаменный Спасо-Преображенский собор. Его окружал хоро́вод деревянных церквушек. С запада к кремлю примыкали обширные посады. Их защищал острог с бревенчатыми башнями и рвом. Посады были заполнены множеством рубленых изб. На богатых дворах стояли терема с шатровым верхом.

В кремле против главного собора стояла съезжая изба. Там местные власти творили суд и расправу. В разгар Смуты выборные посадские люди пользовались исключительным влиянием на дела. Обычно посадский мир собирал сходку по осени, в первые дни нового года. (Счет лет в то время вели от сотворения мира, и Новый год праздновали первого сентября.) Мир выбирал из своей среды старост и присяжных или целовальников. Чаще других выборные городские посты занимали те, кто располагал большими деньгами. В Нижнем таких было много, и они ворочали тысячными оборотами. Но в лихую годину посадские люди выбирали себе старост не по деньгам. Осенью 1611 г. патриоты выдвинули и провели в городскую управу Кузьму Минина.

Кузьма Минин принадлежал к зажиточным слоям посадского населения. Его отец Мина Анкудинов происходил из Балахны и был солепромышленником.

Братья Кузьмы наследовали отцовские соляные варницы. Сам же Кузьма переселился из Балахны в уездный центр Нижний Новгород и занялся торговлей. Он завел лавку в мясном ряду и вел дело вместе с сыном Нефедом. Мелочная торговля позволила семье вести безбедное существование и скопить кое-какие деньги на черный день. Но Минин не принадлежал к числу тех, для кого стяжание составляло цель и смысл жизни. Он не задумываясь пожертвовал материальным благополучием семьи и сбережениями, когда того потребовали высшие интересы.

Феодальное общество не благоволило к своим пасынкам — «черным людям», платившим царские подати. До времени Смуты политика была для них недоступной сферой деятельности. Сословные предрассудки имели силу железного закона. Чтобы вырваться из их плена, человеку нужно было обладать подлинным мужеством. Минин хорошо помнил, какой внутренней борьбы стоило ему решение ввязаться в большую политику. Монахи, записавшие воспоминания Кузьмы, придали им религиозную окраску.

В конце лета, вспоминал Минин, он не раз уходил из топленной избы в сад и проводил ночь в летней постройке — повалуше. Там его трижды посетил один и тот же сон. Виделось Кузьме, будто идет он со многими ратными людьми на очищение Московского государства. Мысль о подвиге давно волновала Минина. Но он не решился признаться в этом даже самому себе. Как человек трезвый, Кузьма привык сообразовывать замыслы с наличными средствами. Поэтому, пробуждаясь ото сна, он каждый раз оказывался во власти безотчетного страха. «За свое ли дело берешься?» — спрашивал себя Минин. Сомнения осаждали его со всех сторон. Владелец мясной лавки отдавал себе отчет в том, что у него нет никакого воинского опыта («не было воинское строение ему в обычай»). А кроме того, Кузьма принадлежал не к власти имущим (старейшим), а к черным тяглым людям. Минин вспоминал, что при пробуждении его било как в лихорадке. Он всем существом своим ощущал непомерную тяжесть и, «болезнующим», едва поднимался с постели. Среди тяжких терзаний рождалась вера в то, что сама судьба призвала его совершить подвиг во имя Родины. В его голове вновь и вновь звучали слова, как бы услышанные им сквозь

сон: «Если старейшие (дворяне и воеводы) не возьмутся за дело, то его возьмут на себя юные (молодые тяглые люди), и тогда начинание их во благо обратится и в доброе совершение придет!»

Избрание в земские старосты Кузьма воспринял как зов судьбы. С его приходом съезжая изба стала подлинным оплотом патриотических сил. Нижегородские посадские люди с тревогой следили за осенними боями в предместьях Москвы. Монахи Троице-Сергиева монастыря своевременно известили их о том, что ополчение стоит на грани распада из-за тяжелых потерь, голода и нужды. Горожане и сами знали о критическом положении дел в Москве. После каждого нового боя в город привозили раненых ратников.

Московские вести приводили в отчаяние нижегородских воевод и приказных. Они не знали, на что решиться. Не они, а посадский староста Минин выступил с инициативой организации нового ополчения. Вокруг Кузьмы немедленно объединились все, кто не поддавался унынию и требовал принесения новых жертв на алтарь Отечества. Обсуждая изо дня в день положение дел в ополчении, патриоты пришли к убеждению, что только организация новых крупных сил может оказать решающее влияние на исход битвы за Москву.

Сходки в съезжей избе становились все более многолюдными. Минин со слезами на глазах убеждал сограждан в том, что Нижнему не избежать общей участи и его будущее решится в Москве. «Московское государство, — говорил он, — разорено, люди посечены и пленены, невозможно рассказать о таких бедах. Бог хранил наш город от напастей, но враги замышляют и его предать разорению, мы же нимало об этом не беспокоимся и не исполняем свой долг». В съезжую избу набивалось много всякого народа. Одни одобряли речи нового старосты. Другие бранили его, плевались. Состоятельные люди (старейшие) опасались за свои кошельки. Они понимали, что организация военных сил потребует больших денег. Зато среди прочего люда Минин нашел множество последователей. Почин старосты поддержала молодежь. По возвращении со сходки они не раз обращались с укором к отцам, привыкшим считать копейку. «Что в нашем богатстве? — спрашивали они. — Коли придут враги и град наш возьмут, не разорят ли

нас, как и прочих? И нашему единому городу устоять ли?»

Все больше людей собиралось на площади перед городской управой. Наконец, настал решительный момент. Минин «возопил» ко всему народу. «Если мы хотим помочь Московскому государству, — говорил нижегородский трибун, — то не будем жалеть своего имущества, животов наших; не то что животы, но дворы свои продадим, жен и детей заложим!»

Призыв старосты не нравился тем, кто обладал «многим стяжанием». Но народ не желал более слушать лучших людей. Партия патриотов взяла решительный верх на городском вече, и тут же в земской избе ее вожди составили приговор о сборе средств «на строение ратных людей». Следуя соборной традиции, Минин передал приговор на подпись всем людям, и так «приговор всего града за руками устроиша». Приговор облек выборного старосту большими полномочиями. Кузьма получил наказ обложить нижегородских посадских торговых людей и всяких уездных людей чрезвычайным военным сбором и определить, «с кого сколько денег взять, смотря по пожиткам и промыслам».

Сбор средств начался с добровольных пожертвований. Земский староста подал пример всем остальным. Современники различным образом оценивали размеры его жертвований. Один очевидец из дворян воспроизвел в своих записках следующее обращение старосты: «Братья, разделим на три части имения свои, две отдадим воинству, себе же едину часть на потребу оставим!» Исходя из предложенного расчета, Кузьма будто бы пожертвовал в казну ополчения две трети своего имущества. По другим сведениям, староста объявил миру, что имеет триста рублей, и тут же выложил на стол сто рублей «в сборные деньги». Одно совсем позднее предание гласило, будто староста не только отдал все свои деньги, но и снял золотые оклады с икон и принес драгоценности жены Татьяны — монисты, подвески, шитые золотом ленты.

Минин был не одинок. Нижегородцы несли на площадь к съезжей избе кто что мог, в зависимости от достатка. Их бескорыстие поразило воображение современников и послужило поводом к сочинению легенд. Был сложен сказ о некоей богатой вдове. Унаследовав от мужа двенадцать тысяч рублей, она принесла земским

старостам десять. Своим щедрым жестом, отметили современники, благочестивая жена навела страх на тех, кто боялся расстаться со своими деньгами.

Добровольные пожертвования положили начало сбору средств в фонд нового ополчения. Минин и его сподвижники умели хорошо считать и знали, что война требует больших денег. Поэтому они вскоре же провели в жизнь постановление о чрезвычайном военном налоге. Нижегородцы поистине не щадили своих «животов». (Этим словом в те времена называли имущество.) Еще недавно они понесли большие расходы на снаряжение первого ополчения. Теперь посадский мир санкционировал сбор пятой деньги со всех доходов и имуществ «на жалованье ратным людям». Сбор проводился как на посаде, так и по всему уезду.

В Нижний потянулись обозы с продовольствием. Их выслали крестьяне из торгового села Павлова, жители мордовских деревень, занимавшиеся пчеловодством, и прочий уездный люд. Богатые монастыри должны были внести деньги в фонд ополчения наряду с дворцовыми крестьянами.

Взявшись за организацию войска, посадские люди долго ломали голову над тем, кому доверить командование. Их старый воевода князь Александр Репнин ничем не проявил себя в ополчении, и совет земли отправил его из-под Москвы на службу в казанский пригород Свияжск.

Выборные земские власти прекрасно понимали, что успех затеянного ими дела будет зависеть от выбора вождя, который пользовался бы популярностью в армии и по всей стране. Посадские люди искали «честного мужа, кому заобычно ратное дело», «кто б был в таком деле искусен» и, более того, «который бы во измене не явился».

В Смутное время немногие из дворян с воеводским чином сохранили свою репутацию незапятнанной. Кривыми путями шли многие, прямыми — считанные единицы. Нижегородцам было трудно сделать выбор и не промахнуться. Они решили полагаться лишь на свой опыт и искать подходящего кандидата среди окрестных служилых людей, лично им известных. Кузьма Минин первым назвал имя Дмитрия Пожарского, и мир поддержал его выбор.

Князь Дмитрий находился на излечении в селе Муг-

рееве, до которого из Нижнего было рукой подать. Прошло много месяцев после ранения воеводы. Природа не наделила Пожарского завидным здоровьем. Лечение подвигалось медленно. Тяжелое ранение в голову привело к тому, что князь Дмитрий заболел черным недугом. Так называли в давнее время эпилепсию. Приступы и конвульсии больных падучей болезнью наводили страх на суеверных людей, и те называли эпилептиков непогребенными мертвецами. Простой народ сочувствовал эпилептикам, но избегал их.

Эпилепсия надолго задержала выздоровление Пожарского. Когда в усадьбу явились нижегородские послы, князь Дмитрий не дал им определенного ответа. Послы уехали ни с чем. Впоследствии князь Дмитрий, вспоминая былое, любил говорить, что его к великому делу «вся земля сильно приневолила», а если бы был тогда кто-нибудь из «столпов» вроде боярина Василия Голицына, его бы все держались, а он, князь Дмитрий, мимо боярина за такое дело не принялся бы. Слова насчет боярина служили простой отговоркой. Василий Голицын находился в плену, а прочие «столпы» сидели с поляками в Кремле. Нижний Новгород присылал послов «многажды», прежде чем стольник согласился принять приглашение. Князь Дмитрий не мог нарушить этикет и дать согласие при первом же свидании. Еще больше, чем этикет, его беспокоило собственное нездоровье. А кроме того, до Мугреева уже дошли вести о «непослушании» нижегородцев своим воеводам, и князь Дмитрий желал заранее определить свои будущие взаимоотношения с посадским миром. Кузьме Минину пришлось лично отправиться в Мугреево, чтобы рассеять опасения стольника. Оба были воодушевлены одними и теми же стремлениями и чувствами и потому вскоре нашли общий язык. Самая большая трудность, которую предстояло преодолеть Минину и Пожарскому, состояла в том, чтобы раздобыть деньги. В обычное время воеводы не имели нужды заниматься финансовыми вопросами. Их обеспечивала государева казна. Ныне финансы оказались в руках семибоярщины и «литвы».

Для завершения переговоров Нижний Новгород прислал в Мугреево доброго дворянина Ждана Болтина, печерского архимандрита Феодосия и выборных посадских людей. Пожарский заявил им, что согласен встать во главе ополчения, но потребовал назначения себе

в помощники казначея, которого бы назначил мир. Его требование поначалу привело старших послов в недоумение. В их головы плохо укладывалась мысль насчет того, что вместе со стольником руководить войском будет некий выборный посадский человек. Требование воеводы шло вразрез с вековыми обычаями, прочно отгораживавшими посадский люд от любых военных должностей. Архимандрит наотрез отказался обсуждать предложение Пожарского и заявил, что у них в городе попросту нет подходящего человека. Тогда воевода сам назвал имя земского старосты Минина. Младшие послы не скрывали своей радости.

Минин не сразу принял предложенное ему почетное назначение. У него был свой расчет. Он согласился возглавить поход при условии, что мир предоставит ему чрезвычайные полномочия для сбора казны и снабжения ратников оружием и кормами.

Посадский мир принял условия Минина, и земская изба поспешила оформить мирские решения в виде особого приговора. Нижегородские посадские люди обязались слушать своего «выборного человека» во всем и давать деньги ратным людям. В ушах у посадских еще звучали пламенные призывы старосты пожертвовать всем для гибнущей родины, и они укрепили приговор обещанием отдать на нужды армии имущество, а при крайней нужде не пощадить собственных жен и детей и «заложить» их, чтобы получить деньги. Как только приговор был утвержден и подписан, земская изба без промедленья в тот же час послала документ к Пожарскому.

Пока шли переговоры в Мугрееве, в Нижний по приглашению мира приехали представители смоленских дворян. Падение Смоленска вынудило местных служилых людей покинуть занятый врагом край и отправиться под Москву. Беженцы били челом Ляпунову и Заруцкому об устройении их поместьями. По решению совета земли служилых людей препроводили в Арзамас и соседние города Курмыш и Алатырь, с тем чтобы испоместить их там на дворцовых землях. Местных крестьян не прельщала перспектива превращения в помещичьих крепостных, и они отказались принять незваных помещиков. Дело дошло до прямого восстания. Не надеясь на благополучный исход дела, некоторые дворяне осенью удалились в Нижний Новгород. Оставшиеся продолжали борьбу с повстанцами. Прошло немало

времени, прежде чем им удалось овладеть двумя острожками повстанцев и рассеять их отряды.

В Нижнем Новгороде мир оказал почетную встречу представителям смоленских дворян и снабдил их довольно кормами. Несколько смолян выехало с посадскими людьми для встречи с Пожарским в Мугреево. Дворяне били челом, чтобы воевода, не мешкая, шел в Нижний. Появление смоленских ратных людей внушило Пожарскому большие надежды. Кроме смолян он призвал под свои знамена вяземских и дорогобужских помещиков, стоявших по деревням в дворцовой Ярополческой волости. Волость располагалась неподалеку от Мугреева, и многие вяземские помещики нагнали Пожарского в пути, когда он в возке подъезжал к Нижнему Новгороду.

Местное духовенство, дворяне и посадские люди вышли за город и встретили Пожарского и его отряд с иконами, с хлебом и солью. К земской рати присоединилось 150 стрельцов из местного гарнизона. Сбор ратных сил отнял гораздо больше времени, нежели думали нижегородцы. Смоленские дворяне соглашались выступить в поход не раньше, чем будут устроены их земельные дела. Представители смолян достигли соглашения с Мининым в конце октября, но сами воинские люди стали собираться в Нижнем лишь к 6 января 1612 г. Поднятые из деревень, где они переживали выюжную зиму, смоленские служилые люди являли собой жалкое зрелище. Под одними были худые клячи, другие явились пешими, с попутными крестьянскими обозами, в поношенной одежде.

Население выражало смолянам сочувствие и провожало их гурьбой до самой воеводской избы. С высокого крыльца Минин обратился к прибывшим с замечательным напутствием. «Се братия, — сказал он, — грядете к нам на утешение граду нашему и на очищение Московскому государству!»

Смолян воодушевила сердечная встреча, и они невольно вспомнили о лучших временах. Будучи человеком практичным, Минин понимал, что одними речами делу не помочь. Служилые люди много лет спустя передавали из уст в уста рассказы об удивительной щедрости нижегородского выборного человека. Щедрость имела свои причины и оправданье. Разоренные помещики были попросту небоеспособны. Надо было как следует воору-

жить их и посадить на хороших лошадей, прежде чем отправлять на войну.

Пожарский провел смотр и разбил дворян на три статьи. Первостатейные помещики получили до 20—30 рублей на душу, дети боярские третьей статьи — по 15 рублей. Помимо этого оклада земская изба раздала им всем единовременное пособие на покупку коня, починку доспехов.

Весть о нижегородском «верстании» вскоре облетела все соседние уезды. Служилая мелкота массой потянулась на прибыльную земскую службу. Следом за коломенскими и рязанскими помещиками под начало к Пожарскому встали дворяне, стрельцы и казаки из различных «украинных» крепостей.

План Пожарского состоял в том, чтобы возможно скорее собрать отовсюду военные силы и, не мешкая, отправиться с ратью на помощь к Москве. Осуществление плана, однако, натолкнулось на неожиданные трудности. Возможности Нижнего Новгорода оказались быстро исчерпанными. Минину и Пожарскому пришлось обратиться за поддержкой к ближним и дальним городам и волостям, что неизбежно привело к раздору с земским правительством. Подмосковные бояре и приказные считали, что только они имеют право распоряжаться сбором ратных людей и казны по всему государству. Почин Минина и Пожарского грозил разрушить сложившийся порядок. Нижегородцам приходилось тратить уйму времени и усилий на то, чтобы уладить отношения с воеводами и чиновниками ополчения на местах.

Обращения Минина и Пожарского к городам не содержали никаких выпадов против земского правительства в лице Трубецкого и Заруцкого, зато в них было много предостережений насчет «казачьего воровства».

В письме к вологодскому посаду нижегородские земские власти отметили два опасных симптома: появление под Псковом нового «вора» Лжедмитрия III и рассылку Мариной Мнишек «смутных грамот» от имени «царевича» Ивана Дмитриевича. Свое отношение к самозванцам нижегородцы выразили с полной определенностью. До смерти своей, писали земские люди, они не согласятся на избрание «псковского вора» или «коломенского воренка».

Выступление нижегородцев дало выход настроениям,

давно зревшим в провинции. Прошло совсем немного времени, и в своем обращении к народу князь Дмитрий Пожарский во всеуслышание заявлял о том, что все города — понизовые, и поморские, и поволжские, и Рязань — шлют всякие доходы в Нижний для подготовки похода к Москве. Горожане вновь брали судьбы освободительного движения в свои руки.

Политические прогнозы определяли собой военные планы нижегородских вождей. Вскоре после 6 января 1612 г. они известили города о том, что намерены идти на выручку к Суздалью, осажденному литовскими людьми. Именно Суздаль Пожарский предполагал сделать местом сбора ополчений из замосковских и рязанских городов. Приглашая жителей Вологды принять участие в суздальском походе, земские люди старались рассеять их сомнения и раскрывали перед ними свои сокровенные замыслы: «Будет-де, господа, опасаетесь от казаков иных коих воровских заводов, и вам бы однолично того не опасаться: как будем все верховые и понизовые города в сходу, и мы всею землею о том совет учиним и дурна никакова ворах делати не дадим, «а которые люди под Москвой Маринкою и сыном ея новую кровь похотят всчасть, и мы дурна им никакого учинить не дадим».

Планы Минина и Пожарского приобрели полную ясность и определенность. Сосредоточив в Суздале городские ополчения, они намеревались с их помощью нейтрализовать сторонников самозванных царей в казачьих таборах. В Суздале предполагалось созвать новый Земский собор, на котором будет широко представлена вся земля. Представительному собору и надлежало решить задачу царского избрания. «Как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, — писали нижегородцы, — мы всею землею выберем на Московское государство государя, кого нам бог даст».

Минин и Пожарский детально разработали план похода на Суздаль и созыва там собора. Но им не удалось преодолеть сопротивление земского правительства и осуществить свои замыслы. Заруцкий опередил нижегородскую рать. Когда сапежинцы захватили Ростов, он немедленно выслал против них атаманов Андрея и Ивана Просовецких с казаками. Выступление Просовецких вынудило врага очистить Ростов и отступить в Москву. Заруцкий начал стягивать в районе Суздаля и Владими-

ра послушные ему части. Земское правительство преподало нижегородцам наглядный урок. Следуя его приказу, Арзамас в январе 1612 г. выслал подкрепления атаманам Просовецким, обосновавшимся во Владимире и Суздале. Нижегородцы пытались заполучить ратные силы из Арзамаса, Курмыша и некоторых других городов. Казанские власти, вместе с нижегородцами выступавшие за создание нового ополчения, пытались помочь Минину и Пожарскому. Они пригрозили курмышанам, что явятся со всей силой к их городу и осадят местного воеводу, если тот не подчинится нижегородскому совету. Но их угрозы не возымели действия. Старое земское правительство располагало еще достаточно прочными позициями в провинции.

Агитация Заруцкого в пользу «воренка» и посылка делегации к Лжедмитрию III в Псков обострили борьбу внутри ополчения и ускорили размежевание сил. Земское правительство и нижегородский совет готовились вступить в открытое противоборство, подобно враждующим братьям. Занятие Суздаля казачьими отрядами сорвало замыслы Минина и Пожарского насчет созыва в этом городе нового Земского собора. Тогда нижегородцы обратили взоры в сторону Ярославля.

Заруцкий понимал значение Ярославля как ключевого пункта всего Замосковного края. Вытеснив поляков из Ростова, он расчистил себе прямой путь из Москвы на Ярославль. В тылу у Ярославля располагалась Кострома. Местный воевода сохранял верность подмосковным боярам, что облегчало задачу подчинения Ярославля. Заруцкий поручил дело братьям Просовецким. Казачьи разъезды вскоре же прибыли в Ярославль. Местный воевода и посадские власти давно установили тесный контакт с нижегородским советом. Едва в город стали прибывать казаки, ярославский воевода Морозов немедленно забил тревогу и запросил подкрепления у Пожарского.

Минин и Пожарский видели, что промедление грозит погубить их почин. Надо было либо принять вызов Заруцкого, либо свернуть свои знамена. Нижегородский совет принял решение о немедленном выступлении. Волей-неволей ему пришлось отказаться от прежнего плана похода к Москве по кратчайшим путям через Владимиро-Суздальскую землю. Нижегородской рати предстояло проделать кружной путь по берегу Волги. Ей



предстояло перетянуть на свою сторону враждебную Кострому и оказать помощь союзникам в Ярославле. Борьбу за столицу надо было начинать с борьбы за провинцию.

Зима подходила к концу, и нижегородцам надо было спешить с походом, пока не наступила весенняя оттепель. Несмотря на энергичные усилия, Пожарскому не удалось собрать сколько-нибудь значительных сил. В Нижнем собрались лишь одни смоляне, а также некоторое число вязьмичей. Современники считали, будто смолян у Пожарского набралось до двух тысяч. В действительности смоляне оказались рассеяны по всей стране, и в Нижнем оказалось не более тысячи дворян из Смоленска и Вязьмы.

Посадским ремесленникам пришлось немало потрудиться, чтобы снабдить оружием рать Пожарского. Смоляне провели в Нижнем полтора месяца. За это время многие из них обновили оружие и доспехи, обзавелись добрыми лошадьми. Хорошо вооруженные конники стали вместе со стрелецкой пехотой ядром нижегородского ополчения. Пожарский надеялся, что прибытие казанской рати сразу удвоит его силы. Но его посланцу Биркину не удалось собрать казанцев к намеченному сроку. Казань не оправдала надежд, которые возлагал на нее нижегородский совет. Скрепя сердце князь Дмитрий отдал приказ о выступлении, так и не дождавшись ближайших союзников. Командовать авангардом он поручил брату — князю Дмитрию Петровичу Лопате Пожарскому. Лопата успешно справился с поручением, заняв Ярославль.

Главные силы нижегородского ополчения выступили на Балахну в великий пост 23 февраля 1612 г. Жители приветствовали Пожарского подле ворот. Воеводы с дворянами поместились в осадных дворах в крепости. Прочие ратные люди устроились на ночлег на посаде.

Поход Пожарского послужил сигналом к объединению сил, выступивших против Заруцкого. В Балахне к нему присоединился Матвей Плещеев. Воевода этот пользовался большой известностью в первом земском ополчении. При жизни Ляпунова он пытался унять казачье своеволие в полках. После казни Ляпунова ему пришлось бежать из ополчения и укрыться в своих костромских вотчинах. Свидание с Плещеевым не улучшило настроения Пожарского. Будущее освободитель-

ного движения казалось изменчивым и неопределенным.

Покинув Балахну, войско в сумерках добралось до Юрьевца. Ратники едва устремились на ночлег, как поднялась тревога. По дороге к городу быстро приближался отряд всадников. Караульные схватились за ружья. Но стрелять им не пришлось. Пропущенный в крепость мурза объявил, что привел на земскую службу отряд татар.

После Юрьевца рать сделала привал в селе Решма. Под утро в Решму прибыл гонец от Артемия Измайлова из Владимира. Гонец привез дурную весть. Измайлов сообщил своему давнему соратнику Пожарскому о том, что 2 марта казаки и «черные люди» Москвы произвели переворот и избрали на царство «псковского вора» Лжедмитрия III.

Новость ошеломила нижегородских ратных людей. Воодушевление, царившее в первые дни похода, сменилось глубокой тревогой. Не зная подробностей происшедшего, вожди ополчения не могли понять, как решились подмосковные бояре бросить вызов стране и провести царское избрание без совета с городами и представителями всей земли.

После остановки в Решме войско сделало новый привал в Кинешме. Жители городка встретили нижегородцев приветливо и предоставили им казну в подмогу. Из Кинешмы Пожарский выступил к Костроме. На подходе к Костроме в ополчение явились посадские люди костромичи и предупредили Пожарского, что их воевода Иван Шереметев решил не пускать нижегородцев в город.

Кострома располагалась на левом берегу Волги при впадении в нее реки Костромы. В середине города стоял небольшой кремль, окруженный рвом. Костромской посад был не слишком велик. На нем было не более пятисот дворов. Смута разорила город. Многие дворы стояли заколоченными. Церкви остались без пения.

Земское правительство прислало в Кострому на воеводство Ивана Шереметева, и тот не собирался подчиняться Пожарскому. Местные дворяне разделились. Одни ушли с Матвеем Плещеевым к Пожарскому, другие заперлись в крепости с Шереметевым. Очутившись перед закрытыми крепостными воротами, ратники принуждены были расположиться на посаде, за пределами города. Пожарский избегал кровопролития и не спешил

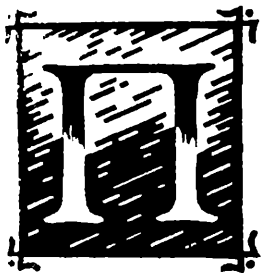
штурмовать цитадель. Воевода надеялся, что местный посад скажет свое веское слово. И он не ошибся. В Костроме начались волнения. Горожане осадили Шереметева на воеводском дворе и убили бы его, если бы не подоспел Пожарский. Он велел ратникам взять под стражу воеводу и тем спас ему жизнь. Покидая Кострому, Пожарский оставил там воеводой князя Романа Гагарина.

Теперь Ярославль был совсем близко. Город этот заслуженно считался крупнейшим торгово-ремесленным центром России. Но в отличие от Нижнего Новгорода тут жило не только много посадских людей, но и много дворян. Вожди подмосковных таборов Заруцкий и Трубецкой пытались превратить Ярославль в свою опорную базу еще до того, как нижегородцы выступили со своим почином. В дни боев с Ходкевичем в Ярославль выехали боярин Андрей Куракин и дьяк Михаил Данилов. Им поручили спешно сформировать в Ярославле вспомогательное войско и привести его на помощь к столице. С аналогичным поручением во Владимир выехал стольник Василий Бутурлин. Не располагая ни казной, ни достаточными полномочиями, Куракин и Бутурлин не справились с поставленной задачей. Им недоставало тех качеств, которыми природа в избытке наделила выходца из низов Кузьму Минина. Материальные возможности Ярославля казались исчерпанными, и воеводы не сумели найти общий язык с посадским населением и использовать общий подъем. Весть о признании самозванца в таборах и прибытие в город воеводы Лопаты Пожарского оказали на престарелого боярина Куракина сильное впечатление. Он решил порвать с земским правительством и примкнуть к Пожарскому.

Нижегородские полки вступили в Ярославль под звон колоколов. Посадские люди встретили воинов хлебом-солью. В тот праздничный день никто из людей не предвидел, что ярославское стояние Пожарского продлится долгих четыре месяца.



ОСТАНОВКА В ЯРОСЛАВЛЕ



од знамена Пожарского стекался служилый люд. На его содержание требовались средства. Ранее собранные деньги быстро разошлись. Найти новые в разоренной стране оказалось делом трудным, почти невозможным. Финансовая система давно находилась в полном расстройстве. Население, привыкшее к военному грабежу, запрятало имущество и затаилось, видя, что каждая новая власть приносит с собой лишь новые поборы. Жители городов разбредались по деревням. Торговля пришла в упадок.

В Нижнем Кузьме Минину понадобилось много недель, прежде чем ему удалось взять верх над скупыми богатынями, и те «с нужею» стали жертвовать крупные суммы. В родном городе старосту хорошо знали, и он мог рассчитывать на поддержку всего посадского мира. За пределами Нижнего Кузьме приходилось заново утверждать свой авторитет. В Балахне он столкнулся лицом к лицу с местными солепромышленниками, среди которых находились его родные братья. Красноречие народного трибуна не тронуло толстосумов. Они не спешили расстаться с нелегко нажитыми деньгами. Минин не имел времени на долгие уговоры. Нижегородская рать заутро выступала в поход. Единственный раз в Балахне Минин дал волю гневу, владевшему всем его существом. В длинной речи перед горожанами он объявил сущими преступниками тех торговых людей, которые пытались утаить свое имущество от обложения и пожертвований на ратных людей. За «пронырство» виновные достойны того, чтобы им «руки отсеци»!

Минин говорил с такой убежденностью, что речь его проняла присутствующих. Они уразумели, что ради земского дела староста не пощадит и родных братьев. Поеживаясь, богатые торговцы принесли в съезжую избу деньги «в их оклад».

В Ярославле все повторилось сначала. Минин призвал местных купцов вносить средства на очищение Москвы. Но те остались глухи к его призывам. Богатые гости Никитников и Лыткин заявили, что их приказчики уже внесли свою долю в казну ополчения в Нижнем Новгороде. Ярославские лучшие люди искоса поглядывали на нижегородского старосту. Они видели перед собой своего брата «торгового мужика» и не понимали, почему им надо слушаться его. Прения в земской избе затянулись. Кузьма долго «истязал» ярославцев добрыми словами. Но толка от этого не было никакого. Тогда выборный человек показал всем, что с ним шутки плохи. Он послал за стрельцами и велел им окружать земскую избу. Никитникова и прочих торговцев забрали «не в честь» и отвели в избу к Пожарскому. Перед воеводами и приказными Минин объявил вины купцов и потребовал лишить их всего имущества. Пожарский поддержал выборного человека своим авторитетным словом. Видя «жестокость» Кузьмы и свою «неправду», лучшие люди пали на колени и покорились.

Минин и Пожарский не думали, что им придется надолго задержаться в Ярославле. Переворот в таборах смешал все их планы. Надежды на скорое освобождение Москвы рухнули. Пожарский не мог выступить к столице, пока делами там распоряжались сторонники самозванца. Государевым «изменникам», не желавшим признавать «доброе Дмитрия», грозил самосуд.

Осада Москвы связала Заруцкого по рукам и ногам. Благодаря этому Пожарский получил возможность утвердиться в замосковных городах без больших трудов и усилий. Еще в Костроме к Пожарскому прибыли посланцы Суздаля, просившие прислать к ним воеводу и ратных людей, чтобы унять Просовецкого и его казаков. Нижегородцы немедленно отрядили в Суздаль князя Романа Петровича Пожарского. Просовецкий не желал начинать братоубийственную войну и, услышав о приближении отряда нижегородских стрельцов, ушел под Москву.

Войска Минина и Пожарского утвердились в Яро-

славле. Но на дорогах к северу от Ярославля еще находились казачьи отряды, сохранявшие верность Заруцкому. Чтобы очистить путь на север и в Поморье, князь Дмитрий направил в Пошехонье Лопату Пожарского с ратниками. Воевода разбил находившихся там казаков. Их атаман Василий Толстой бежал в Кашин, где находился воевода князь Дмитрий Черкасский с отрядом. Черкасский нес службу в подмосковных таборах. Но он вскоре же перешел на сторону ярославского ополчения.

В мае 1612 г. жители Переславля-Залесского прислали Пожарскому просьбу защитить их от Заруцкого. Совет направил туда воеводу Ивана Наумова. Тот отогнал казаков и укрепился в городе. Дело обошлось без всякого кровопролития.

Ярославль стал подлинной Меккой для земских городов, отказавших в поддержке «вору». Замосковные, волжские и поморские посады посылали в Ярославль свои военные силы либо запрашивали к себе воевод с подкреплениями. Ратники Пожарского направились в разные стороны — в Тверь, Владимир, Ростов, Касимов. Они взяли под контроль дороги, связывавшие Ярославль с Севером. Поморье и северные города стали теперь базой снабжения нового земского ополчения.

Раскол земского освободительного движения привел к распаду территории земщины. Объединив вокруг себя многие города, ярославский совет поневоле должен был взять на себя управление ими. Смена власти сопровождалась, как обычно, хаосом и неразберихой. Но среди хаоса все выше вздымалась волна патриотического воодушевления. Именно она вынесла наверх Кузьму Минина. Скромный нижегородский мещанин стал душой нового правительства. Его титул выглядел необычно и внушительно: «Выборный всею землею человек». Минин обладал поистине неиссякаемой энергией.

Множество дел свалилось на плечи выборного человека и его ближайшего окружения. В течение короткого времени они заново организовали систему управления обширной территорией, отказавшейся признать власть Лжедмитрия III. В Ярославле стали действовать свой Поместный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть. В Ярославль стекались со всех сторон дворяне, стрельцы, пушкарки. Воеводы производили смотр вновь прибывших и определяли им жалованье. Выдавая деньги, они требовали, чтобы помещики выставляли поручите-

лей и давали письменное обязательство службу служить и со службы не сбежать. Поместный приказ приступил к раздаче земель оскудевшим дворянам.

В отличие от своих помощников дьяков выборный человек Кузьма Минин не прошел длинных и извилистых коридоров бюрократической службы в приказах. Он не был знатоком приказного крючкотворства. Там, где поседевший в приказах делец складывал руки перед неразрешимыми трудностями, Кузьма одним взмахом разрубал гордые узлы. В обычных условиях требовалась уйма времени, чтобы провести описание земель. Минин в считанные дни разослал дозорщиков в Суздаль, Кинешму, Торжок. Таким образом, ярославский совет смог выяснить реальные возможности налогоплательщиков.

Новая власть взыскивала налоги повсюду, где было возможно. Особого внимания она удостоила богатые обители. В Ярославле был организован Монастырский приказ. Его главою стал судья Тимофей Витовтов, человек безупречной репутации. Витовтов получил чин думного дьяка на службе в первом ополчении под Москвой.

Монастыри обладали крупными денежными богатствами, и Минин охотно обращался к ним за займами. Соловецкий монастырь согласился ссудить земскую власть деньгами. Но он выразил сомнение по поводу полномочий нечиновного человека Минина. Монахи потребовали, чтобы Пожарский сам расписался на заемном письме.

Купцы и солепромышленники Строгановы оказались сговорчивее старцев. По настоянию Кузьмы Минина их приказчики заняли ополчению четыре тысячи рублей. Староста договорился о займе также с тремя московскими и четырьмя ярославскими купцами. Так удалось раздобыть еще тысячу рублей. Кузьма обязался возместить деньги, когда нижегородские денежные доходы «в сборе будут». Но шла война, расходы умножались и поглощали новые поступления. Вождям ополчения приходилось думать не о погашении старых, а о заключении новых займов.

Земская казна постоянно пополнялась за счет добровольных пожертвований. В грамотах к населению выборный человек вновь и вновь просил народ «поревновать» о Родине, «пожаловать» земскую власть и самим «промеж

себя» произвести обложение, «что кому с себя дать на подмогу ратным людям».

Призывы Минина приносили плоды. Из городов в Ярославль везли добровольно собранную казну. Вместе с жертвованиями ополчение получило немало серебряных вещей. Кузьма мгновенно оценил ситуацию и устроил в городе Денежный двор. Мастера переплавляли вещи и били монету, которую казна тут же использовала на жалованье ратным людям.

Минин обладал талантом подлинного организатора и умел подчинить своей воле и направить к общей цели всех, даже и своих недругов. После кратковременного ареста Никитников и другие ярославские купцы были привлечены им на земскую службу и заняли место в совете земли.

Второе земское правительство поддерживало прочные связи с посадами и волостями. Население имело возможность влиять на деятельность совета через своих представителей — земского старосту Минина, купцов, влиятельных дьяков.

Приступая к сбору средств в той или иной волости, совет тотчас приглашал волостных старост, целовальников и лучших людей «для земского совета». При решении более важных вопросов совет вызывал в Ярославль местных представителей и требовал, чтобы сословия снабжали их письменными инструкциями. В таких случаях города получали наказ «по всемирному своему совету присылать изо всяких чинов людей человека по два (и по три) и совет свой отписать за своими подписями». Выборные с мест постоянно приезжали к Минину и Пожарскому. Воеводы либо задерживали их при себе, либо отпускали домой с поручениями. С Белоозера в мае прибыли в Ярославль протопоп, двое посадских людей, один крестьянин из черных государственных волостей. Минин отпустил посадских, но задержал при себе протопопа и крестьянина для совета.

Второе земское правительство было связано множеством нитей с первым. Многие авторитетные руководители уехали из столицы в Ярославль, чтобы уклониться от присяги Ажедмитрию III. Прямо из Подмосковья явились сюда боевые воеводы Мирон Вельяминов и Исак Погожий со многими детьми боярскими, подьячими и даже торговыми добрыми людьми, не желавшими целовать крест «вору». В стане Пожарского

оказались такие организаторы первого ополчения, как Артемий Измайлов, воевода костромских дворян Федор Волконский, предводитель угличан Федор Погожий.

Ярославский совет имел, однако, свое лицо, отличное от ляпуновского совета. Раскол в земском движении привел к поляризации сил. Казаки остались под Москвой, дети боярские устремились в Ярославль. Сказывалась также и перемена в общем настроении русского дворянства. К весне 1612 г. семибоярщина не пользовалась и тенью прежнего влияния. Знать, прежде чуравшаяся земского движения, теперь заколебалась. Пожарский не жалел сил, чтобы сплотить вокруг Ярославля все национальные силы. Такой курс не мог не сказаться на составе ярославского собора. В отличие от ляпуновского совета он включал и больше знати, и больше посадских представителей. Старшими членами совета числились бояре князь Андрей Куракин, Василий Морозов, князь Владимир Долгорукий и окольный Семен Головин. Родственники Куракина и Головина входили в семибоярщину, а Долгорукий сидел в Кремле с «литвой» до марта 1611 г. Членами совета в Ярославле стали князь Никита Одоевский (его брат возглавлял Новгородское государство), князь Петр Пронский, князь Иван Черкасский, Борис Салтыков, князь Иван Троекуров, князь Дмитрий Черкасский, братья Шереметевы и другие.

Наплыв богатых дворян в Ярославль имел многообразные последствия. Знать не забыла о своем унижении в ляпуновском совете и домогалась особого положения в новом соборе. Ее притязания привели к смуте и неурядицам в ополчении. Распри вспыхнули после того, как в Ярославль прибыла казанская рать.

Казанцы выступили с почином организации нового ополчения вместе с нижегородцами. Будучи в Нижнем, Пожарский назначил своим главным помощником дворянина Ивана Биркина и поручил ему сформировать и привести казанскую рать. Биркин выехал в Казань как полномочный представитель нижегородского совета. Его сопровождали местный протопоп Савва и несколько выборных смоленских дворян.

Земское правительство возлагало большие надежды на поддержку со стороны Казани. В сношениях со шведами Пожарский подчеркивал, что на его стороне выступают города Московского и Казанского государств. В

качестве ветеранов движения казанцы рассчитывали занять в Ярославле подобающее место. Но вскоре они смогли убедиться в своей ошибке.

В Нижнем Биркин был заметной фигурой среди сподвижников Пожарского. В Ярославле не только Биркин, но и сам Пожарский затерялся в толпе бояр и знатных дворян. Когда Биркин явился в совет и от имени казанцев потребовал себе прежнюю должность, бояре и воеводы прервали его на полуслове. Будь то обычная местническая тяжба, спор не вышел бы из стен приказной избы. Но затронутыми оказались более глубокие интересы.

На стороне Биркина выступили не только казанцы, но и хорошо знавшие его смоленские дворяне и нижегородские стрельцы. Против него объединились бояре, ярославские и прочие дворяне. Раздор едва не привел к кровопролитию. Казанская партия изготавилась к бою. Но благоразумие все же взяло верх.

В Казанском государстве социальные противоречия приобрели более резкие формы, чем в замосковных городах. После убийства боярина Бельского управление городом перешло в руки худородного дьяка Шульгина. Местный воевода боярин Василий Морозов ушел в поход на Москву да так и не посмел вернуться назад в Казань. В качестве ярославского воеводы Морозов оказал казанцам худой прием.

Ляпунов умел подобрать ключи к казанскому граду. В обращениях к тамошним жителям он говорил на их собственном языке. Вождь ополчения поручил миру поднять на борьбу с завоевателями все волжское казачество, обещал волю вчерашним холопам. Биркин был личным эмиссаром Ляпунова в Нижнем Новгороде. После отъезда из Нижнего ему пришлось надолго задержаться в Казани. Как и Ляпунову, ему удалось достичь полного взаимопонимания с казанским посадом. Однако в Ярославле знать отнеслась к бывшему эмиссару Ляпунова и его родне Биркину без всякого уважения. Как язвительно выразился летописец, бояре «откинуша» Биркина.

Биркин уведомил Казанское государство о ярославских событиях, и дьяк Шульгин от имени местных властей отозвал казанскую рать домой. Его приказ вызвал раскол в войске. Тридцать помещиков и отряд татар отказались повиноваться Биркину и поступили

на службу в ярославское ополчение. Прочие ратники вернулись в родной город.

Неудача Биркина служила признаком поражения тех сил, которые в свое время выступили инициаторами похода на Москву. Пожарскому пришлось проявить немало терпения, чтобы избежать новых расколов.

Минин и Пожарский не требовали от ярославского совета мандата на единоличную власть. Они помнили о судьбе Ляпунова и не помышляли о возрождении триумvirата. Пожарскому чужды были какие бы то ни было диктаторские замашки. Под текстом соборной грамоты князь Дмитрий приложил руку десятым, признав тем самым местническое превосходство девяти других более знатных бояр и стольников. Кузьма Минин приложил руку пятнадцатым.

Сдержанность Пожарского успокоила знать, но поколебала его собственные позиции. В апреле совет земли разработал план наступления против литовских людей. В наступлении должны были участвовать почти все наличные силы ополчения. Знать и слышать не желала о службе под началом неродословного стольника. Чтобы избежать местнических распрей, совет поручил руководить операцией не Пожарскому, а другому воеводе — князю Дмитрию Черкасскому. Прошлое Черкасского было более чем сомнительным. Он долгое время подвизался в Тушинском лагере, потом перешел к литовцам и лишь затем — в земское ополчение. Черкасский отличался знатностью и занимал высокое местническое положение. Предложив Черкасскому важный пост, совет окончательно перетянул его из Подмосковного лагеря на ярославскую службу.

В разгар зимних морозов литовцы попытались захватить Себеж на западной границе. Отряд запорожцев во главе с атаманом Наливайко после неудачи под Себежем ушел в район Старой Руссы, а оттуда к Бежецку. На пути казаки нещадно грабили население.

Появление запорожцев вызвало тревогу в Ярославле. Пожарский опасался, как бы Наливайко не повернул от Бежецка к Москве на соединение с зимовавшей под Волоколамском армией Ходкевича.

Ярославский совет решил собрать как можно больше воинских сил, чтобы разгромить отряд Наливайко, а затем повернуть оружие против Ходкевича с тем, чтобы оказать действенную помощь подмосковному ополче-

нию. Князь Дмитрий Пожарский по своему местническому положению далеко уступал Дмитрию Черкасскому. Вероятно, по этой причине руководить наступлением поручено было Черкасскому. В его ставку в Кашине прибыли воеводы Прозоровский и Вельяминов с казаками, Лопата Пожарский с отрядами смоленских помещиков, Мансуров с вологодскими ратниками, остатки казанской рати и романовские татары. В апреле Черкасский выступил из Кашина в поход. Но в его собственном отряде нашелся предатель. То был Юрий Потемкин, один из участников убийства Ляпунова. Сменив несколько лошадей в пути, изменник предупредил «черкас» об опасности. Наливайко поспешно отступил на запад.

Князь Дмитрий Черкасский не пытался преследовать неприятеля. Он проявлял нерешительность потому, что в тылу у него оставались казачьи отряды, сохранившие верность Заруцкому. Они располагались в Угличе. Совет земли надеялся избежать кровопролития и привлечь казаков на службу в ярославское ополчение. Князь Черкасский получил предписание уговорить атаманов и привести их в Ярославль. Войско Черкасского подступило к Угличу. Четверо атаманов сразу перешли на его сторону. Прочие нехотя выехали в поле и начали биться с дворянами, но потерпели поражение.

Черкасский дурно исполнил поручение совета земли. Он не догнал «черкас» и довел дело до битвы в Угличе.

Вопрос о взаимоотношениях с казачьим лагерем служил предметом длительных обсуждений в недрах нового земского правительства. В начале апреля 1612 г. совет обратился с грамотой к Строгановым в Соль Вычегодскую. Грамота звучала как подлинное объявление войны казацким таборам. Историю первого ополчения авторы грамоты рисовали сплошь черной краской. Старые заводчики злы, тушинские атаманы и казаки с их начальником Иваном Заруцким, гласила грамота, убили Прокопия Ляпунова, стали чинить дворянам смертные позоры, предались грабежам и убийствам; после того дворяне разъехались из Москвы; тогда Трубецкой и Заруцкий с казаками целовали крест «псковскому вору», чтобы «по своему первому злому совету бояр, и дворян, и всяких чинов людей, и земских и уездных лучших людей побити, и животы разграбити, и владети бы им по своему воровскому казацкому обычаю».

Составители прокламации сознательно пугали Строгановых призраком крестьянской войны.

Ляпунов неизменно приглашал атаманов и казаков поставить подпись на главнейших соборных постановлениях. В ярославских грамотах, обличавших казачье воровство, подписи казаков, естественно, отсутствовали.

Переворот в пользу Лжедмитрия III напугал многих дворян, и некоторые из них не прочь были порвать с казаками и полностью исключить их из освободительного движения. Но Минин и Пожарский придерживались иной точки зрения, и их курс получил общее признание. К июлю 1612 г. на службе в ярославской рати числилось довольно много атаманов и казаков со станицами, присоединившимися к совету всей земли. Отъезд казаков из подмосковных таборов в Ярославль оказал немалое влияние на исход самозванческой авантюры.

Освободительная борьба всколыхнула народы России. Бок о бок с русскими в земских полках сражались украинские казаки («черкасы»), белорусы, татары, мордва и чуваша. Пожарский стремился установить сотрудничество со всеми, от кого можно было ждать серьезной помощи. Он охотно принял под свою команду ротмистра Хмелевского с поляками. В дальнейшем они оказали большие услуги освободительному движению.

Однако Пожарский забил тревогу, когда в Ярославль явился гонец от капитана Маржерета. Еще осенью 1611 г. brave француз уехал в Голландию, а затем в Англию. Там он увлек рассказами о сказочно прибыльной службе в России дюжину авантюристов — подданных британской и австрийской короны. Кондотьеры направили в Москву гонца с письмом. Они готовы были служить любому, кто сможет им хорошенько заплатить. В своем послании наемники клялись, что будут верно служить, но не уточняли кому. Они адресовались к великим и вельможным князьям и к их величеству. Такое обращение могло удовлетворить и нового Лжедмитрия, и «воренка», и семибоярщину.

Маржерет, самовольно присвоивший чин полковника, полагал, что в Москве его примут с распростертыми объятиями. Но он ошибся. Князь Пожарский не забыл о его кровавых подвигах при подавлении народного восстания в Москве.

Вопрос о найме солдат за морем Пожарский передал на рассмотрение соборным чинам. Собор энергично отклонил предложение Маржерета. «Наемные ратные немецкие люди, — гласил приговор, — нам не надобны: немцам найму дать нечего, да и верить им нельзя».

В письме к кондотьерам разрядный дьяк взялся объяснить им, что Российское государство не нуждается более в иноземной помощи, потому что все земские люди объединились, и теперь у них есть свой вождь Дмитрий Пожарский. Поясняя значение Пожарского, дьяк указал, что его избрали «за разум, и за дородство, и за храбрость». Перечитав написанное, он заколебался, вычеркнул слова «за дородство и за храбрость» и написал вместо них «за правду». Исправление весьма точно выражало отношение к Пожарскому, сложившееся в земском движении. Князь Дмитрий не обладал дородством или знатностью, считавшейся главным украшением воеводы. Зато он был мудр и смел, а главное, беззаветно стоял за правду.

Со времен московского восстания Пожарский завоевал славу выдающегося борца за освобождение. Знать должна была считаться с этим обстоятельством. Черкасский при всей его родовитости оказался непригодным возглавить народное ополчение. В условиях массовой борьбы рождались традиции, отменявшие местничество. Пожарский взял верх над всеми «дородными» воеводами, потому что пользовался доверием страны.

Вожди второго ополчения Минин и Пожарский носили мудреные титулы. Чем большей властью обладал суверен, тем пространнее был его титул. Своим титулом Пожарский мог поспорить с любым владетельным лицом. Но его длинный титул был порожден освободительным движением и воплощал торжество представительного начала. «По избранию всей земли Московского государства всяких чинов людей у ратных и у земских дел стольник и воевода князь Пожарский» — так звучал этот неслыханный в прежние времена титул.

В дни ярославского стояния земские люди учредили новый герб. Начиная с Отрепьева, самозванцы неизменно выступали под знаменами с двуглавым орлом. Ополчение избрало другую эмблему — льва. Большая земская печать несла изображение «двух львов стоячих», меньшая дворцовая печать — «льва одинокого».

Ярославскому совету пришлось взять на себя выпол-



нение внешнеполитических функций, и тогда Пожарский заказал себе печатку с собственным гербом. Герб князя Дмитрия был примечательным во всех отношениях. Его украшало изображение двух львов. Львы поддерживали геральдический щит с изображением ворона, клюющего вражескую голову. Под щитом был помещен поверженный издыхающий дракон. По краю располагалась подпись: «Стольник, и воевода, и князь Дмитрий Михайлович Пожарсково Стародубсково». Глава земского правительства вспомнил о родовом прозвище своих далеких предков — удельных князей Стародубских, чтобы оградить себя от упреков в худородстве со стороны аристократов.

Земский совет, функционировавший в Ярославле, непрестанно повторял в грамотах к городам, что земля должна без промедления избрать себе законного царя. «Сами, господа, все ведаете, — писали руководители собора, — как нам ныне без государя против общих врагов — польских и литовских, и немецких людей, и русских воров стояти? И как нам без государя о великих о земских делах со окрестными государи ссылатися и как государству нашему впредь стояти крепко и неподвижно!» Надо спешить, говорили земские люди, чтобы от свалившихся бед Московское государство без государя до конца не разорилось.

Ярославские власти приступили к практической подготовке дела царского избрания. Они предложили городам выработать специальные решения — приговоры и прислать их со своими представителями, «чтобы нам (собору) с совету всего государства выбратьи общим советом государя».

Стремление к объединению национальных сил наложило печать на отношение ярославского совета к главным московским боярам. Ляпунов обличал их как предателей и предлагал отбирать у них земли. Ярославский совет возлагал вину за гибель государства на изменника Михаила Салтыкова и ни словом не упоминал о преступлениях семибоярщины. Ляпунов, писали члены совета, литовских людей в Москве осадил и тесноту им великую учинил. Члены боярского правительства словно бы и не сидели в осаде с «литвой» и не сражались против земских людей. В отличие от Ляпунова земская власть считала, что великих бояр нельзя отстранить от дела царского избрания. Особенно энергично эту

точку зрения отстаивал Иван Шереметев, удостоившийся за свое рвение похвалы от семибоярщины. Минин и Пожарский принуждены были считаться с настроениями консервативных сил и старательно удаляли из соборных постановлений все, что могло компрометировать московскую думу.

Как только ярославский совет приступил к определению кандидатов на трон, сразу же возникли непреодолимые трудности. Василий Голицын томился в польском плену. Король Сигизмунд держал Филарета Романова в Польше как заложника. Ближайшая родня Филарета — князя Иван Черкасский и Троекуров, Борис Салтыков, дворяне Погожие и Михалковы подвизались в Ярославле и не прочь были подать голос в пользу избрания Михаила Романова. Но собор не мог наречь царем человека, вместе с семибоярщиной служившего царю Владиславу. Сторонники Романова выражали особую заинтересованность в примирении с семибоярщиной.

Избрание царя, по замыслу земского совета, должно было закрепить единство национальных сил. Но поставленная цель оказалась недостижимой. Избирательная кампания в недрах собора лишь разожгла страсти.

Опираясь на поддержку соборных чинов и земли, Минин и Пожарский энергично формировали отряды нового ополчения, пополняли дворянскую конницу, набирали горожан на стрелецкую службу и крестьян — на посOSHную. К концу весны результаты их усилий были налицо. Тем временем распутица кончилась. Грязь высохла, и дороги вновь стали проезжими. Земские ратные люди готовились к долгожданному походу на Москву. Но тут возникли обстоятельства, приведшие к новой задержке. В самом конце весны в Ярославле началась «моровая язва». Ратные люди стояли на постое во всех посадских избах. Скученность способствовала быстрому распространению эпидемии. С 15 мая 1612 г. мор приобрел угрожающие размеры. Умерших не успевали хоронить. Народ пришел в смятение. Чтобы успокоить город, Пожарский обратился к духовным чинам. Те предложили провести крестный ход. Поутру 24 мая Пожарский во главе процессии прошел от главного собора к предместьям и обошел городские стены. Мор мешал немедленному выступлению рати к Москве. Многие дворяне, спасаясь от беды, уезжали в свои поместья.

С наступлением лета эпидемия прекратилась сама собой. В память о спасении от бедствия ярославские посадские люди в один день выстроили крохотную деревянную церковь — Спас обыденный.

Все помыслы Минина и Пожарского были обращены к тому, чтобы сплотить и выпестовать новую земскую рать. Но они не могли повести ее к Москве, пока с тыла им грозили войной шведы.



ШВЕДСКАЯ УГРОЗА



митрополит и бояре, сдавшие шведам Новгородский кремль, шли по стопам московской семибоярщины. Новгородская трагедия повторила московскую. Послы Новгорода Великого выехали в Швецию, чтобы привезти оттуда шведского принца и посадить его на Новгородское государство. Но их задержали в Стокгольме на полгода. Между тем в Швеции умер Карл IX и трон перешел к Густаву II Адольфу. Делагарди клялся, что шведское правительство во исполнение договора немедленно пришлет в Новгород принца Карла Филиппа. Но Густав Адольф, подобно своему двоюродному брату Сигизмунду III, желал сам занять русский трон. В начале марта 1612 г. он обескуражил новгородцев сообщением о том, что вскоре лично прибудет в Новгород и постарается найти средства к умиротворению Русского государства. Густав ни словом не упомянул об отпуске в Новгород принца Карла Филиппа. Власти Новгорода были встревожены перспективой превращения их государства в шведскую провинцию, оккупированную коронными войсками. Вмешательство Густава Адольфа испортило дипломатическую игру, которую вел Делагарди. Ему потребовалось немало времени, чтобы успокоить встревоженных новгородцев.

Военачальники Густава Адольфа действовали в Новгороде совершенно так же, как полковники Сигизмунда III в Москве. Они щедро жаловали боярам земли. Главный воевода князь Иван Одоевский получил от Делагарди огромный погост с 4500 четвертями пашни неподалеку от самого Новгорода. Проклинаемые наро-

дом новгородские верхи вскоре оказались в полной зависимости от шведских военных властей. Бояре и митрополит слезно упрашивали Делагарди не отлучаться из Новгорода. В противном случае, говорили они, неизбежно возникнет раздор между войском и народом, некому будет подавлять смуты, и народ отпадет от Швеции.

Бояре помогли шведам утвердить свое господство на всей обширной территории Новгородской земли. Где не помогали уговоры, шведы пускали в ход оружие. В разных концах Новгородского государства гремели выстрелы и лилась кровь. Брошенные на произвол судьбы пограничные замки не могли выстоять в одиночку. Завоеванием их руководил Горн. Под Клушином генерал был одним из виновников поражения шведской армии. В Новгороде он пожинал лавры «героя». Горн метался по Новгородской земле, сея повсюду смерть и разрушение. Король вскоре оценил его заслуги и произвел в фельдмаршалы.

Отчаянное сопротивление оказали захватчикам защитники древнего Орешка. Когда из 1300 воинов в живых осталось не более сотни, гарнизон крепости объявил о присоединении к новгородскому договору.

Тихвин и Ладога сдались после того, как шведы подтянули к этим крепостям тяжелую артиллерию. Угроза шведского завоевания нависла над русским Поморьем. В начале 1612 г. шведский военачальник Мунк предъявил ультиматум воеводе Сумского острога на Белом море. Он грозил предать огню и мечу всю округу, если русские откажутся сдать ему острог.

Минин и Пожарский были прекрасно осведомлены насчет положения дел в Новгородском государстве. Члены ярославского совета Василий Бутурлин и Леонтий Вельяминов могли немало рассказать о страшной резне, учиненной шведами на «новгородском взятии». В замосковные уезды стекались беженцы из новгородских сел и деревень, не желавшие мириться с иноземным владычеством.

Сведения о планах завоевания Севера и Поморья поступали в Ярославль со всех сторон. В апреле 1612 г. Пожарскому стало известно, что новгородские власти обратились на Белоозеро и в Кириллов монастырь с предложением быть «в соединенье» с Новгородским государством и признать государем шведского принца.

Земское ополчение готовилось к походу на Москву. Пожарский понимал, что ему ни в коем случае нельзя распылять свои силы. Но угроза с севера носила реальный характер, и земскому правительству пришлось взяться за укрепление обороны Северного края. Лучший из помощников князя Дмитрия воевода Лопата Пожарский с отрядом отборных войск получил приказ занять позиции в Устюжне, с тем чтобы прийти на помощь белоозерцам в случае шведского нападения со стороны Тихвина. Ярославский совет прислал на Белоозеро земского дьяка с повелением строить там новую крепость и снабдить гарнизон свинцом и порохом.

Война со Швецией могла разразиться со дня на день. Отряды Черкасского едва не столкнулись со шведами, когда предприняли попытку разгромить казаков Наливайко.

Международная ситуация все меньше благоприятствовала осуществлению планов Минина и Пожарского. Речь Посполитая и Швеция на время отложили решение спора из-за Ливонии. Покидая Ливонию, Ходкевич заключил перемирие со шведами. Недавние смертельные враги спешили использовать бедственное положение России, чтобы завершить раздел пограничных русских территорий.

«Псковский вор» давно вел со шведами безуспешную войну. Признав его царем, подмосковное правительство оказалось на пороге прямого военного конфликта со Швецией. Казаки решительно отвергли кандидатуру шведского королевича, нисколько не задумываясь над дипломатическими последствиями такого шага.

Пожарский и другие вожди ярославского ополчения понимали, какую опасность для земского освободительного движения таит в себе перспектива одновременной борьбы с Речью Посполитой и Швецией. Они не могли начать поход на Москву, пока существовала непосредственная угроза захвата шведами русского Севера. Северные земли претерпели разорение в меньшей мере, чем Замосковье. В случае утраты Севера, ярославское ополчение лишилось бы главной базы снабжения.

Пожарский прибегнул к сложной дипломатической игре, с тем чтобы нейтрализовать угрозу с тыла и избежать столкновения со Швецией. Он решил провести мирные переговоры с Новгородским государством и с помощью этих переговоров связать руки шведам.

По предложению Минина и Пожарского совет земли снарядил в Новгород особое посольство. Под рукой у Пожарского было немало знатных дворян. Но он считал благоразумным поручить дело провинциальному дворянину Степану Татищеву, занимавшему скромный пост судьи Монастырского приказа. Вместе с Татищевым в Новгород отправилось 15 представителей от разных городов. Послов сопровождало множество торговых людей. По пути к ним пристало немало беженцев, желавших использовать возможность безопасного проезда в родные места. С явным преувеличением Делагарди в мае сообщил своему королю, что из Ярославля прибыли послы со свитой в две тысячи человек.

Пожарский знал о том, что шведы не выполнили условий договора об избрании на трон шведского королевича. Тем не менее он поручил послу затребовать у новгородских властей формальный отчет о пунктах договора и их выполнении шведами. Татищев должен был выяснить, когда королевич пожалует на Новгородское государство и где он намерен креститься в православную веру. Будучи в Новгороде, посол прямо заявил, что Русь ни при каких обстоятельствах не согласится избрать на трон протестанта. Ныне, заявлял Татищев, все русские люди от мала до велика бьются до смерти, чтобы на государстве быть православному государю, а не иноверцу.

Минин и Пожарский известили новгородцев о том, что в Ярославле вскоре начнет заседать Земский собор, который изберет законного государя для всей страны. Послы передали Новгороду просьбу прислать на собор своих представителей — «изо всяких чинов по два и по три человека».

Русское государство стояло на грани распада и гибели. Земским дипломатам приходилось пускаться во все тяжкие, чтобы добиться союза или хотя бы перемирия с соседями. Очевидная слабость их позиций отнимала надежду на успех. Единственным козырем в их игре оставался вопрос о замещении царского трона. Не слишком опытные дипломаты пускали в ход этот козырь неоднократно.

Судьба забросила в Ярославль австрийского подданного Грегори. Он ездил в Персию и теперь возвращался на родину. Совет земли решил использовать этот случай, чтобы завязать дипломатические отношения с австрий-

скими Габсбургами. Пожарский пригласил к себе Грегори и долго беседовал с ним. Воевода знал о давних проектах избрания на царский трон одного из членов Габсбургского дома. В Москве такие проекты обсуждали еще при царе Федоре. Когда Грегори упомянул о цесареве брате Максимилиане, искателе многих корон, Пожарский, слегка поколебавшись, заявил, что в Москве его «примут с великой радостью». Причины внезапной симпатии князя Дмитрия к отпрыску Габсбургской династии нетрудно понять. Ярославское правительство домогалось союза с Веной и надеялось использовать посредничество австрийцев, чтобы склонить Речь Посполитую к мирным переговорам с Россией.

В дипломатической игре со шведами Пожарский прибегнул к той же уловке. Памятуя о фатальной неудаче Ляпунова, он избегал прямых переговоров со Швецией, зато всюду использовал посредничество новгородцев. Будучи в Новгороде, посол Татищев постарался уверить руководителей «государства», будто избрание на трон крещеного шведского принца является для ярославского совета вопросом почти что решенным. Как только, писали земские вожди, они узнают о содержании новгородского договора, о его соблюдении, о решении перекрестить принца, тогда они, обсудив дело с новгородскими представителями, пошлют к королю послов от всей земли бить челом о «государе королевиче» и примут необходимые постановления «о государственных и о всяких земских делах».

Как бы мимоходом Татищев потребовал, чтобы новгородцы не предлагали более северным и поморским городам присоединиться к своему «государству» без ведома ярославского совета. Если бы Новгород и распоряжавшиеся городом шведы согласились исполнить эти требования, главная цель миссии Татищева была бы достигнута. Все разговоры относительно будущего избрания шведского королевича были не более чем дипломатической уловкой. Протестантский шведский принц внушал Пожарскому не больше симпатий, чем католический австрийский герцог. Но выбирать аргументы не приходилось.

Посол Татищев удачно завершил трудные переговоры и 1 июня 1612 г. вернулся в Ярославль. Его отчет произвел на членов совета удручающее впечатление. Посол без обиняков заявил, что от Новгорода нечего

ждать добра. Если бы совет предал гласности достоверную информацию о шведской интервенции, дальнейшие дипломатические переговоры с Новгородом стали бы невозможны. Земское руководство понимало это и обнародовало отчет о посольстве в Новгороде, отвечавший дипломатическим целям, но не истине. «Степан Татищев, — объявил совет, — в расспросе сказал, что в Великом Новгороде от шведов православной вере никакой поруки, а христианам никакого разорения нету: все живут безо всякой скорби; принц же Карло по прошению Новгородского государства будет в Новгороде вскоре, а дается на всей воле Новгородского государства людей».

10 июня Пожарский известил города о начале переговоров с Новгородом и просил незамедлительно прислать в Ярославль «для общего земского совета из всяких чинов человека по два и по три» с наказом об избрании царя «всею землею, кого бог даст».

Новгородские власти обещали Татищеву без промедления выслать в Ярославль своих полномочных представителей для участия в царских выборах. Но их представителей пришлось ждать почти два месяца. Наконец Делагарди позволил Новгороду назначить посольство и отпустить его в Ярославль. Посольство возглавили князь Федор Оболенский и дядя первого самозванца Смирной Отрепьев.

Князь Дмитрий Пожарский принял новгородских послов и лично возглавил все переговоры с ними. Во время приема послы клялись, будто шведское правительство положительно решило вопрос о принце, и Карл то ли уже прибыл в Выборг 24 июня, то ли его ждут там к 29 июня. На вопрос, когда их государь все же явится в Новгород и примет крещение, послы не могли дать никакого вразумительного ответа. Когда королевич приедет, говорили они, вот тогда новгородцы будут бить ему челом и просить принять греческий закон.

Пожарский терпеливо, не перебивая, выслушал сбивчивые речи Оболенского, а затем произнес замечательную речь. Он категорически отверг мысль о снаряжении Земским собором послов в Стокгольм и прямых переговорах с шведским королем. Москва, заявил он, уже посылала послов за польским королевичем, но все они томятся на чужбине в литовском плену. Когда шведский королевич прибудет в Новгород и переменит веру,

тогда ополчение готово начать переговоры «о соединенье» с Новгородским государством, а иноверного принца земля Русская не примет.

В дипломатичной форме Пожарский выразил свое отрицательное отношение к новгородско-шведскому договору. Земские люди, сказал он, не прочь были бы соединиться с Новгородом, но на своем опыте убедились, что ненадежно полагаться на иноземных властителей: Сигизмунд хотел дать на царский престол сына своего, манил с год и не дал; а теперь вы (новгородцы) знаете, что делают ляхи с Московским государством.

Пожарский заключил речь убийственным замечанием. «Шведский Карлус король, — сказал он, — также на Новгородское государство хотел сына своего отпустить вскоре, да по ся места, уже скоро год, королевич в Новгороде не бывал».

В письме к новгородцам Пожарский повторил то, что говорил послам устно. При этом он старался поддержать у них иллюзию, будто является приверженцем шведского претендента. Земское правительство, писал он, согласно ждать исхода лета. Но если претендент не прибудет по летнему пути в Новгород, тогда люди во всех русских городах придут в сомнение, потому что «великому государству без государя долгое время стоять нельзя».

Пожарский старался успокоить новгородцев и в то же время давал им понять, что в сложившейся ситуации вопрос об избрании шведского претендента в ближайшие недели может отпасть сам собой.

Поскольку шведская королевская семья не помышляла ни об отпуске в Новгород принца Карла Филиппа, ни о его крещении в православие, переговоры между Ярославем и Новгородом носили беспредметный характер. Речь шла о том, какая сторона извлечет больше выгод из дипломатической игры.

Затевая переговоры с Новгородом, Пожарский пытался разрешить несколько задач. Он хотел избежать военного столкновения со Швецией, положить конец попыткам Новгородского государства подчинить себе северные русские города и способствовать установлению перемирия на новгородском рубеже. Все эти цели были достигнуты.

Переговоры с Оболенским подготовили почву для заключения формального перемирия. 26 июля 1612 г.

послы отправились восвояси. Их сопровождали земские представители Секирин и Шишкин. Пожарский поручил им подписать договор о перемирии с Новгородским государством. Впредь до приезда Карла Филиппа Новгород должен был жить с землей Русской в любви и совете, не «подводить» московских городов к Новгородскому государству, не чинить задоров на границе.

Как только угроза шведского вторжения была устранена, Пожарский немедленно выступил с главными силами к Москве. Теперь он был уверен в том, что шведы не нанесут удар ополчению с тыла, по крайней мере в ближайшее время.



НАРОДНАЯ ВОЙНА



наступлением зимы поле битвы за Москву переместилось на просторы Подмосковья. Пламя народной войны охватило многие уезды. Самые многочисленные отряды партизан действовали на Смоленской дороге и в местах зимовки войск Ходкевича.

Войска Сигизмунда III удерживали Смоленскую дорогу. Но в зимнее время передвижение по ней затрудняли как снежные заносы, так и действия русских шишей. Вооруженные чем попало крестьяне из ближних деревень храбро вступали в бой с регулярными войсками врага. С опаской оглядывались на притихший заснеженный лес наемные командиры. Лесные чащи вдруг оживали, и мужики на лыжах с топорами и вилами в руках высыпали на большак. Они побивали солдат, забирали лошадей и повозки и исчезали так же быстро, как появлялись. Растянувшиеся на марше колонны не успевали собраться в одном месте.

В феврале 1612 г. из Смоленска выступил на помощь к Ходкевичу полковник Струсь с солдатами. В пути отряд подвергся нападению партизан. Струсь потерял много людей и едва сам не попал в плен. Шиши сорвали с него шубу. Отступая, солдаты бросили весь свой обоз. В марте Струсь вновь пытался пробиться к Москве. На этот раз он продвинулся за Вязьму. Но его вновь постигла неудача.

Ходкевич поначалу разбил свой лагерь в селе Рогачеве в семидесяти верстах к северу от Москвы. Однако вскоре его фуражиры разграбили всю округу дотла, и гетману пришлось перенести ставку в менее разорен-

ную местность. Ходкевич решил обосноваться поближе к Смоленской дороге. Он перебрался в село Федоровское, находившееся на некотором удалении от Волоколамска. Лишь немногим солдатам удалось разместиться в избах в самом селе. Прочие солдаты разошлись на постоянной по небольшим деревням. Некоторым пришлось уйти к Ржеву, Старице и Козельску в поисках жилья. Партизаны не оставляли в покое непрошенных постояльцев.

В селе Родня шиши напали на вражеских солдат среди бела дня. Застигнутые врасплох, те бежали, не успев как следует одеться, на неоседланных лошадях. Партизанам достались их ружья и все награбленное добро.

Сколько бы продовольствия ни отбирали у населения фуражиры, им редко удавалось доставить его в целостности и сохранности московскому гарнизону. В начале марта 1612 г. из Федоровского вышел большой санный обоз с продовольствием. Его сопровождало до трехсот человек солдат и обозной прислуги. Едва отряд удалился от лагеря, как на него со всех сторон посыпались шиши. Наемники думали больше о сохранении скарба, чем о бое, и тотчас обратились в бегство. Но находившиеся при обозе русские мужики тотчас бросились помогать шишам и перегородили дорогу санями. Гусары сворачивали с проселка, но тут же тонули в снежных сугробах вместе с лошадьми. Шедшие впереди кое-как пробились дальше, потерявши повозки. Прочим пришлось вернуться в Федоровское.

Проклиная все на свете, солдаты, пробившиеся вперед, добрались до маленькой деревеньки Вишенцы, потонувшей в глубоком снегу. В деревне они захватили старика крестьянина и велели вести их к Можайску, минуя Волоколамск, где стояли русские войска. Крестьянину не оставалось ничего делать, как надеть кожух и отправиться в путь. Короткий зимний день угас. Поляки выбились из сил, но решили продолжать путь при ярком свете луны, чтобы поскорее миновать опасное место. Тем временем крестьянин свернул с лесной тропы и вывел отряд на дорогу, которая прямым ходом вела к Волоколамску. Ничего не подозревавшим солдатам оставалось пройти версту, чтобы оказаться в расположении русских войск. Спасла их случайность. По следу их нагнал ротмистр-поляк, возвращавшийся на свои квартиры в Рузу. Собрав последние силы, вояки бежали прочь от Волока, бросая на дороге загнанных лошадей.

Наемники жестоко расправились с мужественным русским патриотом. Ему отрубили голову тут же в лесу. Никто никогда не узнал имени безвестного мужика из деревни Вишенцы. Его подвиг не был единичным. На борьбу за освобождение родной земли поднимались массы.

Захватчики пытались остановить партизанскую войну жестокостью. Когда настала весна и на полях стаял снег, перед глазами тех, кто пережил зиму, открылась ужасная картина. Во многих деревнях трупы лежали неубранными. Троице-Сергиев монастырь выделил несколько монахов и служек с дрогами, чтобы предать земле останки православных. Похоронная команда подобрала трупы сначала в ближних деревнях, а затем и в дальних. Что ни день в монастыре рыли братские могилы. «Мы сами с братом Симоном, — писал один монах, — погребли четыре тысячи мертвецов, потом по приказу архимандрита отправились по селам и деревням и за полгода погребли по смете более трех тысяч».

То была страшная зима. Враг топтал русскую землю, оставляя за собой пылающие деревни. Оставшись без кормильцев, без хлеба и крова, женщины, дети, старики гибли от голода и замерзали в лесах.

Когда кончилась зима и установились теплые весенние дни, для партизан настало трудное время. Большой отряд в несколько сот человек, всю зиму действовавший на Смоленской дороге, решил пробиваться в Псков и поступить там на службу к Дмитрию. В середине мая 1612 г. шиши неожиданно столкнулись с отрядом полковника Струся.

Новое наступление Струся было хорошо подготовлено. Под его командой собралось 1200 солдат, а вместе с запорожцами до 3 тысяч человек. Партизаны не могли противостоять таким силам и после короткого боя разбежались. Среди других в плен попал шиш Ивашка со знаменем.

Присоединив к себе отряд Струся и собрав солдат с зимних квартир, Ходкевич вернулся в окрестности Москвы. Зная о раздорах в ополчении и о том, что некоторые земские воеводы и многие дворяне ушли из таборов в Ярославль, гетман задумал вновь испытать силу Заруцкого. На этот раз он повел атаку со стороны реки Яузы. По условленному сигналу солдаты Гонсевского произвели вылазку из Китай-города. Казаки и земские ратные

люди приняли удар, укрывшись в своем укрепленном лагере за Яузой. Помня о своем предыдущем поражении, наемники на этот раз не лезли на рожон. Они вскарабкались на валы острожка, но тут же под ударами острых казацких сабель отступили и больше не возобновляли атаки. Потери их были не очень значительны. Но среди раненых оказался один из лучших польских военачальников Зборовский.

Трудная зима ослабила силы вражеского гарнизона в Москве. Терпя недостаток в продовольствии, ежедневно теряя людей, наемное войско роптало и отказывалось повиноваться своим командирам. В начале июня 1612 г. самая боеспособная часть — полк Зборовского покинул Кремль, переправился за Москву-реку и в сопровождении огромного обоза ушел к Смоленску.

Гонсевский, чувствуя приближение конца, бежал из сожженного и разграбленного им города вместе со своими наемниками. Перед тем как покинуть Кремль, московский староста потребовал, чтобы Мстиславский полностью рассчитался с наемным рыцарством. Депутаты войска обшарили весь Казенный приказ. Ничто не укрылось от их жадного взора. Из сокровищницы они извлекли древние золотые иконки с искусными резными (на камне и на кости) изображениями святых, два малых царских стула — «оправлены серебром по железу, резаны с чернью», литую серебряную печать Шуйского, шапку черкасскую, старые щиты и доспехи, коробки с мелким жемчугом, шубы, ковры, сосуды без крышек, даже песцов, тронутых «гнилью».

Чтобы удержать наемников в Москве, Гонсевский несколько раз объявлял о повышении им жалованья. Гетман Ходкевич удержал сапежинцев тем, что письменно обязался оплатить им службу у самозванца с января 1610 г. Бояр ни о чем больше не спрашивали. Им просто предъявляли счета. Оклады достигли фантастических размеров. Помощники Гонсевского сделали помету в ведомости казенного расхода: «Гайдукам счесть по триста рублей на месяц...» Среди русских казна выплачивала по триста рублей только немногим членам Боярской думы, притом не на месяц, а на год. Но солдаты распорядились в Москве как в завоеванном городе. Жалованье, которое они начисляли себе, давно стало формой узаконенного грабежа.

Когда из сокровищницы нечего было больше взять,

наемники взялись за дворец, усыпальницу московских государей и монастыри. Они ободрали искусно выточенные украшения с царского места, с посохов, с конского наряда, с доспехов и даже с массивной чернильницы, найденной ими во дворце. Бесценные произведения искусных ювелиров превращались в золотой и серебряный лом. Чтобы удовлетворить немцев, казначеи сняли золото с покровов на царских гробах в Архангельском соборе, ободрали раку чудотворца в Благовещенском соборе, изъяли утварь из монастырей.

При расчете с немцами московский староста сделал широкий жест и выдал им из «личных средств» более трехсот рублей денег. Внезапное великодушие его нетрудно объяснить. Своевольные немцы считали себя обделенными и грозили бунтом главарю шайки.

Наемники изъяли из сокровищницы царские регалии и разделили их между собой. На долю Гонсевского и солдат, покидавших Россию, достались две самые богатые короны. Одна принадлежала Борису Годунову, а другую начали делать для Отрепьева, но не успели закончить.

Шапку Годунова украшали два огромных камня, сверкавших искусно выточенными гранями. Казенная опись называла один камень лазоревым яхонтом, а другой — синим. То были редчайшие сапфиры, некогда вывезенные с Востока. Один камень оценивался в 9 тысяч рублей, другой — в 3 тысячи. Подлинная их цена была много большей. Корону венчали два золотых обруча и крест, она была усыпана большими алмазами, рубинами, жемчугом и изумрудами.

Корону Отрепьева украшал алмаз необыкновенной величины. Он искрился и отбрасывал во все стороны пучки разноцветных огней. В гнезде над алмазом красовался редчайший изумруд. Недоделанную корону Лжедмитрия оценивали в 8 тысяч рублей, корону Бориса — в 20 тысяч.

К венцам Гонсевский присоединил золотой посох с бриллиантами, два носорожьих рога и другие вещи. Обычно власти привлекали для оценки казенных вещей московских гостей, знавших толк в ювелирном деле. «Рыцарство» обошлось без них. Оно поручило оценку некоему ювелиру Николаю. Тот назвал цифру в 250 тысяч рублей. На самом деле царские регалии стоили много больше. Адам Жолкевский, имевший случай осмотреть

царскую сокровищницу, не скрыл своего восхищения при виде носорожьего рога. В средневековой Европе такой рог считался великой редкостью и обладание им было привилегией владетельных особ. По словам племянника гетмана, он однажды держал в руках носорожий рог ценою в 200 тысяч угорских золотых. Но виденная им диковина была основательно стерта на конце. Цельный рог, найденный в московской казне, стоил гораздо больше. Наемники забрали себе два рога.

Боярское правительство не смело перечить Гонсевскому и поневоле согласилось передать вещи наемникам впредь до выплаты жалованья. Договор не предусматривал вывоза царских регалий за границу. Однако Гонсевский, покидая Москву, придрался к тому, что казна не полностью расплатилась с его солдатами, и объявил, что заберет регалии с собой как залог. Пусть бояре пришлют деньги вдогонку на рубеж, сказал он, и залог будет возвращен. В действительности полковник вовсе не намерен был выпускать из рук сокровища. Московский староста обокрал царскую казну. После вывоза за границу солдаты поделили сокровища между собой. Короны и прочие вещи были разломаны на части. Самый крупный камень с царских венцов, а также золотой царский посох присвоил себе Гонсевский.

Московские патриоты успели предупредить партизан о выступлении из Москвы транспорта с сокровищами. Большая толпа вооруженных крестьян собралась в одном месте и устроила засаду в лесной теснине. Когда на дороге показалась неприятельская пехота, шиши с громкими криками выбежали из перелеска и навалились на врага со всех сторон. Но на помощь пехоте уже спешила конница. Крестьяне не выдержали конной атаки. Чтобы устрашить партизан, Гонсевский велел посадить на кол многих пленных.

Вместе с Гонсевским Москву покинули почти все солдаты, некогда пришедшие туда после клушинской битвы. Их место заняли сапежинцы и солдаты Струся, прежде участвовавшие в смоленской осаде. Главной заботой для гетмана Ходкевича по-прежнему оставалось снабжение гарнизона продовольствием. Дела в Москве шли все хуже, тем не менее Ходкевичу пришлось покинуть ослабленный гарнизон и вновь уйти к Волоколамску для сбора провианта.

Заруцкий зорко следил за тем, что происходило в

стане врага, и использовал первый же подходящий момент, чтобы перейти от обороны к наступлению. Через две недели после ухода Ходкевича он попытался разгромить оставленный им гарнизон и отдал приказ об общем штурме. Несколько тысяч казаков и ратных людей пошли на приступ с трех сторон, пытаясь овладеть стенами Китай-города. В разгар боя оставленные в резерве силы нанесли удар с четвертой стороны. Теперь кровопролитное сражение шло вдоль всей линии крепостных укреплений. Казаки бились не щадя живота. Прорвать неприступную линию китайгородских укреплений им, однако, не удалось. С тех пор как московские мастера старательно выложили из камня башни и стены внутренней крепости, никому еще не удалось силой проложить путь внутрь твердыни. От пушечных залпов штурмующие понесли огромные потери.

Подмосковные таборы были обескровленными. Они не могли своими силами освободить Кремль. Но у Заруцкого были свои счеты с Ярославлем, и он пытался добиться решающего успеха до подхода Минина и Пожарского. Казачья кровь вновь обильно окропила московскую землю.



ровозглашение Лжедмитрия III царем означало своего рода государственный переворот. Тотчас после присяги дьяки подмосковных приказов начали писать грамоты от имени нового государя. Но пыл их скоро охладел. После многих лет самозванщины имя «доброего Дмитрия» утратило прежнюю магическую силу. В глазах многих русских людей оно давно стало символом раздора, а не единения.

Инициаторы переворота обманулись в своих надеждах. Крест самозванцу отказались целовать не только замосковные города, Рязань и Тверь, но и многие города, прежде входившие в состав Калужского лагеря. По утверждению троицких монахов, присяга не удалась даже в Калуге, Туле и Серпухове.

В столице народ недолго ликовал по поводу обретения государя. Буйный пир сменился тяжким похмельем. Казаки и московские «черные люди» имели возможность убедиться в том, что провинция решительно отказалась поддержать их выбор. Надежды на то, что царек поможет вызволить царствующий град, оказались иллюзорными. В Пскове Лжедмитрий III не мог управиться даже с Лисовским. Зато реальные последствия воцарения «псковского вора» дали о себе знать незамедлительно.

Нижегородская рать, прибытия которой ждали в Москве с нетерпением, остановилась в Ярославле и отказалась выступить оттуда на помощь таборам. Вожди нового ополчения Минин и Пожарский предприняли военную демонстрацию против казаков Просовецкого, чтобы доказать всем и каждому, что они не потерпят утверждения на троне самозванца.

Переворот в пользу Лжедмитрия III посеял рознь и смуту в самом Подмосковном лагере. Боярин Трубецкой и окружавшие его дворяне, оправившись от испуга, пытались организовать тайный заговор против самозванца. В конце марта 1612 г. Трубецкой прислал в Троице-Сергиев монастырь двух дворян, братьев Пушкиных. Через своих посланцев он просил монахов помочь ему заключить соглашение с Пожарским, чтобы сообща «промышлять» над врагами, «которые нынече завели смуту». Находившийся в монастыре думный дворянин Василий Сукин охотно поддержал интригу вместе с тамошним архимандритом и старцами. Пожарский получил от них пространное послание. Старцы передали ему предложение встретиться с Трубецким «во едином месте, где вам бог благоволит» и «положить благой совет» о государе, «кого нам даст бог наш», пока многие города еще не успели присягнуть «вору» и ратные люди под Москвой «рознею своею не потеряли Большого каменного города, и острогов, и наряду (артиллерии.— Р. С.)».

Минин и Пожарский с большой выдержкой старались предотвратить вооруженное столкновение с казачьими таборами, поддерживавшими «псковского вора». Они отвергли предложение о сговоре с Трубецким. Князь Трубецкой получил боярский чин в Тушине и заслужил репутацию самого преданного из слуг «тушинского вора». Минин и Пожарский попросту не доверяли ему. А кроме того, они знали, что Трубецкой был человеком слабым, и подлинной властью и влиянием в таборах пользуется не он, а Заруцкий. Пожарский понимал, что немедленное выступление против казачьего царька сплотит сторонников самозванца и вновь разожжет пламя гражданской войны. Он решил выждать время. Последующие события показали всю мудрость такого решения.

Атаман Заруцкий занимал несколько иную позицию, нежели Трубецкой. Переворот застал его врасплох, хотя своей агитацией в пользу «коломенского воренка» он сам невольно подготовил почву к успеху Лжедмитрия III. Присяга открыла новому самозванцу путь в Москву. «Псковский вор» готовился прибыть в столицу и предъявить права на Марину Мнишек в качестве ее супруга и отца ее ребенка. До сих пор атаман пользовался безраздельным влиянием на Марину Мнишек. Царица виде-

ла в нем свою последнюю опору. Воскрешение законного супруга грозило ниспровергнуть все достижения атамана. Но он был не таким человеком, чтобы без борьбы уступить любовницу и власть безвестному бродяге и проходимцу. Впрочем, не одни только личные мотивы побуждали атамана отказать в поддержке новому царьку. Заруцкий был достаточно искусственным политиком и понимал, что попытка навязать стране «псковского вора» может окончательно погубить власть первого земского правительства. Если «псковский вор» и нужен был атаману, то лишь для того, чтобы усадить на трон «царицу» Марину и «царевича» Ивана.

В середине марта 1612 г. ополчение постановило направить в Псков новое посольство. Сторонники Лжедмитрия III настояли на том, чтобы послов сопровождали триста казаков. Таким путем они желали обеспечить «государю» безопасный проезд из Пскова в царствующий град. Заруцкий знал, что вся его сила заключена в поддержке казачьих станиц, и не стал перечить народу. Но атаман добился того, что главой посольства стал Иван Плещеев. Бывший любимец «тушинского вора» и его боярин, Плещеев служил в полку у Заруцкого и считался его человеком. Назначение Плещеева вызвало гнев Трубецкого и его сообщников по заговору. В письме Пожарскому троицкие старцы утверждали, будто Плещеев (имени его покровителя Заруцкого они не называли) организовал присягу в пользу «псковского вора», и ругали его как злодея и богоотступника.

Трубецкой не доверял Заруцкому и Плещееву и не посвятил их в свои планы. В свою очередь, казачий атаман и его сторонники организовали свой заговор за спиной Трубецкого. Никто не знает, о чем Плещеев совещался с Заруцким перед своим отъездом. Ясно лишь одно: Заруцкий обладал реальной властью в ополчении, и его подручный Плещеев никогда не решился бы арестовать утвержденного присягой «государя» без прямых указаний с его стороны.

Миссия Плещеева была достаточно сложной. Отправляясь в путь, казаки поклялись на кресте перед всем честным народом, что еще раз «досмотрят» псковского «царя» «в правду» и обличат его, если он окажется не тем, за кого себя выдает. Если же государь истинный, его надлежало торжественно препроводить в столицу.

11 апреля 1612 г. земское посольство прибыло в

Псков. Какие бы ни были даны инструкции Плещееву, он повел дело с большой осторожностью, избегая опрометчивых действий. Не желая рисковать головой, он, будучи допущен к руке «царя», громогласно признал его истинным Дмитрием. В течение месяца бывший тушинский боярин усердно разыгрывал роль преданного слуги, а тем временем тайно готовил почву для переворота.

Не надо было быть провидцем, чтобы заметить, что самозванец не пользовался популярностью у населения Пскова. Найденные в городской казне деньги Матюшка вмиг пустил на ветер, после чего стал добывать деньги «немерным правожом». Зажиточные горожане, обложенные поборами, с возмущением наблюдали за тем, как «государь» с подчеркнутой щедростью раздает жалованье «ворам»-казакам, вчерашним ярыжкам и боярским холопам. Псковичи призвали «государя», чтобы он оборонил их от врагов. Ничто не укрепило бы так престиж самозванца, как военная удача, пусть даже самая небольшая. Как на ту беду, Матюшка не обладал ни малейшим военным опытом. Все его попытки изгнать из Псковщины Лисовского неизменно заканчивались поражением.

Воздвигнув в Пскове призрачный трон, Матюшка усвоил себе все повадки своих предшественников. Он спешил взять от жизни все, что можно. Его слуги хватали на улицах приглянувшихся ему городских красавиц и приводили их ночью во дворец «на блуд». Матюшка бражничал и предавался разврату у всех на глазах.

Роль самодержца оказалась беглому дьякону не по плечу. На него смотрели тысячи глаз, от него ждали новых и новых подтверждений того, что он впрямь сын Грозного. В ответ же слышали затверженную речь, порядочно всем надоевшую. Шли месяцы, и многие стали понимать, что песенка самозванца спета.

Недовольных в Пскове было более чем достаточно, и Плещееву не составило труда составить обширный заговор против «вора». В нем участвовали несколько старших воевод, дворяне и псковские торговые люди, негодовавшие на поборы царька.

В мае шведы осадили псковский пригород Порхов. Заговорщики использовали момент, чтобы удалить из Пскова казачьи отряды, преданные самозванцу. Матюшка чувствовал, что дело неладно, и искал случая бежать из

Пскова. Но псковичи не выпустили его из крепости. 18 мая 1612 г. самозванец был разбужен в своем доме посреди ночи. Кто-то ломился к нему в ворота. Матюшка успел вскочить на неоседланного коня и без шапки, в одном плаще бежал из крепости. Его сопровождали князь Хованский и немногие казаки. Беглец не знал того, что ночевавший во дворце Хованский был одним из главных заговорщиков. Не владея собой, не зная дороги и не соображая, куда повернуть, «вор» промчался мимо Порхова и оказался на пути к Гдову. Спутники покидали его один за другим. У одних кони не выдержали бешеной скачки, другие не желали рисковать головой.

Высланная из Пскова погоня вскоре напала на след «вора» и без труда захватила его. По улицам Пскова самозванца провели как пленника, привязанным железными путами к коню. Псковичи немедленно посадили Матюшку «в палату» под стражу. Произошло это 20 мая. Плещеев снарядил нарочного в Москву и известил ополчение об аресте самозванца.

Земское правительство не дало времени сорганизоваться сторонникам Лжедмитрия III. В начале июня 1612 г. совет земли постановил считать присягу «псковскому вору» недействительной. Недолгому царствованию лжецаря Матюшки пришел конец.

Опасаясь волнений, вожди ополчения поначалу велели держать «вора» в Пскове. Лишь 1 июля его под усиленной охраной повезли в Москву. В пути конвой попал в засаду. Лисовский едва не отбил самозванца у ратных людей. В таборах казаки не дали казнить «вора», а посадили его на цепь для всеобщего обозрения.

Без отлагательств подмосковный совет снарядил в Ярославль посла дворянина Чеглокова и четырех атаманов с повинной грамотой. 6 июня послы встретились с Мининым и Пожарским и передали им приговор земли. Бояре из подмосковных полков Трубецкой и Заруцкий вместе с соборными чинами — воеводами, дворянами, атаманами, казаками, прочими служилыми людьми и москвичами извещали ярославский совет о низложении Лжедмитрия III, клятвенно обещали впредь не затевать иного «воровства» и отрекались от Маринки и ее сына. Они предлагали ярославскому правительству немедленно объединиться «во всемирном совете», чтобы избрать царя всем вместе сообща.

Обращение подмосковных властей вызвало разногла-

сия в Ярославле — «междоусобные смутные словеса». Члены совета разделились. Одни настаивали на соглашении с таборами, другие категорически возражали против союза с казаками и их атаманом. Противники Заруцкого приписывали таборам самые коварные замыслы. «Князя Дмитрия, — говорили дворяне, — манят под Москву казаки: хотят его убити, как Прокопия Ляпунова убили».

После «воцарения» Лжедмитрия III совет земли сжег все мосты к примирению с вождем казаков, публично заклеив его как убийцу Ляпунова. Арест самозванца не изменил отношения ярославских воевод к Заруцкому. В июне они разослали грамоты в северские и украинные города с новым призывом отстать от «вора», Маринки и ее сына. Минин и Пожарский старались окончательно подорвать влияние Заруцкого в тех местностях, которые давно знали и поддерживали его. Их грамоты обвиняли атамана в том, что тот присвоил денежную казну, привезенную из городов в Подмосковье. Разъезд дворян из полков объяснялся теперь тем, что Заруцкий не давал им казны и они пришли в великую скудость.

Старания ярославского совета достигли цели. Летом из Перемышля в Подмосковье прибыл Иван Дубина Бегичев с ратными людьми из украинских городов. Он не мог найти общий язык с Заруцким и решил искать на него управы в Ярославле. Явившись к Минину и Пожарскому, Бегичев стал жаловаться на то, что не может добиться жалованья от земской казны и его люди терпят нужду в продовольствии и притеснения. Видя крайнюю бедность прибывших ратников, Минин в тот же час одарил их деньгами и сукном на платье. Посланцы вернулись в Москву ободренными. Но Заруцкий расценил их обращение в Ярославль как прямой мятеж. По его приказу казаки напали на место расположения отряда. Ратные люди из отряда Бегичева, спасаясь от гнева Заруцкого, бежали из таборов в свои города.

Отказ Пожарского вести какие бы то ни было переговоры с Заруцким и ответные действия казачьего предводителя расстроили намечавшийся компромисс между двумя земскими правительствами. Какими бы извилистыми путями ни шел Заруцкий, его заслуги перед освободительным движением были неоспоримы. Он сумел сплотить казачьи таборы и вдохнуть в них веру в победу. Более года казаки держали в осаде некогда грозного во-

рога. Мертвой хваткой вцепились они в московскую землю, и никакие потери не могли сломить их волю к победе.

Заруцкий послал ярославским вождям покаянную грамоту и сделал все, чтобы добиться примирения. Его старания не были оценены. Обличения со стороны ярославского совета привели атамана в ярость. Он задумал отомстить тем, кто отверг протянутую руку.

Ходили слухи, будто Заруцкий заслал в Ярославль ведунов и те испортили князя Дмитрия, наслав на него злые чары. «И до нынешнего дня, — записал современник, — та болезнь — черный недуг — на нем». Обвинения насчет порчи Пожарского были неосновательны. Они свидетельствовали лишь о том, что у атамана было слишком много врагов и недоброжелателей.

Заруцкий в самом деле замыслил физически уничтожить вождя ярославского ополчения. Но для этого он прибегнул к услугам не ведунов, а тайных убийц.

После приступа эпилепсии Пожарский пришел в себя и вернулся к обычным обязанностям. С утра он заглянул в съезжую избу, чтобы решить накопившиеся дела. Переговорив с дьяками, он отправился на площадь перед разрядной избой, чтобы осмотреть стоявшие там пушки. Подле пушек работали кузнецы. Пришло время отправлять артиллерию под Москву, и надо было привести в порядок пушечные лафеты и колеса. Осмотрев пушки, воевода повернул к крыльцу разрядной избы и стал протискиваться сквозь толпу к дверям. Казак Роман вел его, поддерживая под руку. Внезапно провожатый отпустил князя, громко застонал и неловко повалился на бок. Пожарский не сразу понял, что случилось, и попытался выбраться из толпы, не чая беды. Но народ не выпускал его, а, напротив того, старался окружить со всех сторон плотной стеной. Люди кричали ему: «Тебя хотели зарезать ножом!» Подле раненого обнаружили окровавленный нож и тут же установили его владельца, не успевшего далеко убежать. Между тем к месту происшествия спешили со всех сторон ратники и посадские люди. Злодея пытали всем миром, и он вскоре же назвал свое имя и выдал сообщников.

Заруцкий поручил убийство Пожарского двум казакам — Степану и Обрезку. По прибытии в Ярославль эти люди должны были вовлечь в заговор нескольких смоленских дворян и стрельцов, которые пользовались покровом

вительством Заруцкого в дни службы Сигизмунду III в лагере под Смоленском и были ему многим обязаны. Казак Стенька виделся с сыном боярским Иваном Доводчиковым, стрельцом Шалдой и четырьмя другими смолянами. Но переговоры с ними не дали никаких определенных результатов. Тогда посланцы Заруцкого попытались подкупить холопа Пожарского Сеньку Жвалова. Холоп имел давние счеты с господином и вскоре же поддался уговорам. Он согласился проникнуть в спальню и зарезать спящего князя ночью. Но в последний момент холоп струсил и отказался участвовать в заговоре. После того казак Стенька решил собственноручно убить Пожарского в уличной давке. Он подстерег его возле земской избы, выхватил нож из-за голенища и попытался нанести жертве воровской удар снизу в живот. Из-за толчеи убийца промахнулся и вонзил нож в бедро казака, сопровождавшего князя Дмитрия.

Заговорщиков судили судьи, назначенные советом всей земли, и все они признали свою вину. Казака Стеньку и его ближайших сотоварищей Пожарский взял с собою под Москву для обличения Заруцкого, всех прочих участников заговора разослал по тюрьмам. Князь Дмитрий не желал проливать их кровь.

Авантюра Заруцкого обернулась против него самого. Почва под его ногами заколебалась. Атаман давно уже не полагался на своего сотоварища Трубецкого, который вел за его спиной переговоры с Ярославем. Теперь Трубецкой и дворяне готовы были пожертвовать Заруцким, чтобы получить помощь от второго ополчения и поскорее завершить войну.

Заруцкий метался как загнанный зверь и не мог найти выхода. Ходкевич знал о его затруднениях и пытался толкнуть на предательство. В земский лагерь явился лазутчик и передал атаману письмо от гетмана. Заруцкий не дал ответа полякам. Но при этом он не только не арестовал лазутчика, но и позволил ему остаться в таборах как бы на земской службе. Он решил сохранить возможность тайных сношений с неприятелем, обнаружив обычную неразборчивость в средствах.

Между тем тайное стало явным. Лазутчик поделился своими секретами с несколькими поляками, находившимися в земской службе. Один из них, ротмистр Хмелевский, забил тревогу и не побоялся объявить обо всем Трубецкому и членам подмосковного совета. Лазутчика

схватили и погубили на пытке, чтобы замять дело. Хмелевскому пришлось бежать в Ярославль к Пожарскому. Но толки о великой измене вождя больше не прекращались ни на день.

Казаки не забыли, какое побоище учинил их атаман, когда ему взбрело на ум увести казаков на королевскую службу под Смоленск. Они начали утрачивать доверие к Заруцкому вследствие также и других причин. Прошло время, когда казаки многое прощали своему предводителю за его отчаянную храбрость и везенье. По законам вольного казачества выборный атаман считался первым среди равных. Некогда все так и было. Но со временем от равенства не осталось и следа. Казаки провели суровую снежную зиму в наспех вырытых землянках. Они жили впроголодь и вовсе обносились. Их вождь не только не знал нужды, но использовал трудную годину для беззастенчивого обогащения. За особые заслуги Заруцкий добился пожалования ему во владение обширной Важской земли, некогда принадлежавшей правителю Борису Годунову. Глава таборов грубо нарушил приговор 30 июня, утвержденный им самим. Помимо Ваги он завладел другими землями. Минин и Пожарский имели основание упрекать атамана в злоупотреблениях. По своему произволу Заруцкий делил доходы, поступавшие в земскую казну с городов, рассылал «своих советников» по городам, дворцовым и черным волостям для сбора денег и корма. Неравное распределение доходов усугубляло нужду рядового казачества и московских повстанцев. Вчерашние холопы, ярыжки и мужики, называвшие себя казаками, давно не считали Заруцкого своим человеком. Став великим господином, атаман усвоил истинно боярские манеры. Его трудно было узнать. Власть и богатство, свалившиеся на голову удалого казака, повлекли за собой полное перерождение. Превратившись в крупнейшего вотчинника, Заруцкий думать забыл об антифеодальных лозунгах. Но для казачьей голытьбы эти лозунги не утратили своей привлекательной силы.

Прошлое настойчиво напоминало о себе. В труднейший момент, когда Ходкевич впервые подступил к Москве, на призывы о помощи откликнулся Путивль. Верный сподвижник Болотникова атаман Юрий Беззубцев, собрав подле себя «всяких людей», поспешил на помощь к подмосковному ополчению.

В конце июня власти Троице-Сергиева монастыря предприняли попытку ускорить выступление второго ополчения к Москве. В Ярославль выехал келарь Авраамий Палицын. Старец долго беседовал с Мининым и Пожарским. Он пустил в ход все свое красноречие, поучал цитатами из всех святых, под конец слезно молил поспешить под царствующий град. Но на военные планы ополчения оказали действие не его речи, а вести о новых передвижениях литовских войск в Подмосковье.

Минину и Пожарскому пришлось преодолеть большие трудности, чтобы организовать московский поход. Съехавшаяся в Ярославль знать охотно представительствоваала в совете земли и подписывала его воззвания. Но едва Пожарский стал «разряжать» полки, поднялся ропот. Боярин Морозов, Черкасский, Шереметевы — всяк требовал себе высшего поста. Совет земли однажды уступил им, поручив Черкасскому разгромить Наливайко. Опыт оказался неудачным. Теперь решено было не повторять раз допущенную ошибку. Московский поход возглавили Пожарский и Минин. Едва эта весть распространилась по городу, знатные дворяне стали спешно покидать Ярославль. Кто выпрашивал себе воеводские назначения в дальние города, кто уезжал в свои усадьбы. С Пожарским выступили лишь его братья Пожарские, свояк Иван Хованский да второстепенные воеводы Туренин и Дмитриев.

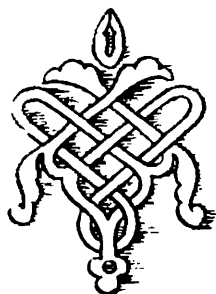
В середине июля Пожарский направил к Москве четыре сотни конных дворян. Командовал ими Михаил Дмитриев, не претендовавший на высокое местническое положение. Человек пожилого возраста, Дмитриев перешел на сторону ополчения при Ляпунове, и его хорошо знали в подмосковных таборах. Воевода получил приказ занять позиции между Тверскими и Покровскими воротами, где некогда располагался лагерь ярославских и нижегородских воевод.

24 июля воевода Дмитриев достиг Москвы и выдержал трудный бой с поляками, сделавшими вылазку из крепости. Появление войск из Ярославля ускорило раскол, давно назревавший в подмосковных таборах.

В ночь на 28 июля Заруцкий приказал казакам сняться с лагеря и отступить по Коломенской дороге. Но атаман не пользовался прежним непререкаемым авто-

ритетом среди казаков. Поэтому его приказ остался невыполненным. Следуя патриотическому долгу, большая часть казаков отказалась покинуть позиции под Москвой. С помощью верных атаманов Заруцкому удалось увлечь за собой лишь около двух тысяч человек.

Пять дней спустя к Москве подошел воевода князь Лопата Пожарский с семьей сотнями конных дворян и расположился между Тверскими и Никитскими воротами. Борьба за освобождение Москвы вступила в решающую фазу.



РАЗГРОМ КОРОЛЕВСКОЙ АРМИИ



Пожарский с главными силами выступил из Ярославля в Москву, не зная о бегстве Заруцкого в Коломну. Он едва только завершил сложные переговоры с новгородскими послами и теперь был вполне уверен, что его тылам не угрожает удар со стороны шведов.

Наличие громоздкого обоза и пушек задержало движение земской рати. Дороги находились в ужасающем состоянии, и пушки то застревали в глубоких рывинах, то рушили непрочные мостки на переправах. Первый ночлег войска провели в семи верстах от Ярославля. Пройдя еще двадцать верст, ополчение устроило второй привал. Пока полки медленно продвигались к Москве, Пожарский передал командование двум своим помощникам — Кузьме Минину и князю Ивану Хованскому, а сам с небольшой свитой поскакал в Суздаль, чтобы помолиться о победе у родительских могил в Спасо-Ефимьевском монастыре.

Из Суздаля князь Дмитрий Пожарский выехал в Ростов, куда к тому времени прибыли Минин и Хованский с полками.

В Ростове в шатер главнокомандующего явился из-под Москвы атаман Кручина Внуков с товарищами. Казацкий круг прислал их, чтобы уведомить князя Дмитрия о бегстве Заруцкого и разузнать, не замышляют ли ярославские воеводы каких гонений против казацкого войска. Минин и Пожарский наградили Внукова жалованьем и отпустили в таборы с добрыми словами.

В Ростов съехалось много дворян из окрестных поместий. Воеводы разослали повсюду сборщиков с

приказом «збивати» в полки уездных служилых людей. На пути к Переславлю к Пожарскому прибыл гонец, привезший неприятные вести. Он сообщил, что «черкасы» и литовские люди неожиданно напали на Белозеро и 30 июля захватили город. Пожарский тотчас отрядил на выручку белозерцам четырех казачьих атаманов с их станицами, сотню стрельцов и роту служилых иноземцев.

В середине августа земская рать разбила свои станы у стен Троицы. Тут Пожарский задержался на четыре дня. Как человек бывалый, князь Дмитрий понимал, сколь важно добиться от таборов согласия на создание объединенного командования до подхода к Москве. Армия не могла иметь сразу двух главнокомандующих. Рознь бояр грозила погубить дело. Однако попытка достигнуть соглашения с Трубецким не удалась.

Передовые воеводы дали знать Пожарскому, что в столице со дня на день ждут подхода войска Ходкевича. Посовещавшись с Кузьмой, князь Дмитрий выслал вперед князя Василия Туренина и велел ему занять позиции у Чертольских ворот, с тем чтобы полностью блокировать вражеский гарнизон во внутренних крепостях.

18 августа Пожарский снялся с лагеря в Троице. Провожало его все окрестное население. Толпа напутствовала воинов призывами постоять за родную землю. С утра погода выдалась ветреная. Первыми прошли по дороге и скрылись в туче пыли конные дворянские отряды. Исчезла за поворотом стрелецкая пехота и казаки. Следом нестройной толпой двинулись даточные люди. Сотни повозок следовали за полками.

Ратники шли, преодолевая порывы ветра, глотая дорожную пыль. Когда последние сотни покидали монастырский посад, ветер внезапно переменялся. Теперь яростные порывы ветра толкали уходивших в спину, так что обозная стража едва держалась в седлах.

Перемену ветра истолковали как благое предзнаменование. Идти ратникам стало легче, и они невольно ускорили шаг. В пяти верстах от столицы, на Яузе, рать остановилась на ночлег. Высланные вперед дозорные, миновав бивуаки Лопаты Пожарского, провели рекогносцировку в районе Арбатских ворот. Воеводы предполагали преодолеть путь до столицы за два дня. К концу второго дня полки прибыли на Яузу. До города

оставалось пять верст, но надвигался вечер, и Пожарский отдал приказ готовиться к ночлегу. Солдаты кто раскладывал костры, кто чистил оружие. Подле воеводского шатра наблюдалось необычное оживление. Из таборов Трубецкой что ни час слал к Пожарскому вестовых, призывая его в свой лагерь. Казаки провели под Москвой более года и успели укрепить Яузский острог высокими валами. Внутри их лагеря было много брошенных землянок, шалашей и изб. Ярославские ратные люди могли удобно расположиться в них. Сколь бы заманчивым ни казалось предложение Трубецкого, Минин и Пожарский решительно отклонили его. План сосредоточения всех сил в восточных предместьях за Яузой казался им неприемлемым. Ходкевич приближался к столице с запада, и князь Дмитрий решил расположить свои полки в западных кварталах города, за Арбатом, чтобы затворить неприятелю пути в Кремль. Совет земли поддержал решение Пожарского, следуя политическим соображениям. В таборах продолжали действовать органы первого земского правительства. Тамошние бояре вершили дела в воеводской избе, дьяки заседали в приказах. На Яузе членам ярославского правительства пришлось бы довольствоваться второстепенной ролью. Идти со своим уставом в чужой монастырь было делом рискованным.

Полтора года прошло с тех пор, как Пожарский покинул горящую Москву. Мертвые руины были немым свидетелем бед, выпавших на долю москвичей. И все же врагам не удалось ни покорить, ни уничтожить город. Жители цепко держались за родные места. Жизнь брала свое. Едва занималась заря, как в разных концах посада начинали стучать топоры. Казалось, Москву населила дружная стая дятлов. Жители спешили потрудиться в последние летние дни, чтобы заменить времянки теплыми рублеными избами. Многие кузнецы открыли свои мастерские. На рынках снова была толчея. Подле лоточника и крестьянина, торговавшего с воза, тотчас возникал людской водоворот. По праздникам над столицей нестройно звонили колокола. Картина мирной жизни, однако, была обманчивой. Неприятель удерживал в своих руках не более одной десятой территории города, но освобожденные кварталы легко простреливались с кремлевских высот. Белое облачко то и дело взвивалось над кремлевской стеной,

и гул выстрела прокатывался над городом. По временам к Москве подходили вражеские отряды, и тогда городские руины становились полем боя.

Испытания закалили москвичей. В городе не заметно было ни уныния, ни чувства обреченности. Малодушным и слабым не осталось места в столице. Собрав котомки, они давно разошлись по деревням. Остались те, кого не страшила борьба, кто привык жить под ядрами. Иностранцев поражала неприхотливость и великое терпение этих людей. На их глазах русский человек извлекал из мешочка горсть муки, заливал ее водой и довольствовался таким рационом. На досуге, отведав похлебки у костра, кто брал в руки рожок, кто пускался в пляс, а кто затягивал песню.

Когда рать Пожарского подошла к Москве, Трубецкой выехал навстречу в сопровождении своих дворян. Свидание воевод закончилось безрезультатно. Боярин Трубецкой, старший по чину и знатности, принял было начальственный тон, но быстро осекся. Он вовсе утратил самообладание, когда Пожарский по обыкновению стал совещаться с Кузьмой. Гнев аристократа нашел отзвук в словах хотя и легендарных, но точно отражавших характер действующих лиц: «Уже мужик нашу честь хочет взять на себя, а наша служба и радение ни во что будет». Воеводы разъехались в разные стороны, приостановившееся движение полков возобновилось. В Белом городе ратные люди, не теряя времени, взялись строить укрепления подле ворот на Арбате. До глубокой ночи они сооружали деревянный острожек и рыли кругом него ров. Множество москвичей с лопатами и прочим инструментом помогали воинам в их работе.

Русские ждали удара со стороны Дорогомиловской ямской слободы, где начиналась Большая Смоленская дорога. На самом опасном направлении Пожарский и расположил свой полк. Справа от него стояли отряды князя Лопаты и воеводы Дмитриева. Слева, в Чертолье, занял позиции отряд Василия Туренина. Его подкрепил Артемий Измайлов, прибывший в Москву с владимирским ополчением. Близилось решающее столкновение. От исхода его зависело будущее России. Среди населения столицы и в ратных людях зрела решимость бороться до конца.

Гетман Ходкевич учел опыт предыдущих боев и постарался укрепить свою армию пехотой. Король Сигиз-

мунд прислал ему в подкрепление полторы тысячи солдат. В наступлении приняли участие около 8 тысяч запорожских казаков. Ходкевич поддерживал постоянную связь с командирами осажденного гарнизона. В решающий момент они должны были нанести русским удар с тыла.

С Трубецким в таборах осталось не более 3—4 тысяч ратников и казаков. Нет никаких точных данных насчет численности ярославской рати. Судя по тому, что передовые силы Пожарского не превышали тысячи человек, армия в целом насчитывала едва ли более 10 тысяч воинов. Боевое ядро рати составляла дворянская конница, пешие стрельцы и казаки. К ним присоединилось множество кое-как вооруженных людей. Осажденная в Кремле шляхта с насмешкой советовала Пожарскому распустить к сохам своих ратников. В ополчении под Москвой в самом деле было много крестьян и горожан, никогда прежде не державших в руках оружия. По феодальным меркам, им не место было в армии. Но война в России приобрела народный характер. Ополченцев воодушевляло сознание высокой патриотической миссии. Они сражались за родную землю.

Когда наступила ночь, Поклонная гора¹⁴ засветилась огнями множества костров. Воинство Ходкевича отдыхало после марша и готовилось к битве. С Поклонной гетман мог нанести удар по кратчайшему направлению на позиции Пожарского либо повернуть к Донскому монастырю и прорваться в Кремль через Замоскворечье.

Полк Трубецкого расположился в районе Крымского двора¹⁵, выдвинув дозоры к Донскому монастырю. Пожарский направил свои разъезды к Новодевичьему монастырю. Опасаясь, что казаки не выдержат удара «литвы», он переправил на правый берег Москвы-реки в помощь им пять отборных дворянских сотен.

Поутру 22 августа конница Ходкевича переправилась через реку под Новодевичьим монастырем. Всадники шли ряд за рядом. В лучах восходящего солнца сверкали чешуйчатые доспехи рыцарей, ветер развеивал перья на стальных шлемах.

Пожарский атаковал первым. Его конница несколько раз устремлялась на врага. Стычки на поле под Новодевичьим монастырем продолжались долго. Чтобы помочь коннице, гетман ввел в дело пехоту. Не выдержав натиска, дворянские сотни отступили к острожку.

Сожженные городские кварталы мало подходили для действий конных масс, и Пожарский приказал дворянам сойти с коней и биться в пешем строю.

После полудня Ходкевич ввел в бой все свои силы, пытаясь прорвать русскую оборону в районе Тверских ворот и на Арбате. Стрельцы, засевшие во рву и на стенах каменного города, вели убийственный огонь по наступавшим. Те понесли тяжелые потери и прекратили атаки.

Бой вступил в критическую фазу, когда Струсь предпринял вылазку и ударил в тыл ополчению у Алексеевской башни и Чертольских ворот. Пожарский давно ждал этого удара и для отражения его держал большое число стрельцов на внутреннем кольце обороны. Они не участвовали в бою с солдатами Ходкевича и, зная, как трудно приходится их товарищам, давно проявляли нетерпение. Деморализованные осадой и голодом, гарнизонные роты дрались вяло и бежали в крепость под ударами русских. Неудачной для поляков оказалась вылазка из Водяных ворот вдоль берега Москвы-реки. С утра артиллерия из Кремля принялась бомбардировать позиции Пожарского с тыла. Когда началась рукопашная схватка, польские пушкари прекратили обстрел, опасаясь поразить своих. Во время вылазки гарнизон понес неслыханные потери. «В то время,— писал полковник Будила,— несчастные осажденные понесли такой урон, как никогда». В бою воины Пожарского захватили несколько вражеских знамен.

Почти семь часов продолжалось сражение у самых стен Кремля. Тем временем Трубецкой стоял на отведенных ему позициях в полном бездействии. С бегством Заруцкого таборы лишились способного военного руководителя. В решающий момент обнаружилось полное ничтожество тушинских бояр, сидевших в таборах. Треск ружейных выстрелов усиливался, пока не слился в сплошной гул. От выстрелов тяжелых орудий с кремлевских стен дрожала земля. Клубы дыма окутали место боя за рекой. Ходкевичу удалось прижать к берегу Москвы-реки часть русских ратников. Отрезанные от своих, они пытались спастись, переплыв реку. Те, кому удалось перебраться на другой берег, имели жалкий вид. Многие остались без оружия. Вода стекала с их одежды в три ручья. Появление беглецов вызвало растерянность в ставке Трубецкого.

Командиры сотен, присланных в Замоскворечье Пожарским, настаивали на том, чтобы оказать немедленную помощь изнемогшему в борьбе ополчению. Но Трубецкой отклонил их требования. Не отличаясь храбростью, боярин думал исключительно о том, как бы уберечь от поражения свое войско. Дворянские сотни, однако, отказались подчиниться приказу струсившего воеводы. Они в полном порядке снялись с места и ушли к переправе.

Среди казаков поднялся шум. Некоторые атаманы поддержали решение Трубецкого. Их не очень беспокоила возможность поражения ярославской рати. «Богати пришли из Ярославля,— кричали они,— и сами одни отстоятся от етамана!» Несмотря на их поддержку, Трубецкому не удалось удержать в повиновении казачью массу. Филат Межаков и трое других атаманов обратились к товарищам с горячим призывом. Из-за нелюбви к Пожарскому, говорили они, боярин причинит пагубу Московскому государству. Не обращая внимания на приказ Трубецкого, четыре казачьих сотни покинули Крымский двор и переправились за Москву-реку вслед за дворянскими сотнями.

Появление свежих сил, численностью не менее тысячи человек, решило исход битвы. Подвергшись внезапному удару с фланга, Ходкевич прекратил атаку и поспешил вывести из боя свои силы.

Пожарский использовал передышку, чтобы подкрепить свои потрепанные отряды. Едва занялась заря, как земские люди принялись расчищать поле боя и хоронить убитых. Во рвах лежали груды кровавых тел, свои вперемешку с чужими. Своих хоронили по обряду. Чужих отвозили в телегах и закапывали в наскоро вырытых ямах. Потери с обеих сторон были огромные.

Потерпев неудачу, Ходкевич отступил за Новодевичий монастырь и разбил там лагерь. В трудную минуту ему на помощь пришла московская семибоярщина и ее приспешники. В ставку к гетману явился дворянин Григорий Орлов.

Прошел год с тех пор, как изменник подал Гонсевскому донос и получил в награду поместье Пожарского. Теперь он не жалел сил, чтобы услужить хозяевам. Орлов взялся провести польский отряд в Кремль. Под покровом ночи пятьсот гайдуков вышли из лагеря и, стараясь не производить шума, двинулись цепочкой

вдоль берега Москвы-реки к центру Москвы. Враги благополучно миновали обгоревшие стены Деревянного города и, обойдя казачьи караулы, прошли в глубь Замоскворечья по направлению к «живому мосту»¹⁶. Перед рассветом гайдуки, получив поддержку из крепости, с нескольких сторон атаковали стоявший на их пути казачий острожек. Застигнутые врасплох казаки не смогли отбиться от неприятеля.

Трубецкой не придавал должного значения известию о появлении польской пехоты в его тылу и не пытался вернуть острожек. Беспечность Трубецкого ободрила гетмана. 23 августа он перенес свой лагерь к Донскому монастырю и стал готовиться к тому, чтобы нанести удар по Замоскворечью. После кровопролитной битвы солдаты нуждались в отдыхе, и Ходкевич потерял целый день, приводя свою расстроенную армию в порядок.

В Замоскворечье русские располагали менее укрепленными позициями, чем в западных кварталах столицы. Стены Деревянного города сгорели до основания. Сохранился невысокий вал и ров, которые и составляли главную линию обороны. За Серпуховскими воротами посредине Большой Ордынки стоял укрепленный казачий острожек. Воздвигнутый на пожарище, он занимал обширное пространство от Ордынки до церкви св. Климента на Пятницкой¹⁷. Укрепления были построены так, что полностью закрывали главную магистраль Замоскворечья, которая вела от Серпуховских ворот к каменному городу. Второй острожек, прикрывавший позиции казаков со стороны Кремля, попал в руки поляков.

Трубецкой отказался помочь ополчению, ссылаясь на то, что его войска обороняют Замоскворечье. Теперь настал его черед. Армия Ходкевича грозила обрушиться всей массой на его позиции. Пожарский не простил боярину трусливого поведения, граничившего с предательством. Но думать приходилось не о прошлом, а о будущем. Он не только пришел на помощь Трубецкому, но и фактически взял на себя руководство обороной Замоскворечья.

Казаки заняли линию обороны от Больших Лужников¹⁸ подле Коломенской слободы¹⁹ до Крымского двора. Пожарский остался «со своей стороны» Москвы-реки, на Остоженке. Воеводы Лопата Пожарский и Туренин переправились в Замоскворечье. Пехота заняла

позиции во рву подле обрушившихся стен Деревянного города.

Накануне решающего сражения Пожарский разделил свои силы. Поступить иначе он не мог. Если бы ярославская рать в полном составе переправилась в Замоскворечье, ничто не помешало бы Ходкевичу захватить Крымский брод и прорваться в Кремль через Остоженку. Оседлав брод, Пожарский имел возможность оказать помощь как своим передовым силам в Замоскворечье, так и своим отрядам в Чертолье, если бы они подверглись атаке из Кремля.

На рассвете 24 августа Пожарский выслал против гетмана конные сотни. Они завязали бой с польской конницей и запорожцами на поле между Донским монастырем и Земляным городом. Трубецкой повел наступление со стороны Коломенской слободы. Но он действовал вяло и нерешительно. Это позволило Ходкевичу бросить против Пожарского большую часть своих войск. Чтобы сдержать натиск польской конницы, запорожцев и ливонской пехоты, Пожарский ввел в дело все свои полки. Русские дрались с остервенением. Даже отступая, они предпринимали отчаянные контратаки. Солнце близилось к зениту, когда русские, оказавшись прижатыми к берегу Москвы-реки, стали в беспорядке отступать на левый берег реки. Гетману, однако, не удалось развить успех и довершить преследование бегущих. На переправе путь ему преградил Пожарский. Полк князя Дмитрия, по словам летописца, едва выстоял против неприятеля. Пожарский ободрял ратников собственным примером. Поляки видели его совсем близко, в первых рядах сражавшихся. В лагере Ходкевича даже распространили слух, что Пожарскому прострелили в бою руку.

Пока на правом фланге земское ополчение вело кровопролитный бой, отряды Трубецкого на левом фланге не выдержали вражеского удара и отошли к Большим Лужникам. Венгерская пехота Граевского и польская пехота Неверовского приступила к штурму центральной позиции русских подле Серпуховских ворот. Казаки и стрельцы установили на валу два орудия и вели огонь по наступающей пехоте. После ряда безуспешных атак Граевский запросил подкреплений у Ходкевича. Гетман принужден был прекратить бой в районе Крымского брода и направил силы в центр,

к Серпуховским воротам. Кавалеристы спешили и подкрепили пехоту. Не получив своевременно помощи от своих, русские стали покидать вал.

Гетман спешил использовать успех. Он приказал Граевскому развить наступление в глубь Замоскворечья и пробиться к Кремлю по Большой Ордынке.

Казаки из таборов много месяцев укрепляли Климентовский острожек на Ордынке и даже снабдили его артиллерией. Они мужественно отбивали атаки венгров и запорожцев и успели нанести им немалые потери. Криками подбадривая друг друга, ратники скопились подле южной стены острожка и не заметили, как неприятель подобрался к стенам острожка с севера. Начали сказываться последствия рокового просчета, допущенного Трубецким. Гайдуки, накануне занявшие острожек близ Замоскворецкого моста, теперь нанесли казакам удар с тыла. Защитники острожка бросились наутек. Поляки захватили несколько пушек и в знак победы водрузили свои знамена на звоннице церкви св. Климента.

В Замоскворечье Ходкевич добился больших успехов, нежели в западных кварталах двумя днями ранее. Русские современники отдали дань уважения его действиям. «Скачет по полкам всюду, — писал о Ходкевиче один из летописцев, — аки лев рыкая на своих, приказывает крепче напрягать оружие свое». После упорного пятичасового боя гетман открыл себе путь в Кремль. Не теряя ни минуты, он решил использовать свой успех и ввел в Замоскворечье повозки с продовольствием для осажденного гарнизона. Огромный обоз, включавший более четырехсот повозок, заполнил Серпуховскую площадь и далее всю Ордынку до Климентовского острожка. Вдруг стрельба в окрестностях острожка усилилась, и обоз остановился, образовав затор вдоль всей улицы.

Ходкевич вложил в наступление всю свою энергию. С разных сторон к нему поступали донесения, что русские разбиты и рассеяны на главнейших направлениях. И все же гетман ошибался, полагая, что сражение выиграно. Русские не были сломлены. Выбитые из острожка казаки залегли в бурьяне за печищами и в канавах. Они ждали благоприятного момента, чтобы возобновить бой. Когда литовцы вывесили хоругвь на Климентовской церкви, казаки сообразили, что терять времени больше нельзя.

Климентовский острожек загоразивал всю Ордынку. Обоз Ходкевича не мог объехать его стороной. Солдатам пришлось распахнуть острожные ворота, чтобы пропустить повозки и доставить продовольствие в Кремль. Казаки поспешили воспользоваться их оплошностью. Подобравшись поближе, они подняли сильную ружейную пальбу. Испуганные лошади опрокидывали телеги, сбивали с ног людей. Пользуясь общим замешательством, казаки ворвались внутрь укрепления. Они рубили врага, не давая ему опомниться. Наемники повернули вспять и попытались пробиться к ставке гетмана. Но лишь немногим удалось добраться до своих. Кучка солдат заперлась в церкви, на которой продолжала развешиваться их хоругвь. Под их выстрелами упал тяжело раненый казак Мишка Константинов, бежавший впереди казаков со знаменем в руках. Но на помощь казакам уже сбегались отовсюду жители Замоскворечья. Сопротивление врага было подавлено.

Заслышав сильную пальбу в восточных кварталах, Пожарский стал готовиться к новой атаке и попытался установить связь с Трубецким. С этой целью он послал в казачьи таборы отряд дворян. Вместе с дворянами к Трубецкому отправился Авраамий Палицын. Троицкого монаха хорошо знали в подмосковных таборах, и он давно пытался играть роль посредника между подмосковными и ярославскими властями.

Дворяне прибыли к Климентовскому острожку и увидели там «литовских людей множество побитых и казаков со оружием стоящих». Уговорившись насчет общего наступления, посланцы Пожарского отправились за Москву-реку. Там у казаков были устроены лавы — настильный мост на плотках. Но Палицыну и дворянам не пришлось идти за реку.

Слух о поражении поляков у Климентовского острожка мгновенно распространился по всему табору, и казаки, не ожидая призывов Палицына, толпой спешили к Ордынке на помощь к своим.

После полудня в боевых действиях наступила длительная пауза. Отрядив в помощь гарнизону пятьсот солдат из полка Неверовского и потеряв почти всю венгерскую пехоту, гетман стал ощущать нехватку в людях. Ужасающие потери подорвали боевой дух солдат. Еще один бой, и Ходкевич рисковал остаться без армии в сердце вражеской страны. Потеряв Климентов-

ский острожек, гетман не решился немедленно ввести в бой уцелевшие роты. Вместо того он дал солдатам роздых и приказал накормить их. Ходкевича не покидала надежда на помощь со стороны крепостного гарнизона. Но гарнизон был деморализован тяжелыми поражениями, понесенными накануне во время вылазки. С высоких крепостных башен солдаты гарнизона видели, как в садах за Москвой-рекой против кремлевских стен собирались русские ратники. В уцелевших церквах на Яузе и в Замоскворечье звонили во все колокола. Удары набата ободряли патриотов. В сердцах запертых в крепости солдат они отзывались похоронным звоном.

Близился вечер, когда Пожарский получил вести от своих посланцев и решил вновь атаковать гетмана в Замоскворечье. Находившиеся в ставке воеводы участвовали в утреннем сражении и казались утомленными. Люди, опытные в военном деле, они понимали, как трудно одолеть противника после прорыва им всей линии русской обороны. В конце концов Пожарский уступил настояниям Минина, без совета с которым он давно не предпринимал никаких шагов. Кузьма вызвался возглавить авангард и завязать бой с противником. Его слова вызвали поначалу общее удивление. Человеку, не имевшему боевого опыта, ратное дело казалось неподручным. Выборный староста был в годах, из-за этого летописец даже назвал его немощным. И все же он подходил для исполнения задуманного плана больше, нежели воеводы. После утренней неудачи ими владело чувство усталости и неуверенности. Зато Минин твердил, что победа близка. Его фанатическая вера заражала других. На просьбу дать людей князь Дмитрий кратко отвечал: «Бери, кого хочешь». После недолгого смотра Минин отобрал три дворянские сотни, менее других потрепанные в утреннем бою, и присоединил к ним ротмистра Хмелевского с его солдатами. С такими небольшими силами он перешел вброд за Москву-реку и атаковал роты противника, стоявшие у Крымского двора. Атака явилась полной неожиданностью для наемников, и они обратились в бегство.

Заметив смятение среди врагов, русские «из ям и из крапив поидоша тиском к таборам». Казаки теснили врага со стороны Лужников и от Климентовского острожка. Стрелецкая пехота, отступившая ранее в глубь Замоскворечья, вела огонь с другой стороны.

Келарь Авраамий Палицын своими глазами видел, с каким мужеством шли в бой казаки, одни босые, другие нагие, крепко сжимая в руках оружие. Они разили врага повсюду. Наемная армия не выдержала столкновения со сражающимся народом.

Солдаты Ходкевича чувствовали страх перед противником, потерявшим едва ли не половину войска, отступившим на всех направлениях и тем не менее продолжавшим яростно атаковать. Отборные роты, некогда разгромившие шведского короля, окончательно утратили волю к победе. Ходкевич не надеялся более одолеть русских. Он лишь предпринимал отчаянные попытки к тому, чтобы спасти с трудом снаряженный обоз. Польская пехота с трудом сдерживала русских, пока возницы заворачивали лошадей и пытались под огнем убрать повозки за Серпуховские ворота в поле. Лошадиное ржание, крики сражавшихся врукопашную солдат, звон сабель заглушали ружейные выстрелы. Приказ гетмана не был выполнен. Казаки атаковали растянувшийся по Ордынке обоз и «разорвали» его во многих местах. В их руки попало большинство повозок, шатры и прочее имущество, брошенное в неприятельском лагере.

Ходкевичу понадобился весь его боевой опыт, чтобы предотвратить гибель армии. Русские ратники, увлеченные боем, рвались в бой, настаивали на преследовании противника. Но воеводы велели им занять позиции во рву. «Не бывает на один день две радости», — говорили они нетерпеливым. После отхода гетмана перестрелка не затихала еще целый час. Пороховой дым поднимался кверху клубами. Частые вспышки выстрелов озаряли округу. Издали казалось, что руины Замоскворечья вновь охвачены пожаром. Дружные залпы заставляли гетманские войска держаться на приличном расстоянии от русских окопов.

В сумерках Ходкевич отступил к Донскому монастырю. Его кавалерия провела ночь в седле, ожидая новых атак. Позже гетман перенес лагерь на Воробьевы горы, а оттуда ушел по Смоленской дороге на литовский рубеж.

Разгром полевой армии Речи Посполитой в Москве стал поворотным моментом в освободительной борьбе русского народа. Отступление Ходкевича обрекло на гибель гарнизон, оккупировавший русскую столицу.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ



Земское ополчение добилось победы, сражаясь бок о бок с казацкими таборами. Но едва лишь бои стихли, трения между двумя лагерями возобновились. Благодаря стараниям Минина земские люди не испытывали недостатка в продовольствии и одежде. Кузьма понимал, как трудно будет удержать дворян в осадном лагере осенней порой и не жалел для них денежной казны. Совсем иное положение сложилось в казачьих полках. Там царила подлинная нужда. Полтора года провели казаки в осадных землянках. Деньги им выдавали не слишком исправно, а потом и вовсе перестали платить. Одежда на них давно превратилась в лохмотья, обувь изнасилась. Пока стояли жаркие дни, ратники могли биться «наги и босы». Но подули осенние ветры, надвинулись холода, и казаки заволновались. Затруднения с хлебом поставили их в невыносимое положение. Понуждаемые голодом, казаки стали силой отбивать обозы, направлявшиеся в ополчение из разных мест.

Голь перекатная, вынесшая на своих плечах главную тяжесть борьбы с врагом, с негодованием смотрела на разодетых и сытых дворян, только что разбивших свои шатры под стенами осажденной крепости. Не зависть, а крайняя нужда заставляла казаков протестовать против привилегированного положения земских людей.

В стане Трубецкого нашлись люди, сознательно разжигавшие недовольство казаков. К числу их принадлежал Иван Шереметев. Он уклонился от службы в полках Пожарского и прибыл под Москву не раньше, чем узнал

об окончании кровопролитных боев. Будучи членом ярославского совета, Шереметев тем не менее обосновался под крылышком у Трубецкого. Вокруг Шереметева тотчас объединились многие старые тушинцы — слуга и боярин князь Григорий Шаховской, Иван Плещеев и другие. Минин и Пожарский с тревогой следили за их зловещим альянсом. Всего год назад все эти бывшие тушинцы своими интригами подготовили почву для расправы над Прокопием Ляпуновым. Теперь они вновь затевали что-то недоброе.

Шереметев и его единомышленники не скупилась на обещания, стараясь привлечь на свою сторону казацкую массу. Апеллируя к справедливости, они призывали обнищавших казаков посылать отряды в Ярославль, Вологду и другие города, чтобы организовать снабжение таборов деньгами, продовольствием и одеждой. Агитация тушинских бояр углубляла раскол в земской рати и грозила разжечь междоусобия. Опасность была столь велика, что Минин и Пожарский прибегали к решительным мерам против смутьянов. В начале сентября в окружных грамотах городам совет земли открыто разоблачил их заговор. Совет заявил, что крамольники готовятся убить Пожарского, а тем временем под влиянием их агитации казаки вновь начали чинить грабежи по дорогам.

Двум земским правительствам трудно было ужиться в одном стане. Столичные вести вновь ставили в тупик медлительную провинцию. 12 сентября 1612 г. князь Василий Тюфякин привел из Одоева триста всадников. Он не мог решить, к кому пристать, и расположился поодаль от старого лагеря за стенами Деревянного города.

Ветры раздора, погубившего первое ополчение, вновь повеяли под подмосковными полками. Изменники, засевшие в Кремле, предсказывали развал освободительной армии. Но они радовались преждевременно.

Троице-Сергиев монастырь, потративший немало денег на поддержку первого земского правительства, использовал все свое влияние, чтобы покончить с волнениями в таборах. Денежная казна монастыря истощилась, и монахам ничего не оставалось, как приняться за гардероб. Из тайников извлекли драгоценные ризы, аккуратно уложили их в повозки и отвезли в таборы. Там посланцы монастыря собрали казачий круг и пред-

ложили ратникам принять от них вещи в виде залога. Как только монастырь соберет оброки со своих крестьян, заявили монахи, они тотчас выкупят залог за тысячу рублей.

Казакам нужны были хлеб насущный и теплая одежда. Они не видели в золоченых ризах никакого для себя прока. Залог ничем не мог помочь им в их жестокой нужде. По этой причине круг постановил немедленно вернуть вещи в монастырскую казну. Два атамана выехали в Троицу с письмом к архимандриту. Казаки писали, что никакие скорби и беды не заставят их отступить от Москвы.

В дни боев под Москвой князь Дмитрий Трубецкой подтвердил давнюю репутацию бездарного и никчемного человека. Победу добыли Минин и Пожарский. Тем не менее родовитый Трубецкой и слышать не желал о признании авторитета незнатного стольника. Более того, боярин стал настаивать на том, чтобы Пожарский подчинялся всем его приказам. Троицкие монахи и тут предложили свои услуги, чтобы примирить соперничавших воевод.

Архимандрит Дионисий обратился к «двум князем Дмитрием» с обширным посланием. В нем он поминал всех святых и многословно убеждал воевод соединиться: «О благочестивые князи Дмитрие Тимофеевич и Дмитрие Михайлович! Сотворите любви над всею Российскою землею, призовите в любовь к себе всех любовью своею». Риторические призывы возлюбите друг друга едва ли произвели на воевод большое впечатление. Практический опыт имел более действенный характер, нежели проповеди.

Казачьи таборы понесли меньшие потери, чем ярославская рать. Поэтому они первыми возобновили боевые действия. В начале сентября казаки установили пушки в Замоскворечье и стали бомбардировать Кремль калеными ядрами. Им удалось поджечь двор боярина Мстиславского. Двор располагался за стеной, обращенной к царским садам в Замоскворечье. Три дня спустя русские с громкими криками бросились на штурм Кремля, но ничего не могли поделать против его неприступных укреплений. Пока каждая из двух армий вела войну отдельно от другой, успех оказывался невелик.

Повсюду крепло убеждение, что лишь полное объ-

единение всех воинских сил может обеспечить победу. Переговоры между представителями земского совета и таборов продолжались несколько дней, прежде чем стороны достигли согласия. Трубецкому пришлось пожертвовать своими амбициями. Он не настаивал более на том, чтобы Пожарский ездил к нему в ставку и там выслушивал его распоряжения. Приговор о создании единого командования предписывал воеводам основать ставку на новом месте, у Неглинной на Трубе. Там был выстроен новый Разрядный приказ, куда воеводы съезжались теперь для решения всех вопросов.

В последних числах сентября Трубецкой и Пожарский известили города о том, что ныне они объединили свои усилия по приговору всех чинов людей. Речь шла о возрождении триумvirата в новом составе. «Ныне, — писали воеводы, — меж себя мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский, укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства достигать».

Имя Трубецкого писали первым. Номинально он сохранил пост главнокомандующего. На деле его влияние не стало большим, чем было. Фактически триумvirат возглавляли Минин и Пожарский, действовавшие в полном единодушии. Триумвиры формально не участвовали в выработке примирительного соглашения. Не они, а соборные чины поставили подписи на договоре. В большинстве это были люди из ярославского совета.

Объединение рати принесло поражение бывшим тушинским боярам. Пожарский заклеил как «старых заводчиков зла» князя Григория Шаховского, Ивана Плещеева и других. Все они служили в полку Заруцкого вплоть до его бегства. Это и решило их судьбу. Никто из них не подписал примирительные грамоты. Исключение было сделано лишь для Ивана Шереметева. Он был слишком знатен, и земщина не стала добиваться его изгнания из ополчения. Вместе с Иваном Шереметевым примирительные грамоты подписали тушинцы окольный Федор Плещеев и дворянин Данила Микулин.

В объединенном совете земли заседали знатные дворяне Дмитрий Головин и князь Андрей Сицкий, бывший оружничий Иван Измайлов, Никифор Плещеев, городовые дворяне Иван Зыбин, Лаврентий Новокрещенов, Беркут Блудов, Прокофий Соковнин, стрелецкий голова Иван Козлов, дьяк Иван Ефанов и другие

чины. Ярославские и нижегородские купцы, игравшие заметную роль в земском совете в момент его образования, как видно, остались в своих городах для сбора казны и прочих дел. Что касается московских купцов, то часть из них находилась вместе с боярами в осаде, а другие обретались в провинции по торговым делам. Их участие в деятельности собора не прослеживается.

Создание единого командования привело к оживлению осадных работ. При содействии москвичей ратные люди оборудовали позиции для батарей в трех пунктах: у Пушечного двора, на Ивановском лужку в Кулишках и подле девичьего Георгиевского монастыря на Дмитровке. Пушкари принялись методически бомбардировать башни и ворота Китай-города. В Замоскворечье батареи, установленные в царских осадах, возобновили обстрел Кремля.

Ополчение отбило атаку Ходкевича. Но опасность нового нападения с запада не была устранена. Прошло несколько недель, и по Москве распространились слухи о том, что гетман снарядил новый обоз и полным ходом движется на выручку к гарнизону. Минин и Пожарский, не медля ни дня, взялись за укрепление линии обороны в Замоскворечье. Вся рать высыпала на поле подле сгоревших крепостных стен. Орудя лопатами и кирками, воины углубили рвы, выстроили на валу двойной плетень и засыпали его землей. В ожидании внезапного удара отряды земских людей несли караулы на валах, сменяясь день и ночь.

Еще в начале сентября Пожарский обратился к польскому гарнизону Кремля с предложением о сдаче. Он указывал на то, что положение осажденных безвыходно, рассчитывать на помощь после разгрома Ходкевича им не приходится и их ждет голодная смерть. «Поберегите себя и присылайте к нам для переговоров без замедления, — писал князь Дмитрий, — ваши головы и жизнь будут сохранены вам. Я возьму это на свою душу и упрошу всех ратных людей. Если некоторые из вас от голода не в состоянии будут идти, а ехать им не на чем, то, когда вы выйдете из крепости, мы вышлем подводы».

Обращение русского командования было выдержано в вежливых и даже почтительных тонах. Оно начиналось словами: «Всему рыцарству князь Дмитрий Пожарский челом бьет!» Наемники не оценили вежливости русских.

Они ответили заносчиво и грубо. «Впредь не обращайтесь к нам со своими московскими сумасбродствами, — писали полковники, — а лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей, пусть холоп по-прежнему возделывает землю, поп знает церковь, Кузьма пусть занимается своей торговлей!»

Гордые шляхтичи пытались уязвить и унижить вождей ополчения. Минину они ставили в укор его занятия торговлей. Пожарского попрекали его незнатным происхождением и заурядным чином стольника. Рядовых земских ратников они называли не иначе, как трусливыми ослиами и сурками, прячущимися в норы. Рыцари, как видно, забыли о том, что мнимые сурки только что разгромили грозную армию Ходкевича.

Командование гарнизона решительно отклонило предложение о переговорах. При этом оно сослалось на свою непоколебимую верность королю Сигизмунду и на свои истинно рыцарские подвиги во имя бессмертной славы.

Напыщенное и хвастливое письмо рыцарства вызвало ироническое отношение в русском лагере.

В письмах к королю наемники приоткрыли краешек завесы, окутавшей судьбу остатков царской сокровищницы в Москве. «Наши братья, покидая столицу, — писали они, — собирались было взять в уплату за их службу нужные при коронации регалии этого государства и другие драгоценности». Но, добавляли авторы письма, мы взяли их у гетмана как залог. То была неловкая попытка выгородить «братьев», покинувших Москву. Гонсевский не то что собирался, а взял самые дорогостоящие короны. На долю «рыцарей», сменивших Гонсевского, достались вещи подешевле, вроде нескольких венцов Грозного.

«Рыцари», хвалившиеся верностью королю, довершили разграбление сокровищницы, которая должна была стать после коронации Владислава его собственностью. С неподражаемой наглостью они намекали Сигизмунду, что тот не сможет обойтись без царских регалий при коронации сына, и предлагали своему государю «приказать выкупить их у нас уплатой причитающихся нам денег».

Наемников не обременял интерес к историческим реликвиям. Со времени Ивана Калиты великие князья

передавали наследникам вместе с княжеством «золотную шапку». Австрийский посол С. Герберштейн видел ее на голове Василия III. То была самая древняя московская корона. Она имела круглую форму, и ее со всех сторон покрывали золотые монетки. При каждом повороте головы монетки тихонько звенели. В московское разорение шапка навсегда пропала из казны. Ее судьба решилась, по-видимому, в тот миг, когда она попала на глаза солдатам.

Обедневшая шляхта, продававшая свое оружие тому, кто больше заплатит, расхитила сокровища, которые прежде она не видела даже издали. Не преданность королю, а алчность удерживала их от капитуляции. Сдача привела бы к мгновенной утрате всех несправедливо добытых богатств.

Опустошив Казенный приказ, захватчики решили поживиться имуществом русских союзников и приспешников. В итоге долгой осады в Китай-городе и Кремле осталось немного русских. Все, кто хотел, находили возможность перейти на сторону ополчения. Чтобы оказаться в другом лагере, достаточно было перебраться за крепостную стену. В Кремле остались одни верно-подданные короля Сигизмунда III.

Командование гарнизона старалось удержать в Кремле членов семей бояр, дворян и гостей в качестве заложников. Но когда в крепости начался голод, полковник Струсь решил избавиться от лишних ртов. Федор Андронов и Иван Безобразов взялись исполнить его приказ. В сопровождении солдат они обошли боярские и купеческие дома в Кремле и повсюду произвели обыск. Покидая дом, наемники уводили с собой престарелых мужчин, женщин и детей. Вскоре на площади собралась большая толпа. Плач и крики огласили округу. Как ни трудна была жизнь в осажденном городе, неизвестность внушала еще больший страх. С первых дней осады патриарх и светские власти неустанно внушали осажденным, что казаки и боярские холопы лишь ждут момента, чтобы отобрать у богачей их богатства, а их жен и детей разобрать по рукам. Снедаемые страхом за своих ближних, Мстиславский и прочие члены боярского правительства направили особое послание Пожарскому и Минину. Бояре умоляли, чтобы земские ратные люди приняли без позора членов их семей.

Еще во времена Ляпунова казаки и московский «черный люд» требовали сурового наказания изменных бояр и членов их семей. И теперь казаки, узнав о предстоящем исходе боярынь из Кремля, предложили отобрать у них все имущество. С изменничьими животами именно так и поступали испокон веку. Феодальные летописцы старательно чернили казаков и холопов и даже приписывали им намерение перебить боярские семьи. Но то была клевета на ратных людей.

Пожарский позаботился о том, чтобы принять боярские семьи с подобающей честью. Он лично выехал к крепостным воротам и провожал толпу женщин и детей в земский лагерь. Там беженцев разобрали к себе земские дворяне и посадские люди по родству и свойству. Женщины с плачем жаловались на бесчинства «литвы». Никаких богатств при них, естественно, не оказалось.

В связи с выселением из Кремля русских семей полковники объявили о повсеместной реквизиции продовольствия. Производя обыск в домах, наемники вместе с продуктами питания забирали у русских золото, серебро, жемчуг, парчу и прочие ценности. С купцами и дворянами захватчики вовсе не церемонились. С боярами и высшими церковными иерархами обращались вежливее, но и они не избежали грабежа.

Патриарх Гермоген не дожидаясь второй осады. Он умер, будучи в заточении под стражей 17 февраля 1612 г. Его преемником стал грек Арсений, служивший при царских гробах в Архангельском соборе в чине архиепископа. В России этот чужеземец искал почестей и богатств. Знавшие его византийские прелаты отзывались о нем, как о человеке бесчестном и корыстном. Арсений служил Гонсевскому верой и правдой. Он побуждал к сдаче защитников Смоленска, сыпал проклятия на головы патриотов. Но предательство не принесло ожидаемых выгод. Пришел день, когда грек с горечью записал в своем дневнике: «Староста Струсь с воинами и с русскими с Федором Андроновым и Иваном Безобразовым изгнали из Москвы всех немощных — старцев, жен, мальчиков и девочек, отняли у русских всякий провиант, вещи — серебро, золото, одежды золототканые и шелковые, отняли все доходы и у блаженнейшего архиепископа архангельского и немало вещей и денег».

К началу сентября голод в Кремле приобрел катастрофические масштабы. Первыми его жертвами стало

русское население, лишившееся средств к пропитанию. Затем настала очередь за гайдуками и немцами-наемниками.

Цены на продукты поднялись неслыханным образом. Воловью шкуру продавали за полтора, а потом за три рубля. Хлебец стоил более трех рублей. Со временем хлеб исчез, и за лепешку с лебедой давали около рубля. Голодающие съели всех собак и кошек. Они облазили все лужайки, дворы в поисках лебеды и крапивы, сдирали кору с деревьев. Вскоре замечены были первые случаи людоедства. Литовский купец, возвращаясь после службы в Успенском соборе домой, вытащил из ямы мешок. Он вытряхнул его, и оттуда выпали человечья голова и ноги.

С 4 сентября начали умирать с голода солдаты, переброшенные в Кремль гетманом. Они прибыли без запасов и без денег и фактически были брошены полковниками на произвол судьбы. По словам очевидцев, новая пехота почти вся вымерла в первые недели голода. В начале октября выпал снег, и сохранившиеся кое-где трава и коренья оказались погребены под снежными сугробами. Даже мышь считалась теперь большим богатством, а за дохлую ворону платили около рубля.

Стремясь предотвратить окончательную гибель гарнизона, полковники прибегли к мерам, поразившим даже выдавших виды мародеров. Они распорядились вывести из тюрем всех пленных, забить их насмерть и отдать на съедение гайдукам.

Каннибальские меры не спасли наемников, а лишь усугубили несчастье. Начав с пленных, солдаты, обезумевшие от голода, стали убивать друг друга. Полковник Будила пометил в своих записках, что в дни ужасного голода его «пехота сама себя съела и ела других, ловя людей». Признание это тем более важно, что оно исходило от одного из командиров осажденного гарнизона.

Древние кремлевские стены стали свидетелями жутких сцен. Тот, кто был сильнее, поедал слабого. Солдаты судились из-за покойников. Едва товарищи по взводу приготовились съесть труп, как явились родственники умершего, предъявившие свои права на тело. Судья сначала пытался рассудить споривших, но затем его взяла оторопь при виде их горящих безумием глаз. Улучив момент, судья сбежал прочь. Он боялся, как бы недовольные приговором не съели его самого.

Спасаясь от смерти, некоторые солдаты пытались перебраться за крепостные стены и сдаться в плен. Бежать приходилось ночью, и немало беглецов либо разбивались, падая со стены, либо гибли под ударами ночных караулов, опасавшихся нападения.

Пополненный гайдуками польский гарнизон насчитывал около трех тысяч человек. Спустя два месяца в нем осталось не более полутора тысяч человек, но и те утратили боеспособность. Наемники дошли до последней степени деморализации и разложения. То, что прежде было войском, стало скопищем грабителей и каннибалов, убивавших не врагов, но ближних.

Союзники захватчиков — московские бояре — дрожали за свою жизнь. Мародеры не оставили в покое даже главу семибоярщины. Двое солдат пробрались в дом Мстиславского и в поисках пищи перевернули там все вверх дном. Боярин принялся усовещать их, но получил такой удар по голове, что едва не отдал богу душу. Струсь велел повесить мародеров, которые зашли слишком далеко. Но их казнь уже не поправила дело.

Избивая боярина, грабители, сами того не подозревая, оказали ему неоценимую услугу. Пособник иноземных завоевателей использовал увечья, чтобы предстать перед соотечественниками в качестве жертвы. Прошло совсем немного времени, и боярин объявил Пожарскому, что в Кремле он находился неволею и «литовские люди били его чеканами и голова у него во многих местах избита». Боярин лгал даже в мелочах. Его ранили не чеканами, а обломком кирпича. Памятный удар вразумил удельного князя и поставил последнюю точку в бесславной истории семибоярщины.

Архиепископ Арсений Елассонский угодничал перед Гонсевским не меньше Мстиславского. Надежды на щедрую награду окончательно покинули его после того, как солдаты отобрали у него большую часть имущества. Изнемогая от голода и страшаясь, как бы его не съели завоеватели, епископ затеял дело, которое должно было спасти его от неминуемого возмездия. Однажды поутру он объявил сожителю по келье старцу Кириллу, что в ночных видениях его посетил некий чудный муж и долго беседовал с ним. Посланец небес открыл подвижнику, что сам бог внял его (Арсения) молитвам и теперь москвичи будут избавлены от тирании противоборных латинян.

Если Арсений за кого-нибудь и молился в осаде, так именно за латинян. Но Кирилл был того же поля ягодой и выслушал исповедь епископа без усмешки на лице. Обсудив приметы чудного мужа, друзья сообща пришли к выводу, что их келью посетила не иначе как тень самого Сергия Радонежского. О лучшем нечего было и мечтать. Сергей был основателем Троице-Сергиева монастыря, выдержавшего длительную осаду. С помощью выдумки Арсений готовил почву к тому, чтобы смыть с себя клеймо изменника и приобрести влиятельных заступников в лице троицких монахов.

Оставаясь в Кремле, Мстиславский и Арсений лезли из кожи вон, чтобы доказать захватчикам свою преданность. Некоторые из членов семибоярщины вели себя менее осторожно и за это пострадали. Полковник Струсь приказал взять под стражу боярина князя Ивана Голицына. Недовольные смолкли, но ненадолго. Как только нужда постучала в боярские хоромы, начальники тотчас высказались за сдачу Кремля. Лишь Иван Безобразов да Федор Андронов, страшась возмездия, продолжали советовать полякам держаться даже ценою гибели гарнизона.

Струсь и его окружение не склонны были следовать боярским советам. Но как только имевшиеся в их руках запасы продовольствия подошли к концу, они запели другую песню. Поляки предложили воеводам начать переговоры и прислали в ополчение полковника Будилу в качестве заложника. 22 октября 1612 г. Пожарский отпустил в Кремль своего заложника воеводу Василия Бутурлина. Переговоры никак не ладились. Русские требовали безоговорочной капитуляции. «Рыцарство» еще не окончательно рассталось с прежним гонором и требовало различных уступок.

Когда претензии наемников стали известны казакам и ратным людям, те были возмущены. По словам польского очевидца, «Москва» негодовала на то, что ротмистры и рыцарство тянут время на переговорах — «на трактатах бавятся», — поджидая со дня на день подхода королевских войск. Кто знает, сколько времени продолжались бы эти бесплодные переговоры, если бы в дело не вмешался народ. Казаки первыми потеряли терпение. Они ударили в колокола и, поднявши хоругви, пошли «силою великой» к стенам Китай-города. Действия казаков застали врасплох и «литву», и русских вое-

вод. Когда воеводы съехались для переговоров с неприятелем, записал летописец, и в ту пору некий человек кликнул казаков, стоявших на Кулишках у храма Всех Святых на Ивановском лужку. В своих записках полковник Будила подтвердил, что русские пошли на приступ с батареей Трубецкого.

Казаки много раз штурмовали Китай-город. Они пролили море крови на приступах. На этот раз удача сопутствовала им. Приставив лестницы, ратные люди в многих местах преодолели крепостную стену. Наемники дрогнули перед их яростью. Одни были убиты на месте. Те, кому достало сил, успели скрыться в Кремле.

Поражение окончательно подорвало моральный дух гарнизона. Полковники поторопились завершить переговоры о сдаче. На этот раз делегацию гарнизона возглавил полковник Струсь, а боярское правительство представлял Мстиславский. Они выходили из Кремля в «застенок» для встречи с Пожарским и Трубецким. Забыв о прежней гордости, Мстиславский принес повинную, побив челом всей земле.

В тупике у закопченной кремлевской стены Пожарский достиг соглашения с боярским правительством, которое определило будущее царского трона. Компромисс казался неизбежным. Земские руководители не могли без примирения со знатью достигнуть давней цели — избрания государя из великих бояр, природных русских людей. Мир с думой не был результатом свободного выбора. Внешнеполитический кризис властно навязал его освободительному движению. Из Речи Посполитой поступали сведения о больших военных приготовлениях. Королевич Владислав поднялся в поход, чтобы занять московский трон. Россия не могла окончательно избавиться от иноземного царя, пока Боярская дума поддерживала его как законного главу государства.

После трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохранены их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержа-

ли ложь, будто «литва» держала бояр в неволе во все время осады Москвы.

По условиям договора, бояре, дворяне, дьяки, купцы и прочие люди, сидевшие в Кремле с «литвой», обязались немедленно отдать все деньги и ценности, взятые из государевой казны или из земщины. Пожалования Владислава и Сигизмунда объявлялись недействительными.

Русские договорились с русскими. Что же касается соглашения с иноземным гарнизоном, оно состояло из одного-единственного пункта. «Мы, — писал Будила, — принуждены были войти с русскими в договор, ничего не выговаривая себе кроме того, чтобы нас оставили живыми». То была безоговорочная капитуляция.

26 октября 1612 г. наемники выслали из Кремля бояр и прочее русское население. Со скрипом распахнулись тяжелые железные ворота, и на каменном Троицком мосту появилась кучка отщепенцев. Впереди шел Мстиславский с повязкой на голове. Его поддерживали под руки с двух сторон. Подле Мстиславского теснились Иван Воротынский, Иван Романов и его племянник Михаил. Бояре страшились народного гнева и жались в кучку, подобно стаду перепуганных баранов. Следом за знатью из Кремля стали выползать люди, подобные живым скелетам. Голод отнял у них силы и человеческое обличье.

С высокого каменного моста бояре отчетливо видели конных земских воевод и маячившие за их спиной дворянские сотни. Пожарский обещал боярам безопасность. На его слово можно было положиться. Но далеко не все зависело от его воли.

Поодаль от моста вдоль берега Неглинной, куда ни бросишь взор, теснились казаки и московский «черный люд». Казачьи сотни явились встречать Мстиславского в полном вооружении, с развернутыми знаменами. По мере того как бояре продвигались по мосту, угрожающие крики в толпе усиливались. Изменники сожгли Москву и теперь должны были понести заслуженное наказание. Народ требовал расправы с виновниками своих бед.

Жалкая толпа на мосту двигалась все медленнее, а затем и вовсе остановилась. Пожарский ничего не предпринимал и по обыкновению решил выждать. Постепенно накал страстей стал спадать. Казаки довольно долго шумели, потрясая оружием. Потом их крики стали стихать. Бояре были спасены.

На другой день утром земские воеводы приняли капитуляцию от вражеского гарнизона. Солдаты из полка Струся вышли в Китай-город в расположение отрядов Трубецкого и там были разоружены казаками. Будила и его солдаты, некогда приведенные в Россию Яном Сапегой, вышли из Кремля в Белый город и сдались Пожарскому. Командующий гарнизона полковник Струсь, опасавшийся за свою жизнь, до последней минуты оставался на старом подворье Годунова под охраной слуг. Там он и сдался воеводам. Полковые знамена были повержены наземь посреди площади. Там же были свалены кучей мушкеты, сабли, пики сдавшихся вояк.

Пока пленных вели по улицам города, москвичи провожали их негодующей толпой. Наемники не простили ни резни, ни уничтожения города.

Страшная картина предстала перед глазами москвичей, проникших за кремлевские ворота. Повсюду царила мерзость запустения. Церкви были ограблены и загажены, большинство деревянных построек разобрано на дрова и сожжено. На улицах москвичи натыкались на трупы тех, кто умер последней ночью. Не медля ни минуты, посадские люди принялись всем миром расчищать кремлевский холм от всего, что напоминало о захватчиках.

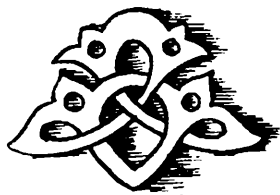
Люди не сразу осознали значение случившегося. Когда же они убедились, что в сердце Москвы нет более ни одного вражеского солдата, их ликование не было предела. Из ближних слобод и отдаленных предместий тянулись к распахнутым воротам Кремля одиночные жители и целые толпы. Вновь, как и прежде, били колокола на всех кремлевских звонницах. Со слезами на глазах люди обнимали друг друга, кричали, смеялись и пели. Полтора года Москва оставалась полем сражения. За это время жители привыкли поминутно ждать удара ядра и прятаться от обстрелов. Теперь сражение было выиграно. Лихая година осталась позади.

Москвичей переполняла гордость. Это их упорство и воля приблизили долгожданный день победы. Непрерывные бои у стен крепости, каждодневные тяжелые потери подорвали бы силу земских полков, если бы ополченцы не имели поддержки восставшего московского населения, если бы отряды москвичей не пополняли обескровленные полки на протяжении всей осады.

Минин и Пожарский разделяли общее ликование.

Они устроили парад в честь победы. Земская рать с Арбата торжественным маршем проследовала на Красную площадь в Китай-городе. Отряды Трубецкого, собравшиеся за Покровскими воротами, одновременно вступили на площадь с другой стороны. Войска сошлись подле Лобного места, откуда двинулись через Спасские ворота в Кремль.

Пробил великий час. Древняя столица Русского государства была полностью очищена от иноземных завоевателей.



ПОСЛЕ ПОБЕДЫ



В конце октября Сигизмунд еще ничего не знал о катастрофе, постигшей его гарнизон в Кремле. Однако и земское правительство не подозревало о появлении неприятельских сил на ближних подступах к столице. Весть об этом повергла его в замешательство.

Положение Москвы было достаточно трудным. По обыкновению дворяне «в осенину» стали покидать полки и разъезжаться по поместьям. Тотчас после освобождения Кремля Пожарский и Трубецкой обратились к городам с отчаянным призывом о присылке провианта. Служилые люди, писали они, заступили Москву, не щадя голов своих, а ныне они на земской службе и помирают голодом. Чтобы разрешить продовольственные трудности, воеводы не препятствовали разъезду дворян. За считанные недели из четырех тысяч дворян в Москве осталось не более половины. Роспуск части войск не разрешил трудности. Столица не имела почти никаких запасов продовольствия на случай осады.

Едва переступив границу, Сигизмунд обратился с воззванием к московскому населению. Он вновь утверждал, что его войска несут России умиротворение и благоденствие. После трех лет кровавой войны его слова звучали как издевательство. На подходе к Москве король послал Мстиславскому извещение о том, что он отпустит Владислава на царство, как только бояре пришлют к нему послов для договора. Королевские воззвания вызвали гнев и возмущение в Москве. Сигизмунд давно растоптал московский договор. Он не выполнил обязательств Жолкевского насчет вывода войск и пре-

кращения завоевательной войны. Его войска захватили Смоленск и северские города. Московские великие послы томились в королевских тюрьмах. Теперь Сигизмунд предлагал прислать новых послов.

19 ноября передовые отряды неприятеля прибыли в Рузу. В их рядах находился окольный Мезецкий, бывший член боярского правительства. Ему отводилась роль посредника в переговорах с москвичами. Сигизмунд предусмотрительно захватил с собой низложенного патриарха грека Игнатия. Ему предстояло короновать Владислава в Успенском соборе в Кремле.

В Москве патриоты не допустили возобновления изменнических переговоров с захватчиками. Гонцы «царя» Владислава, явившиеся в столицу, были взяты под арест. На защиту Москвы поднялся народ от мала до велика. Низы инстинктивно чувствовали, что столицу могут спасти лишь самые суровые меры. В народе упорно толковали о том, что члены семибоярщины втайне готовы вновь сдать столицу королю. В руки поляков попал дворянин Философов из рати Пожарского. На допросе он сказал: «На Москве у бояр, которые королю служили, и у лучших людей хотение есть, чтобы просить на королевство великого господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а именно де о том говорить не смеют, боясь казаков».

В момент опасности казаки и посадские люди ворвались в Кремль и попытались свести счеты с изменниками, которых они полтора года осаждали в крепости. Сидевший в Кремле князь Трубецкой и его дворяне вступились за бояр. Тогда казаки стали угрожать расправой самому Трубецкому. Дело едва не дошло до кровопролития.

Из Рузы отряд в 1200 всадников подступил к Москве и занял Тушино. Королевские наемники внезапно нагрянули в Ваганьково и попытались с ходу прорваться внутрь городских укреплений. Разгорелся кровопролитный бой. Наши, писал пленный полковник Будила, немало «поработали» с москвичами и пошли назад, и как раз в это время казаки в таборах перебили больше всего наших несчастных осажденных. Самочинная расправа с пленными явилась следствием паники среди казаков. В таборах находилось примерно семьсот пленных. Они ждали, что подоспевшие королевские войска освободят их с минуты на минуту. Казаки не могли выде-

лить для их охраны сколько-нибудь значительных сил. Сотни одна за другой снялись из лагеря и ушли в западные предместья, где разгоралось сражение. Возникла опасность того, что пленные наемники разоружат малочисленную стражу и, захватив таборы, попытаются помочь своим. Поддавшись панике, казаки принялись избивать пленных.

Пожарский, как всегда, проявил выдержку и хладнокровие и не допустил расправы над вражескими солдатами, находившимися в его лагере.

В новой завоевательной войне короля на каждом шагу преследовали постыдные неудачи. Его солдаты были отбиты от стен крохотной крепости Погорелое городище. Местный воевода то ли всерьез, то ли в насмешку посоветовал королю идти прямо к Москве. «Пойди под Москву, — сказал он, — будет Москва за тобою и мы готовы быть твои». Пока же воевода велел угостить незваных гостей огнем из всех орудий.

Бой в Ваганькове завершился отступлением королевских авангардов. Ходкевич имел уже однажды случай испытать силу ударов Пожарского. Поэтому он не искал генерального сражения. Вместо того чтобы как можно быстрее идти к русской столице, гетман пригласил Сигизмунда в свой старый лагерь в селе Федоровском, где он провел предыдущую зиму. Будучи в Федоровском, поляки получили доступ в Заволжье и другие районы страны, снабжавшие ополчение всем необходимым.

Позиция в Федоровском имела одно уязвимое место. На путях из Федоровского в Москву стояла крепость Волоколамск. Король отдал приказ взять городок любой ценой. Однако, невзирая на все усилия, наемники и тут не достигли ни малейшего успеха. Оборону Волоколамска возглавили казачьи атаманы Нелюб Марков и Иван Епанчин. Трижды королевские солдаты бросались на приступ и трижды откатывались, теряя убитых. Под конец казаки сделали смелую вылазку и отбили у неприятеля несколько пушек.

Со всех сторон захватчиков окружала стена ненависти. Окрестное русское население прятало хлеб и скрывалось в лесах. Все попытки наладить снабжение армии за счет реквизированного продовольствия потерпели провал.

Наступили сильные морозы со снегопадами, и фуражиры боялись высунуть нос из лагеря. Их страшил холод,

еще больше партизаны. Народная война грозила захватчикам со всех сторон.

Непрерывные неудачи подорвали боевой дух армии, и 27 ноября Сигизмунд отдал приказ об общем отступлении. Переход до Смоленска оказался на редкость тяжелым. Морозы несколько раз сменялись оттепелями, снегопады — проливными дождями. Многочисленные речки и болота стали труднопроходимыми для обозов. Наемная армия бесславно бежала из России, теряя по пути людей, оставляя на дороге повозки и снаряжение.

Весть об отступлении вражеских полчищ вызвала ликование в Москве. Двухлетняя война на улицах столицы, неслыханные беды и мытарства — все это уходило в прошлое, как кошмарный сон.

Множество неотложных дел свалилось на плечи земского правительства. Надо было думать о снабжении продовольствием армии и столичного населения. В Москве оставалось около двух тысяч земских дворян, тысяча стрельцов, четыре с половиной тысячи казаков и несколько тысяч вооруженных москвичей из состава повстанческих отрядов. Зима грозила голодом неимущим повстанцам и казакам. Минин принимал энергичные усилия, чтобы удержать их в столице. Если казаки от голода с земской службы разойдутся, писал Пожарский в города, земскому великому делу учинится великая поруха: некому будет оборонять Москву.

Совет земли начал с упорядочения казачьей службы. Он постановил составить списки старых казаков с тем, чтобы отделить казацкое войско от «беспорядочных отрядов».

Казаки, попавшие в реестр, получили право на сбор кормов в назначенных им городах и уездах. Совет земли сохранил порядок, сложившийся в первом ополчении при Заруцком. Он поручил атаманам самолично руководить сбором кормов. Известный сподвижник Заруцкого Степан Ташлыков и его отряд в 1140 сабель получили на прокормление Балахну. Другие атаманы собирали продовольствие в Вологде и других северных уездах. Пожарский предложил вологодским дьякам выдать казачьим атаманам «ропись сошному письму», чтобы те сами могли разверстать между крестьянами сборы.

Старым казакам Кузьма Минин тотчас же выдал жалованье — на человека по восемь рублей деньгами и вещами. В земской казне наличности было мало, и потому

молодые казаки, не попавшие в реестр, остались без жалованья. Но они не считали себя обделенными. Минин и Пожарский выполнили обещание, данное восставшему народу еще Ляпуновым. Вчерашние крепостные и кабальные люди, служившие в рядах земского ополчения, получили волю. Совет земли признал их заслуги перед освободительным движением и разрешил строить себе дома и жить либо в Москве, либо в других городах. Помимо того, их на два года освободили от уплаты долгов и царских податей.

В стране не стихала острая социальная борьба. Случалось, что по совету крепостных казаки громили дворянские гнезда. В Москве такие случаи вызывали панику. Помещики трубили повсюду о казачьем своеволии. В ноябре 1612 г. дворянин Философов говорил, не скрывая раздражения: «Во всем казаки боярам и дворянам сильны и делают, что хотят». Бояр не устраивало ни освобождение холопов за их ратную службу, ни казачьи «кормления». Но им пришлось помалкивать до поры до времени.

Взаимоотношения между новой земской властью и бывшей семибоярщиной оставались достаточно сложными и неопределенными. Минин и Пожарский выполнили обещание. Никто из великородных бояр не был подвергнут преследованиям. Однако по требованию народа власти арестовали предателя Федьку Андропова, думного дворянина Ивана Безобразова и несколько дьяков.

Кузьма Минин взял на учет все имущество, найденное в Кремле, и принялся за розыск исчезнувшей царской казны. Лишь теперь он стал догадываться, почему полковники оставались в Кремле в течение суток после сдачи бояр и почему они задержали при себе Андропова и нескольких других доверенных лиц. В отсутствие лишних глаз Струсь и его приспешники, как видно, отыскивали укромное место и оборудовали тайник, куда и спрятали остатки царской сокровищницы и прочее награбленное добро. Пожарский и Минин велели пытать дьяков, чтобы выяснить местонахождение сокровищ. Трое изменников умерли во время дознания. Федор Андронов имел влиятельных покровителей, и ему удалось бежать из-под стражи. Патриоты подняли на ноги всю Москву, чтобы отыскать королевского приспешника. Андронову не удалось скрыться от возмездия. Вторично попав на пытку, он указал тайники в Кремле, оборудованные им по

приказу его хозяев. Из тайников извлекли старые царские короны, которыми во время раздела казны завладели отряды Струся и Будилы, и прочее имущество. Львиную долю найденных денег Минин истратил на жалованье земским дворянам и казакам.

Вожди земского ополчения не мыслили себе государства Русского без прирожденных бояр. Они не стали распускать думу, а лишь очистили ее от лиц, пущенных туда «литвой». Первостатейная знать с одобрением встретила эти меры земского правительства. Из Боярской думы были изгнаны, к общему удовольствию, окольные князья Звенигородские, князь Федор Мещерский, Тимофей Грязной, братья Ржевские, постельничий Безобразов. Боярина Ромодановского понизили из бояр в окольные. Чинов лишились бояре Иван Салтыков и Никита Вельяминов.

С освобождением Москвы от интервентов земские люди получили возможность приступить к избранию главы государства. В ноябре 1612 г. дворянин Философов сообщил полякам, что казаки в Москве стоят за избрание на трон кого-нибудь из русских людей, «а примеривают Филаретова сына и воровского калужского», тогда как старшие бояре стоят за избрание чужеземца. Казаки вспомнили о «царевиче Иване Дмитриевиче» в минуту крайней опасности. Сигизмунд III стоял у ворот Москвы, и сдавшиеся члены семибоярщины могли в любой момент вновь переметнуться на его сторону. За спиной коломенского «царевича» стояло войско Заруцкого. Атаманы надеялись, что в критическую минуту давние соратники придут им на помощь. Но расчеты на возвращение Заруцкого не оправдались. В час испытаний атаман не побоялся развязать братоубийственную войну. Вместе с Мариной Мнишек и ее малолетним сыном он явился к стенам Рязани и попытался захватить город. Рязанский воевода Михаил Бутурлин выступил навстречу и обратил его в бегство.

Попытка Заруцкого добыть для «воренка» Рязань не удалась. Города давно выразили свое отрицательное отношение к кандидатуре «Ивана Дмитриевича». Агитация в его пользу стала стихать в Москве сама собой.

Без Боярской думы выборы царя не могли иметь законной силы. С думой избрание грозило затянуться на многие годы. На корону претендовали многие знатные фамилии, и никто не желал уступить дорогу другому. Со

времени смерти царя Федора с претензиями на трон неизменно выступали князь Мстиславский и Романовы. Позже в избирательную борьбу включились Голицыны. Но Мстиславский слишком скомпрометировал себя прислужничеством интервентам. На возвращение Василия Голицына из польского плена не было никакой надежды. Место Василия в семибоярщине занял его брат князь Иван, действовавший заодно с Мстиславским. Ивана Голицына называли в числе возможных претендентов. Но сторонников у него оказалось немного.

Участники освободительного движения из числа дворян не прочь были бы видеть на троне кого-нибудь из хорошо известных им земских воевод. Среди кандидатов фигурировали князь Дмитрий Трубецкой и князь Дмитрий Черкасский. Крещеный кабардинец Каншов Мурза (Дмитрий Мамстрюкович) Черкасский мог похвалиться родством с семьей Грозного. У него были некоторые заслуги перед освободительным движением. Его популярность была, однако, не слишком велика. Дмитрий Трубецкой и Михаил Романов имели несколько большие шансы на успех. Но старшие бояре морщили носы, когда называли имена этих кандидатов.

Вожди земского ополчения настаивали на осуществлении приговора, принятого советом земли в Ярославле. Избрание главы государства, считали они, должно быть делом всей земли. С начала ноября Минин, Пожарский и Трубецкой разослали десятки грамот по городам с извещением о созыве избирательного Земского собора в Москве. Местной администрации и населению предлагалось выбирать по десять человек «лучших и разумных и постоянных людей» и снабдить их «полным и крепким достаточным приказом», чтобы говорить им о царском избрании «вольно и бесстрашно». Раздор с семибоярщиной побуждал совет земли искать поддержку в самых разных слоях населения. Не только дворяне и духовенство, но и посадские люди, крестьяне дворцовых и черносозных волостей должны были прислать своих представителей в столицу.

Земские власти понимали, что в условиях продолжавшейся интервенции важно провести выборы возможно скорее. Первое заседание собора они назначили на 6 декабря 1612 г. Но к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Им мешали не только плохие дороги и дальность расстояния. Распоряжения Минина и

Пожарского наталкивались на глухое сопротивление местной администрации. В городах воеводы не могли взять в толк, зачем понадобилось приглашать для царского избрания чернь — тяглых людей.

На «великом соборном совете» в декабре 1612 г. чины решили вызвать в столицу всех бояр и дворян московских, которые «живут в городах». Одновременно они постановили значительно расширить представительство от сословий. Прежде в столицу требовали по десять человек, теперь по тридцать. Двинянам велели прислать двадцать человек от горожан и черносозных крестьян, пять человек от стрельцов и пять от духовенства. Провинция, как всегда, раскачивалась с трудом. Она явно испытывала терпение столичных властей. Минин и Пожарский в конце концов прибегли к плохо скрытым угрозам, чтобы заставить провинциалов принять участие в царских выборах. «А если вы для земского обирания выборных людей к Москве к крещению не вышлете, — писали они, — и тогда нам всем будет мниться, что вам государь на Московском государстве не надобен; а где что грехом сделается худо, и то бог взыщет с вас».

Чтобы люди из дальних городов могли поспеть в столицу, открытие собора отложили на месяц. Когда наступили крещенские морозы, последняя отсрочка истекла, и Земский собор приступил к обсуждению кандидатов.

Прошло несколько дней, и избирательные страсти накалились до предела. Выборщики разбились на множество групп, и всяк ратовал за своего избранника. «Много было волнения всяким людям, — писали очевидцы, — каждый хотел по своей мысли делать, каждый про своего говорил». Не полагаясь на красноречие, кандидаты побогаче стали трясти мощной. Многие из вельмож, желавших царствовать, отметил летописец, подкупали людей, «дающе и обещающе многие дары». Даже про Пожарского говорили, будто он истратил 20 тысяч рублей, «докупаясь государства». То была пустая клевета, сочиненная его недругами много лет спустя. В дни собора никто не видел в князе Дмитрие искателя короны. Да и кошель его был пуст. Но многие вельможи вынули из тайников припрятанные деньги, полагая, что выигрыш перекроет любые расходы.

Вожди ополчения опасались, как бы внешние силы вновь не попытались вмешаться в избирательную борьбу.

Мир на шведской границе был непрочным, и земским людям приходилось вновь прибегнуть к дипломатическим уловкам. В январе 1613 г. земское правительство отпустило из Москвы в Новгород некоего шведского агента. В свое время он был заслан в столицу Делагарди, но там попал в руки к казакам и содержался в таборах как пленник. По прибытии в Новгород агент сообщил шведским властям, что московские бояре склонны призвать на трон принца Карла Филиппа. Можно подозревать, что земские воеводы, отпуская шведа, позаботились о том, чтобы снабдить его неверной информацией об избирательной борьбе в России. Опасность шведского вмешательства сохранялась, и князь Дмитрий Пожарский лишь продолжил игру, затеянную в Ярославле.

Одновременно со шведским агентом из Москвы в Новгород приехали два русских купца, сообщившие более точные сведения о русских делах. По их словам, казаки пожелали на царство Михаила Романова, но бояре отвергли его кандидатуру на соборе, только что созванном в Москве; да и сам Романов не согласился принять сделанное ему предложение; после всего этого бояре решили, что будут искать себе государя за рубежом.

Как видно, Мстиславский с товарищами не прочь был повторить трюк, к которому они прибегли после низложения Василия Шуйского. Тогда они навязали Земскому собору решение не выбирать на трон никого из российских подданных и тем нейтрализовали усилия Романовых и Голицыных, домогавшихся короны. Природные бояре не желали смириться со своим поражением и пытались использовать избирательную борьбу, чтобы вернуть себе власть. Но едва они обнаружили свои намерения, как в Москве поднялась буря возмущения. Еще в ноябре 1612 г. Минин, Пожарский и Трубецкой обратились ко всяким чинов людям в городах с запросом, пускать ли в думу и на собор князя Федора Мстиславского с товарищами. Прошло немногим более месяца, и ситуация прояснилась. Опираясь на волю соборных представителей, Минин, Пожарский и Трубецкой приняли беспрецедентное решение. В разгар избирательной кампании они обязали Мстиславского с товарищами немедленно покинуть столицу. Все земство поддержало акцию против бывших членов семибоярщины. «О том вся земля волновалась на них, — записал московский летописец, — чтобы им в думе не быть с Трубецким да с Пожарским».

Не желая окончательно рвать с думой, руководители собора повсюду объявили, что бояре разъехались на богомолье. Но очевидцы утверждали, что бояре принуждены были на некоторое время скрыться с глаз по той причине, что простой народ относился к ним враждебно из-за их сотрудничества с интервентами.

В отсутствие бояр Земский собор вынес постановление не принимать на трон ни польского, ни шведского королевичей, ни служилых татарских царевичей, ни других иноземцев. То был первый шаг к принятию согласованного решения.

После освобождения Москвы князь Дмитрий Пожарский остался на Арбате. Он лишь перебрался из тесной избы в Воздвиженский монастырь. Зато Трубецкой торжественно переехал на подворье Бориса Годунова в Кремле. Он явно претендовал на пост правителя государства. Едва Мстиславский с товарищами покинул столицу, Трубецкой тотчас продемонстрировал земщине, кто является подлинной властью в столице. Совет земли и духовенство объявили о передаче ему в наследственное владение Важской земли.

Смута невероятно запутала поземельные отношения. Члены семибоярщины беззастенчиво использовали власть для личного обогащения. Если бы боярам удалось посадить на трон своего ставленника или вернуть страну к боярскому правлению, они получили бы возможность сохранить свои приобретения, частично или полностью.

На заре освободительного движения Земский собор постановил конфисковать земли у предателей бояр и одновременно не допустить чрезмерного обогащения бояр и воевод, возглавивших освободительное движение. Земские бояре не имели права владеть землями сверх оклада, установленного для всех бояр законными царями Иваном IV и Федором. Тушинские приобретения, превышавшие оклад, подлежали отчуждению в пользу неимущих патриотов-дворян. Этот закон, записанный в «конституции» 30 июня 1611 г., не был выполнен. Бывшая тушинская знать с Трубецким во главе не пожелала расстаться со своими богатствами. Подмосковное земское правительство, чтобы удержать знатных дворян в ополчении, раздавало им села и волости сверх оклада.

За верную службу царь Василий пожаловал Василию Бутурлину 500 четвертей вотчины в рязанских дворцовых волостях. Зато от Заруцкого и Трубецкого Бутур-

лин получил 1200 четвертей в Муромском уезде. Воевода князь Алексей Львов за войну с тушинцами получил 185 четвертей. После заключения московского договора 1610 г. Сигизмунд III возвел его в чин думного дворянина и пожаловал ему крупную волость. Порвав с интервентами, Львов вскоре же примкнул к ополчению. Он утратил королевскую «дачу», зато получил от земских бояр более 1000 четвертей из дворцовых земель.

Князь Дмитрий Пожарский не пользовался милостями ни короля, ни «тушинского вора». Более того, он поплатился землями за участие в московском восстании. Семибоярщина отняла у него одно из поместий. Пожарский явил подлинный пример бескорыстия, отклонив предложение Трубецкого о пожаловании ему волостей в дни ярославского стояния. Лишь по случаю победы он принял в награду новую «дачу», «что ему дали бояре и всею землею как Москву взяли, в Суздале вотчины из дворцовых сел 1600 чети да поместья 900 чети».

Наиболее крупными земельными приобретениями могли похвастать лица, прошедшие службу в Тушине. Неродословный дворянин князь Федор Борятинский, тушинский боярин, владел по «даче» подмосковных бояр 1389 четвертями из поместных земель. Другой тушинский боярин князь Дмитрий Черкасский, имевший до Смуты 400 четвертей, прибрал к рукам 3334 четверти в Суздале и Мещере.

Михаил Бутурлин начинал служить с окладом в 700 четвертей. В годы Смуты этот любимец самозванца неслыханно разбогател и приумножил богатства в первом ополчении. В Костроме и на Рязани бояре закрепили за ним волость и несколько дворцовых сел с пашней на 4328 четвертей. Бутурлин стал владеть также укрепленным рязанским городком Сапожком. В его руки перешло не менее 12 000 четвертей вотчинной и поместной земли.

Более всех преуспел в стяжаньях князь Дмитрий Трубецкой. Как глава тушинской Боярской думы, он получил от «вора» вместе с боярским чином обширнейшие земли. К моменту освобождения Москвы он числился владельцем 12 596 четвертей земли новых «дач» в Рязани, на Мещере и в других местах. Но ему и этого было недостаточно. Долгое время подлинным яблоком раздора в думе было Важское «наследное» княжество. Богатая Вага избежала разорения и притягивала алчные взоры

бояр, как магнит. Изменник Михаил Салтыков выхлопал лакомый кусок у короля Сигизмунда. Земское правительство объявило о передаче земли «боярину» Заруцкому. Салтыков укрылся за рубежом, Заруцкий порвал с освободительным движением. Вага осталась без владельца, и Трубецкой потребовал ее себе. Мстиславский с товарищами всполошились. Важская земля далеко превосходила их родовые земли. Дума попыталась ограничить аппетиты Трубецкого. Тогда глава земского правительства энергично поддержал предложение удалить думских руководителей из Москвы.

Дарственная грамота на Вагу была составлена как соборный приговор. Трубецкой получил землю от духовенства, служилых «царей», бояр, стольников, дворян и детей боярских, гостей торговых и «всяких чинов людей Московского государства». Парадный экземпляр грамоты был украшен золотыми прописями. Но подписали документ лишь немногие дворяне и духовные чины. Сказался раскол, царивший в верхах освободительного движения. Земские бояре, получившие чины не в Тушине, а в Москве, демонстративно умыли руки. В грамоте отсутствовали автографы бояр князя Андрея Петровича Куракина, Василия Морозова и Владимира Долгорукого, окольных Семена Головина и Артемия Измайлова, земских дворян и воевод князя Федора Волконского, Ивана и Василия Шереметевых, Исака Погожего, князя Ивана Одоевского и многих других лиц.

Грамоту Трубецкого подтвердили своими подписями князь Дмитрий Пожарский, Василий Бутурлин, сподвижники Ляпунова князь Иван Андреевич Голицын, князь Юрий Сулешев, Иван Биркин; бывшие тушинские бояре Михаил Бутурлин, князь Дмитрий Черкасский, князь Федор Борятинский. Из рядовых дворян только один удостоился чести подписать грамоту — захудалый Игнатий Михнев. Он был любимым спальником у Лжедмитрия II. Питая презрение к торговым мужикам, великородный Трубецкой не пожелал участия в «рукоприкладстве» ни Кузьмы Минина, ни гостей, ни казачьих атаманов.

Трубецкой располагал достаточной властью в столице, и церковники не думали ему перечить. Дарственную грамоту скрепили престарелый митрополит Кирилл, троицкий архимандрит Дионисий, рязанский архиепископ Феодорит, хитрый Арсений и десяток чиновных монахов.

Церковники и земские воеводы вручили грамоту Трубецкому подле московских святынь в Успенском соборе. Торжественная церемония в Кремле готовила почву к избранию главы ополчения на трон. Грамота недаром начиналась со слов о том, что прежде Вагой владел царь Борис. Карьера Бориса не давала покоя Трубецкому. Он также метил из правителей в цари. Трубецкой имел видимые преимущества перед худородным Годуновым. Он происходил из рода великих князей литовских. В его жилах текла королевская кровь.

Трубецкой стал крупнейшим в государстве землевладельцем. Он не жалел сил и средств, чтобы обеспечить себе поддержку избирательного собора. Но он не обладал ни государственной мудростью, ни характером Бориса и проиграл игру.

Некогда Ляпунов обещал конфисковать все земли у изменных бояр и наделить землей в первую очередь разоренных мелких дворян. Трубецкой отказался от выработанного им курса. Совет земли аннулировал все приобретения и пожалования, сделанные от имени царя Владислава, но не тронул основных владений членов семибоярщины и их пособников. «А боярам, — сокрушенно говорили очевидцы, — всем отдали их вотчины и поместья старые». Оскудевшие земские дворяне и казаки не простили своему командиру ни попустительства в отношении предателей, ни страсти к обогащению. Они не желали видеть его на троне.

Земский собор заседал в Москве третью неделю. Близился конец января. Но земские чины, по словам очевидца — шведского агента, не пришли ни к какому соглашению. Круг кандидатов сузился, но ни одна партия не могла склонить на свою сторону большинство. Кандидатура Дмитрия Трубецкого вызвала на соборе резкие возражения. Многие люди открыто заявляли, что он попросту не способен править государством. В ходе обсуждений собор отклонил также и кандидатуру Михаила Романова. Шестнадцатилетний юнец не внушал никому особых симпатий. Очевидец государева избрания Федор Боборыкин писал, что земские чины и бояре не чувствуют уважения к Михаилу. Боярин Иван Никитич Романов всегда действовал заодно с Мстиславским и энергичнее других настаивал на приглашении наемников в Кремль. Шестнадцатилетний Михаил Романов находился при дяде в Кремле в течение всей осады.

Он смертельно боялся народа и не помышлял о борьбе с захватчиками. Трубецкой, Пожарский и другие руководители собора решительно отвергали кандидатуру Романова. Но среди земских воевод были не только противники, но и приверженцы Михаила. В его пользу настойчиво агитировала романовская родня — воевода князь Иван Борисович Черкасский, Борис Салтыков, князь Иван Федорович Троекуров, дворяне Михалковы.

Голоса разделились. Ни один кандидат не мог получить большинства. Тогда кто-то из членов Земского собора предложил избрать царя тем же способом, что и патриарха: наметить трех кандидатов, бросить между ними жребий и посмотреть, кого бог пожелает дать им в государи. Большинство отвергло такое предложение. Тут же раздались голоса, требовавшие не прерывать заседаний собора вплоть до вынесения общего решения — «завещание полагают, да не отступят от места сего прежд даже не изберетца царь Московскому царству». Избирательная борьба вступила в критическую фазу.

2 февраля 1613 г. романовская партия добилась первого скромного успеха. Земское правительство направило в Польшу гонца, поручив ему добиться освобождения из плена Филарета, Василия Голицына и их товарищей. Филарет не причастен был к организации земского освободительного движения. Но он имел мужество выступить против решения семибоярщины о сдаче Смоленска и тем снискал себе популярность среди патриотов. Казаки хорошо знали Филарета по Тушинскому лагерю, где тот подвизался на роли патриарха. Популярность Филарета благоприятствовала успеху агитации романовской партии на соборе.

Три избирательных кампании Романовых закончились поражением. Но каждая новая неудача понемногу приближала их к заветной цели. Москва привыкла к их имени. Многолетние усилия принесли плоды с запозданием, когда многим казалось, что звезда Романовых с пленением Филарета навсегда закатилась.

Прошло несколько дней после отъезда гонца в Польшу, и партия Романовых добилась новых успехов. Памятуя об избирательной кампании Годунова, приверженцы Михаила решили повторить его опыт. Они начали с наведения порядка в собственных рядах. Трубецкой и прочие земские власти бдительно следили за всем, что творилось в Кремле. Романовская партия не

желала привлечь их внимания и созвала совещание на подворье Троице-Сергиева монастыря у Богоявления на Торгу в Китай-городе. Троицкий келарь Авраамий Палицын описал сборище как очевидец. На Троицкое подворье, отметил он, явились «многие дворяне, и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы, и казаки». Имена главных инициаторов февральского совещания в точности не известны. Но их, видимо, следует искать среди тех, кто сподобился наибольших милостей сразу после воцарения Михаила. Таковыми были князь Иван Черкасский, князь Афанасий Лобанов, Константин Михалков, Владимир Вешняков.

Романовское совещание носило куда менее авторитетный характер, нежели давний годуновский собор. В нем не участвовали ни бояре, ни видные земские воеводы, ни церковники. Высшие духовные иерархи не желали портить отношения с земским правительством, располагавшим реальной властью. Троицкий архимандрит Дионисий поддерживал тесную дружбу с Трубецким в течение всей московской осады. Но монастырь не желал рисковать своим будущим ради этой дружбы. Троицкие власти старались поддержать добрые отношения со всеми кандидатами, чтобы при любом исходе выборов остаться в выигрыше. В итоге архимандрит Дионисий остался в стороне от щекотливого дела. Зато его помощник келарь Авраамий принял на монастырском дворе всех сторонников Михаила.

Представители дворян, казаков и городов, собравшиеся у Богоявления, постановили добиваться избрания Михаила и разработали наказ, обосновывавший его права на трон. В отличие от писаной «хартии» в пользу Годунова наказ в пользу Михаила не блистал ни мыслями, ни литературными красотами. Его составителям не достало писательских навыков, фантазии и времени. Они ограничились ссылками на то, что Михаил происходил от царского благородного племени, «понеже он хвалам достойного великого государя Ивана Васильевича законных супругов царицы Анастасии Романовны родного племянника Федора Никитича — сын».

Участники совещания решили немедленно уведомить бояр и духовенство о своем решении и наметили лиц из своей среды, которым предстояло выступить на заседании избирательного собора.

Поутру 7 февраля 1613 г. собор возобновил свою ра-

боту в Кремле. Все очевидцы единодушно свидетельствовали, что почин выдвижения Романова взяли на себя выборные от казаков. Феодалные землевладельцы опасались санкций правительства и из осторожности избегали высказываться первыми. Казакам же терять было нечего. Они занимали низшую ступень в иерархии соборных чинов. Но за их спиной стояла большая часть столичного гарнизона, и их мнение власть имущие должны были выслушать волей-неволей. Москвичи четко понимали, что на соборе говорили «паче всех казаки, что быти Михаилу царем». Реальный факт превратился со временем в легенду о безвестном атамане со славного Дона, подавшем собору «выпись» о Михаиле. Сохранилось предание о выступлении на соборе от дворян некоего служилого человека из Галича. Он будто бы зачитал выпись «о сродстве царевице, како благочестивый царь Федор Иоаннович, отходя сего света, вручил скипетр и венец братану своему боярину Федору Никитичу». Давняя выдумка Романовых насчет последней воли царя Федора играла на руку Романовым. Но в наказе соборных чинов эта выдумка, кажется, не фигурировала. Палицын и прочие участники совещания опасались повредить делу явной ложью, которую земские власти могли тотчас же разоблачить. Участник соборного заседания Авраамий Палицын сообщил вполне достоверные сведения о выступлении на соборе выборного земского гостя Смирнова Судовщикова, представителя Калуги и северских городов. Келарь не удержался от соблазна и приукрасил свое повествование ссылкой на чудо. По его словам, в «писании» Судовщикова об избрании Михаила «не обретется ни в едином слове разньствия» по сравнению с писаниями, поданными от имени дворян и казаков, «сие же бысть по смотрению единого всесильнаго бога». В дословном совпадении наказов конечно же не было ничего сверхъестественного. На совещании у Богоявления сторонники Михаила не только выработали общий наказ, но и постарались размножить его во многих экземплярах. Представители разных чиновных групп получили возможность говорить на соборе по одной и той же шпаргалке.

Шумный демарш сторонников Романова поначалу не произвел впечатления на земских руководителей. Многие из них высказали сомнение, вновь указав на молодость Михаила и его отсутствие в столице. Правитель

Трубецкой и бояре предлагали отложить решение вопроса до того времени, когда претендент вернется в Москву. Но соборным чинам и народу надоели бесконечные проволочки, и приверженцы Романова пытались сыграть на их нетерпении. Келарь Палицын и прочие участники совещания предложили Земскому собору вынести обсуждение за стены дворца и узнать, что думает народ о кандидатуре Михаила. Трубецкой растерялся и не смог помешать романовской партии. Рознь в земском руководстве довершила его поражение. Боярин Василий Петрович Морозов открыто присоединился к приверженцам Михаила. Кажется, он руководствовался не столько симпатиями к Романовым, сколько враждой к давнему сопернику Трубецкому. Примеру Морозова немедленно последовали рязанский архиепископ Феодорит и архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф. Романовы издавна были крупнейшими вкладчиками этого столичного монастыря.

В сопровождении келаря Авраамия и двух других духовных персон Морозов проследовал из дворца на Лобное место и обратился с речью к собравшемуся там воинству и всему народу. Свое выступление он закончил вопросом, достоин ли Михаил царства. Толпа отвечала громкими и нестройными криками. Шум толпы воспринят был очевидцами как общее одобрение.

На земское правительство народный опрос не произвел большого впечатления. Под давлением Трубецкого и прочих воевод собор постановил отложить решение о царском избрании на две недели, а тем временем вернуть в Москву главу думы Мстиславского с товарищами. Как сторонники, так и противники Романова одинаково льстили себя надеждой на то, что старшие бояре помогут им расстроить замыслы другой стороны. Руководители избирательного собора считали, что решение в пользу Михаила не является окончательным, и категорически отклонили предложение о немедленном вызове претендента в столицу. Неясность в отношении Романова была еще столь велика, что собор, отпуская выборных в их города, поручил им тайно проведать, поддержит ли провинция его возможное избрание.

В назначенный день, 21 февраля, избирательный собор возобновил работу. В столице собралось множество выборных представителей земли: дворян, духовных лиц, посадских людей и даже государственных крестьян.

Большой Кремлевский дворец был переполнен. В дворцовых палатах с трудом разместились земские чины. Выборным поплоше — провинциальным священникам, горожанам, крестьянам — места во дворце не нашлось. По официальной версии, собравшиеся в общем порыве как бы едиными устами провозгласили царем Михаила Романова. Совершенно иначе трактовали дело осведомленные иностранцы. Шведские лазутчики доносили из Москвы, что казакам, ратовавшим за Романова, пришлось осадить Трубецкого и Пожарского на их дворах, чтобы добиться избрания удобного им кандидата. Новгородские власти также утверждали, будто казаки повлияли на выборы своим «воровством», без согласия бояр, дворян, лучших посадских людей. Польская информация как две капли воды походила на шведскую и новгородскую. Литовский канцлер Лев Сапега бросил в лицо пленному Филарету такую фразу: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки донцы».

В смысле недостоверности зарубежные версии и московские официозные декларации стоили друг друга. Воссоздать подлинные обстоятельства выборов 1613 г. помогают показания непосредственных участников собора — стольника Ивана Чепчугова и двух других дворян, попавших в 1614 г. в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, поочередно, и их рассказы совпали между собой во всех деталях. Недавние выборщики начали рассказ с того момента, когда собор решил вызвать в Москву всех знатнейших бояр и думцев, прежде уехавших оттуда. Когда бояре вернулись, чины тотчас принялись обсуждать, как им лучше бы приступить к делу: «...выбрать ли государя из своего народа или из иностранных государей». Расчеты Трубецкого оправдались. Мстиславский с товарищами, как и прежде, слышать не хотели о передаче короны незнатному в их глазах Мишке Романову. Речи насчет родства претендента с одной из многих жен Грозного вызвали у них одно раздражение. Возвращение руководства думы вернуло собор к давно пройденному этапу. Бояре вновь заговорили о приглашении иноземного принца. Терпению народа пришел конец. Едва весть о боярских речах разнеслась по Москве, казаки и чернь с большим шумом ворвались в Кремль и напустились на бояр с бранью. «Вы не выбираете в государя из русских господ, — кричали в народе, — потому, что хотите сами править и одни поль-

зоваться доходами страны и, как случилось раньше, снова отдадите государство под власть чужеземца!» Особенно настойчивыми были казаки. «Мы выдержали осаду Москвы и освободили ее, — заявляли они, — а теперь должны терпеть нужду и совершенно погибать, мы хотим немедленно присягнуть царю, чтобы знать, кому мы служим и кто должен вознаграждать нас за службу».

Верхи собора объединились, чтобы как-то противостоять напору снизу. Трубецкой и Мстиславский говорили против Михаила в один голос. Боярина Ивана Романова задело предпочтение, оказанное его племяннику, и он усердно поддакивал Мстиславскому. Бояре поручили ему переговоры с народом. Иван Романов высказал толпе «некоторые затруднения», указал на молодость претендента и просил, ввиду его отсутствия, «отложить решение вопроса до его прибытия, чтобы можно было еще лучше подумать над этим».

Речи Ивана Романова не произвели никакого впечатления на народ. Толпа не желала расходиться, шумела и требовала, чтобы бояре и соборные чины в тот же час присягнули Михаилу Романову.

Пережив трагедию Смутного времени, народ все чаще вспоминал о старых законных царях. Все темное и жестокое, что было при Грозном, оказалось забытым. Вспоминались блеск и могущество царской власти, выдающиеся военные победы, казанское взятие. Многие наивно верили, что величие государства не возродит никто, кроме родни — пускай самой дальней — угасшей династии. Сторонники Михаила Романова построили на этом заблуждении всю свою избирательную кампанию. Призрачная популярность угасшей династии вынесла наверх ничем не примечательного человека, спутав все расчеты и прогнозы земского руководства. Монархические иллюзии в который раз сыграли дурную шутку с русским человеком.

Выступление казаков и вооруженного народа подтолкнуло выборы, положив конец расколу собора и распрям, которым не видно было конца. Благодаря вмешательству низов сторонники Романова окончательно забрали инициативу в свои руки и добились того, что члены Земского собора проголосовали за избрание на трон Михаила. Приказные наспех составили крестоцеловальную запись. Члены думы и собора тут же утвердили ее и приняли обязательство верно служить Михаилу, его

царице, которой не было и в помине, и возможным детям. Они поклялись, что никогда не передадут трон ни литовским, ни шведским королям либо королевичам, ни боярам «из русских родов», ни Маринке и ее сыну.

Государство Русское переживало неслыханно трудные времена. Чтобы сладить с наседавшими отовсюду врагами и умиротворить страну, нужен был опытный вождь. Шестнадцатилетний Михаил менее всего подходил на такого вождя. Но его избрание стало свершившимся фактом. Пришло время вызвать в столицу и самого кандидата. Миссия была важной, и собор выделил из своей среды приличную случаю депутацию. Мстиславский добился, чтобы ее возглавил Федор Шереметев, один из членов семибоярщины, более других скомпрометировавший себя сотрудничеством с Гонсевским. Помощниками Шереметева стали боярин князь Владимир Бахтеяров из земского ополчения, окольный Федор Головин из осадных сидельцев, земские воеводы Алексей Львов, Исак Погожий и другие соборные чины.

Когда собор разослал бояр «на богомолье», его руководители не удосужились узнать, куда поехала старица Марфа Романова с сыном и родственниками. Даже в январе 1613 г. в верхах собора мало кто считался всерьез с возможностью избрания Михаила. Прошло более недели после торжественного провозглашения, но никто в Москве не мог сказать в точности, где находится сам государь. Федор Шереметев и соборное посольство получили наказ ехать «в Ярославль или где он, государь, будет». В пути Шереметев выяснил, что Марфа Романова с сыном и двумя племянниками Борисом и Михаилом Салтыковыми находится на богомолье в Ипатьевском монастыре под Костромой.

14 марта 1613 г. представители Земского собора виделись с Михаилом в монастыре и нарекли его на государство. Сопровождавшие бояр архиепископ Феодорит, Авраамий Палицын и другие духовные лица передали Романову царский посох.

Прошло полтора месяца, прежде чем нареченный царь прибыл в столицу. Не только распутица задержала его в пути. Крайнюю тревогу в Костроме вызывали казанские вести. Утрата Новгорода и Смоленска подняла значение Казани как крупнейшего города после Москвы. Весной 1613 г. казанцы собрали рать и послали ее по приказу земских властей в столицу. Весть о царском

избрании застигла казанских воевод в Арзамасе. Посланцы Земского собора хотели, чтобы ратники немедленно принесли присягу Михаилу, но предводитель казанцев дьяк Шульгин воспротивился присяге. Дьяк управлял Казанью с того времени, как народ по его указке убил Богдана Бельского, а Морозов ушел под Москву. Шульгин заявил: «Без казанского совета креста целовати не хочу». С ближайшими «советчиками» дьяк решил спешно вернуться в Казань. Выступление Казанского государства грозило поколебать позиции Романова. Поэтому власти постарались перехватить Шульгина в пути. Они снарядили погоню и арестовали дьяка в Свяжске. Позже его уморили в сибирской ссылке.

Пока царский поезд медленно продвигался к Москве, в окружении Марфы Романовой сформировался новый правительственный круг. Ранее других в него вошли Борис и Михаил Михайловичи Салтыковы, родня матери Михаила Романова. По семейной близости они жили все вместе в Ипатьевском монастыре. Будучи озабочены вопросом о средствах к содержанию царской семьи и двора в разоренной Москве, родня Михаила образовала в царской ставке приказ Большого дворца и поручила Борису Салтыкову управлять им. Михаил Салтыков стал кравчим. Близкий к Романовым Константин Михалков получил чин постельничего. Новые сановники проявили редкое нетерпение. По их наущению Михаил через три дня после наречения в Костроме потребовал, чтобы Трубецкой и бояре немедленно выслали ему «государеву печать». Бывшие члены семибоярщины воспрянули духом. Боярин Федор Шереметев не отходил от «самодержца» ни на шаг. Сразу вслед за Шереметевым в царскую ставку поспешил его шурин князь Иван Черкасский, двоюродный брат Михаила. Шереметев, Черкасский и Салтыковы постарались возможно скорее подорвать влияние земского правителя Трубецкого. Не к нему, а к Мстиславскому адресовали они царские грамоты в Москву. Составляя очередную грамоту, писец Земского собора по привычке написал было: «...мы, холопы твои, Дмитрий Трубецкой да Дмитрий Пожарский», но тут же спохватился и вычеркнул имена земских вождей. После 10 апреля 1613 г. все отписки из Москвы шли уже от имени «холопей Федора Мстиславского с товарищами». Боярская дума окончательно вступила в свои права.

Старица Марфа натерпелась голода в осаде и, прежде чем вернуться в Кремль, много раз запрашивала бояр, есть ли к царскому приезду во дворце запасы и откуда надеются их получать. Из Москвы отвечали, что ныне в государевых житницах запасов немного. Такой ответ не мог обнадежить семью Михаила. Приказные составили роспись запасам. Оказалось, что хлеба и продовольствия в кормовых приказах так мало, что их не хватит даже на государев проезд, а денег «ни в котором приказе в сборе нет».

Как женщину практичную, Марфу беспокоил вопрос, найдет ли она приличное ее сану жилище в разоренном Кремле. На первых порах Марфа думала поселиться в деревянных хоромах вдовы Василия Шуйского, а сыну прочила Золотую палату царицы Ирины Годуновой с сенями. Но бояре известили ее, что они приказали готовить для Михаила комнаты царя Ивана и Грановитую палату, а для Марфы — хоромы в женском Вознесенском монастыре, где жила прежде вдова Грозного Марфа Нагая. Те постройки, которые приглянулись матери Михаила, оказались разорены дотла. Палаты и хоромы в них все были без кровли. Лавок, дверей и окошек в них давно не было. Делать все пришлось бы заново, а деньги в казне отсутствовали, и плотников в столице было мало, и лесу пригодного скоро было не добыть.

С того времени, как Михаил начал осознавать мир, в его голову глубоко запал страх перед бунтующим народом. Два года осады внушили ему ненависть к «воровским» воеводам и казакам из земского ополчения. Знать, собравшаяся в царской ставке, старательно поддерживала его предубеждение.

Атаманы и казаки, прибывшие из Москвы в Кострому, чувствовали там себя неуютно. Когда Михаил на пути в Москву сделал остановку в Троице-Сергиевом монастыре, многие казаки уже разъехались из его ставки. В Троице государя встречала чуть не вся столичная знать, множество дворян и другие чины. Выступая перед ними, Михаил с гневом и слезами обличал казачьи грабежи. Романов говорил с чужого голоса. Его выступление инспирировали бывшие члены боярского правительства.

Мстиславский с товарищами ждали первый подходящий случай, чтобы удалить из столицы возможно большее число казаков и заменить их послушными стрельцами. В марте 1613 г. две тысячи триста казаков

перешли из Москвы в Калугу. Несколько казачьих сотен тогда же выступили в Псков.

Накануне прибытия царского поезда в столицу «холопы Митька Трубецкой и Митька Пожарский» запросили государя, в какой день и в каком месте прикажет он им и всем ратным людям ополчения встречать его и видеть его царские очи. Михаил прислал ответ не им, а всей Боярской думе. Соперничество между старшими боярами и земским правительством играло на руку новому «самодержцу». Оно мешало собору предпринять какие бы то ни было шаги к ограничению его власти.

14 апреля 1613 г. собор постановил составить утвержденную грамоту об избрании Михаила. За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывали в уста Михаила слова Бориса к собору, заставляли иноку Марфу Романову повторять речи иноки Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенеся ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону братаничу Федору Романову. Старая ложь возведена была теперь в ранг официальной доктрины.

На изготовление грамоты ушло несколько недель. Подписание ее заняло значительно больше времени. В отличие от Годунова Михаил не позаботился о том, чтобы собрать подписи у всех членов собора поголовно. Выборные из городов выделяли из своей среды грамотея — дворянина, либо посадского человека, реже стрельца, и тот подписывался разом за всех представителей своего города и уезда. Советники царя не пригласили подписать грамоту ни выборного человека ото всего Московского государства Кузьму Минина, ни столичных гостей и посадских старост, ни атаманов и казаков из состава ополчения.

На коронации Михаила земские бояре тщетно пытались добиться признания их старшинства. Правитель Трубецкой пробовал местничать с самим Иваном Романовым, но его быстро одернули. Царь оказал честь дяде Ивану Романову, велел ему держать перед собой шапку Мономаха. Трубецкому пришлось довольствоваться более скромной ролью. Он нес скипетр. Пожарский также участвовал в церемонии коронации. Ему поручили дер-

жать золотое яблоко. Князь Мстиславский вновь оказался героем дня. Как самый знатный из бояр, он осыпал молодого царя золотыми монетами.

При всей вялости ума Михаил Романов понимал, что ему не видать было бы короны, если бы войско Пожарского не очистило Москву от вражеских отрядов. Члены собора и народ требовали признания заслуг выборного земского воеводы. Идя навстречу общему настроению, царь в самый день коронации объявил о пожаловании стольнику Пожарскому боярства. Но прежде стольника тот же чин получил князь Иван Борисович Черкасский. Порядок пожалований был глубоко символичен. Князь Пожарский возглавлял мартовское восстание в Москве, князь Черкасский помогал интервентам подавлять его. Позже Черкасский сражался с передовыми отрядами ополчения, но был взят в плен.

Кузьме Минину более, чем кому бы то ни было другому, обязана была Москва своим освобождением. Совет ополчения по решению всей земли наградил его за московское взятие большой вотчиной на 1613 четвертей. Но новое окружение царя Михаила поглядывало на Кузьму искоса. На коронации Минин не попал в число тех, кто исполнял почетные должности. Пожалование ему чина думного дворянина предусмотрительно отсрочили на один день. Власти положили выборному от всей земли 200 рублей на год. То был довольно большой оклад. Бояре расщедрились после того, как отказали Кузьме в поместье. Между тем все дворяне получали главный доход как раз с поместий. Заслуги Минина перед казной не получили признания. Не он, а Траханиотов получил чин казначея и возглавил Казенный приказ.

Многим казалось, что недалекому Михаилу не удержать венца на своей голове и что его постигнет участь Федора Годунова либо Шуйского. Однако острый социальный кризис миновал, и лишь в дальних углах земли еще слышались последние отзвуки гражданской войны. Смертельная опасность, нависшая над Россией, объединила патриотов. Народный отпор спас страну.

Разрозненные отряды литовских людей и «черкас» продолжали появляться в замосковных уездах и даже на далеком Севере и в Поморье. Они помнили те дни, когда Русь раздирали внутренние распри, и это позволяло им рассчитывать на полную безнаказанность. Теперь интервентов со всех сторон подстерегала опасность. Населе-

ние не желало иметь с ними ничего общего и своими руками помогало истреблению шаек. Война, которую вели безвестные герои, принесла свои плоды. Немногие из тех, кто проник в глубь страны, выбрались из нее живыми. Замечательный подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина стал известен лишь потому, что произошел в романовской вотчине. Официальная традиция представила в неверном свете смысл его поступка. Крепостной крестьянин отдал жизнь не за царя, а за родной край. Вопреки легенде, ему не довелось завести неприятельский отряд в непроходимые леса и там погубить его. «Литве» нужен был проводник. Но Сусанин предпочел смерть сотрудничеству с захватчиками. Его запытали насмерть в селе, не добившись нужных сведений.

Поневоле все силы истерзанной страны поглощала война. Сигизмунд III не отказался от планов завоевания России. Его войска вновь и вновь пересекали русские рубежи. Они сожгли Козельск, Болхов, Перемышль и показали у стен Калуги. Чтобы не допустить врага к столице, русское командование направило на запад земских воевод Дмитрия Черкасского и Михаила Бутурлина со значительными силами. Они отогнали неприятеля от Калуги, освободили Вязьму, Дорогобуж, Белую, а затем осадили Смоленск. Под Смоленском командование сосредоточило 12-тысячное войско. Ровно половину из них составляли казаки: 2340 прибыли из Москвы и 2250 «приехали от Заруцкого», покинув его станы.

Борьба за полное изгнание захватчиков с русских земель и освобождение Смоленска могли бы иметь успех, если бы русское командование направило на западные рубежи все свои силы. Но этого не произошло.

Минин и Пожарский старались не допустить одновременной войны с Речью Посполитой и Швецией, и их дипломатические усилия увенчались блистательным успехом. Отстранив их от руководства, правительство отказалось также и от выработанного ими внешнеполитического курса. В разгар боевых действий под Смоленском оно направило против шведов под Новгород князя Дмитрия Трубецкого с более чем пятитысячной ратью.

Старшие бояре давно добивались высылки недавнего правительства из столицы. Вместе с ним ушла из Москвы последняя тысяча казаков, некогда осаждавших Кремль. Мелочные интриги взяли верх над военными расчетами.

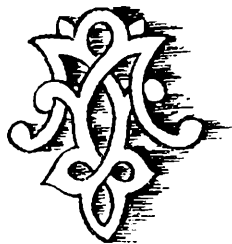
Боевые силы ополчения были разделены и посланы по разным направлениям. Испытанные вожди ополчения Минин и Пожарский не участвовали в военных действиях.

Распылив силы, русское командование не сумело освободить Смоленск. Армия Трубецкого отступила от стен Новгорода.

* * *

Прошло еще несколько лет, прежде чем смолкли выстрелы на шведской, а затем и на польской границе. Мир был неслыханно тяжелым. Швеция вернула России Новгород, но удержала в своих руках все течение Невы с прилегающими землями, лишив страну естественных выходов на Балтийское море. Речь Посполитая захватила Смоленск. Русское государство лишилось многих других пограничных городов и земель. Но столичные жители, как и все население страны, приветствовали мир.

Пятнадцать лет терзала Россию гражданская война и иноземные вторжения. На огромном пространстве от Ледовитого океана до южных степей лежали бесчисленные руины. Обезлюдели города и деревни. На долю древней столицы — Москвы выпали едва ли не наибольшие испытания и жертвы. Но худшее было позади.



Начиная с XIV века Москва возглавила процесс объединения русских земель. Московское население поддерживало объединительную политику великокняжеской власти и принимало самое деятельное участие в обороне русских границ. Куликовская битва была крупнейшим событием в истории многовековой борьбы Руси за национальную независимость.

Объединение земель привело в конце XV века к образованию Русского централизованного государства. Обретя единство, русский народ покончил с двухвековым иноземным игом. С этого времени начался экономический и культурный подъем страны, длившийся целое столетие. «Казанское взятие» явилось естественным завершением длительной и кровавой борьбы с Золотой Ордой.

Россия утвердилась в Нижнем Поволжье в то самое время, когда угроза Восточной Европе со стороны Османской империи резко возросла. Порта подчинила Крымское ханство, позже попыталась захватить Астраханское ханство и потребовала от России уступки Казани. Однако в ходе первой русско-турецкой войны полчища османов потерпели поражение. Имея за спиной Турецкую империю, крымский хан напал на Москву и сжег ее до основания. Год спустя он попытался поставить Россию на колени. Но Крымская орда была наголову разгромлена русскими в многодневном сражении у стен Москвы.

В начале XVII века внутри Русского государства вспыхнула гражданская война, поколебавшая его военное могущество. Воспользовавшись этим, враги захвати-

ли Москву. Государство было расчленено на части и вновь оказалось на грани утраты национальной независимости.

Судьба Москвы, от которой зависело будущее России, решилась в ходе жестоких боев, развернувшихся в столице и на подмосковных полях. Вместе с земскими ополченцами, вместе с вольными казаками решающую роль в битве за Москву сыграли москвичи.

Дорогой ценой добилась страна в 1618 г. перемирия с Речью Посполитой. Мир был тяжелым и унижительным, но московское население приняло его со вздохом облегчения. Пятнадцать лет опустошала Россию гражданская война и иноземная интервенция. Бесчисленными пожарищами и руинами покрылась страна на всем пространстве от южных степей до Студеного моря. Обезлюдели города и деревни, стаи воронья кружились над пустырями. Но мрачная пора была позади. Народ отстоял родную землю и вернулся к мирному труду. Только его усилия могли вернуть России благополучие и могущество, возродить Москву и положить начало времени ее наивысшего расцвета в XVII веке.

¹ Симонов монастырь основан в 1379 г. на левом берегу Москвы-реки на юго-востоке от города (Восточная ул., 4). Название объясняется тем, что эти земли в то время принадлежали боярину Семену Ховрину, принявшему в монашестве имя Симона. Монастырь составлял важное звено южного оборонительного пояса столицы. В XVI в. в монастыре жили и писали свои сочинения Вассиан Патрикеев и Максим Грек. В 40-х гг. XVII в. обнесен каменной стеной. Сохранилась южная стена с тремя башнями: Дуло, Старая и Новая (зодчие И. Потапов, О. Д. Старцев), а также трапезные и братский корпус.

² Кремль — древнейшая часть Москвы, главный общественно-политический и историко-художественный комплекс центра столицы, местопребывание высших органов государственной власти страны. Расположен на высоком, левом берегу реки Москвы — Боровицком холме, при впадении в нее реки Неглинной. Древнейшие археологические памятники на его территории относятся к второму тысячелетию до н. э. Построенный по приказу Юрия Долгорукого в 1156 г. город был окружен рвом и валом. В 1237 г. во время монголо-татарского нашествия Кремль был разрушен. В XIII в. сооружены первые каменные церкви, положившие начало формированию архитектурного центра Кремля. В 1339 г. построены стены и башни из дуба. При Дмитрии Донском были возведены белокаменные стены, окончательно закрепившие значение Кремля как центра города. Во второй половине XV в., когда Москва стала политическим и культурным центром русских земель, Кремль был перестроен с участием итальянских зодчих. Центром его стала Соборная площадь с построенным Аристотелем Фьораванти Успенским собором. В 1485—1495 гг. вокруг Кремля были построены (с учетом традиций русского оборонного зодчества и достижений западноевропейской фортификации) ныне существующие стены и башни. С 90-х гг. XV в. указом Ивана III Кремль

был отделен от города зоной, свободной от застройки. В конце XV — начале XVI в. возведены Благовещенский, Успенский, Архангельский соборы, столп-колокольня «Иван Великий», ставший после надстройки в 1600 г. самым высоким сооружением столицы. Интенсивное строительство в Москве проводилось в XVII в. В середине 1620-х гг. воздвигнута Филаретова звонница, в 1624—1625 гг. над Спасской башней сооружен каменный шатер и установлены новые городские часы, в 1635—1636 гг. построены Теремной дворец и дворцовые церкви, в 1651—1652 гг. — Потешный дворец. В 1642—1656 гг. — Патриаршие палаты и собор Двенадцати апостолов. С возведением над всеми (кроме Никольской) башнями шатровых завершений (1680-е гг.) Кремль превратился в один из лучших средневековых русских архитектурных ансамблей.

³ Опричный двор (между современными проспектами Маркса и Калинина, улицами Герцена и Грановского) построен в 1565 — 1567 гг. Занимал четырехугольную площадь и был окружен стеной с тремя воротами. Внутри стояли два дворцовых здания, соединенных крытым переходом. В 1571 г. во время набега на Москву крымского хана Девлет-Гирея был сожжен, а спустя четыре года отстроен заново. Впоследствии подвергался многочисленным перестройкам. Границы территории Опричного двора были уточнены при археологических раскопках на трассе строительства метро в 1934 г.

⁴ Пушечный двор находился на левом берегу реки Неглинной между современными проспектом Маркса и улицами Жданова, Пушечной и Неглинной. Был центром литейного производства Русского государства в XV—XVII вв. Возник в начале XV столетия. Здесь в 1586 г. Андрей Чохов отлил Царь-пушку. С конца XVIII в. стал хранилищем оружия. В 1802 г. передан в кремлевский Арсенал.

⁵ Котлы, Верхние и Нижние, — местность на юге Москвы, на правом берегу реки Москвы (в районе платформы Нижние Котлы Павелецкого направления Московской железной дороги). Названы по имени бывших тут деревень. С конца XIV в. — село Котел. В 1606 г. в районе Котлов произошел бой между царскими войсками и отрядами И. И. Болотникова, окончившийся поражением восставших. С середины XIX в. Котлы — дачная местность. В 1892—1904 гг. в Верхних Котлах жил художник В. В. Верещагин. С 30-х гг. Котлы — в черте Москвы, с 1966 г. это район массовой жилой застройки.

⁶ Данилов монастырь находится в южной части Москвы, на правом берегу реки Москвы, на углу Дубининской улицы и Даниловского вала. Основан в 1282 г. князем Даниилом Александровичем. Монастырь составлял первое звено в южном оборонительном поясе старой

Москвы. Играл важную роль в обороне города от набегов татар, особенно в отражении набега 1591 г. войск крымского хана Казы-Гирея. В 1606 г. близ Данилова монастыря произошло сражение крестьянских войск И. И. Болотникова с армией царя В. И. Шуйского, закончившееся поражением восставших. В конце XVII в. монастырь обнесен кирпичной стеной с семью башнями и надвратной церковью над северными воротами. Архитектурные памятники: собор Семи вселенских соборов с церковью Даниила Столпника (XVI—XVIII вв.), церковь Троицы (1838 г.). Ансамбль реставрируется. От Данилова монастыря получили название Даниловская площадь и набережная, улица Даниловский вал, 4—7-й Даниловские проезды и тупик.

⁷ Чудов монастырь (Алексеевский, Архангело-Михайловский) основан в 1365 г. в Кремле митрополитом Алексеем, инициатором строительства первых белокаменных стен Кремля. Назван от церкви Чуда архистратига Михаила. В 1744—1833 гг. здесь находилась Московская духовная консистория. Постройки Чудова, так же как и соседнего Вознесенского монастыря, разобраны в 30-х гг., на их месте возведено здание школы красных командиров им. ВЦИК (ныне здание Президиума Верховного Совета СССР, архитектор И. Рерберг).

⁸ Грановитая палата в Кремле — памятник архитектуры, одно из древнейших гражданских зданий Москвы. Построена в 1487—1491 гг. (итальянские архитекторы Марк Фрязин и Пьетро Антонио Солари). Названа по восточному фасаду, отделанному граненым каменным рустом. Собственно Грановитая палата — зал на втором этаже, перекрытый крестовыми сводами, опирающимися на центральный столб. В нем проходили собрания Боярской думы, заседания земских соборов. Праздновались покорение Казани (1552 г.), победа под Полтавой и т. д. Здесь на Земском соборе 1653 г. было принято решение о воссоединении Украины с Россией. Уникальный памятник истории и архитектуры входит в комплекс Большого Кремлевского дворца.

⁹ Замоскворечье (в XIV—XVI вв. — Заречье) — исторический район в излучине реки Москвы, на ее правом, низком берегу против древнейшего центра города. До XVIII в. Замоскворечье занимало территорию в пределах современного Садового кольца, затем включило территорию до Камер-Коллежского вала. Заселению Замоскворечья в XIV—XVI вв. мешали набеги монголо-татар. Интенсивная застройка началась после сооружения укрепленных монастырей на восточных, юго-восточных и южных окраинах Москвы. В XVI—XVII вв. эта территория сплошь была занята слободами, среди

которых выделялись Кадашевская слобода с Хамовным двором и Овчинная слобода. Южнее находились стрелецкие слободы и Казачья слобода. В XVIII в. Замоскворечье заселяется главным образом купцами. Район сильно пострадал от пожара 1812 г. С середины XIX в. становится одним из промышленных центров Москвы.

¹⁰ Андроников монастырь (Спасо-Андроников, Андроников Спаса Нерукотворного). Основан около 1360 г. как форпост на юго-восточных подступах к Москве для защиты от монголо-татар. Расположен к востоку от Садового кольца, на левом берегу реки Яузы (пл. Прямикова, 10). Назван по имени первого игумена, ученика Сергия Радонежского — Андроника. В XIV—XVII вв. — один из центров переписки книг. Здесь провел последние годы жизни и был похоронен знаменитый художник Андрей Рублев. В XVII—XVIII вв. монастырь обнесен кирпичной стеной с башнями (частично разобраны в XIX в., восстановлены в 1960 г.). Архитектурные памятники: белокаменный Спасский собор (1420—1427 гг.) — одно из древнейших каменных сооружений Москвы (в интерьере фрагменты фресок Андрея Рублева и Даниила Черного), трапезная (1504 г.) с церковью Михаила Архангела, настоятельский и братский корпуса (XVII—XVIII вв.). В 1947 г. объявлен заповедником. С 1960 г. в нем помещается Музей древнерусского искусства и Всесоюзный научный производственно-реставрационный комбинат. Возле стен установлен памятник А. Рублеву.

¹¹ Улица Арбат протянулась от Арбатской площади до Смоленской площади, к западу от Кремля. Названа от арабского слова «рабад» — пригород, предместье. Возникла в XIV—XV вв. в местности Арбат. С XV—XVI вв. по улице проходила дорога на Смоленск. С XVI в. здесь жили дворцовые ремесленники, стрельцы и др. Со второй половины XVIII в. — одна из аристократических улиц Москвы. Во время пожара 1812 г. полностью выгорела. Позднее здесь было выстроено много домов в стиле ампир, в том числе дом (№ 53), где находилась единственная в Москве квартира А. С. Пушкина. В конце XIX — начале XX в. на Арбате были возведены доходные многоэтажные дома. С 1973 г. — заповедная зона, в которой запрещено движение городского транспорта.

¹² Новодевичий монастырь (в честь богородицы Смоленской) расположен в излучине реки Москвы, в Лужниках, на юго-западе Москвы. Основан в 1524 г. великим князем Василием III Ивановичем в честь взятия Смоленска. Находился близ дороги в Смоленск и Литву, являлся важным звеном южного оборонительного пояса Москвы, который образовывали монастыри Донской, Данилов, Симонов и др.

Территория монастыря в конце XVII в. окружена кирпичной стеной с 12 башнями: Преображенской (северной, 1687—1688 гг.) и Покровской (южной, 1683—1688 гг.), надвратными церквами в нарышкинском стиле. Архитектурные памятники: собор Смоленской богородицы (1524—1525 гг., фрески XVI—XVII вв., резной деревянный иконостас 1683—1685 гг. с иконами С. Ф. Ушакова и др.), палаты царицы Ирины с церковью св. Амвросия (XVI—XVII вв.), трапезная с церковью Успения (1685—1687 гг.), кельи и стрелецкие караульни. С 1922 г. — музей, с 1934 г. — филиал Исторического музея. За южной стеной расположено Новодевичье кладбище.

¹³ Никольская башня Кремля — проездная, на восточной стене, выходящая на Красную площадь близ нынешнего Исторического музея. Построена в 1491 г. итальянским архитектором Пьетро Антонио Солари. Квадратная в плане, имела три боевых яруса, верхнюю площадку и отводную стрельницу. По бокам отводной стрельницы — каменные бастионы (срыты в начале XIX в.). Увенчана шатром в конце XVIII в., в 1806 г. перестроена по проекту архитектора К. И. Росси в готическом стиле. В 1812 г. взорвана отступавшими французами, восстановлена в 1816 г. по проекту архитектора О. И. Бове. Башня сильно пострадала от артиллерийского огня в дни октябрьских боев 1917 г. и была восстановлена по личному указанию В. И. Ленина. В 1935 г. на башне установлена звезда.

¹⁴ Поклонная гора расположена в междуречье Сетуни и Фильки, на западе Москвы, в конце нынешнего Кутузовского проспекта. 2 сентября 1812 г. Наполеон тщетно ждал здесь депутацию «бояр» с ключами от Кремля. В память о событиях 1812 г. близ Поклонной горы открыта панорама «Бородинская битва». На площади Победы в 1968 г. восстановлена Триумфальная арка. В честь подвигов советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. на Поклонной горе создан парк Победы.

¹⁵ Крымский двор (подворье) — место, где останавливались во время приездов в Москву послы крымского хана.

¹⁶ Издавна на Москве-реке создавались в местах переправ так называемые живые мосты из понтонов и лодок, которые разводились для обеспечения судоходства по Москве-реке.

¹⁷ Климента, папы римского, церковь — памятник архитектуры в Замоскворечье. На основе разрушенной церкви в 1754—1774 гг. построено новое здание.

¹⁸ Лужники — местность на юго-западе Москвы, в излучине реки

Москвы, на ее левом берегу, напротив Ленинских гор. До начала XX в. значительная часть территории — заливные луга (отсюда название). В XV в. известно село Лужники. В начале XVI в. в его северной части основан Новодевичий монастырь. В конце XVII в. на Девичьем поле находилась слобода Конюшенного двора. В середине XVIII в. через район прошел Камер-Коллежский вал с Лужнецкой заставой. В XIX в. большая часть земель принадлежала купцам и сдавалась под огороды и застройку. В начале XX в. через Лужники проложена окружная железная дорога, территория занята складами и огородами. К 1956 г. территория благоустроена, завершено сооружение Центрального стадиона им. Ленина. Название сохранилось в наименовании Лужнецкой набережной, путепровода и проезда.

¹⁹ Коломенская слобода — по названию местности в южной части Москвы, на правом, высоком берегу реки Москвы. В XVIII в. для обработки царских садов близ Коломенского устроены Штатная и Садовая слободы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Борьба со степными ордами	7
<i>Глава 1</i>	
На поле Куликовом	8
<i>Глава 2</i>	
Падение татарского ига	27
<i>Глава 3</i>	
Разгром Крымской орды	43
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Москва в 1612 году	53
<i>Глава 1</i>	
Начало трагедии	57
<i>Глава 2</i>	
Москва и Тушино	75
<i>Глава 3</i>	
Иноземное вторжение	80
<i>Глава 4</i>	
Превратности войны	89
<i>Глава 5</i>	
Боярские правители	104
<i>Глава 6</i>	
Под пятой иноземных завоевателей	122
<i>Глава 7</i>	
«Московское разорение»	141
<i>Глава 8</i>	
Над пропастью	159

<i>Глава 9</i>	
Многовластие	180
<i>Глава 10</i>	
Противоборство	198
<i>Глава 11</i>	
«Псковский вор»	206
<i>Глава 12</i>	
Кузьма Минин	213
<i>Глава 13</i>	
Остановка в Ярославле	231
<i>Глава 14</i>	
Шведская угроза	246
<i>Глава 15</i>	
Народная война	254
<i>Глава 16</i>	
Земские междоусобия	261
<i>Глава 17</i>	
Разгром королевской армии	272
<i>Глава 18</i>	
Освобождение Москвы	285
<i>Глава 19</i>	
После победы	300
<i>Эпилог</i>	326
<i>Примечания</i>	328